

Уильям Фолкнер Сарторис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Старик Фолз, как всегда, привел с собой в комнату Джона Сарториса; он прошагал три мили от окружной богадельни и, словно легкое дуновение, словно чистый запах пыли от своего выцветшего комбинезона, внес дух покойного в эту комнату, где сидел сын покойного и где они оба, банкир и нищий, проведут полчаса в обществе того, кто преступил пределы жизни, а потом возвратился назад.

Освобожденный от времени и плоти, он был, однако, гораздо более осязаем, чем оба эти старика, каждый из которых попеременно пытался пробить криком глухоту своего собеседника, между тем как в комнате рядом совершались финансовые операции, а в лавках по обе стороны банка люди прислушивались через стены к нечленораздельному гулу их голосов. Он был гораздо более осязаем, чем оба старика, которых их общая глухота вмуровала в мертвую эру, а неторопливое течение убывающих дней сделало почти бесплотными; даже сейчас, хотя старик Фолз уже опять поплелся пешком за три мили в то место, которое он теперь называл своим домом, Джон Сарторис, бородатый, с ястребиным профилем, все еще оставался в комнате, как бы витая над сыном; и оттого старому Баярду, который, держа в руке трубку, сидел, уперев скрещенные ноги в угол холодной каминной решетки, казалось, будто он слышит даже самое дыхание отца, словно тот, неизмеримо более осязаемый, чем простая брэнная плоть, сумел проникнуть в неприступную крепость молчания, где жил его сын.

Головка трубки, украшенная затейливой резьбой, обуглилась от долгого употребления, и следы зубов его отца ясно проступали на черенке, где он, словно на твердом камне, оставил отпечаток своих нетленных костей, подобно существам доисторических времен, которые были задуманы и созданы такими исполинами, что не могли ни очень долго существовать, ни, умерев, бесследно исчезнуть с планеты, созданной и приспособленной для тварей более ничтожных. Старый Баярд сидел с трубкой в руке.

– Зачем же ты принес мне ее через столько лет? – спросил он тогда.

– Я хранил ее у себя, сколько мне полковник наказывал, – отвечал старик Фолз. – Богадельня неподходящее место для его вещей, Баярд. А мне ведь уже девяносто четвертый пошел.

Некоторое время спустя он собрал свои узелки и отправился восвояси, но старый Баярд все еще продолжал сидеть и, держа в руке трубку, тихонько поглаживал ее большим пальцем. Вскоре Джон Сарторис тоже ушел или, вернее, удалился туда, где умиротворенные покойники созерцают блистательное крушение своих надежд, и тогда старый Баярд встал, положил трубку в карман и взял сигару из ящичка на каминной полке. Когда он чиркнул спичкой, открылась дверь, и человек с зеленым козырьком над глазами вошел в комнату и направился к нему.

– Саймон здесь, полковник, – произнес он голосом, лишенным всякого выражения.

– Что? – спросил Баярд поверх спички.

– Саймон приехал.

– А! Хорошо.

Человек повернулся и вышел. Старый Баярд бросил спичку в камин, сунул сигару в карман, запер конторку, взял лежавшую на ней черную фетровую шляпу и двинулся вслед за ним из комнаты. Человек с козырьком и кассир работали за барьером. Старый Баярд

проследовал через вестибюль, отворил дверь, завешенную зелеными жалюзи, и появился па улице, где Саймон, в полотняном пыльнике и допотопном цилиндре, держал под уздцы пару мерингов, блестящих в лучах весеннего солнца. На обочине стояла коновязь – старый Баярд, брезгливо отмахивавшийся от технического прогресса, не разрешил ее срыть, – но Саймон никогда ею не пользовался. До тех пор, покуда дверь не открывалась и из-за опущенных жалюзи с потрескавшейся золотой надписью «Банк закрыт» не появлялся Баярд, Саймон сидел на козлах, держа в левой руке вожжи, а в правой сложенный кнут; посередине его черной физиономии лихо торчала под немыслимым углом неизменная и явно несгораемая сигара, и он монотонно вел бесконечный любовный разговор с начищенной до блеска упряжкой. Саймон баловал лошадой. Перед Сарторисами он преклонялся, он питал к ним теплую, покровительственную нежность, но лошадей он любил, и, попав к нему в руки, самая жалкая заезженная кляча расцветала и делалась красивой, как окруженная поклонением женщина, и капризной, как опереточная дива.

Старый Баярд затворил за собою дверь и пошел к коляске, держась неестественно прямо – один местный житель однажды заметил, что, случись Баярду споткнуться, он так столбом и рухнет. Несколько прохожих и два или три торговца, стоявшие в дверях соседних лавок, приветствовали его с выпревшим подобострастием.

Но даже и теперь Саймон не слез с козел. С присущей его расе склонностью к театральным эффектам он подтянулся, расправил измятые складки пыльника, каким-то способом сообщил лошадам о наступлении кульминационного момента драмы, так что они тоже подобрались, вскинули головы, и по их лоснящимся бокам пробежала дрожь, а когда он кнутовищем прикоснулся к шляпе, на его морщинистой черной физиономии изобразилось неопишное величие. Баярд влез в коляску, Саймон прикрикнул на лошадей, и зрители, восхищенно наблюдавшие эффектную сцену отъезда, остались позади.

Что-то необычное было сегодня в Саймоне, даже в форме его спины и в том, как сидела шляпа у него на голове; казалось, он вот-вот лопнет от какой-то важной, с трудом скрываемой новости. Однако до поры до времени он хранил ее про себя; стремительной, но ровной рысью он объехал стоявшие на площади фургоны и свернул в широкую улицу, где люди, которых Баярд называл нищими, носились взад-вперед в своих автомобилях; он хранил ее про себя, покуда они не выбрались за город и не поскакали по опущенным первой зеленью окрестностям, где тоже – хотя и не так часто – попадались моторизованные нищие, и покуда хозяин его не расположился поудобнее в предвкушении изменчивых и мирных впечатлений однообразного четырехмильного пути. Тогда Саймон пустил лошадей более спокойной рысью и повернул голову.

Голос у него был не слишком громкий и не слишком звучный, но он ухитрялся без труда объясняться со старым Баярдом. Другим приходилось кричать, чтобы пробить стены глухоты, в которых жил Баярд, Саймон же своим монотонным, певучим фальцетом вполне мог вести – и постоянно вел с ним долгие бессвязные разговоры, особенно в коляске, где благодаря вибрации Баярд слышал немного лучше.

– Мистер Баярд приехал, – небрежным тоном заметил Саймон.

Старый Баярд на мгновение застыл, в неподвижной ярости проклиная внука, между тем как сердце его продолжало биться – разве только чуть быстрее и легче обыкновенного) он сидел при этом так тихо, что Саймон обернулся и увидел, что он спокойно озирает окрестности. Саймон немного повысил голос.

– На двухчасовом прикатил, – продолжал он. – Спрыгнул не на ту сторону и прямо в лес. Путь обходчик сам видел. Когда я из дому выезжал, его еще не было. Я подумал, может, он к вам явился.

Пыль взлетала из-под копыт и облачком лениво кружилась позади. По густеющей живой изгороди затухающими волнами проносилась их тень – мелькали спицы колес, высоко задирали ноги лошади, – казалось, будто они в тщетной иллюзии движения безнадежно топчутся на месте.

– Не хотел даже на станции сойти, – с досадой продолжал Саймон. – А ведь эту станцию

его же родичи построили. Соскочил на другую сторону, как бродяга. Даже не в военной форме, а в штатском – разъездной торговец, да и только. Как вспомню я подпрыгу со шлеей, блестящие сапоги да желтые штаны, в каких он прошлый год домой приехал... – Он снова обернулся и поглядел на Баярда. – Как по-вашему, полковник, может, это иностранцы его сглазили?

– К чему ты клонишь? Он что, охромел, что ли? – спросил Баярд.

– А к тому, что он, словно жулик, в свой родной город тайком пробирается. Тайком по той самой железной дороге, что его родной дедушка строил. Не иначе как иностранцы эти его сглазили, а может, еще и полицию на него напустили. Ведь говорил я ему, когда он первый раз на ту заморскую войну поехал, говорил я, что им с мистером Джонни делать там нечего...

– Погоняй! – крикнул Баярд. – Погоняй, чтоб ты лопнул, черная рожа!

Саймон цокнул, и лошади побежали быстрее. На живых изгородях вдоль дороги, повторяя все их движения, жутко отплясывали тени. За придорожными ниссами, белыми акациями и густыми лианами вплоть до свежей зелени лесов с вкрапленными кое-где пятнами кизила и багряника простиралась поля – некоторые были уже вспаханы, на других еще только шла работа, и вывернутые трудолюбивым плугом жирные пласты влажно блестели на солнце.

Местность здесь была возвышенная, покатые склоны уходили вдаль к сплошной полосе голубых холмов, но вскоре дорога круто спустилась в долину, где добрые широкие поля сладко спали в тихий предвечерний час, и вот они уже вступили на земли Баярда, и пахари то и дело поднимали руку, приветствуя проезжавшую коляску. Потом дорога подошла вплотную к железнодорожной линии, пересекла ее, и наконец среди дубов и белых акаций показался дом, построенный Джоном Сарторисом, и Саймон въехал в железные ворота и покатил по плавному изгибу аллеи.

На том месте, где много лет назад однажды остановился патруль янки, была разбита клумба с шалфеем. Саймон лихо подкатил к клумбе, Баярд слез, и Саймон, снова цокнув на лошадей и передвинув сигару так, что она уже не торчала под прежним головокружительным углом, поехал обратно в город, Баярд немного постоял перед своим домом. Простое белое здание мирно дремало среди освещенных солнцем вековых деревьев. Глициния, обвинявшая одну сторону веранды, отцвела и осыпалась, и бледные лепестки воздушной пеленою укутали ее темные корни и корни розы, которая вилась по той же раме. Роза медленно, но неуклонно глушила свою соседку. Она была густо усыпана мелкими, с ноготь, бутонами и бесчисленным множеством распутившихся цветков величиной с серебряный доллар – лишённые запаха, они росли на таких коротких стебельках, что их невозможно было сорвать. Но сам дом был тих и безмятежно спокоен, и старый Баярд поднялся на пустую, украшенную колоннами веранду и прошел через нее в прихожую. Глубокое молчание не нарушалось ни шорохом, ни звуком. Он остановился посреди прихожей.

– Баярд!

Лестница с белыми балясинами перил, устланная красным ковром, изящной дугою поднималась во мглу. С потолка свисала старинная люстра с гранеными хрустальными подвесками и колпачками над подсвечниками, к которым потом подвели электричество. Справа от входа, возле раздвижной двери, открытой в полутемную комнату, известную под названием гостиной, в которой царил лишь изредка нарушаемая атмосфера торжественного величия, стояло высокое зеркало, полное мрачной тьмы, как тихие воды в вечернем омуте. Длинный косой столб солнечного света расчертил квадратами дверь в дальнем конце прихожей, а за этим световым барьером поднимался и затихал в монотонном миноре чей-то голос. Слов было не разобрать, но Баярд их и не слышал. Он снова громко произнес:

– Дженни!

Пение смолкло, и когда он повернулся к лестнице, высокая мулатка появилась в косых лучах солнца у задней двери и, с шумом шлепая босыми ногами, вошла в дом. Ее выцветшее синее платье, все в темных подтеках, было подобрано до колен и открывало икры, стройные и прямые, словно ноги какой-то высокой птицы, а ступни казались бледными пятнами кофе на полированном темном полу.

– Вы кого-нибудь звали, полковник? – спросила она, повышая голос, чтобы проникнуть

сквозь его глухоту.

Баярд помедлил, опершись рукой об ореховый столбик перил и глядя сверху вниз на миловидное желтое лицо.

– Был тут сегодня кто-нибудь? – спросил он.

– Да кто же, сэр, – отвечала Элнора. – Никого тут нету. Мисс Дженни поехала в город на собрание своего клуба.

Баярд стоял, подняв одну ногу на ступеньку, и сердито на нее смотрел.

– И какого черта вы, черномазые, никогда мне правды не скажете? – внезапно рассвирепел он. – А то и вовсе ничего не говорите.

– Господи Боже, полковник, разве сюда кто приедет, если вы с мисс Дженни сами не позовете?

Но он уже шел наверх, яростно топая ногами по ступенькам. Женщина посмотрела ему вслед и снова повысила голос:

– Может, вам Айсома прислать, может, вам еще что надо?

Он не обернулся. Возможно, он ее не слышал, и она стояла и смотрела, пока он не скрылся из виду.

– Старееет, – спокойно сказала она сама себе и, громко шлепая босыми ногами, двинулась через прихожую туда, откуда вышла.

На площадке верхнего этажа Баярд снова остановился. Выходившие на запад окна были закрыты решетчатыми ставнями, сквозь которые тонкими расплывающимися полосками пробивался солнечный свет, отчего окружающий сумрак сгущался еще сильнее. Высокая дверь на противоположной стороне вела на неширокий, обнесенный перилами балкон, откуда открывалась панорама долины и полукружье холмов на востоке. По обе стороны этой двери были узкие оконца с разноцветными стеклами в свинцовых рамах – мать Джона Сарториса, умирая, завещала ему эти стекла вместе с его младшей сестрой, и та в 1869 году привезла их из Каролины в корзинке с соломой.

Это была Вирджиния Дю Пре; она приехала к ним тридцатилетней – после двух лет замужества она уже семь лет вдовела – стройная женщина с изящным вариантом сарторисовского носа и с тем выражением неодолимой смертельной усталости, которое усвоили себе все южанки; она приехала в чем была, взяв с собой лишь плетеную корзинку с цветным стеклом. Это она рассказала им о том, как еще до второй битвы при Манассасе¹ погиб Баярд Сарторис. С тех пор она рассказывала эту историю много раз (в восемьдесят лет она все еще продолжала ее рассказывать, причем, как правило, в самых неподходящих случаях), и, по мере того как она становилась старше, история эта становилась все красочней, приобретая благородный аромат старого вина, пока наконец безрассудная выходка двух обезумевших от собственной молодости мальчишек не превратилась в некий славный, трагически возвышенный подвиг двух ангелов, которые своей геройской гибелью вырвали из миазматических болот духовного ничтожества род человеческий, изменив весь ход его истории и очистив души людей.

Этот Каролинский Баярд был сущим наказанием даже для Сарторисов. Не то чтобы выродок, скорее просто шалопай, хотя и с добрыми задатками, но в любую минуту способный на самое неожиданное сумасбродство. У него были веселые голубые глаза; длинные волосы рыжеватыми кольцами обрамляли виски, а на румяной физиономии запечатлелось выражение откровенной и мужественной скуки – таким, вероятно, было лицо Ричарда Первого накануне крестового похода.² Однажды он со сворой гончих промчался по поляне, где происходило

¹ ...до второй битвы при Манассасе... – Близ городка Манассас в Северо-Восточной Виргинии войска южной Конфедерации дважды нанесли поражение федеральной армии (21 июля 1861 г. и 29-30 августа 1862 г.).

² ...Ричарда Первого накануне крестового похода. – Король Англии Ричард Первый Львиное Сердце (1157-1199; царств. с 1189), прославившийся своими ратными подвигами, возглавил третий крестовый поход в Палестину (1190-1193).

методистское богослужение³, а через полчаса (затравив лисицу) вернулся туда один и въехал верхом в самую гущу негодующих прихожан. Из чистого озорства – как ясно видно по всем его поступкам, он слишком твердо верил в провидение, чтобы иметь какие-либо религиозные взгляды. Вот почему, когда пал форт Моултри⁴ и губернатор отказался его сдать, Сарторисы втайне даже немножко обрадовались, надеясь, что теперь Баярд окажется при деле.

В Виргинии он, как адъютант Джеба Стюарта⁵, и впрямь оказался при деле. Пожалуй, именно как адъютант, ибо хотя вокруг Стюарта собралась большая военная семья, все члены ее были солдатами, которые старались выиграть войну, но тем не менее иногда хотели выспаться, и один только Баярд Сарторис был готов и даже просто мечтал отложить сон до тех времен, когда на землю вернется привычное однообразие. А пока – сплошной праздник.

Для Джеба Стюарта война тоже была даром свыше, и вскоре на тусклом кровавом фоне боев в Северной Виргинии взошли как две пылающих звезды тридцатилетний Стюарт и двадцатитрехлетний Баярд Сарторис, увенчанные пышным лавром Славы, миртом и розами Смерти; нежданном стремительным метеором пронесшись по тревожному военному небосводу генерала Поупа⁶, они навязали ему – подобно насильно напяленной одежде – такую известность, какой никогда не принесла бы ему воинская доблесть. И опять-таки из чистого озорства – ни Джеб Стюарт, ни Баярд Сарторис, как ясно видно по их поступкам, не имели решительно никаких политических убеждений.

Первый раз тетя Дженни рассказала эту историю вскоре после своего приезда. Было рождество, и все сидели в заново перестроенной библиотеке перед камином, где горели поленья гикори, – тетя Дженни с ее обычным выражением печальной решимости на лице; Джон Сарторис, бородатый, с ястребиным профилем; трое его детей и гость – инженер-шотландец. Джон Сарторис познакомился с ним в 45 году в Мексике, и теперь тот помогал ему строить железную дорогу.

Дорожные работы были прерваны на время праздников, и Джон Сарторис со своим инженером, в сумерках спустившись с холмов, где находился временный конечный пункт строящейся линии, поскакали верхом на север и теперь, отужинав, сидели, озаренные огнем камина. Солнце уже зашло; в багровых отблесках заката морозный воздух был хрупким, как тонкое стекло, и вскоре появился Джоби с охапкой дров. Он подбросил в огонь свежее полено, и языки пламени, щелкая и треща в сухом воздухе, поползли по потускневшим головешкам к краям камина.

– Рождество! – воскликнул Джоби с простодушной и торжественной веселостью,

³ *...методистское богослужение...* – Имеется в виду крупная протестантская церковь методистов, которая возникла из секты, основанной в XVIIIв. английским священником Джоном Уэсли (1703-1791). Подавляющее большинство как белого, так и негритянского населения на американском Юге, который называют «библейским поясом» США, составляют протестанты, принадлежащие к различным церквам и сектам; в штате Миссисипи наибольшим влиянием пользуются методистская и баптистская церкви; имеются также пресвитерианские общины.

⁴ *...когда пал форт Моултри...* – то есть когда в Америке началась Гражданская война. После выхода южных штатов из состава США и образования Конфедерации (8 февраля 1861 г.), небольшие гарнизоны федеральной армии, расквартированные на Юге, были вынуждены сдать власть. Единственное исключение составил гарнизон форта Моултри в бухте города Чарльстона (Южная Каролина), который, перейдя в соседний форт Самтер, попытался оказать сопротивление конфедератам. Захват Самтера послужил формальным основанием для начала военных действий (12 апреля 1861 г.).

⁵ *Джеб Стюарт* (полное имя: Джеймс Эвел Браун Стюарт; 1833-1864) – генерал армии южан-конфедератов, считавшийся «первым кавалером Юга». Командовал кавалерийскими разведывательными отрядами, совершавшими стремительные рейды в тылы противника.

⁶ *Поуп Джон* (1822-1892) – генерал федеральной армии. В 1862 г. командовал армией северян на территории Виргинии, где потерпел несколько поражений.

свойственной его расе; взяв стоявший в углу возле камина ствол трофейного ружья, он принялся помешивать им пылающие поленья и мешал до тех пор, пока искры озорным золотистым вихрем не взмыли в темное жерло дымохода. – Рождество! Слышите, детки?

Старшей дочери Джона Сарториса исполнилось двадцать два, и в июне она выходила замуж; Баярду было двадцать, младшей девочке – семнадцать, а тетя Дженни, хоть и вдова, для Джоби тоже была ребенком. Водворив ствол ружья на место, он запалил в камине длинную сосновую лучину, чтобы зажечь свечи. Но тетя Дженни остановила его, и он ушел, с трудом волоча ноги – сгорбленный седой старец в поношенном военном мундире, который висел на нем как на вешалке, и тетя Дженни, как всегда называя Джеба Стюарта мистер Стюарт, рассказала свою историю.

Речь шла об одном апрельском вечере и о кофе или, вернее, об отсутствии оногo. Военная семья Стюарта, сидя в ароматной тьме под молодым месяцем, вела беседу о женщинах, об ушедших в небытие развлечениях и вспоминала о родном доме. В стороне с беспокойным ржаньем топтались невидимые во мраке лошади, догорали, мерцая светлячками, бивуачные костры, и где-то неподалеку тихонько тренькал на гитаре генеральский денщик. Так они сидели, объятые щемящей горечью весны и древним как мир томлением юности, и, забыв про труды и славу, вспоминали другие виргинские вечера – звуки скрипок, мириады свечей, легкие ножки в стройном ритме танца, беззаботный легкий смех – и думали: «Когда ж это будет опять?» – или: «Доведется ли мне побывать там еще?», покуда сами они погрузились в состояние жесточайшей ностальгии, а их речи стали звучать все более коротко и отрывисто. И тогда генерал встрепенулся и возвратил их к действительности, заговорив о кофе, или об отсутствии оногo.

Этот разговор о кофе вскоре завершился скачкой по ночным дорогам и дальше по черным как смоль лесам, где лошади шли шагом, а всадники, вытянув вперед руки, держали перед собой ружье или саблю, чтобы невидимые ветви не сбросили их с седла; разговор продолжался до той поры, когда деревья встали как призраки в предрассветном тумане, и отряд из двадцати всадников очутился далеко в тылу федеральных частей. Вскоре рассвет окончательно вступил в свои права, и они, отказавшись от всякой маскировки, снова поскакали галопом, прорываясь мимо изумленных сторожевых разъездов, мирно возвращавшихся в лагерь, и команд с лопатами и кирками, выходявших на работу в золотистых лучах восходящего солнца, и наконец взлетели на вершину холма, где генерал Поуп со своим штабом сидел за завтраком *al fresco* ⁷.

Двое всадников взяли в плен тучного штабного майора. Несколько человек бросились в погоню за его удиравшими сотрапезниками и вскоре загнали их в лесную чащу, а остальные вихрем ворвались в палатку, где хранился генеральский провиант, и, опустошив ее, выскочили оттуда, нагруженные богатой добычей. Стюарт и сопровождавшие его три всадника осадил своих гарцующих коней перед самым столом; один из них, схватив огромный закоптелый кофейник, подал его генералу, и, пока янки с криком метались среди деревьев, беспорядочно стреляя из ружей, они, словно заздравную чашу, принялись с тостами передавать друг другу обжигающий кофе без сахара и сливок.

– Здоровье генерала Поупа, сэр, – сказал Стюарт, поклонился, отхлебнул из кофейника и протянул его пленному офицеру.

– Охотно выпью за него, – отвечал майор. – Благодарение Богу, что его здесь нет и он не может ответить вам лично.

– Я заметил, что он поспешил удалиться, – сказал Стюарт. – Вероятно, у него назначено свидание?

– Да, сэр. С генералом Гэллеком⁸, – сухо подтвердил майор. – Я весьма сожалею, что

⁷ на открытом воздухе (ит.).

⁸ *Гэллек Генри Уэйджер* (1815-1872) – генерал, главнокомандующий федеральными вооруженными силами с июля 1862 по март 1864 г. Герой Фолкнера намекает на враждебные отношения, сложившиеся между ним и

нашим противником является он, а не генерал Ли⁹.

– Я тоже, сэра, – ответил Стюарт. – Я весьма высокого мнения о воинской доблести генерала Поупа.

Пронзительные звуки горнов, поднимая по тревоге укрытые в лесу ближние и дальние бригады, громким эхом отдавались среди деревьев; бешеная дробь барабанов призывала к оружию; беспорядочно палили ружья, и треск выстрелов волнами катился к отдаленным аванпостам, как сухое пощелкивание раскрываемого веера, ибо имя Стюарта, торопясь от пикета к пикету, населило цветущие мирные леса сонмами серых призраков.

Стюарт повернулся в седле, его люди подъехали и, не спешиваясь, следили за ним настороженным взглядом, между тем как на их исхудавших энергичных лицах, словно в зеркале, отражалось пламя, вечно сведавшее их командира. Внезапно с фланга грянул дружный залп, и пули, злобно треща и щелкая в пронизанной солнцем листве над их головами, выбили кофейник из рук Баярда Сарториса.

– Не угодно ли вам сесть в седло? – сказал Стюарт пленному майору, и хотя речь его была изысканно учтивая, в ней не осталось ни капли прежнего легкомыслия. – Капитан Уайли, у вас самая сильная лошадь, так не откажите...

Капитан вынул ногу из стремени и втащил пленника на лошадь позади себя.

– Вперед! – скомандовал генерал, пришпоривая своего гнедого, и весь отряд, как огромный кентавр, дружно скатился с холма, и, прежде чем залп успел повториться, всадники с грохотом ворвались в лес в том самом месте, откуда доносилась пальба. Синие призраки кинулись врассыпную прямо из-под копыт их коней, и они помчались среди деревьев, окруженные осиным роем пуль из ружей Минье. Стюарт теперь держал в руке свою шляпу с плюмажем, и рыжие кудри, развеваясь в такт бешеной скачке, полыхали сведавшим его пламенем буйной отваги.

Сзади и с фланга по их мелькающим теням все еще, хлопая, били ружья, и ликующий весенний лес оглашался пронзительным горном, неустанно славшим сигналы тревоги из одной бригады в другую. Стюарт постепенно забирал влево, оставляя весь этот шум позади. Лес начал редеть, и всадники, построившись в колонну, перешли на галоп. Пленный майор подпрыгивал и трясся за спиной капитана Уайли, и генерал, осадив свою лошадь, поехал рядом с несшим двойное бремя благородным конем.

– Я весьма сожалею, что вынужден причинять вам такие неудобства, сэра, – с изысканной любезностью заговорил Стюарт. – Но если вы хотя бы в общих чертах укажете нам место расположения вашей ближайшей заставы, я с удовольствием захвачу для вас верховую лошадь.

– Премного вам благодарен, генерал, – ответил майор. – Однако заменить майоров много легче, нежели лошадей. Я не хотел бы вас затруднять.

– Как вам угодно, сэра, – холодно согласился Стюарт. Он пришпорил гнедого и снова занял свое место во главе колонны.

Теперь они скакали по еле заметной тропинке, которая когда-то была дорогой. Она вилась среди цветущих зарослей кустарника, и, продвигаясь быстрым, но ровным аллюром, отряд внезапно выскочил на прогалину и наткнулся на кавалерийский эскадрон янки, который в изумлении отпрянул, но тотчас же снова понесся вперед.

Стюарт не моргнув глазом молниеносно повернул свой отряд и снова углубился в лес. Пистолетные пули тонко свистели над их головами, но по сравнению с нагонявшим их громом

генералом Поупом (Поуп Джон (1822-1892) – генерал федеральной армии. В 1862г. командовал армией северян на территории Виргинии, где потерпел несколько поражений.). Один из современников писал о Гэллке: «Ничего не придумывает, ничего не предвидит, не берет на себя ответственности, ничего не планирует, ничего не предлагает, никуда не годится».

⁹ *Генерал Ли Роберт Эдвард* (1807-1870) – главнокомандующий войсками южной Конфедерации во время Гражданской войны в США.

копыт вялые хлопки выстрелов звучали так же привычно, как треск ломавшихся веток. Стюарт съехал с дороги, и они стремглав поскакали сквозь кустарник. Кавалерия янки с гиканьем мчалась им вслед, и Стюарт, построив свой отряд плотным кольцом, остановил запыхавшихся всадников в густой болотистой роще, и они услышали, как погоня пронеслась мимо.

Они двинулись дальше, снова выбрались на дорогу и в настоуженном молчанье продолжали свой прежний путь. Слева постепенно замирал удалявшийся шум погони. Они опять пустились в галоп. Вскоре лес начал густеть, и им пришлось ехать рысью, а потом шагом. Хотя пальба теперь прекратилась и горны тоже умолкли, в тишине, над сильным, учащенным дыханием лошадей и отдававшимся в ушах стуком их собственных сердец, появилось безымянное нечто – какая-то странная напряженность, словно невидимый туман, ползла от одного дерева к другому, наполняя росистый утренний лес гнетущим предвестием неизбежной беды, хоть птицы, казалось, ничего не замечая, безмятежно порхали по деревьям.

Впереди между деревьями что-то забелело; Стюарт поднял руку, всадники остановили лошадей и, молча глядя на него, прислушались, затаив дыхание. Потом он снова двинулся вперед и, ломая кусты, вырвался на другую поляну. Всадники поскакали следом, и внезапно перед ними возник давешний холм, брошенный стол с завтраком и разграбленный склад провианта. Они осторожно подъехали ближе и, пока генерал торопливо писал что-то на клочке бумаги, остановились вокруг стола. Тихая поляна, не тая угрозы, купалась в золотистых утренних лучах, словно озеро, налитое золотистым вином невозмутимого глубокого покоя, но над этим пустынным уединением, пронизывая его насквозь, витало все то же безымянное, гнетущее предвестие неизбежной беды.

– Вашу шпагу, сэр, – скомандовал Стюарт.

Пленник отстегнул шпагу, и Стюарт приколот ее к столу записку. Записка гласила: «Генерал Стюарт свидетельствует свое почтение генералу Поупу и весьма сожалеет, что вторично не мог его застать. Он намерен повторить свой визит завтра». Стюарт натянул поводья.

– Вперед! – приказал он.

Они спустились с холма, пронеслись через пустынную поляну и легким галопом поскакали по дороге, которую пересекли на заре, – по дороге, ведущей и дому. Стюарт оглянулся на своего пленника и на несущего двойное бремя благородного вороного коня.

– Если вы укажете, как проехать до вашей ближайшей кавалерийской заставы, я добуду вам приличную лошадь, – снова предложил он.

– Неужели генерал Стюарт, командир кавалерии и разведчик генерала Ли, станет рисковать своей личной безопасностью, безопасностью своих людей и всего своего дела ради временных удобств какого-то жалкого пленного? Это не храбрость, а безрассудство беспечного и своенравного мальчишки. В радиусе двух миль от этого места расположено пятнадцать тысяч солдат, и даже генерал Стюарт не может единолично победить такую армию, хоть она и состоит из янки.

– Я предлагаю это не пленному, сэр, – надменно возразил Стюарт, – а офицеру, испытавшему превратности военной фортуны. Всякий джентльмен поступил бы точно так же.

– Джентльмену нечего делать на этой войне, – возразил майор. – Ему здесь не место. Он такой же анахронизм, как анчоусы. Впрочем, генерал Стюарт не захватил наши анчоусы, – язвительно добавил он. – Быть может, он пошлет за ними самого Ли?

– Анчоусы... – задумчиво повторил Баярд Сарторис, скакавший рядом, и тотчас резко повернул назад.

Стюарт прикрикнул на него, но Сарторис упрямо поднял свою легкомысленную руку и поскакал прочь; генерал хотел было броситься вслед, но тут какой-то дозорный-янки выстрелил в них с обочины и юркнул в лес, криком поднимая тревогу. Тотчас отовсюду захлопали выстрелы, справа из леса послышался шум от внезапно пришедшего в движение большого отряда и сзади, со стороны невидимого холма, грянул залп. Третий офицер подскакал к Стюарту и схватил за повод его лошадь.

– Сэр! Что вы хотите делать? – вскричал он.

Стюарт осадил взвившегося на дыбы коня, и в эту минуту позади грохнул второй залп, рассыпался нестройными хлопками, грохнул еще раз, а тем временем шум справа приближался и нарастал.

– Пустите, Алан. Он мой друг, – сказал Стюарт.

Но офицер вцепился в узду.

– Слишком поздно! – вскричал он. – Сарториса всего лишь убьют, вас же возьмут в плен.

– Вперед, прошу вас, сэр, – вмешался пленный майор. – Что значит один человек против возрожденной веры в человечество?

– Ради Бога, подумайте о Ли, генерал! – взмолился адъютант. – Вперед!

– скомандовал он отряду и, прищпорив свою лошадь, увлек за собой генеральского коня, между тем как позади выскочил из леса кавалерийский отряд янки.

– Итак, – закончила тетюшка Дженни, – мистер Стюарт поехал вперед, Баярд вернулся за этими самыми анчоусами, а вся армия Поупа стреляла ему вслед. С воплем: «А-а-а-а! А-а-а-а! За мной, ребята!» – он взлетел на холм, перепрыгнул через накрытый для завтрака стол, ворвался в разоренную палатку с провиантом, и тут повар, который прятался за сваленными в кучу припасами, вскинул руку и выстрелил ему в спину из дерринджера¹⁰. Мистер Стюарт с боем прорвался обратно и вернулся в лагерь, потеряв всего двух человек. Он всегда лестно отзывался о Баярде. Он говорил, что Баярд был хорошим офицером и отменным кавалеристом, но что он был слишком безрассуден.

Они еще немного посидели, освещенные огнем камина. Пламя металось и трещало, искры яростным вихрем взмывали в трубу, и короткая жизнь Баярда Сарториса метеором пронеслась по темному полю их общих воспоминаний и невзгод, осветив его скоротечным ослепительным блеском, и, как беззвучный удар грома, угасая, оставила за собой какое-то сумрачное сиянье. Гость, инженер-шотландец, молча сидел и слушал. Потом он заговорил:

– Когда он поскакал назад, он ведь не был твердо уверен, что там есть анчоусы?

– Майор-янки сказал, что они там есть, – отозвалась тетя Дженни.

– Да, – задумчиво протянул шотландец. – А мистер Стюарт и в самом деле вернулся на следующий день, как он писал в своей записке?

– Он вернулся в тот же вечер искать Баярда, – отвечала тетя Дженни.

Пепел, мягкий, как розовые перья, тлеющими чешуйками падал на дно камина, постепенно принимая нежнейший сероватый оттенок. Джон Сарторис, наклонился к огню и помешал пылающие угли стволом трофейного ружья.

– По-моему, это была самая отчаянная армия на свете, – сказал он.

– Да, – согласилась тетя Дженни. – А Баярд был самый отчаянный парень во всей этой армии.

– Да, – задумчиво подтвердил Джон Сарторис, – Баярд был изрядный сумасброд.

Шотландец заговорил снова.

– Этот мистер Стюарт, который назвал вашего брата безрассудным, кто он, собственно, был?

– Он был генерал от кавалерии Джеб Стюарт, – ответила тетя Дженни. Некоторое время она задумчиво смотрела в огонь, и ее бледное суровое лицо на мгновение стало кротким и нежным. – У него было какое-то странное чувство юмора, – сказала она. – Самым забавным зрелищем на свете он считал генерала Поупа в ночной сорочке. – Она снова погрузилась в воспоминания о чем-то далеком, скрытом за розовыми зубчатыми стенами пылающих углей. – Несчастный, – промолвила она, а потом спокойно добавила: – В пятьдесят восьмом году я танцевала с ним вальс в Балтиморе. – И голос ее был гордым и тихим, как флаги в пыли¹¹.

¹⁰ *Дерринджер* – короткоствольный крупнокалиберный пистолет, названный по имени изобретателя.

¹¹ ...*флаги в пыли*. – Отсюда, по-видимому, возникло первоначальное название романа (см. преамбулу к комментариям).

Но теперь дверь была закрыта, и свет, едва проникавший сквозь разноцветные стекла, был окрашен в густые сумрачные тона. Слева от Баярда находилась комната его внука, та самая комната, где в октябре прошлого года умерли жена и ребенок его внука. Он помедлил у двери, потом тихонько отворил ее. Ставни были закрыты, и в комнате стояла немая тишина нежилого помещения, и он снова закрыл дверь, в рассеянности, свойственной глухим, тяжелой поступью вошел в свою спальню и по привычке с грохотом захлопнул за собою дверь.

Он сел, снял ботинки, которые два раза в год изготавливала ему по мерке фирма в Сент-Луисе, в носках подошел к окну и глянул на свою оседланную кобылу, которая была привязана к шелковице на заднем дворе, и на поджарого, как гончая, юношу-негра, в картинной неподвижности застывшего рядом. Из кухни, которой из этого окна не было видно, то замирая, то нарастая в бесконечной печали, вливался в ленивую тишину неслышимый Баярду голос Элноры.

Он подошел к стенному шкафу, вытащил потрескавшиеся сапоги для верховой езды, надел их, притопнув ногами, взял сигару из ящичка на ночном столике и некоторое время постоял с незажженной сигарой в зубах. Сквозь сукно брюк рука его нащупала лежавшую в кармане трубку, он вынул ее, еще раз на нее посмотрел, и ему почудилось, будто он все еще слышит голос старика Фолза, который снова и снова кричит ему: «Полковник сидел себе там на стуле, ноги в одних носках положил на перила крыльца и курил эту самую трубку. Старуха Лувиния сидела на ступеньках и лушила в миску горох к ужину. В то время каждый и гороху радовался. А вы тоже на крыльце сидели, и еще к столбику прислонились. Больше никого там не было, одна только ваша тетушка – та, что жила у вас, когда мисс Дженни еще не приехала. Полковник отослал обеих девочек к вашему дедушке в Мемфис, еще когда он в первый раз поехал в Виргинию с тем самым полком, который вдруг переметнулся и постановил лишить его полковничьего чина. Взял да и лишил его чина – а все потому, что он не хотел быть запанибрата с каждым встречным и поперечным, который являлся с краденым ружьем и солдата из себя корчил. Вы, сдается мне, тогда совсем еще мальчишкой были. Сколько вам тогда стукнуло, Баярд?»

«Четырнадцать».

«А?»

«Четырнадцать! Неужели я должен повторять это всякий раз, когда ты мне эту дурацкую сказку рассказываешь?»

«Там-то вы как раз и сидели, когда они в ворота въехали и к дому по аллее поскакали».

Старуха Лувиния выронила миску с горохом да как заорет, но полковник велел ей заткнуться и скорей бежать за его сапогами да за пистолетами и вынести их на заднее крыльцо, а вы кинулись на конюшню седлать того самого жеребца. А когда те янки подъехали и остановились – а остановились они в точности на том самом месте, где сейчас клумба с цветами, – они не увидели никого – один только полковник сидел себе, словно отродясь ни про каких янки и слыхом не слыхал.

Ну, а янки, те сидят на лошадях и обсуждают промеж себя, тот это дом или не тот, а полковник ноги на перила задрал да глаза на них таращит, будто деревенщина какая. Офицер-янки послал одного солдата на конюшню посмотреть, нет ли там того жеребца, а сам полковнику и говорит: «Послушай-ка, Джонни, где тут мятежник Джон Сарторис проживает?»

«Туда дальше по дороге, – отвечает полковник не моргнув глазом. – Мили две отсюда, – говорит. – Да только вы его навряд ли дома застанете. Он опять где-то с янки воюет».

«Все равно, ступай покажи нам, как туда проехать», – велит ему офицер янки.

Тогда полковник не спеша встает и говорит, что пойдет за башмаками и тросточкой, и кovyляет в дом, а они сидят на лошадях и ждут.

Только он с ихних глаз скрылся, так сразу бегом и побежал. Старуха Лувиния вынесла ему на заднее крыльцо мундир, сапоги и пистолеты да еще краюху кукурузного хлеба прихватила. Тот, второй янки, въехал на конюшню, а полковник взял у Лувинии все свои пожитки, завернул их в мундир и зашагал по заднему двору, словно ему прогуляться захотелось. А тут как раз тот янки из конюшни выезжает. «Здесь и вовсе никакой скотины

нету», – говорит янки.

«Да, пожалуй что и нету, – отвечает ему полковник. – Капитан велел вам вернуться», – говорит, а сам все вперед шагает. Идет и чувствует, что янки этот за ним следит и смотрит ему аккурат промеж лопаток, куда вот-вот пуля вопьется. Полковник говорит, что ему в жизни никогда так трудно не было – идти вот так вот по двору спиной к тому янки и ни за что бегом не побежать. Он хотел зайти за угол конюшни, чтоб дом закрыл его от янки, и говорит, ему казалось, что он уж целый год туда плетется, а все ни с места, а назад и глянуть страшно. Полковник говорит, что он даже совсем ни о чем не думал, только радовался, что девочек дома нету. Он говорит, что ни разу не вспомнил про вашу тетушку – она ведь там в доме оставалась, – потому, говорит, что она была чистокровная Сарторис и сама могла целую дюжину янки за пояс заткнуть.

Потом янки как заорет на него, но полковник, но оглядываясь, шагает вперед, и все тут. Тогда янки заорал снова, и полковник говорит, что услышал, как шевелится лошадь, и решил, что пора улепетывать. Он завернул за угол конюшни, и тут янки первый раз в него выстрелил, а когда янки добрался до угла, он был уже в свином загоне и бежал сквозь заросли дурмана к речке, где вы в ивняке с жеребцом спрятались и его поджидали.

И вот этот патрульный янки улюлюкал где-то сзади, а вы стояли и держали лошадь, пока полковник сапоги надевал. И тогда он велел вам передать тетушке, чтоб она не ждала его к ужину».

«Но зачем же ты принес мне ее через столько лет?» – спросил он тогда, поглаживая трубку, и старик Фолз ответил, что в богадельне для нее не место.

«Ведь он эту трубку в те времена в кармане носил, и она его радовала. Когда он железную дорогу строил, тогда, сдастся мне, все было иначе. В те времена он частенько повторял, что к субботнему вечеру мы и оглянуться не успеем, как все в богадельне очутимся. Только тут я его обскакал. Я попал туда раньше его. А может, он вовсе про кладбище думал, когда днем и ночью объезжал стройку с мешком денег, притороченным к седлу, и говорил, что до богадельни всего-навсего одна шпала остается. Вот когда все пошло по-другому. Когда он начал людей убивать. Сперва тех двух саквояжников-янки¹², что негров мутили, – вошел прямо в комнату, где они сидели за столом, а пистолеты ихние на столе лежали, а после еще того разбойника и второго парня – всех из своего дьявольского дерринджера застрелил. Когда человек начинает людей убивать, ему почти всегда приходится убивать их все больше и больше. А когда он убивает, он уже и сам покойник».

Тогда-то на чело Джона Сарториса опустилась зловещая тень обреченности и рока – в тот вечер, когда он сидел в столовой под свечами и, беседуя с сыном, вертел в руке бокал. Железная дорога была уже построена, и в этот день после долгой и жестокой борьбы он был избран в законодательное собрание штата, и печать обреченности легла на его чело и смертная усталость.

«Итак, – сказал он, – завтра Редлоу убьет меня, потому что я буду безоружен. Я устал убивать людей... Передай мне вино, Баярд».

И на следующий день он был мертв, и тогда – словно он только и ждал смерти, чтобы вырваться из нелепой мешанины костей и духа, – освободившись из тенет своей немощной плоти, он мог наконец отлить в прочную форму то, что каким-то образом обрело роковое сходство с его мечтой: словно призрак или некое божество, его могли снова вызвать к жизни тягучие воспоминания безграмотного старика или обугленная трубка, из которой давным-давно выветрился даже терпкий запах сгоревшего табака.

Старый Баярд встрепенулся и, подойдя к комоду, положил на него трубку. Потом он

¹² ...саквояжников-янки... – так на Юге в период после окончания Гражданской войны называли пришельцев с Севера, поскольку все их пожитки часто умещались в одном саквояже. Воспользовавшись введением дискриминационных по отношению к коренному белому населению законов, саквояжники захватывали ведущие политические посты на территории южных штатов, оккупированной федеральными войсками, и быстро обогащались.

вышел из комнаты, тяжело протопал вниз по лестнице и спустился с заднего крыльца.

Юноша-негр тотчас проснулся, отвязал кобылу и придержал стремя. Старый Баярд вскарабкался в седло, вспомнил наконец про сигару и раскурил ее. Негр открыл ворота во двор, обогнал всадника, открыл вторые ворота и выпустил его в поле. Баярд поехал вперед, сопровождаемый струйкой горького сигарного дыма. Вскоре откуда-то выскочил пятнистый сеттер и пустился вслед за кобылой.

Элнора, стоя босиком на кухонном полу, окунула в ведро швабру и снова шлепнула ею по полу.

Грешник встал со скамьи стенаний,
Грешник залез на скамью покаяний.
Пастырь спросил: ну, покайся, брат?
А тот: ты блудливей меня во сто крат.
О, Господи Боже!
Вот что с церковью стало теперь!

2

Саймон держал путь к огромному кирпичному дому, расположенному почти вплотную к улице. На этом участке, окруженный дубами, магнолиями и цветущим кустарником, некогда стоял роскошный старинный особняк в колониальном стиле. Но особняк сгорел, а часть деревьев срубили, чтобы расчистить место для архитектурного чудовища, до такой степени устрашающе импозантного, что оно даже имело величественный вид. Это был памятник бережливости одного жителя холмов, а также усыпальница общественных амбиций женской половины его семейства. Он переехал сюда из небольшого поселка, называемого Французоза Балка, и, по словам мисс Дженни Дю Пре, построил самый красивый дом во Французовой Балке на самом прекрасном участке в Джефферсоне. Жителя холмов хватило всего на два года, в продолжение которых его женщины каждое утро восседали на веранде в кружевных чепцах, а после обеда, раздевшись в пестрые шелка, катались по городу в кабриолете на резиновом ходу; потом житель холмов продал свой дом человеку, который незадолго до того приехал в город, увез своих женщин обратно в деревню и, без сомнения, заставил их снова работать.

Несколько автомобилей, поставленных вдоль тротуара, придавали усадьбе парадный вид, и Саймон с торчащим в зубах окурком сигары подкатил в дом, натянул поводья и вступил в краткую, но выразительную перепалку с негром, сидевшим за рулем автомобиля, который стоял возле самой коновязи.

– Смотри у меня, черномазый, ты сарторисовскому выезду дорогу не загораживай, – закончил свою речь Саймон, когда шофер отвел свой автомобиль и дал ему возможность подъехать к коновязи. – Простому народу можешь дорогу загораживать сколько твоей душеньке угодно, а уж карете полковника или мисс Дженни ты, братец, лучше не мешай. Они этого не потерпят.

Он слез с козел и привязал лошадей. Довольный сделанным выговором и ликуя оттого, что ему удалось настоять на своем, Саймон умолк, а затем, рассматривая автомобиль с любопытством и некоторой долей высокомерия, слегка окрашенного почтительной завистью, завел светскую беседу с шофером. Однако ненадолго, ибо на кухне этого дома у Саймона имелись сестры во Христе, и вскоре он вышел во двор, по усыпанной гравием дорожке обогнул дом и направился к заднему крыльцу. Когда он проходил под окнами, до него донесся шум вечеринки – бесконечное нечленораздельное щебетанье, которому способны неустанно предаваться белые дамы и которое они, очевидно, считают непереманным (или неизбежным) атрибутом приятного времяпрепровождения. То обстоятельство, что на вечеринке играли в карты, не показалось Саймону ни парадоксальным, ни странным, ибо время и многолетний богатый опыт приучили его снисходительно относиться к причудам белых, а также дам

любого цвета кожи.

Житель холмов построил свой дом так близко к улице, что большая часть прежней лужайки и росших на ней прекрасных старых деревьев оказалась на заднем дворе. Прежде здесь были в беспорядке разбросаны лагерстремии, чубушник, кусты сирени и жасмина, а заборы и деревья оплетала жимолость, но после того как первый дом сгорел, кусты буйно разрослись и превратили запущенный сад в непролазные ароматные джунгли – их облюбовали дрозды и пересмешники, а весенними и летними вечерами здесь допоздна засиживались юноши и девушки, любуясь летающими светлячками и слушая хор козодоев и мелодичные тремоло ушастой совы. Потом житель холмов купил этот участок, разрешил сад, чтобы, по деревенскому обычаю, построить свой дом вплотную к улице, расчистил джунгли, побелил известью оставшиеся деревья, а между их призрачными стволами возвел заборы вокруг конюшни, птичника и свинарника. Он прожил здесь недолго и потому не успел узнать о существовании гаражей.

От стерильного запустения времен его владычества теперь почти ничего не осталось; новый хозяин участка насадил еще больше кустов – жасмина, чубушника и вербены, расставил под ними зеленые металлические столики со стульями, вырыл пруд и устроил теннисный корт.

Саймон скромно, но уверенно прошагал по саду, и лишенная согласных струя женской болтовни внесла его на кухню, где тощая женщина в траурном фиолетовом тюрбане подносила ко рту густо намазанный майонезом кусочек печенья, а вторая, огромная как гора, в грязном фартуке, выдававшая ее ремесло, прихлебывала с блюдечка растаявшее мороженое, и обе уставились на него во все глаза.

– Я его на улице встретила, и уж так он плохо вы глядит, совсем на себя не похож, – говорила гостя, но при появлении Саймона женщины прервали свой раз говор и радушно его приветствовали.

– Да неужто это братец Строзер! – хором воскликнули они. – Проходите, пожалуйста, братец Строзер. Как вы поживаете?

– Плохо, дамочки, плохо, – отвечал Саймон. Он снял шляпу, отлепил от губы окурок сигары и запрятал его в шляпу. – Очень у меня в спину стреляет. А вы, надеюсь, здоровы?

– Здоровы, братец Строзер, спасибо, – отозвалась гостя.

По приглашению хозяйки Саймон подвинул стул к столу.

– Что будете кушать, братец Строзер? – гостеприимно осведомилась хозяйка. – Есть гарнир, что гости не доели, немного холодного шпината да еще вот остатки мороженого.

– Я, пожалуй, съем немножко мороженого да шпината, сестрица Рейчел, – отвечал Саймон. – А парадные обеды мне уже нынче не по зубам.

Рейчел с величественной медлительностью поднялась, проковыляла к буфету и достала оттуда деревянную тарелку. Она была одной из лучших кухарок в Джефферсоне, и ни одна хозяйка никогда бы и заикнуться не посмела насчет светских приемов у нее на кухне.

– Вот это мужчина так мужчина! – воскликнула гостя. – В ваши годы кушать мороженое!

– Я уж скоро шестьдесят лет как мороженое кушаю, – сказал Саймон. – Не вижу никакой причины, чтобы теперь вдруг перестать.

– Правильно, братец Строзер, – согласилась хозяйка, ставя перед ним тарелку. – Кушайте мороженое, когда вам подадут. Минуточку, я сейчас».

Послушай, Мелони, – прервала она свою речь, когда молодая светлокожая негритянка в кокетливом белом фартуке и наколке внесла на подносе гору тарелок с остатками съедобных сооружений, скопированных с картинок в дамских журналах и лишенных питательности, которыми гости портили себе аппетит перед ужином. – Мелони, душенька, подай братцу Строзеру вазочку мороженого.

С грохотом опрокинув поднос в раковину, девушка сполоснула под краном вазочку, между тем как Саймон спокойно наблюдал за ней своими маленькими глазками. С нарочито презрительною миной она небрежно махнула по вазочке полотенцем и, надменно задрвав подбородок, прошествовала на своих высоких каблучках через кухню, все еще провожаемая

немигающим взглядом Саймона, и захлопнула за собою дверь. Только после этого Саймон повернулся к столу.

– Да, мэм, – повторил он, – я слишком долго кушал мороженое, чтобы теперь, в мои годы, от него отказываться.

– Никакая пицца вам не повредит, пока вы можете ее переваривать, – согласилась кухарка, снова поднося ко рту блюдечко.

Девушка тем временем вернулась и, продолжая смотреть в сторону, поставила вазочку с вязкой густой жидкостью перед Саймоном, который незаметно ущипнул ее за ляжку. Девушка звонко шлепнула его ладонью по седому затылку.

– Мисс Рейчел, скажите ему, чтобы рукам воли не давал, – сказала она.

– И не стыдно вам? – заметила Рейчел без всякой, однако, досады. – Седой старик, взрослые дети, да и притом одной ногой в могиле.

– Закрой свой рот, женщина, – примирительно отозвался Саймон, накладывая ложкой шпинат в растаявшее мороженое. – А что гости – уходить еще не собираются?

– По-моему, собираются. – Гостья изящным аристократическим жестом отправила в рот еще один кусочек печенья с майонезом. – Похоже, что заговорили громче.

– Значит, они опять за карты принялись, – поправил ее Саймон. – Пока они кушали, было тихо. Да-с, теперь они опять за карты принялись. На то они и белые. У негра при таком гвалте на карты мозгов бы не хватило.

Вечеринка, однако, приближалась к концу. Мисс Дженни Дю Пре как раз закончила очередной анекдот, который заставил троите слушателей за ее столиком смущенно потупить. Это было совершенно в духе мисс Дженни. Она путешествовала очень редко, а в спальнях вагонов для курящих и вовсе никогда, и людям оставалось только гадать, где она наслушалась таких анекдотов. А она повторяла их везде и всюду, с холодным и веселым озорством выбирая самый неподходящий момент и самую неподходящую аудиторию. Она пользовалась большой популярностью у молодежи, и ее наперебой приглашали сопровождать молодых девиц на пикники.

Сейчас мисс Дженни через всю комнату объявила хозяйке:

– Я еду домой, Белл. По-моему, мы все устали от вашей вечеринки. Я во всяком случае.

Хозяйка, пухлая молодая особа, была иступленно погружена в себя, однако, когда мисс Дженни вторглась в ее дремлющее сознание неизбежностью отъезда, на ее искусно накрашенную физиономию мгновенно вернулось обычно свойственное ей выражение смутной напряженной неудовлетворенности, и она разразилась заученными протестами, в которых, однако, сквозила капризная искренность благовоспитанной девочки.

Но мисс Дженни была непреклонна. Она поднялась и топкой морщинистой рукою смахнула невидимые крошки со своего черного шелкового платья.

– Если я задержусь хоть на минуту, я опоздаю к тому времени, когда Баярд пьет пунш, – со своей обычной прямою пояснила она. – Пойдемте, Нарцисса, я отвезу вас домой.

– Спасибо, мисс Дженни, у меня автомобиль, – низким контральто ответила молодая девушка, к которой она обращалась, и тоже встала, и вслед за ней все остальные гости, заглушая шумом сборов и шелестом юбок капризные протесты хозяйки, пестрой визгливой толпой медленно вышли в прихожую и остановились перед зеркалами. Мисс Дженни неуклонно продвигалась к дверям.

– Пошли, пошли, – твердила она. – Гарри вовсе не захочет слушать это кудахтанье, когда придет с работы.

В таком случае он может сидеть в гараже в своем автомобиле, – отрезала хозяйка, – Пожалуйста, не уезжайте, мисс Дженни. Не знаю, когда мы теперь с вами увидимся.

Но мисс Дженни с холодной любезностью сказала только: «До свиданья». Стройная старая женщина с изящным вариантом сарторовского носа, с прямой гренадерской спиной, уступавшей в стройности одной-единственной спине в городе, а именно спине ее племянника Баярда, она стояла на ступеньках, где к ней присоединилась Нарцисса Бенбоу, принесшая с собой, словно тонкий аромат, дыхание невозмутимого и безмятежного покоя, в котором она

постоянно пребывала.

– А ведь Белл это серьезно говорит, – заметила мисс Дженни.

– Что именно?

– Насчет Гарри... Послушайте, куда девался мой проклятый черномазый?

Когда мисс Дженни с Нарциссой спускались по ступенькам, от автомобилей, расставленных вдоль тротуара, до них донесся глухой гул заводимых моторов, и по коротенькой, обсаженной цветами дорожке они вышли на улицу.

– Ты не видал, куда пошел мой кучер? – спросила мисс Дженни у негра, сидевшего за рулем ближайшей машины.

– Он к заднему крыльцу пошел, мэм. :- Негр открыл дверцу и спустил на землю ноги, облаченные в армейские штаны цвета хаки и клеенчатые краги. – Я схожу его позову.

– Спасибо. Слава Богу, это кончилось, – добавила она. – Как жаль, что у людей не хватает ума или, вернее, смелости разослать приглашения, а самим запереть дом и уйти. Ведь все удовольствие от вечеринок состоит только в том, чтобы наряжаться и ехать в гости.

Дамы визгливыми стайками шли по дорожке и садились в автомобили или удалялись пешком, громко и не слишком мелодично прощаясь друг с другом. Солнце спустилось за дом Белл, и когда женщины выходили из тени в низкую горизонтальную полосу солнечного света, их платья начинали переливаться, словно перья длиннохвостых попугаев.

Нарцисса была в сером, глаза у нее были сиреневые, а лицо светилось безмятежным спокойствием лилия.

– Но это не относится к детским праздникам, – возразила она.

– Я говорю о вечеринках, а не о приятном времяпрепровождении, – сказала мисс Дженни. – Кстати о детях – что слышно о Хересе?

– Как, разве я вам не говорила? – встрепенулась Нарцисса. – Я вчера получила от него телеграмму. В среду он приплыл в Нью-Йорк. Телеграмма такая бестолковая, я в ней ничего не поняла, кроме того, что он собирается неделю пробыть в Нью-Йорке. В ней было больше пятидесяти слов – Хорес, наверное, разбогател, как все члены Христианской ассоциации молодых людей¹³. Так, по крайней мере, солдаты говорят, – сказала мисс Дженни. – Ну, что ж если война научила человека, подобного Хоресу, делать деньги, значит, от нее в конце концов была большая польза.

– Мисс Дженни! Как вы можете говорить это, после того как Джон... после...

– Чушь! – заявила мисс Дженни. – Война просто дала Джону хороший повод для того, чтобы отправиться на тот свет. В противном случае он бы погиб каким-либо иным способом, доставив кучу хлопот всем окружающим.

– Мисс Дженни!

– Знаю, знаю, милочка. Я восемьдесят лет прожила с этими тупоголовыми Сарторисами и никогда не доставлю удовольствия ни одному из них, проливая слезы над его бесплотной тенью. О чем же все-таки говорится в телеграмме Хореса?

– О чем-то, что он везет с собой, – отвечала Нарцисса, и на ее безмятежном лице мелькнула какая-то нежная досада. – Хорес никогда не умел ясно выражать свои мысли на расстоянии. – Она снова задумалась, устремив взор в зеленый туннель улицы, обсаженной дубами и вязами, сквозь которые полоса той тигровой шкурой разливался солнечный свет. – Как вы думаете, может, он взял на воспитание какую-нибудь военную сиротку?

– Военную сиротку... – повторила мисс Дженни. – Уж скорее маму военной сиротки.

Из-за угла дома показался Саймон. Вытирая рукою рот и волоча ноги, он плелся по газону. Неизменной сигары не было видно.

¹³ *Христианская ассоциация молодых людей* – международная религиозно-благотворительная организация. Во время первой мировой войны ее американское отделение вело благотворительную работу среди солдат и офицеров армии США, воевавшей в Европе (раздача продуктов, устройство культурных центров, проведение лекций, религиозных собраний, концертов и т.п.). Фронтвики, как правило, относились к представителям ассоциации (около 13 тыс. человек) с недоверием и презрением.

– Ну, что вы, – быстро возразила Нарцисса, и впрямь серьезно озабоченная. – Неужели вы думаете, что он на это – способен? Нет, нет, Хорес не мог так поступить. Он никогда ничего не делает, не посоветовавшись со мной. Он бы мне написал, обязательно написал бы. Вы же знаете, что это совсем не похоже на Хореса. Сделать такую глупость!

– Гм, гм, – прогудела мисс Дженни в свой горбатый норманнский нос. – Простачок Хорес, который со своим доверчивым видом бродит среди всех этих европейских юбок, которые так изголодались по мужчинам. Он даже и сам не поймет, что попался на удочку, тем более на иностранном языке. Держу пари, что в каждом городе, где он прожил больше недели, его квартирная хозяйка или еще какая-нибудь особа женского пола оставляла ему еду на плите, когда он опаздывал к ужину, или обделяла сахаром других мужчин, чтобы дать ему кофе послаще. Некоторые мужчины рождаются на свет именно для того, чтобы какая-нибудь женщина ради них превращалась в половик, точно так же как некоторые мужчины уже от рождения роконосы. . . . Сколько вам лет?

– Все еще двадцать шесть, мисс Дженни, – невозмутимо отвечала Нарцисса.

Саймон отвязал лошадей и стоял возле экипажа в позе, специально предназначенной для мисс Дженни. Для банка у него была другая поза, эта же была исполнена галантной и покровительственной почтительности. Мисс Дженни внимательно посмотрела в безмятежно кроткое лицо своей собеседницы.

– Почему бы вам не выйти замуж, чтобы дать этому младенцу возможность некоторое время пожить самостоятельно? Помяните мое слово – не пройдет и полгода, как какая-нибудь чужая женщина начнет из кожи вон лезть ради великой чести не дать ему промочить ноги, а про вас он даже и не вспомнит.

– Я обещала маме, – спокойно и без всякой обиды отозвалась Нарцисса. – Я только не понимаю, почему он не мог послать вразумительную телеграмму.

– Да... – Мисс Дженни повернулась к своему экипажу. – Может, это и вправду всего лишь военная сиротка, – сказала она, но заявление это прозвучало отнюдь не утешительно.

– Так или иначе, это скоро выяснится, – согласилась ее собеседница и, подойдя к маленькому автомобилю, стоявшему возле тротуара, открыла дверцу. Мисс Дженни села в коляску. Саймон взгромоздился на козлы и взял в руки вожжи.

– Если узнаете что-нибудь новое, сообщите, – сказала мисс Дженни, когда коляска тронулась. – И приезжайте за цветами, когда они вам понадобятся.

– Спасибо. До свидания.

– Трогай, Саймон.

Коляска опять покатила вперед, и Саймон опять держал свою новость про себя до тех пор, пока они не выехали из города.

– Мистер Баярд приехал, – заметил он тем же небрежным тоном, что и раньше.

– Где он? – встрепелась мисс Дженни.

– Он еще домой не приходил, – отвечал Саймон. – Я думаю, он на кладбище пошел.

– Чушь, – отрезала мисс Дженни. – Сарторисы больше одного раза в жизни на кладбище не бывают. А полковник знает, что он приехал?

– Да, мэм. Я ему сказал, но, по-моему, он не поверил, что я правду говорю.

– Значит, кроме тебя его никто не видел?

– Я и сам его не видел, – признался Саймон. – Путевой обходчик видел, как он с поезда соскочил, и он сказал...

– Несчастный черномазый идиот! – возмутилась мисс Дженни. – И ты всю эту чушь выболтал Баярду? Умней ты ничего не придумал?

– Так ведь обходчик его видел, – упрямо твердил Саймон. – Не мог же он обознаться.

– Где ж он в таком случае?

– Может, на кладбище пошел, – снова предположил Саймон.

– Погоняй!

Мисс Дженни нашла племянника в кабинете в обществе двух легавых собак. По стенам стояли шкафы с рядами толстых юридических фолиантов, переплетенных в серовато-

коричневую телячью кожу, которые собирали пыль и навевали унылые, ничем не нарушаемые размышления; были там и всевозможные исторические романы (в частности, весь Дюма, сочинения коего том за томом в неуклонной последовательности составляли теперь единственное чтение Баярда, и один том всегда лежал на ночном столике возле его кровати), и, наконец, куча всякого хлама – пакетики семян, ржавые шпоры, мундштуки и пряжки от сбруи, брошюры о болезнях растений и животных, затейливые табакерки, которые ему дарили по случаю различных юбилеев и которыми он никогда не пользовался, странные обломки камней, сушеные стручки и корни – все это было собрано в разное время и при разных обстоятельствах, давно улетучившихся у него из памяти, но все равно продолжало храниться. В комнату выходила огромная, запертая на висячий замок кладовая; посередине стоял большой стол, заваленный предметами еще более непонятного назначения, запертое бюро с крышкой на роликах (Баярд был буквально помешан на замках и ключах), диван и три больших кожаных кресла. Эту комнату всегда называли кабинетом, и теперь Баярд сидел там все еще в сапогах для верховой езды и в шляпе и наливал кукурузное виски из маленького пузатого бочонка в графин с серебряной пробкой, а обе собаки с величавой серьезностью на него смотрели.

Одна из собак была очень старая и почти слепая. Она большей частью лежала на солнце посреди заднего двора, а в жаркие дни скрывалась в прохладный пыльный сумрак под кухней. Но к вечеру она подходила к парадным дверям и терпеливо ждала, пока по аллее подъедет коляска, а когда Баярд вылезал и входил в дом, возвращалась на задний двор и опять ждала, пока Айсом приведет кобылу, а Баярд выйдет и сядет в седло. После этого они оба до самого вечера степенно и неторопливо прогуливались по лугам, полям и лесам, меняющим свой облик в зависимости от времени года, – человек на лошади и рядом с ним задумчивый пятнистый сеттер, между тем как вечер их жизни мирно клонился к закату на взрастившей обоих доброй земле.

Младшему псу не было еще и двух лет от роду, он был слишком жизнерадостен для их солидного общества, и хотя временами он бежал рядом или, разгоряченный и забрызганный грязью, вдруг откуда ни возьмись выскакивал к ним посреди поля – это длилось недолго, и вскоре, высунув язык и задрвав хвост, на конце которого топорщились тонкие шерстинки, он уже снова теряя голову мчался куда-то в погоне за неуловимыми запахами, которыми окружающий мир соблазнял и манил его из каждого оврага, перелеска и лощины.

Сапоги Баярда промокли до самого верха, на подметки налипла глина, а он сосредоточенно склонился над бочонком и графином под спокойным любопытным взглядом обеих псов. Бочонок был установлен на стуле затычкой кверху, и Баярд с помощью резиновой трубки осторожно перекачивал в графин густую коричневую жидкость. Мисс Дженни вошла в комнату, не успев снять черную шляпку, которая торчала на самой макушке ее аккуратно причесанной седой головы, и собаки, подняв глаза, посмотрели на нее – старшая с величавым достоинством, младшая – очень быстро, застенчиво и ласково застучав хвостом по полу. Но Баярд не поднял головы. Мисс Дженни закрыла дверь и мрачно устала на его сапоги.

– У тебя мокрые ноги, – заявила она.

Он, все еще не поднимая глаз, осторожно поддерживал резиновую трубку в горлышке графина, который постепенно наполнялся жидкостью. Иногда ему было очень удобно казаться еще более глухим, чем на самом деле, но кто мог знать это наверняка?

– Отправляйся наверх и сними сапоги, – еще громче скомандовала мисс Дженни, – а я наполню графин.

Но Баярд, невозмутимо отсиживавшийся в башне за непроницаемыми стенами своей глухоты, не дрогнул, пока графин не наполнился, после чего он двумя пальцами зажал трубку, вытащил ее из графина и вылил остатки жидкости в бочонок. Старшая собака не двинулась с места, а младшая отступила за спину Баярда, неподвижно и настороженно улеглась там и, положив голову на скрещенные передние лапы, умильно смотрела на мисс Дженни немигающим глазом. Баярд вытащил трубку из бочонка и только тогда взглянул на тетку.

– Что ты сказала?

Но мисс Дженни вернулась к двери, открыла ее и крикнула что-то в прихожую, вызвав из кухни встревоженный отклик, вслед за которым вскоре появился Саймон собственной персоной.

– Ступай наверх и принеси полковнику ночные туфли, – приказала она.

Когда она снова повернулась, ни Баярда, ни бочонка уже не было видно, но зато из открытой двери кладовой торчал любопытный зад молодого пса и его барометрический хвост, на котором, словно перья, топорщились шерстинки; затем Баярд ногой вытолкнул собаку из кладовой, вышел оттуда сам и запер за собою дверь.

– Саймон уже дома? – спросил он.

– Сейчас придет, – отвечала она, – я его только что позвала. Садись и сними эти мокрые сапоги.

В эту минуту Саймон вошел в комнату с туфлями, Баярд послушно уселся, а Саймон встал на колени и под строгим взглядом мисс Дженни стащил с него сапоги.

– А носки у него сухие? – спросила она.

– Да, мэм, они не мокрые, – отвечал Саймон, но мисс Дженни наклонилась и пощупала их сама.

– Это еще что? – с досадой проворчал Баярд, но мисс Дженни, не обращая на него внимания, бесцеремонно провела рукой по обеим его ступням.

– Досадное упущение с его стороны, – проговорила она сквозь уходящую в бесконечную высь стену его глухоты. – А тут еще ты со своими дурацкими баснями явился.

– Его путевой обходчик видел, – упрямо повторил Саймон, надевая Баярду туфли. – Я же не говорил, что я его видел. – Он встал и вытер руки о штаны.

Баярд с шумом влез в туфли.

– Принеси все для пунша, Саймон, – сказал он, после чего нарочито небрежным тоном обратился к своей тетке: – Саймон говорит, что Баярд сегодня днем сошел с поезда.

Но мисс Дженни уже опять напустилась на Саймона.

– Вернись, возьми сапоги и поставь их за печку, – сказала она. Саймон повиновался, боком подошел к камину и сгреб в охапку сапоги. – И уведи ты этих псов. Слава Богу, ему еще не пришло в голову притащить сюда свою лошадь.

Старшая собака, за которой с застенчивой готовностью следовала младшая, тотчас встала, подошла к Саймону и покинула комнату с тем же напускным старанием, с каким и Баярд и Саймон выполняли энергичные приказы не терпящей противоречия мисс Дженни.

– Саймон говорит... – снова начал Баярд.

– Саймон говорит вздор! – отрезала она. – Неужели ты, прожив шестьдесят лет с Саймоном, до сих пор не усвоил, что он принимает все за чистую монету?

С этими словами мисс Дженни вышла из комнаты и вслед за Саймоном отправилась на кухню, где его высокая желтокожая дочь месила тесто, и пока Саймон наливал в стеклянный кувшин свежую воду, клал туда ломтики лимона, ставил на поднос кувшин, два высоких бокала и сахарницу, она стояла в дверях и бранила его на чем свет стоит, отчего остатки его седых волос скручивались в еще более тугие завитки. Мисс Дженни всегда отличалась блестящим красноречием, а в гневе без всяких усилий достигала невысказанных высот. Сам Демосфен позавидовал бы энергичной ясности и живописной простоте ее выражений, не говоря уже о смелых метафорах, которые понимали даже мулы и смысл которых мгновенно доходил до сознания самых безнадежных тупиц, и под этим неодолимым натиском голова Саймона склонялась все ниже и ниже, искусно разыгранная озабоченность слетала с него как перья с линяющей птицы, пока он наконец не схватил поднос и, согнувшись, не выскочил из кухни. Но голос мисс Дженни, легко и стремительно понижаясь, неся ему вслед, включая в свой необъятный диапазон угрозу и рекомендации по части будущего поведения Саймона, Элноры и всех их потомков – как нынешних, так и будущих – на несколько лет вперед.

– А в следующий раз, – закончила она, – когда ты, путевой обходчик, кондуктор или рассыльный увидите или услышите что-нибудь, что, по вашему мнению, может представлять интерес для полковника, сперва сообщите это мне, а я уж сама разберусь, говорить ему об этом

или нет.

Еще раз бросив многозначительный взгляд на Элнору, она ворочилась в кабинет, где ее племянник, налив воду в бокалы, старательно размешивал в них сахар.

Саймон в белой куртке исполнял обязанности дворецкого. Он как бы играл сразу на двух духовых инструментах, только инструменты эти были не медные, а серебряные – из такого нежного и мягкого серебра, что некоторые ложки, в тех местах, за которые их держали пальцы представителей многих поколений, стерлись и истончились, как бумага; из серебра, которое дед Саймона Джоби некогда зарыл под пропахшей аммиаком конюшней, причем трехлетний Саймон в одной грязной рубашонке с серьезным любопытством ребенка наблюдал за этой странной игрой.

Однако эманация основной профессии Саймона сопровождала его постоянно, даже когда он отправлялся в церковь, умытый и принаряженный, хотя и несколько неуклюжий в старом двубортном сюртуке Баярда; и каждый раз, как он входил в столовую с подносом, принимал небрежные позы возле буфета, отвечал на отрывистые вопросы мисс Дженни или продолжал начатый еще до обеда бессвязный разговор с Баярдом, он распространял, а ретируясь, оставлял за собою смутное воспоминание о конюшне. Но в этот вечер Саймон, поставив принесенные блюда на стол, поспешил убраться на кухню – он донял, что опять наговорил лишнего.

На этот раз разговором овладела мисс Дженни. Накинув белую вязаную шаль для защиты от вечерней прохлады, она погрузила племянника в море пошлости – ничтожных дел, мелких суждений и сплетен, что было ей совершенно не свойственно. Она обладала способностью выражать свои взгляды в лаконичной, беспощадно юмористической форме и редко снисходила до сплетен. Баярд между тем укрылся в обнесенной стенами башне своей глухоты, убрав подъемный мост и запер крепостные ворота – вы никогда не могли понять, слышит он вас или нет, а его материальная оболочка тем временем невозмутимо поглощала ужин. Вскоре они кончили есть, и мисс Дженни позвонила в маленький серебряный колокольчик, лежавший возле нее на столе, и тогда Саймон, открыв дверь буфетной, снова принял на себя холодный залп ее неудовольствия, после чего затворил дверь и скрывался за нею до тех пор, пока они не ушли из комнаты.

Баярд отправился в кабинет и закурил там сигару; мисс Дженни последовала за ним, придвинула кресло к столу под лампой и раскрыла ежедневную мемфисскую газету. Ее занимали только самые живописные проявления человеческой природы, и потому она, предпочитая романтические происшествия самым достоверным, но бесцветным фактам, выписывала более сенсационный вечерний выпуск, хотя он приходил днем позже утреннего, и с холодной жадностью упивалась отчетами об отравлениях, убийствах, насилиях и прелюбодеяниях – в недалеком будущем американская жизнь предоставит ей развлечение в виде бутлеггерских войн¹⁴, но пока это время еще не настало. Племянник ее сидел на другом берегу пруда, разлитого по столу мягким светом лампы, упершись ногами в угол каминной решетки, с которой подошвы его сапог, а до него подошвы сапог Джона Сарториса давно уже стерли краску, и попыхивал сигарой. Он не читал, и мисс Дженни время от времени взглядывала на него поверх очков через край газеты. Потом она снова погружалась в чтение, и в комнате не было слышно ни звука, лишь время от времени шелестели газетные страницы.

Вскоре Баярд характерным для него резким движением поднялся и, сопровождаемый взглядом мисс Дженни, пересек комнату, вышел и захлопнул за собою дверь. Она еще некоторое время продолжала читать, но мысли ее следовали за тяжелым топотом его ног по прихожей, а когда шаги стихли, она встала, отложила газету и пошла за племянником к парадному крыльцу.

Из-за темной гряды холмов на востоке уже поднялась луна; бесстрастно освещая долину,

¹⁴ ...развлечение в виде бутлеггерских войн... – Имеется в виду время действия в США полного запрета на продажу алкогольных напитков (1920-1933), когда расцветала нелегальная торговля спиртным. Подпольные торговцы (бутлеггеры) обычно объединялись в преступные синдикаты, между которыми часто вспыхивали «войны» за «сферы влияния».

она словно детский воздушный шар висела над дубами и белыми акациями, росшими вдоль аллеи. Старый Баярд сидел в лунном свете, положив ноги на перила веранды. Его сигара временами вспыхивала; в траве возле самого дома пронзительно и монотонно стрекотали кузнечики, а из-за деревьев, словно волшебный серебряный звон беспрерывно лопающихся на поверхности пузырьков, слышался писк молодых лягушат. Из сада лился тонкий аромат белых акаций, неуловимый, словно тающие в воздухе кольца табачного дыма, а откуда-то из темной прихожей в тягостной бессловесной печали плыл низкий голос Элноры.

Мисс Дженни пошарила в темноте у дверей и возле зиявшего бледным пятном зеркала сняла с крючка шляпу Баярда, принесла ее на веранду и сунула ему в руку.

– Не сиди здесь долго. Сейчас еще не лето.

Он пробурчал что-то невнятное, но шляпу надел, а мисс Дженни, повернувшись, пошла обратно, дочитала газету, сложила и оставила ее на столе. Затем выключила лампу и по темной лестнице поднялась к себе. Оттуда, с высоты второго этажа, было видно, что луна стоит над деревьями, а свет ее широкими серебряными полосами вливается в комнату сквозь выходящие на восток окна.

Не зажигая электричества, она подошла к южной стене, открыла окно, и в комнату тотчас ворвались голоса кузнечиков и лягушек, а откуда-то издали донеслось пенье пересмешника. Магнолия под окном и жимолость, густо разросшаяся вдоль забора, еще не зацвели, и мисс Дженни могла любоваться дремавшими под луною бронзовыми кустами гардении, чубушника и чашецветника, которые вот-вот должны были распуститься, и другими растениями, вывезенными из садов далекой Каролины, которые она знавала в юности.

За углом, из невидимой отсюда кухни, лился низкий и мягкий голос Элноры. «Не всем, кто толкует про небо, суждено туда попасть»¹⁵, – пела Элнора, и вскоре они с Саймоном появились в лунном свете и направились по тропинке к своей хижине за конюшней. Саймон наконец закурил сигару, и ее едкий дым, постепенно растворяясь, тянулся вслед за ним. Но даже когда они ушли, в серебряном воздухе над стрекотом кузнечиков и кваканьем лягушек, казалось, все еще витала острая горечь сигарного дыма, незаметно сливаясь с затихающим голосом Элноры: «Не всем, кто толкует про небо, суждено туда попасть».

Его сигара погасла, и он шевельнулся, нашарил в кармане жилета спичку, раскурил сигару и снова положил ноги на перила, и снова горький табачный дым повис в безветренных струях серебряного воздуха, медленно растворяясь в дыхании белых акаций и в неумолчном волшебном хоре кузнечиков и лягушек. Где-то на краю долины запел пересмешник, и вскоре с магнолии возле забора отозвался другой. По ровной дороге, пересекавшей долину, проехал автомобиль; он замедлил ход у железнодорожного переезда, потом опять прибавил скорость. Шум его мотора еще не успел затихнуть, как с холмов пополз вниз свисток поезда девять тридцать.

Два длинных гудка раскатились замирающим эхом, два коротких последовали за ними, но еще до того, как старый Баярд увидел поезд, сигара его уже снова погасла, и он сидел, держа ее в пальцах, и смотрел, как паровоз протащил по долине ожерелье из желтых окон и втянул его обратно в холмы, откуда вскоре снова донесся гудок, дерзкий, пронзительный и печальный. Джон Сарторис тоже когда-то сидел на этой веранде и смотрел, как два его ежедневных поезда выползали из холмов и, пересекая долину, вновь уходили в холмы, огнями, грохотом и дымом создавая иллюзию скорости. Но теперь железная дорога принадлежала синдикату, и по ней проходило уже не два поезда в день, а гораздо больше, – они мчались от озера Мичиган к Мексиканскому заливу, довершив воплощение его мечты, а Джон Сарторис в своей бессмысленной гордыне спал вечным сном, окруженный воинственными херувимами и неведомыми богами – если нашлось такое божество¹⁶, которое он удостоил признать.

¹⁵ «Не всем, кто толкует про небо...» – рефрен известного негритянского спиричуэла «Есть у меня мантия».

¹⁶ ...если нашлось такое божество. – реминисценция из стихотворения английского поэта Алджернона

Сигара старого Баярда снова погасла. Остывшая, она лежала в его руке, а он глядел на высокую тень, которая появилась из кустов сирени у забора и по мерцавшей лунными бликами аллее направилась к веранде. Внук его был без шляпы; он подошел, поднялся по ступенькам и остановился в лунном свете, который резко очертил его ястребиный профиль, между тем как старый Баярд, держа в руке погасшую сигару, сидел и смотрел на него.

– Баярд, это ты, сынок? – сказал старый Баярд.

Молодой Баярд стоял, освещенный луной. Глаза его были как темные пещеры.

– Я не пускал его на эту проклятую хлопшуку, – с каким-то остервенением выговорил он наконец. Он снова пошевелился, и тогда старый Баярд опустил ноги на пол, а внук с шумом подвинул к нему стул и уселся. Движения его, такие же резкие, как у деда, несмотря на всю их стремительность, были, однако, рассчитаны и точны.

– Какого черта ты не сообщил мне о своем приезде? – сердито спросил старый Баярд. – И вообще, почему ты пробираешься сюда как вор?

– Я никому ничего не сообщал. – Молодой Баярд извлек из кармана папиросу и чиркнул спичкой о подметку.

– Что?

– Я никому не сообщал, что приеду, – повторил он громче, заслонив зажженную спичку ладонью.

– А вот Саймон знал. Почему ты извещаешь о своем приезде черномазых, а не родного деда?

– К черту Саймона, сэр! – прокричал молодой Баярд. – Кто ему велел за мной шпионить?

– Не кричи на меня, мальчишка! – заорал в свою очередь старый Баярд.

Внук бросил спичку, глубоко и нервно затягиваясь папиросой.

– Не буди Дженни, – вполголоса добавил старый Баярд, поднося зажженную спичку к своей потухшей сигаре. – Ну, как дела?

– Дай сюда, я подержу, – сказал молодой Баярд, протягивая руку. – Ты подождешь себе усы.

Но старый Баярд резко оттолкнул его, упрямо не выпуская спички из дрожащих пальцев.

– Я спрашиваю, ты здоров?

– Разумеется, жив и здоров! – отрезал молодой Баярд. – На войне, как и в мирное время, погибают одни дураки. Круглые дураки. – Он снова затянулся, но, не докурив папиросу, швырнул ее вслед за спичкой. – Одного я целых четыре дня подстерегал. Чтобы его приманить, мне пришлось вылетать на старой развалюхе «Ак.У»¹⁷, только с мотором от новой машины. Этот фриц поганый такой осторожный был, что на одних тихоходов охотился. Вот он свое и получил. На шести тысячах футов я его достал, посадил ему всю ленту прямо в кабину – все дырки шляпой накрыть можно, – но сукин сын никак не загорался.

Он говорил все громче и громче. В воздухе веяло сладким запахом белых акаций, а голоса кузнечиков и лягушек звучали назойливо и звонко, как волынка, в которую тупо дудит слабоумный мальчишка. Луна смотрела на долину из своего серебряного оконца, и ее опаловые лучи, растворяясь, исчезали в таинственной бесконечности безмятежных далеких холмов, а голос молодого Баярда все звучал и звучал, продолжая рассказ о жестокости, скорости и смерти.

– Тише, – опять напомнил ему старый Баярд, – Ты разбудишь Дженни.

Суинберна (1837-1909) «Сад Прозерпины» (1866):

Если найдутся боги,
Мы их возблагодарим
За то, что жизнь не вечна.

¹⁷ «Ак.У.» – Очевидно, имеется в виду самолет старой конструкции. Однако ни в одном справочнике времен первой мировой войны не значится.

Внук послушно понизил голос, но вскоре опять заговорил громче, и через некоторое время мисс Дженни в белой вязаной шали поверх ночного капота появилась на веранде, подошла к нему и поцеловала.

– Полагаю, что ты здоров, – сказала она. – Иначе ты не был бы в таком дурном настроении. Расскажи нам о Джонни.

– Он был либо пьян, либо совсем рехнулся, – грубо ответил молодой Баярд. – Я не пускал его лететь на этом проклятом «кэмеле»¹⁸. В то утро человек своей собственной руки не видел. Небо было сплошь забито рваными облаками, и каждому ослу было ясно, что на их стороне будут кишмя кишеть «фоккеры»¹⁹, которые поднимаются на двадцать пять тысяч футов, а тут он на каком-то паршивом «кэмеле». Но он вбил в свою дурацкую башку, что долетит чуть не до самого Лилля. Я не мог его остановить. Он в меня выстрелил. Я пытался его отогнать, а он пустил в меня очередь. Он уже набрал высоту, но они поднялись не меньше чем на пять тысяч футов выше нас. Стиснули его со всех сторон, как паршивого теленка в загоне, а один, так тот прямо на хвосте у него сидел, пока он не загорелся и не рухнул. Тогда они повернули к дому.

В неподвижном воздухе все плыл и плыл запах белых акаций, и серебристыми колокольчиками заливались лягушки. В ветвях магнолии за углом дома запел пересмешник, и с дальнего края долины тотчас отозвался другой.

– Повернули к дому – он со всей своей сворой поганой, – сказал молодой Баярд. – Только я их и видел. Это был Плекнер, – добавил он, и на мгновение голос его зазвучал спокойно и даже гордо. – Один из их лучших пилотов.

Самого Рихтгофена ученик²⁰.

– Да, это не шутки, – согласилась мисс Дженни и погладила его по голове.

Молодой Баярд на минуту задумался, – Я не пускал его на эту проклятую хлопушку! – вырвалось у него снова.

– А чего ты, собственно, ожидал, когда сам его так воспитывал? – спросила мисс Дженни. – Ведь ты же старший... Ты что, на кладбище ходил?

– Да, мэм, – тихонько отозвался он.

– О чем это вы? – спросил старый Баярд.

– Старый осел Саймон так и думал... Пойдем, тебе надо поужинать, – деловито произнесла мисс Дженни и опять бесцеремонно вторглась в его жизнь, со свойственной ей решительностью взяв в руки ее спутанные нити, и он послушно встал.

– О чем это вы? – повторил старый Баярд.

– А ты тоже отправляйся к себе. – Мисс Дженни и его втянула в орбиту своей воли – так человек мимоходом снимает со стула небрежно брошенную одежду. – Тебе давно пора в постель.

Дед с внуком пошли вслед за нею на кухню и, стоя в дверях, ожидали, пока она, порывшись в леднике, поставит на стол еду, кувшин с молоком и пододвинет стул.

– Сделай ему пунш, Дженни, – посоветовал старый Баярд, но мисс Дженни тотчас отвергла это предложение:

– Молоко – вот что ему надо. Того виски, что он на войне выпил, я думаю, ему надолго хватит. Баярд – так тот, когда со своей войны возвращался, всякий раз непременно хотел въехать на лошади через парадное крыльцо. А ну-ка, пойдем. – И она решительно вывела

¹⁸ «Кэмел» – английский истребитель времен первой мировой войны; маневренный, но неустойчивый самолет с маломощным двигателем.

¹⁹ «Фоккер» – германский боевой самолет (биплан или триплан), названный по имени авиаконструктора и фабриканта А. Германа Герхарда Фоккера (1890-1939).

²⁰ ...Самого Рихтгофена ученик. – Немецкий летчик Манфред Фрайгер фон Рихтгофен (1892-1918), по прозвищу «Красный барон», считался самым лучшим асом в германской авиации. Сбил более восьмидесяти самолетов противника. Погиб в бою.

старого Баярда из кухни и потащила вверх по лестнице. – Немедленно отправляйся в постель, слышишь? Оставь его на минутку в покое.

Убедившись, что он закрыл за собою дверь, она вошла в комнату молодого Баярда и постелила ему постель, потом отправилась к себе и вскоре услышала, как он поднимается по лестнице.

Его комната была озарена зыбким светом луны, и, не зажигая огня, он вошел и сел на кровать. За окном неумолчно гудели лягушки и кузнечики; лучи лунного света, словно хрупкие стекляшки, разбиваясь о кусты и деревья, звонким хрустальным дождем сыпались на землю, и все эти звуки тонули в ритмичных и гулких вздохах электрического насоса за конюшней.

Он нащупал в кармане еще одну папиросу, закурил ее, но после двух затяжек бросил. Потом он тихо сидел в комнате, которую прежде делили они с Джонни – двое отчаянных подростков-близнецов; он сидел на кровати, где провел со своей женой последнюю ночь отпуска накануне отъезда в Англию, а оттуда снова на фронт, где уже находился Джон. Мрак приглушил блеск ее волос, бронзовым вихрем застывших возле него на подушке, она обеими руками прижимала к груди его руку, и они тихонько разговаривали, обретя наконец способность здраво рассуждать.

Но в те минуты он о ней не думал. Если он и думал о женщине, что, напряженно вытянувшись и прижимая к груди его руку, лежала рядом с ним в темноте, то лишь с чувством мучительного стыда за то зло, какое он столь легкомысленно ей причинил. Думал он о своем брате, которого не видел уже больше года, думал о том, что через месяц они встретятся снова.

Не думал он о ней и сейчас, хотя стены, словно увядший в гробу цветок, еще хранили воспоминание о том безумном упоенье, в котором они прожили два месяца, трагическом и скоротечном, как цветенье жимолости, и остром, как запах мяты. Он думал о своем погибшем брате, и призрак их неистовой, дополняющей друг друга жизни, словно пыль, покрывал всю комнату, вытесняя ту, другую тень, перехватывая у него дыханье, и он подошел к окну, с шумом поднял фрамугу и стал жадно ловить ртом воздух, как человек, который чуть не утонул и никак не может поверить, что ему удалось снова вынырнуть на поверхность.

Потом, лежа голый под простыней, он проснулся от собственных стонов. Теперь в комнате брезжил серый, прохладный, лишенный источника свет, и, повернув голову, он увидел, что мисс Дженни с вязаной шалью на плечах сидит в кресле возле его кровати.

– Что случилось? – спросил он.

– Вот это я как раз и хотела бы знать, – отвечала мисс Дженни. – Ты производишь больше шума, чем насос.

– Дай мне выпить.

Мисс Дженни нагнулась и подняла с пола стоявший возле нее стакан. Баярд оперся на локоть и протянул руку. Однако, прежде чем поднести стакан к губам, остановился и сгорбился, держа стакан у себя под носом.

– Черт побери, – буркнул он. – Я сказал, что хочу выпить.

– Вот и пей молоко, мальчик, – скомандовала мисс Дженни. – Уж не воображаешь ли ты, что я собираюсь не спать всю ночь, чтобы поить тебя виски? Сию же минуту выпей.

Он послушно опорожнил стакан и опустил на подушку. Мисс Дженни поставила стакан обратно на пол.

– Который час?

– Тс, – прошептала она, положив ему на лоб руку. – Спи.

Он стал вертеть головой на подушке, стараясь ускользнуть из-под ее руки.

– Уходи, – сказал он. – Оставь меня в покое.

– Тс, – повторила мисс Дженни. – Спи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

– Вы еще никогда ни одного цветочка куда надо не посадили.

Он сидел на нижней ступеньке и точил напильником мотыгу. Над ним, у самого края веранды, в мужской фетровой шляпе и толстых перчатках, стояла мисс Дженни со своей гостьей. Садовые ножницы, свисавшие у нее с пояса, блестели в лучах утреннего солнца.

– А тебе-то что? Вы с полковником вечно торчи те тут на крыльце и указываете мне, где какой цветок лучше вырастет или будет красивее выглядеть, но я что-то не видала, чтоб вы сами хотя бы сорняк какой-нибудь вырастили. Все ваши советы гроша ломаного не стоят. Куда хочу, туда свои цветы и сажаю.

– Ну да, а потом они у вас и не думают расти, – добавил Саймон. – И это у вас с Айсомом садоводством называется. Слава Богу, что Айсом не должен зарабатывать себе на жизнь таким садоводством, какому он тут выучился.

Все еще продолжая точить мотыгу, он повернул голову и взглянул на угол дома. На нем была какая-то дрянная шапчонка, сделанная из материала, происхождение которого давно уже нельзя было определить. Мисс Дженни вперила холодный взор в эту шапку.

– Айсом зарабатывает себе на жизнь тем, что родился чернокожим, – отрезала она. – Брось ты наконец скрести свою мотыгу и попробуй выполоть хоть парочку сорняков с клумбы, где растет шалфей.

– Я должен сперва наточить скребницу, – заявил Саймон, продолжая сосредоточенно точить мотыгу. – Ступайте в сад, а я вашу клумбу потом расчищу.

– Неужели ты еще не понял, что одним напильником ты эту мотыгу все равно до рукоятки не допилишь, – сказала мисс Дженни. – Я с самого утра слышу, как ты с ней тут возишься. Отправляйся в сад, пусть прохожие видят, что ты хоть иногда полезное дело делаешь.

Саймон тяжело вздохнул, после чего добрых полминуты убирал напильник. Сначала он положил его на одну ступеньку, потом переложил на другую. Наконец прислонил его к ступеньке, на которой сидел сам, и большим пальцем провел по насечке, с мрачной безнадежностью ее исследуя.

– Пожалуй, теперь в самый раз, – сказал он. – Да только это все равно что скребницей сорняки выпалывать.

– А ты все же попытайся. Вдруг сорняки подумают, что это мотыга. Предоставь им такую возможность.

– Иду, иду, – ворчливо отозвался Саймон. – Ступайте по своим делам, а я с этой клумбой как-нибудь уж сам управлюсь.

Мисс Дженни со своею гостьей спустилась по ступенькам в сад.

– Не понимаю, зачем ему понадобилось сидеть тут и скрести напильником новую мотыгу, когда можно просто вырвать руками несколько травинок из клумбы, – сказала она. – Но он все равно настоит на своем. Если ему позволить, он просидит здесь до тех пор, пока эта мотыга не станет острой, как пила. Года три назад Баярд купил газонокосилку (за чем – одному Богу известно) и поручил ее Саймону. Фирма, которая производит эти машины, дает гарантию на год. Но они не знали Саймона. В прошлом году, читая в газетах про все эти страшные разрушения и прочие ужасы, я часто думала, как бы Саймон веселился, попади он на войну. Он бы там такого понаделал, чего никому и во сне не снилось. Айсом! – крикнула мисс Дженни, остановившись у калитки. – Айсом!

На этот раз послышался ответ, после чего мисс Дженни с гостьей двинулись вперед, а выскочивший откуда-то Айсом захлопнул за ними калитку.

– Ты почему не... – Тут мисс Дженни оглянулась, встала как вкопанная и с мрачным изумлением воззрилась на Айсома, который вдруг ни с того ни с сего превратился в солдата. Он был одет в военную форму цвета хаки с дивизионной эмблемой на плече и с потускневшей нашивкой за выслугу лет на обшлагае. Тощая шея шестнадцатилетнего подростка высывалась из слишком широкого, неряшливо обвисшего ворота, из коротких рукавов

торчали непомерно длинные руки, а на круглой голове грустно притулилось грязное заморское кепи. То ли руководствуясь тонким чутьем на все необычное, то ли из полнейшего презрения к воинскому уставу, он напялил башмаки поверх обмоток, накрученных так неумело, что брюки висели мешком у него на ногах.

– Откуда у тебя эта форма?

На ножницах мисс Дженни сверкало солнце. Мисс Бенбоу в своем белом платье и мягкой соломенной шляпе тоже обернулась и с каким-то странным выражением посмотрела на Айсома.

– Я ее у Кэспи взял, – отвечал Айсом.

– У Кэспи? Он разве дома?

– Да, мэ. Он вчера вечером на поезде девять тридцать приехал.

– Вчера вечером, говоришь? Где же он? Спит, наверно?

– Да, мэ. Когда я уходил, он как раз спал.

– Ага, вот почему ты взял у него форму, – ехидно заметила мисс Дженни.

– Ну, ладно, пускай уж сегодня выспится. Дадим ему денек отвыкнуть от войны. Но если война превратила его в такого же идиота, как Баярд, пускай лучше снова напяливает эту дрянь и отправляется обратно. Да, сударыня, мужчинам все не под силу.

И она пошла дальше, сопровождаемая гостьей в ее гладком белом платье.

– Вы слишком строги к мужчинам, мисс Дженни, хотя у вас нет мужа, с которым надо возиться, – сказала гостья. – И к тому же вы судите обо всех мужчинах по вашим Сарторисам.

– Сарторисы вовсе не мои, – отрезала мисс Дженни. – Они просто достались мне по наследству. Но вы только подождите – скоро у вас у самой будет с кем повозиться, вы только подождите, пока вернется Хорее, и тогда сами увидите, сколько времени он будет отвыкать от войны. Мужчинам все не под силу, – еще раз повторила она. – Им не под силу даже шататься по белу свету, не ведая забот и ответственности и безнаказанно творя любые подлости, какие им только взбредут на ум. Как по-вашему, мог бы мужчина целыми днями и месяцами сидеть в доме где-то у черта на куличках и в ожидании очередного списка убитых и раненых щипать корпию из простыней, скатертей и занавесок, смотреть, как убывает сахар, мука и мясо; жечь сосновые лучины, потому что нет свечей, а если б они и были, то нет подсвечников, куда их можно вставить; прятаться в негритянских хижинах, когда пьяные генералы-янки поджигают дом, который построил ваш прапрадед и в котором родились вы сами и все ваши родичи? Не говорите мне о страданиях мужчин на войне. – Мисс Дженни принялась яростно срезать дельфиниум. – Вы только подождите, пока Хорее вернется домой, тогда сами увидите. Для них это просто удобный предлог, чтобы морочить всем голову и мешаться под ногами, пока женщины пытаются убрать грязь, которая осталась после их драк. У Джона по крайней мере хватило ума после того, как он сунул нос не в свое дело, вообще не возвращаться домой и не доводить всех до умопомрачения. А каков Баярд – вернулся в самом разгаре всей этой свистопляски и убедил всех, что в конце концов угомонился, поступив инструктором в Мемфисскую летную школу и женившись на этой глупой девчонке.

– Мисс Дженни!

– Я вовсе не хочу сказать о ней ничего худого, но только ее следовало хорошенько выпороть. Конечно, я когда-то сделала то же самое. Все дело в сбруе, которую нацепил на себя Баярд. А еще говорят, что к военной форме равнодушны мужчины, – сказала она, продолжая срезать дельфиниум. – Поташил меня в Мемфис на свадьбу, причем в церкви было полно взятых напрокат шпаг, а когда новобрачные вышли на улицу, кое-кто из учеников Баярда пытался осыпать их розами. Впрочем, я надеюсь, что не все они были его учениками, потому что один из них бросил-таки целую охапку, но промазал, и розы рассыпались по земле. – Она яростно стригла дельфиниум. – Однажды они пригласили меня обедать. Я добрый час проторчала в гостинице, пока они вспомнили, что надо за мной заехать. По дороге мы остановились возле кулинарной лавки, Баярд с Кэролайн притащили огромный ворох пакетов, швырнули их прямо на сиденье и закапали мне жиром новые чулки. Заметьте – они ведь заранее пригласили меня на этот обед, а в квартире не было ничего, хотя бы отдаленно

напоминающего кухонную плиту. Разумеется, я не предложила им помочь. Я сказала Кэролайн, что ничего не смыслу в таком хозяйстве – у нас в семье живут по старинке и стряпают дома.

Потом явились остальные – кое-кто из военных друзей Баярда и, сколько я могла понять, целый выводок чьих-то чужих жен, молодых женщин, которым следовало сидеть дома и готовить ужин. Они громко верещали, болтая всякий вздор, как это обычно бывает с молодыми замужними женщинами, которые нарочно стараются досадить своим мужьям. Вся эта компания разворачивала бутылки – дюжины две, не меньше, а Баярд с Кэролайн достали столовое серебро, которое я им подарила, салфетки с монограммами и разложили на бумажные тарелки весь этот свиной корм из кулинарной лавки – по вкусу он напоминал водоросли. Мы ели сидя на полу, стоя или просто где попало.

Таковы были представления Кэролайн о домоводстве. Она говорила: устроимся как следует на старости лет, если к тому времени кончится война. Я думаю, под старостью она подразумевала лет тридцать пять, не больше. Худа она была как щепка – и выпороть-то не по чему. А выпороть ее было просто необходимо. Как только она узнала, что у нее будет ребенок, она дала ему имя. Дала ему имя за девять месяцев до рождения и всем об этом рассказывала. Говорила о нем так, словно это ее бабушка или еще кто-то в том же роде. Вечно твердила, что Баярд, мол, не позволяет ей делать то, другое или третье.

Мисс Дженни продолжала срезать дельфиниум, а рослая гостья в белом платье шла с нею рядом. Простая и строгая громада старинного дома возвышалась среди густых деревьев; залитый солнцем буйно цветущий сад наполнился тысячью ароматов и сонным гудением пчел – казалось, это звенят золотистым звоном сами солнечные лучи – и за этой неощутимой завесой повседневного и знакомого маленькая, гибкая, похожая на юношу девочка в бронзовом вихре волос, словно резная бесполовая фигурка, застыла в неустанном беспокойном порыве, как механизм, все детали которого должны участвовать в любом самом обычном и мелком движении, а руки – все за той же завесой, неощутимой и прочной, – были заломлены над головой в исступленном жесте не обвинения, а пылкой страсти.

Мисс Дженни нагнулась над клумбой, но ее узкая спина, даже склоненная, все равно оставалась непокорно прямой и стройной. Дрозд бесшумно пронесся по ясному небу и, описав параболу, сел на магнолию.

– А потом, когда ему надо было снова ехать на войну, он, разумеется, привез ее сюда и посадил мне на шею. – Гостья неподвижно застыла в своем белом платье, и мисс Дженни, добавив: – Но дело, конечно, не в этом, – продолжала срезать дельфиниум. – Несчастные женщины, – заявила ока. – По-моему, мы просто обязаны мстить, когда бы и где ни представилась возможность. Ну, а она-то уж во всяком случае должна была выместить все на Баярде.

– Когда она умирала, а он об этом даже не знал? – возмутилась Нарцисса. – А если бы и знал, то все равно не смог бы приехать? Да как вы можете такое говорить?

– Вы думаете, что этот хладнокровный дьявол Баярд способен кого-нибудь любить? Да он за всю свою жизнь никого на свете, кроме Джона, и в грош не ставил. – Она яростно срезала дельфиниум. – Дуется тут, словно это мы во всем виноваты, словно это мы их насильно на эту войну посылали. А теперь ему приспичило купить себе автомобиль, и он непременно должен тащиться за ним в Мемфис. Вообразите: автомобиль в сарае у Баярда Сарториса, который ни одному владельцу автомобиля даже и цента из банка не выдаст... Хотите душистого горошка?

– Да, пожалуйста, – отвечала Нарцисса.

Мисс Дженни выпрямилась и вдруг неподвижно застыла.

– Нет, вы только взгляните! Вот как они страдают на войне, бедняжки, – сказала она, указывая ножницами на раму, по которой вился душистый горошек. За ней сосредоточенно маршировал одетый в военную форму Айсом с мотыгой на правом плече и с выражением самозабвенного восторга на физиономии. Поворачивая кругом, он напевал что-то в такт своему шагу.

– Айсом! – окликнула его мисс Дженни.

Айсом остановился как вкопанный, все еще держа мотыгу «на плечо».

– Слушаю, мэм, – кротко произнес он.

Мисс Дженни не сводила с него глаз, и под ее взглядом от военной выправки Айсома осталась одна лишь оболочка – опустив мотыгу, он каким-то неуловимым движением мгновенно стер ее с себя.

– Положи мотыгу и подай сюда вон ту корзинку. Первый раз в жизни ты по своей доброй воле ваял в руки садовый инструмент. Хотела бы я знать, какая форма заставит тебя копать землю, – я б тебе ее непременно купила.

– Так точно, мэм.

– Если тебе хочется играть в солдатики, отправляйся вместе с Баярдом куда-нибудь подальше и играй себе там с ним па здоровье. Я могу выращивать цветы без помощи армии, – добавила она и обернулась к гостье, держа в руках букет дельфиниума. – Ну, а вы над чем смеетесь?

– У вас обоих такой забавный вид, – отвечала девушка. – Вы гораздо больше похожи на солдата, чем бедняга Айсом, хотя он и в форме. Простите, что я смеюсь, – добавила она, кончиками пальцев касаясь век.

Мисс Дженни сердито фыркнула, положила дельфиниум в корзинку и, направившись к душистому горошку, яростно защелкала ножницами. Гостья двинулась следом, а позади с корзинкой в руке плелся Айсом. Покончив с горошком, мисс Дженни повернула обратно, сопровождаемая своєю свитой; временами она замедляла шаг, чтобы срезать розу, и наконец остановилась возле клумбы, с которой тянулись перевернутые вверх дном яркие колокольчики тюльпанов. На этот раз им с Айсом повезло – различные краски образовали на клумбе симметричный пестрый узор.

– Осенью, когда мы их выкапывали, я клала Айсому в правую руку луковицу красного тюльпана, а в левую – желтого, – пояснила она гостье. – Потом я говорила: «А ну-ка, Айсом, подай сюда красную». Он всякий раз протягивал мне левую руку, а если я смотрела на него подольше, то и обе сразу. «Ведь я же тебе велела держать красную луковицу в правой руке», – говорила я ему. «Да, мэм, вот она», – и он снова протягивал мне левую руку.

«Но это же не правая, дурень ты этакий!» – «А вы мне раньше сказали, что она правая», – отвечал он. Верно, черномазый?

Мисс Дженни поглядела на Айсома, который, невозмутимо ухмыляясь, словно желая ее задобрить, все тем же неуловимым движением еще раз стер с себя военную выправку.

– Да, мэм, так оно и было.

– То-то, – предостерегающе заметила мисс Дженни. – Ну, посудите сами, можно с таким остолопом развести приличный цветник? Каждую весну я с ужасом жду, что на клумбе с гиацинтами вдруг ни с того ни с сего появится кукуруза или горох. – Она еще раз окинула взглядом тюльпаны, мысленно оценивая соотношение тонов.

– Нет, тюльпанов вам не надо, – решительно заявила она и пошла дальше.

– Не надо, мисс Дженни, – серьезно согласилась гостья.

У калитки мисс Дженни остановилась и взяла у Айсома корзинку.

– Ступай домой и сними с себя все это барахло, слышишь?

– Да, мэм.

– Через несколько минут я посмотрю в окно. К этому времени ты должен быть в саду с мотыгой, – добавила она. – Держи ее обеими руками и старайся, чтоб она у тебя двигалась. Понял?

– Да, мэм.

– А Кэспи передай, чтобы он завтра с утра принимался за работу. Черномазые, которые тут кормятся, должны хоть иногда немножко поработать.

Но Айсом уже исчез, и обе женщины пошли дальше и поднялись на веранду. Войдя в прихожую, мисс Дженни доверительно заметила:

– Послушать его, так он и вправду собирается работать. А ведь он отлично знает, что после этих слов я просто не посмею выглянуть в окно. Проходите, – добавила она, распахивая

дверь в гостиную.

Теперь эту комнату открывали лишь от случая к случаю, тогда как при жизни Джона Сарториса ею пользовались постоянно. Он регулярно давал званые обеды, а то и балы, и тогда распахивались створчатые двери, соединявшие гостиную со столовой, на лестницу выходили три негра со струнными инструментами, зажигались все свечи и среди этого богатства ароматов, музыки и красок сновал веселый и дерзкий хозяин. И здесь же, в этой комнате, в мягких отблесках своего щедрого очага, облаченный в серый военный мундир, пролежал он последнюю ночь, созерцая собственный апофеоз, завершивший великолепный, хотя и не всегда безусловно чистый карнавал его жизни.

Но при его сыне в гостиной собирались все реже и реже, и она постепенно и незаметно утратила свою веселую и величавую мужественность и по безмолвному уговору между его женой, женой его сына Джона и мисс Дженни стала просто комнатой, где они два раза в год производили генеральную уборку или же, сняв с мебели полотняные серые чехлы, как того требовал неукоснительно соблюдаемый ритуал, принимали почетных гостей. Таков был статус этой комнаты, когда появились на свет его внуки, и таким же он оставался вплоть до смерти их родителей и позже, до кончины его жены. После этого мисс Дженни о почетных гостях вспоминала очень редко, а о гостиной и вовсе никогда. Она говорила, что от этой комнаты ее прямо в дрожь бросает.

Итак, гостиная почти всегда стояла запертой, и постепенно все в ней пропиталось какой-то торжественной зловещей затхлостью. Порою молодой Баярд или Джон открывали дверь и заглядывали в торжественный сумрак, в котором, как добродушные мастодонты-альбиносы, маячили окутанные саванами призраки диванов и кресел. Но внутрь мальчики не входили – в их сознании комната уже связывалась со смертью, и это представление не мог полностью рассеять даже святочный блеск украшенного мишурой остролиста. Когда близнецы стали старше и могли сами принимать гостей, их отправили в школу, но даже на каникулах, хотя они со своими сверстниками превращали дом в настоящий бедлам, гостиную открывали только в сочельник, и тогда в ней водружали остролист, разжигали камин, а на стол перед камином ставили кувшин гоголь-моголя с ромом. А после того, как в 1916 году братья уехали в Англию, комнату открывали два раза в год для уборки по старинному ритуалу, который даже Саймон унаследовал от своих предков, для настройки рояля либо когда мисс Дженни с Нарциссой проводили там утро или вечер, но для парадных приемов уже Никогда.

В полумраке смутно вырисовывалась бесформенная в своих серых саванах мебель. Чехол был снят только с рояля, и Нарцисса выдвинула табурет, сняла шляпу и бросила ее на пол. Мисс Дженни поставила на пол корзину, вытащила из темного угла за роялем жесткий стул с прямой спинкой, тоже без чехла, уселась и сняла фетровую шляпу с аккуратно причесанной седой головы. Окна за тяжелыми коричневыми портьерами были закрыты ставнями, и свет, проникавший в комнату через открытую дверь, еще больше подчеркивал сумрак и окончательно лишал всякой формы неведомые зачехленные предметы.

Но за всеми этими серыми глыбами и по всем углам, как актеры в ожидании выхода у боковых кулис, притаились фигуры в шелковых и атласных кринолинах и фижмах, в камзолах и широких плащах, а иные в серых мундирах, опоясанных широкими алыми шарфами, и с грозными шпагами, до поры до времени мирно покоящимися в ножнах, а среди них, быть может, и сам Джеб Стюарт на украшенном цветочными гирляндами лоснящемся гнедом коне или же такой, каким он запомнился ей в 58 году в Балтиморе под ветками остролиста и омелы, с золотыми кудрями, ниспадающими на тонкое черное сукно. Мисс Дженни сидела, гордо выпрямив свою гренадерскую спину, положив на колени шляпу и сосредоточенно глядя перед собой, а в это время ее гостья коснулась клавиш, и звуки понеслись и, сплетаясь в мелодию, постепенно закрыли занавесом сцену.

На кухне завтракал Кэспи, а отец его Саймон, сестра Элнора и племянник Айсом (в военной форме) сидели и смотрели, как он ест. До войны он помогал Саймону на конюшне, был мальчиком на побегушках, выполняя всю ту работу, которую Саймон под предлогом своей дряхлости и сыновнего долга Кэспи ухитрялся на него взвалить, а также ту, которую

мисс Дженни могла для него изобрести и от которой ему не удавалось отвертеться. Кроме того, старый Баярд время от времени посылал его работать в поле. Потом его забрали по призыву и отправили во Францию, в доки Сен-Сюльпис²¹, в рабочий батальон, где он выполнял всю ту работу, которую сержанты и капралы ухитрились взвалить на его штатские плечи, и еще ту, которую офицеры-белые могли для него изобрести и от которой ему не удавалось отвертеться.

После этого вся работа в доме легла на Саймона и Айсома. Но мисс Дженни без конца гоняла Айсома по всяким пустякам, и потому Саймон вскоре возненавидел военных заправил такой лютой ненавистью, словно он был профессиональным деятелем демократической партии. Тем временем Кэспи, не слишком утруждая себя работой, приобщался к европейскому образу жизни в условиях военного времени – без сомнения, к грядущей своей гибели, ибо в конечном счете «шум утих и полководцы удалились»²², оставив за собою пустоту, заполненную обычной ожесточенной перебранкой законных наследников Армагеддона²³, и Кэспи вернулся на родину человеком с точки зрения социологии совершенно никчемным, с ярко выраженным отвращением к труду – как честному, так я любому другому, – а также с двумя почетными ранами, добытыми в резне за игрой в кости. Однако он все же вернулся – к ворчливому удовлетворению своего родителя и к восторгу Айсома и Элноры, и теперь сидел на кухне и рассказывал им про войну.

– Белые мне нынче не указ, – говорил он. – Война все это изменила. Раз мы, цветные, годимся на то, чтоб Францию от немцев спасти, значит, мы годимся и на то, чтоб нам дали все права, какие есть у немцев. Французы так и думают, ну, а если Америка не согласна, мы ее научим. Да, сэр, это цветной солдат спас Францию, да и Америку в придачу. Черные полки поубивали больше немцев, чем все армии белых людей вместе взятые, не говоря про пароходы, что мы с утра до ночи за доллар в день разгружали.

– Сдается мне, парень, что твой длинный язык на войне короче не стал, – заметил Саймон.

– Война-то как раз негру язык и развязала, – поправил его Кэспи. – Дала ему право говорить. Убивайте немцев, а речи на потом отложите – вот нам что сказали. Так мы и сделали.

– А ты сам сколько человек убил, дядя Кэспи? – почтительно осведомился Айсом.

– Стану я их считать. Иной раз за утро убьешь столько, сколько тут во всем доме народу не наберется. Сидим это мы однажды на дне парохода – он к берегу был привязан, – как вдруг подходит эта лодка ихняя подводная и рядом с нами останавливается. Офицеры белые – те сразу на берег повыскакивали да и попрыгались. Ну, а мы, конечно, сидим себе там внизу и знать ничего не знаем, покуда кто-то вниз по лестнице спускаться начал. У нас даже и винтовок при себе не было, ну, мы, как увидели, что зеленые ноги к нам по лестнице лезут, сразу под лестницу забрались, а чуть кто из них на пол соскочит – один из наших трах его по башке поленом, а другой его сразу в сторону оттаскивает да глотку ему кухонным ножом перерезает. Их там штук тридцать было... Элнора, кофе у тебя еще есть?

– Ишь ты как, – пробормотал Саймон.

Айсом молча тарашил глаза, а Элнора сняла с плиты кофейник и налила Кэспи еще чашку. Некоторое время он молча прихлебывал кофе.

– А другой раз мы с одним парнем шли по дороге. Надоело нам эти пароходы с утра до

²¹ ...в доки Сен-Сюльпис... – По-видимому, мистификация или ошибка Фолкнера. Все населенные пункты во Франции с названием Сен-Сюльпис находятся далеко от моря.

²² «Шум утих и полководцы удалились» – цитата из хрестоматийного стихотворения английского поэта и прозаика Редьярда Киплинга (1869-1936) «Последнее песнопение» (1897).

²³ Армагеддон – место, где, согласно Апокалипсису, должна произойти решающая битва между воинствами Христа и Антихриста. Здесь – в переносном значении «великая битва».

ночи разгружать, и однажды капитанов денщик подсмотрел, куда капитан бланки от увольнительных прячет, ну и взял себе пачку, и вот идем мы с ним по дороге, и вдруг нас нагоняет грузовик, и шофер спрашивает, куда, мол, вас подвезти. Он раньше в школе учился, и как подъедем мы к городу, где много военной полиции, он сразу три увольнительных напишет, и мы себе повсюду на этом самом грузовике разъезжаем, но вот однажды утром подходим мы к своему грузовику, смотрим – а на нем военный полицейский сидит, а шофер ему что-то толкует. Тогда мы махнули в сторону и потопали дальше пешком. Тут уж нам пришлось обходить все места, где военная полиция засела, потому что мы с тем парнем увольнительные писать не умели.

И вот идем мы с ним однажды по дороге. Дорога была вся разбитая – непохоже, чтоб тут нам полицейские попались. Но в последнем городе, который мы обходили, их несколько было, и потому мы не знали, что подошли так близко туда, где воюют, пока не добрались до моста и не наткнулись на целый полк немцев – они там в реке купались. Как увидели нас немцы, так все под воду и нырнули, а мы с приятелем схватили два ихних пулемета, поставили на перила, и как немец голову из воды высунет, чтоб дыхнуть, так мы его и подстрелим. Все равно как черепаху на болоте. Я так думаю, что мы их не меньше сотни ухлопали, пока у нас патроны не кончились. Вот за это самое мне ее и дали.

Он вытащил из кармана блестящую металлическую бляху пуэрто-риканского происхождения, и Айсом тихонько подошел на нее взглянуть.

– М-м-м, – промычал Саймон. Он сидел, положив руки на колени, и восхищенно смотрел на сына. Элнора тоже подошла поближе. Руки у нее были в муке.

– А какие они из себя? Хоть на людей-то похожи? – спросила она.

– Они большие, – отвечал Кэспи. – Краснорожие, футов восемь ростом. Во всей американской армии с ними никто справиться не мог – одни только цветные полки.

Айсом вернулся в свой угол за ящиком с дровами.

– А тебе, малый, разве не велено было в саду поработать? – спросил его Саймон.

– Нет, сэр, – отвечал Айсом, не сводя восхищенного взора со своего дяди. – Мисс Дженни сказала, что на сегодня хватит.

– Смотри не приходи ко мне скулить, если она задаст тебе трепку, – предостерег его Саймон и, обратившись к сыну, спросил: – А где ты следующую порцию немцев прикончил?

– Мы больше никого не убивали, – сказал Кэспи. – Решили, что с нас довольно – оставим их тем ребятам, кому за это деньги платят. Пошли мы дальше и шли, пока дорога не уперлась в поле. Там были разные канавы, старые проволочные заборы и ямы, а в ямах жили люди. Это были белые американские солдаты, и они нам посоветовали присмотреть себе яму и пожить у них немножко, если мы хотим узнать, что такое мир и уют на войне. Мы нашли сухую яму и стали в ней жить. Делать нам было нечего, и мы по целым дням лежали себе в тенечке, глядели на воздушные шары и слушали, как стреляют на дороге, где-то мили за четыре. Парень, который был со мной, думал, что это на кроликов охотятся, но я-то знал что к чему. Белые ребята были грамотные, они выправили нам увольнительные, и мы потихоньку пошли туда, где стояла армия, чтобы достать себе жратвы. Когда увольнительные кончились, мы нашли в лесу место, где жили французские солдаты с пушками, пошли к ним, и они нас накормили.

Так мы жили долго, потом однажды воздушные шары улетели, и белые ребята сказали, что пора двигаться дальше. Но нам с тем парнем уходить было незачем, и мы остались на старом месте. В тот вечер мы пошли за едой к французам, а их там уже нет. Парень, который был со мной, сказал, что их, наверно, немцы поймали, но мы не знали, правда это или нет, – мы со вчерашнего дня никакого шума не слышали. Вот мы и вернулись обратно в яму. Жрать нам было нечего, залезли мы к себе и легли спать, а наутро кто-то забрался к нам в яму, наступил на нас ногой, и мы проснулись. Это была одна из тех дамочек, что в армии боевой дух поднимают, она собирала немецкие штыки и пряжки от ремней. «Кто это тут?» – спрашивает, а мой приятель ей отвечает: «Ударные отряды». Вылезли мы тогда из ямы, но не прошли и шагу, как целый грузовик военных полицейских приехал. А увольнительные-то у нас кончились.

– Что же вы тогда сделали? – спросил Саймон.

Айсом молча таращил глаза в сумрачном углу за ящиком с дровами.

– Они нас схватили и посадили в тюрьму. Но война уже почти кончилась, и надо было опять пароходы грузить, и потому нас отправили в город Брест²⁴...

Белый мне нынче не указ, будь он военный полицейский или кто другой, – снова заявил Кэспи. – Однажды вечером сидим мы с ребятами и в кости режемся. Горнист уже отбой сыграл – чтоб свет гасить, значит, но в армии все могут делать что хотят, пока им не запретили, и потому, когда к нам явилась военная полиция и сказала: «Гасите-ка вы тут свет», один наш парень им ответил: «Идите сюда, мы вам покажем, как свет гасят». Их было двое, полицейских этих, они высадили дверь да как начнут палить, и тогда один из наших опрокинул лампу, и мы все разбежались. Наутро нашли одного полицейского – у него воротнику не на чем было держаться, и еще двоих убитых из наших. Но кто из нас еще там был – они так и не узнали. А потом мы домой поехали.

Кэспи допил кофе.

– Белый мне нынче не указ – будь он хоть капитан, хоть лейтенант, хоть из военной полиции. Война показала белым, что им без цветного не обойтись.

Топчут его в грязь, а чуть дело плохо – сразу: «Прошу вас, мистер цветной, сэр, пожалуйста сюда, где горн играет, ах, мистер цветной, вы спаситель отечества»²⁵. Ну, а теперь цветной народ хочет пожать плоды победы. И чем скорее, тем лучше.

– Ишь ты как, – пробормотал Саймон.

– Да, сэр, и насчет женщин тоже. Была у меня одна белая во Франции, вот и здесь тоже будет.

– Послушай, что я тебе скажу, черномазый, – заметил Саймон. – Господь Бог очень долго о тебе заботился, но вечно он с тобой возиться не станет.

– Ну что ж, обойдемся и без него, – отвечал Кэспи. Он встал, потянулся и добавил: – Выйду-ка я на дорогу да съезжу на попутной в город. Дай мне сюда мою форму, Айсом.

Мисс Дженни со своею гостьей стояла на веранде, когда Кэспи обогнул дом и вышел на аллею.

– Вон идет ваш садовник, – сказала Нарцисса.

Мисс Дженни подняла глаза.

– Это Кэспи, – возразила она. – Как по-вашему, куда он собрался? Держу пари на доллар, что в город, – добавила она, глядя на развинченную фигуру в хаки, которая всем своим видом выражала какую-то ленивую наглость. – Кэспи!

Проходя мимо маленького автомобиля Нарциссы, он замедлил шаг и посмотрел на машину с таким бесконечным пренебрежением, когда даже усмехнуться лень, а потом вразвалку двинулся дальше.

– Эй, Кэспи! – еще громче повторила мисс Дженни. Но он, не останавливаясь, шел вперед – вразвалку, неторопливо и нагло.

– Он прекрасно все слышал, – угрожающе сказала мисс Дженни. – Мы займемся этим, когда он вернется. И какому ослу пришло в голову нарядить черномазых в ту же ферму, что и белых? Мистер Вардаман знал, чем это пахнет²⁶, он в свое время говорил этим

²⁴ *Брест* – французский военный и торговый порт на полуострове Бретань.

²⁵ «*Прошу вас, мистер цветной, сэр, пожалуйста сюда... спаситель отечества*». – Видимо, пародийная парафраза баллады Р.Кипплинга «Томми», герой которой, английский солдат, жалуется на двойственное отношение к нему почти в тех же выражениях, что и герой Фолкнера.

²⁶ *Мистер Вардаман знал, чем это пахнет...* – Правый политический деятель Джеймс К. Вардаман (1861-1930), губернатор штата Миссисипи (1904-1908), сенатор США от демократической партии (1913-1919), резко выступал против вступления Америки в первую мировую войну; был одним из шести сенаторов, голосовавших против объявления войны Германии. Его демагогические выступления по военным и расовым вопросам пользовались широкой популярностью среди малоимущих белых южан.

вашингтонским ослам, что так нельзя.

Но что вы хотите – политики! – Она вложила в это невинное слово совершенно уничтожающее презрение. – Знаете, что я сделаю, если мне когда-нибудь надоест общаться с порядочными людьми? Выставлю свою кандидатуру в конгресс... Нет, каково, – я опять начинаю ораторствовать! Честно говоря, мне иногда кажется, что эти Сарторисы и все их владения созданы специально для того, чтобы меня терзать и мучить. Слава Богу – хоть на том свете мне не придется иметь с ними дело. Я не знаю, куда они попадут, но только ни один Сарторис по своей доброй воле в раю минуты лишней не просидят.

– Вы, как видно, точно знаете, что ждет вас на том свете, – засмеялась Нарцисса.

– Еще бы! По-моему, я давно уже заработала себе нимб и арфу! – Прикрыв рукою глаза, она посмотрела на аллею. Кэспи как раз дошел до ворот и теперь стоял в ожидании попутной повозки.

– Только не вздумайте его подвозить, – сказала она вдруг. – Вы не останетесь обедать?

– Нет, – отвечала гостя. – Мне пора домой. Тетя Сэлли сегодня плохо себя чувствует. – Держа в руках шляпу и корзинку с цветами, она задумчиво постояла на солнце. Потом, как бы внезапно приняв решение, вытащила спрятанный на груди листок бумаги.

– Еще одно получили? – спросила мисс Дженни, наблюдая за ней. – Дайте я посмотрю. – Она взяла сложенный листок, развернула его и отошла в тень. Приколотый к ее груди маленький золотой футляр соединялся пружинкой с тонким шелковым шнурком, к которому было прикреплено пенсне. Она дернула за шнурок и водрузила пенсне на свой горбатый нос. Под стеклами холодно блеснули пронизывающие, как у хирурга, глаза.

Почерк на большом листе бумаги был разборчивый и ясный, на первый взгляд лишенный всякого индивидуального характера; рука писавшего обличала лишь молодость и мягкую, но такую настойчивую откровенность, которая невольно вызывала удивление.

«Вы не ответили на мое письмо от 25-го. Я пока и не ждал ответа. Вы мне скоро ответите мне торопиться некуда. Я вас не обижу я честный и благородный вы еще меня узнаете когда наши пути сойдутся. Я пока не жду ответа но вы сама знаете как подать мне знак».

Мисс Дженни с легким, едва заметным отвращением сложила письмо.

– Я бы эту гадость, конечно, сожгла, если б она не была единственной уликой, которая поможет нам его поймать. Сегодня же отдам это Баярду.

– Нет-нет, – поспешно возразила Нарцисса, протягивая руку. – Пожалуйста, не надо. Дайте я порву.

– Но ведь это – единственная улика, это письмо и еще то, другое, дитя мое. Мы найдем сыщика.

– Нет, нет, пожалуйста, не надо. Я не хочу, чтобы об этом знал кто-нибудь чужой. Прошу вас, мисс Дженни. – Она снова протянула руку.

– Вы просто хотите его сохранить, – холодно и осуждающе произнесла мисс Дженни. – Разумеется, глупым девчонкам подобные вещи льстят.

– Я его порву, – повторила Нарцисса. – Я б его сразу порвала, но я хотела хоть кому-нибудь рассказать. Я – я – мне казалось, что если я его кому-нибудь покажу, я не буду чувствовать себя такой грязной. Пожалуйста, отдайте.

– Что за вздор! Почему вы должны чувствовать себя грязной? Разве вы дали ему повод?

– Прошу вас, мисс Дженни.

Но мисс Дженни не выпускала письма из рук.

– Не будьте душой, – отрезала она. – Почему такая вещь может заставить вас чувствовать себя грязной? Любой молодой девице могут прислать анонимное письмо. И многим это нравится. Мы все уверены, что мужчины испытывают к нам подобные чувства, и невольно восхищаемся тем человеком, у которого хватило смелости сказать нам об этом – кто бы он ни был.

– Хоть бы он подписался. Мне ведь все равно, кто он. Но так... Пожалуйста, мисс

Дженни.

– Не будьте душой, – повторила мисс Дженни. – Как мы узнаем, кто это был, если вы уничтожите улики?

– Не хочу я ничего знать! – Мисс Дженни отдала ей письмо, Нарцисса изорвала его в мелкие клочки, бросила их за забор и вытерла руки о платье.

– Не хочу ничего знать. Я хочу поскорее об этом забыть.

– Ерунда. Вы и сейчас умираете от любопытства. Держу пари, что вы смотрите на каждого прохожего и гадаете – а вдруг это он. Если не принять никаких мер, это будет продолжаться. И наверняка станет еще хуже. Давайте я скажу Баярду.

– Нет, нет, ни за что. Я не хочу, чтоб он узнал и подумал, что я... что я могла бы... Знаете что: я теперь буду сжигать их не распечатывая... Мне правда пора.

– Вот именно – вы будете бросать их прямо в печку, – с холодной иронией подтвердила мисс Дженни.

Нарцисса спустилась по ступенькам, а мисс Дженни снова вышла на солнце, сняла пенсне, и оно скользнуло обратно в футляр.

– Конечно, вам виднее, но я бы на вашем месте этого ни за что не потерпела. Правда, мне уже не двадцать шесть. Ну, ладно, приезжайте, когда получите еще одно письмо или когда вам опять понадобятся цветы.

– Обязательно приеду. Спасибо за цветы.

– И сообщайте мне, что пишет Хорее. Слава Богу, что он везет всего лишь стеклодувный аппарат, а не военную вдовушку.

– Обязательно сообщу. До свидания. – Нарцисса прошла сквозь пятнистую тень. На фоне ее гладкого белого платья четким пунктиром вырисовывалась корзинка с цветами. Она села в свой автомобиль. Верх его был откинут, она положила шляпу на сиденье, завела мотор и, еще раз оглянувшись, помахала рукой. – До свидания.

Негр, медленно шагавший по дороге, остановился, украдкой наблюдая за приближающейся машиной. Когда Нарцисса с ним поравнялась, он посмотрел ей прямо в лицо, и она поняла, что он вот-вот ее окликнет. Она дала полный газ и помчалась в город, где на холме среди виргинских можжевельников стоял кирпичный дом, в котором она жила.

Нарцисса ставила дельфиниум в матовую лимонно-желтую вазу на рояле. Тетушка Сэлли Уайэт, сидя в качалке у окна, равномерно раскачивалась, шлепая в такт ногами по полу. На подоконнике за мягко колышущимися занавесками стояла корзинка с ее рукоделием, а рядом была прислонена трость черного дерева.

– Ты провела там целых два часа и даже его не видела? – спросила она.

– Его не было дома, – отвечала Нарцисса. – Он уехал в Мемфис.

Тетушка Сэлли мерно качалась в качалке.

– Я бы на их месте велела ему оставаться там, где он был. Ни за что б не допустила, чтоб этот малый торчал в доме, будь он мне хоть трижды родня.

Зачем он поехал в Мемфис? Я думала, что это его аэропланное заведение – или как оно там называется – уже закрылось – Может быть, он поехал по делу.

– Какие у него могут быть дела в Мемфисе? Надеюсь, у Баярда Сарториса хватило ума этому дурню никаких дел не поручать.

– Не знаю, – отвечала Нарцисса, поправляя дельфиниум. – Я думаю, он скоро вернется. Тогда вы сможете сами его спросить.

– Я?! Да я с ним за всю его жизнь двух слов не сказала. И впредь не собираюсь. Я привыкла вращаться в обществе джентльменов.

Подбирая цветы, Нарцисса обломала несколько стеблей.

– Разве он совершил что-нибудь непозволительное для джентльмена, тетя Сэлли?

– Всего только прыгал с водяных цистерн и летал на воздушных шарах – специально чтобы пугать людей. Неужели ты думаешь, что я держала бы у себя такого шалопаю? Да я б на месте Дженни и Баярда его в сумасшедший дом упрянула.

– Но ведь он вовсе не прыгал с цистерны. Он просто спустился с нее на веревке и нырнул

в пруд. А на воздушном шаре летал Джон.

– А мне совсем другое говорили. Мне говорили, будто он спрыгнул с цистерны, перемахнул через целый состав товарных вагонов и штабелей с бревнами и угодил прямо в пруд.

– Ничего подобного. Он спустился по веревке с крыши дома, а потом нырнул в пруд. Веревка была привязана к водяной цистерне.

– А разве ему не пришлось прыгать через бревна и товарные вагоны? И разве он не мог при этом с таким же успехом сломать себе шею, как если б он прыгал с цистерны?

– Наверное, мог, – отвечала Нарцисса.

– Ну вот, а я что говорю? Зачем все это было нужно?

– Не знаю.

– То-то и оно, что не знаешь. Вот потому он так и сделал.

Тетя Сэлли продолжала с торжествующим видом раскачиваться в качалке. Нарцисса внесла последний штрих в голубой узор из дельфиниума. На подоконнике рядом с корзинкой внезапно и беззвучно – словно выскочив из рукава фокусника – возник пестрый черно-желтый кот. Постояв на согнутых лапах, он, сощурился, оглядел комнату, а затем улегся на брюхо и, вытянув шею, узким розовым языком принялся вылизывать себе плечо. Нарцисса подошла к окну и погладила кота по блестящей спине.

– А потом он полетел на воздушном шаре, когда...

– Но ведь это был Джон, а вовсе не Баярд, – повторила Нарцисса.

– А мне совсем другое говорили. Мне говорили, что это был именно он и что Баярд и Дженни со слезами на глазах умоляли его этого не делать. Мне говорили...

– Но ведь там никого из них не было. Баярда там вообще не было. А на воздушном шаре летел Джон. Владелец шара захворал, и он полетел, чтоб не разочаровывать фермеров. Я сама там была.

– Ну да – стояла и позволила ему лететь, вместо того чтоб позвонить по телефону Дженни или перейти площадь и вызвать Баярда из банка. Стояла и даже рта не раскрыла.

– Да, – отвечала Нарцисса. Она действительно стояла рядом с Хоресом в неподвижной, напряженно застывшей толпе фермеров, смотрела, как шар раздувается и натягивает канаты; смотрела на Джона Сарториса в вылинявшей фланелевой рубашке и вельветовых брюках, на балаганщика, который объяснял ему устройство разрывной веревки и парашюта; стояла, не успевая ловить ртом воздух, с бешеной скоростью вырывавшийся из легких; смотрела, как шар взмывает в небо вместе с Джоном – он сидел на хрупкой трапеции, болтавшейся внизу, – смотрела, как шар и люди и все кругом медленно опрокидывается, а потом вдруг обнаружила, что, уцепившись за Хореса, стоит под прикрытием какого-то фургона и пытается перевести дух.

Джон опустился на заросли колючей ежевики милях в трех от города, отцепил парашют, вышел на дорогу и остановил проезжавшего в фургоне негра. Когда до города оставалось не больше мили, он увидел старого Баярда, который бешено неся навстречу в коляске, и пока они стояли бок о бок посреди дороги, старый Баярд изливал накопившуюся ярость, между тем как в фургоне сидел в изодранной одежде его внук и его исцарапанное лицо выражало чувства человека, которому довелось испытать нечто столь невыразимо прекрасное, что потеря этой на миг воплощенной мечты воспринималась как очищение, а вовсе не как утрата.

Назавтра, проходя по улице, Нарцисса встретила Джона, который с бешеной стремительностью, отличавшей обоих братьев, выбежал из какой-то лавки, отскочил в сторону, чтобы не сбить ее с ног, и выпалил:

– Ах, извини... Здравствуй.

Лицо его, заклеенное крест-накрест пластырем, было озорным, веселым и дерзким. На мгновение она подняла на него широко открытые, полные отчаяния глаза, потом прижала ладонь к губам и быстро, почти бегом, пошла прочь.

Потом он уехал вместе с братом, и война отгородила их от всех, словно двух запертых в отдаленной конуре беспокойных псов. Мисс Дженни рассказывала ей о них, о скучных

письмах, которые они из чувства долга изредка посылали домой, а потом он погиб – где-то далеко за морем, и не было тела, чтобы возвратить его земле, и оттого ей казалось, что он все еще смеется над словом «смерть», как смеялся прежде над прочими словами, означающими покой, – смеется, не дождавшись, пока время и весь его реквизит не внушат ему, что итог человеческой мудрости – вознестись в мечтах так высоко, чтобы в поисках этой мечты не утратить и ее самое.

Тетушка Сэлли мерно качалась в качалке.

– Не все ли равно, который из двух это был. Они оба друг друга стоят.

Впрочем, они не виноваты, что их так дурно воспитали. Испортили вконец – и того и другого. Люси Сарторис до самой своей смерти никому не позволяла делать им замечания. Будь это мои дети... – Она все качалась и качалась. – Я б из них эту дурь выбила. Нечего сказать – вырастили парочку диких индейцев. Эти Сарторисы воображают, что лучше их на свете никого нет. Даже Люси Крэнстон – родом из такой семьи, каких во всем штате не сыщешь, – и та вела себя так, будто само провидение удостоило ее чести стать женой одного Сарториса и матерью еще двоих. А все гордыня, ложная гордыня.

Она мерно качалась в качалке. Под рукой у Нарциссы с ленивым нахальством мурлыкал кот.

– Это их сам бог наказал, отняв у них Джона, а не его брата. Джон по крайней мере раскланивался, встречая на улице даму, а уж этот... – Она ритмично раскачивалась, шлепая ногами по полу. – Смотри держись от него подальше. Он убьет тебя, как свою бедняжку жену.

– Дайте мне хотя бы получить благословение церкви, тетя Сэлли, – сказала Нарцисса.

Под глянцевиной шкурой кота, которую она гладила, внезапно узлами вздулись тугие, словно проволока, мышцы, и он, растянувшись как резинка, вырвался из-под ее руки, с молниеносной быстротой пролетел по веранде и скрылся из виду.

– Ой! – вскричала Нарцисса. Она стремительно обернулась, схватила палку тетушки Сэлли и выскочила из комнаты.

– Это еще что такое?.. – промолвила тетушка Сэлли. – Дай мне сюда мою палку!

Она еще немного посидела, глядя на дверь и прислушиваясь к быстрому стуку каблуков Нарциссы, который донесся сначала из прихожей, а потом с веранды. Затем встала, высунулась в окно и крикнула:

– Дай сюда мою палку!

Нарцисса сбежала по ступенькам в сад. Посреди клумбы с каннами, припав к земле и вертя во все стороны головой с желтыми немигающими глазами, притаился кот.

Нарцисса кинулась к нему, размахивая палкой.

– Положи сейчас же! Брось! – кричала она.

Желтые глаза сверкнули в ее сторону, а потом кот опустил голову и длинным грациозным прыжком рванулся прочь, унося в зубах пойманную птицу.

– Ах ты, гадина! Ах ты... Сарторис! – крикнула Нарцисса, запустив палкой в пятнистую молнию, которая, сверкнув напоследок, скрылась за углом дома.

– Сию минуту подними и подай мне палку! – кричала в окно тетушка Сэлли.

Нарцисса и мисс Дженни сидели в полутемной гостиной. Двери, как всегда, были распахнуты настежь, и молодой Баярд, неожиданно возникнув в дверном проеме, остановился и посмотрел на Нарциссу.

– Это Баярд, – сказала мисс Дженни. – Поди сюда, сынок, поздоровайся с Нарциссой.

– Здравствуйте, – невнятно пробормотал он, а Нарцисса повернулась на табуретке и отпрянула к роялю.

– Это кто такая? – спросил он. Войдя в комнату, он внес с собой напряженную холодную порывистость, которую она хорошо помнила.

– Это Нарцисса, – сердито ответила мисс Дженни. – Поди сюда, поговори с ней и не притворяйся, будто ты ее в первый раз в жизни видишь.

Нарцисса протянула ему руку, и он помедлил, небрежно держа ее в своей и не глядя в ее

сторону. Она отняла руку. Тогда он взглянул на нее, потом снова отвел глаза и продолжал стоять над обеими женщинами, приглаживая рукой волосы.

– Я хочу выпить. Не могу найти ключ от конторки, – сказал он.

– Побудь здесь немножко, поговори с нами, а потом выпьешь.

Он с минуту постоял, потом порывисто отошел в сторону, и не успела мисс Дженни раскрыть рот, как он уже сорвал чехол с ближайшего кресла.

– Не трогай, дикарь ты эдакий! – вскричала мисс Дженни. – Если у тебя нет сил стоять, садись на мой стул. Я сейчас вернусь, – добавила она, обращаясь к Нарциссе. – Только ключи принесу.

Он опустился на стул и, продолжая поглаживать голову, сосредоточенно глядел на свои сапоги. Нарцисса сидела совершенно неподвижно, откинувшись к роялю.

– Мне так жаль вашу жену... и Джона, – проговорила она наконец. – Я просила мисс Дженни передать вам, когда она...

Он сидел, медленно поглаживая голову, но за этим минутным спокойствием скрывалась сосредоточенная порывистость.

– А вы не замужем? – спросил он. Она сидела совсем тихо. – Советую попробовать. Каждый должен хоть раз вступить в брак и каждый должен побывать хоть на одной войне.

Как только мисс Дженни вернулась с ключами, он резким движением поднял свое длинное угловатое тело и вышел.

– Продолжайте, – сказала мисс Дженни. – Он больше не будет нам мешать.

– Нет, мне пора. – Нарцисса быстро встала и взяла с рояля шляпу.

– Но вы же только что приехали.

– Мне пора, – повторила Нарцисса.

Мисс Дженни поднялась.

– Ну, если пора, так пора. Подождите минутку, я нарежу вам цветов.

– Нет, нет, как-нибудь в другой раз... я... я скоро приеду специально за цветами. До свидания.

Подойдя к двери, она быстро окинула взглядом прихожую и пошла дальше. Мисс Дженни проводила ее до веранды. Нарцисса спустилась по ступенькам и торопливо пошла к своему автомобилю.

– Приезжайте поскорее! – крикнула ей вслед мисс Дженни.

– Спасибо, приеду, – отвечала Нарцисса. – До свидания.

2

Молодой Баярд приехал из Мемфиса в своем автомобиле. До Мемфиса было семьдесят пять миль, и поездка заняла час сорок минут, потому что часть дороги представляла собой грунтовой проселок. Автомобиль был длинный, низкий и серый. Четырехцилиндровый мотор имел шестнадцать клапанов, восемь запальных свечей, и фирма гарантировала 80 миль в час, хотя к ветровому стеклу была приклеена бумажка (он не обращал на нее ни малейшего внимания), на которой красными буквами было написано, что первые 500 миль ездить с такой скоростью не рекомендуется.

Он проехал по аллее и остановился перед домом; дед его сидел, положив ноги на перила веранды, а мисс Дженни, как всегда подтянутая в своем черном платье, стояла у колонны. Она спустилась по ступенькам, осмотрела автомобиль, открыла дверцу и села на сиденье. Саймон подошел к дверям, окинул автомобиль уничтожающим взглядом и удалился, а Айсом, появившись из-за угла, с нескрываемым восторгом медленно ходил вокруг. Старый Баярд, держа в руке сигару, небрежно глянул на запыленную серую махину и хмыкнул.

– Да тут удобно, как в качалке, – я сказала мисс Дженни. – Иди попробуй.

Но он снова хмыкнул и, не спуская ног с перил, смотрел, как молодой Баярд садится за руль. Мотор, как бы в виде опыта, взревел и умолк. Айсом стоял рядом, словно гончая на сворке. Молодой Баярд посмотрел на него.

– В следующий раз ты можешь поехать со мной, – сказал он.

– А почему не сейчас? – сказала мисс Дженни. – Влезай, Айсом.

Айсом забрался на сиденье, и старый Баярд смотрел, как автомобиль бесшумно проехал по аллее и скрылся из виду в долине. Вскоре над деревьями появилось розовое облачко пыли; медленно поднявшись в вечернюю лазурь, оно постепенно растаяло на солнце, а звук, напоминающий раскаты– отдаленного грома, пророкотал и замер вдали. Старый Баярд по-прежнему попыхивал сигарой. В дверях снова возник Саймон.

– Интересно, куда это их понесло перед самым обедом? – спросил он.

Баярд хмыкнул, и Саймон остался стоять в дверях, бормоча что-то себе под нос.

Минут через двадцать автомобиль пронесся по аллее и остановился почти на прежнем месте. Сзади сидел Айсом, и его черная физиономия с разинутым ртом напоминала открытый рояль. Мисс Дженни была без шляпы, обеими руками она придерживала волосы, и когда автомобиль остановился, еще некоторое время продолжала сидеть. Потом глубоко вздохнула.

– Приходится пожалеть, что я не курю, – сказала она и, подумав, добавила: – А быстрее он ехать не может?

Айсом вылез и открыл ей дверцу. Она вышла с некоторым трудом, но глаза ее сияли, а старые сухие щеки зарумянились.

– И далеко вы ездили? – спросил Саймон, все еще стоявший у дверей.

– Мы были в городе, – гордо отвечала она, и голос ее звучал звонко, как у молодой девушки. До города было четыре мили.

Неделю спустя старик Фолз явился в город и нашел старого Баярда в его конторе. Контора служила также и кабинетом директора. Это была большая комната; в ней стоял длинный стол со стульями по сторонам, высокий шкаф, где хранились чистые банковские бланки, а также письменный стол-бюро с крышкой на роликах, вращающееся кресло и диван, на котором старый Баярд днем имел обыкновение вздремнуть часок-другой.

Письменный стол в конторе, как и дома, был завален всевозможными вещами, не имевшими ни малейшего отношения к банковскому делу, полка над камином представляла собой склад разных предметов сельскохозяйственного назначения, а сверх того запыленной коллекции трубок и трех или четырех банок табаку, который служил утешением не только для всего персонала банка, начиная с директора и кончая дворником, но и для значительной части его клиентов. В хорошую погоду старый Баярд почти весь день сидел на складном стуле у парадной двери, и, завидев его там, клиенты заходили в контору и наполняли свои трубки табаком из этих банок. Существовал как бы неписанный закон – не брать табаку больше чем на одну трубку. В этой же конторе старик Фолз и старый Баярд уединялись во время ежемесячных визитов старика и полчаса перекрикивались друг с другом (оба были совершенно глухи). Каждое их слово было ясно слышно на улице и в лавках по обе стороны банка.

У старика Фолза были невинные голубые глаза ребенка, и первым делом он разворачивал пакет, припасенный для него старым Баярдом, вынимал плитку жевательного табаку, отрезал от нее кусочек, клал его в рот и аккуратно убирал плитку обратно в пакет. Два раза в год в пакете лежал костюм, а в остальные визиты – табак и кулечек мятных конфет. Старик никогда не разрезал шпагат, а всякий раз своими негнущимися узловатыми пальцами аккуратно его развязывал и снова завязывал. Денег он не брал.

И вот он сидел в своем чистом выцветшем комбинезоне, положив на колени пакет, и рассказывал Баярду об автомобиле, который утром повстречался ему на дороге. Старый Баярд сидел совершенно неподвижно и, пока тот не кончил, не спускал с него свирепых старых глаз.

– Ты разобрал, кто там сидел? – спросил он.

– Эта штукавина пролетела так быстро, что я не мог разглядеть, сидит в ней кто или нет. Когда я пришел в город, я спросил, кто это был. Похоже, один только вы не знаете, как он быстро ее гоняет.

Старый Баярд некоторое время сидел молча, а потом крикнул:

– Байрон!

Открылась дверь, и вошел бухгалтер.

– Слушаю, сэр, господин полковник, – без всякого выражения произнес он.

– Позвоните ко мне домой и велите моему внуку не трогать автомобиль, пока я не вернусь.

– Слушаю, сэр, господин полковник, – отвечал тот и удалился так же молча, как и пришел.

Баярд с шумом повернулся в своем вращающемся кресле, а старик Фолз нагнулся вперед и впился в него взглядом.

– Что это за шишка у вас на лице, Баярд? – спросил он.

– Что? – в свою очередь прокричал Баярд, поднося руку к небольшому пятнышку, которое резко выступило на фоне румянца, разлившегося по его лицу. – Это? Не знаю, что это за штука. Она уже с неделю как появилась. Ну и что?

– Она растет? – спросил старик Фола. Он встал, положил на пол свой пакет и протянул руку. Старый Баярд отпрянул.

– Чепуха, – сердито сказал он. – Не трогай.

Но старик Фолз отвел его руку и пощупал пальцами пятно.

– Гм, – произнес он. – Твердая, как камень. И будет расти дальше. Я буду за ней следить, и, когда придет время, я ее сниму. А пока она еще не созрела.

Внезапно рядом с ними бесшумно возник бухгалтер.

– Ваша кухарка говорит, что они с мисс Дженни поехали куда-то кататься на автомобиле. Я велел передать, что вы сказали.

– Вы говорите, что Дженни поехала с ним? – спросил старый Баярд.

– Кухарка говорит, что поехала, – повторил бухгалтер своим лишенным интонаций голосом.

– Ладно.

Бухгалтер удалился, а старик Фолз поднял с пола свой пакет.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – сказал он. – Приду на той неделе и погляжу. А вы ее до тех пор не трогайте.

Он вышел из комнаты вслед за бухгалтером, и вскоре старый Баярд тоже поднялся, протопал через вестибюль и водрузил в дверях свой стул.

Вечером, когда он вернулся, автомобиля нигде не было видно, и тетка не откликнулась на его зов. Он поднялся в свою комнату, надел сапоги для верховой езды и закурил сигару, но когда он выглянул в окно на задний двор, ни Айсома, ни оседланной кобылы там не оказалось. Один только старый сеттер сидел, глядя на его окно. Когда в окне показалась голова старого Баярда, пес встал, подошел к кухонной двери, остановился и снова взглянул на окно. Старый Баярд тяжелым шагом спустился по лестнице и через весь дом прошел на кухню, где, беседуя с Элнорой и Айсомом, обедал Кэспи.

– А в другой раз мы еще с одним парнем... – говорил он.

В эту минуту Айсом, сидевший в углу за ящиком с дровами, поднял свою круглую голову, увидел Баярда и, блеснув белками, вытаращил глаза. Элнора тоже застыла на месте со шваброй в руках, а Кэспи повернул голову, но не встал и, продолжая жевать, прищурясь, глянул на старого Баярда, который остановился в дверях.

– Я еще на прошлой неделе велел тебе передать, чтоб ты не смел болтаться на кухне, а не то я выгоню тебя из дома, – сказал старый Баярд. – Слышал ты это или нет?

Кэспи, продолжая жевать, проворчал что-то себе под нос, и старый Баярд вошел в кухню.

– Убирайся отсюда и оседлай мне лошадь.

Кэспи демонстративно повернулся к нему спиной и взял со стола стакан сыворотки.

– Ступай, Кэспи! – прошипела Элнора.

– Я здесь на работу не нанимался, – отвечал Кэспи довольно громко, но так, чтобы Баярд не расслышал, и, обернувшись к Айсому, добавил: – Почему ты не оседлал ему лошадь? Ведь ты же тут служишь?

– Побойся Бога, Кэспи! – взмолилась Элнора и громко добавила: – Да, сэр, господин

полковник, он уже идет.

– Это кто – я, что ли? Да неужто? – протянул Кэспи, поднося ко рту стакан, но, увидев, что Баярд двинулся вперед, не выдержал, вскочил и, прежде чем тот успел к нему подойти, зашагал к двери, выражая, однако, вызов даже самой формой своей спины. Баярд настиг его в ту минуту, когда он замешкался в дверях.

– Пойдешь ты седлать мне кобылу или нет? – грозно спросил он.

– И не подумаю даже, старина, – проговорил Кэспи чуть тише, чем Баярд мог расслышать.

– Что?!

– Да Бог с тобой, Кэспи! – простонала Элнора.

Айсом забился в угол. Кэспи быстро взглянул прямо в лицо Баярду и начал открывать сетчатую дверь.

– Я вам уже сказал, что даже и не подумаю, – повторил он, повышая голос.

Саймон стоял под самым крыльцом рядом с сеттером и глядел на них, разинув беззубый рот, а старый Баярд протянул руку к ящику с дровами, вытащил оттуда полено, размахнувшись, сбил Кэспи с ног, и тот, пролетев сквозь открытую дверь, скатился по ступенькам прямо под ноги к отцу.

– А теперь отправляйся седлать мне кобылу, – сказал старый Баярд.

Саймон помог сыну встать и, сопровождаемый сосредоточенно-любопытным взглядом собаки, повел его к конюшне.

– Говорил я тебе, что эти новомодные военные штучки здесь у нас ни к чему, – сердито ворчал он. – Еще благодари бога, что голова у тебя такая крепкая. Иди седлай кобылу, а все свои басни насчет свободы для черномазых побереги для городских – в городе, может, тебе кто и поверит. И на что черномазым твоя свобода? У нас и так уже на руках ровно столько белых, сколько мы можем прокормить.

В тот же вечер за ужином старый Баярд поднял глаза от бараньей котлеты и посмотрел на внука.

– Билл Фолз мне сказал, что ты сегодня пронесся мимо богадельни со скоростью сорок миль в час.

– Сорок миль? Как бы не так! – быстро отозвалась мисс Дженни. – Пятьдесят четыре. Я сама смотрела на этот – как его там, Баярд, – на спидометр.

Старый Баярд сидел, слегка наклонив голову, смотрел, как дрожат у него в руках нож и вилка, слушал, как его сердце под заткнутой за жилет салфеткой бьется чуть-чуть слабее и чуть-чуть быстрее, чем следует, и чувствовал на себе взгляд мисс Дженни.

– Баярд! – резко проговорила она. – Что это у тебя на щеке?

Он встал так неожиданно, что стул его с грохотом опрокинулся, и, не оглядываясь по сторонам, тяжелой походкой вышел из комнаты.

3

– Знаю я, чего тебе от меня надо, – говорила старому Баярду мисс Дженни поверх газеты. – Тебе надо, чтоб я забросила к чертям все хозяйство и не вылезала из этого автомобиля, вот чего тебе надо. Но этого не будет. Я с удовольствием прокачусь с ним разок-другой, но у меня и без того дела хватает. Не могу я все время следить, чтоб он не носился как угорелый и не ломал автомобиль. И свою шею тоже, – добавила она, сухо шелестя газетным листом.

– И пора бы тебе понять – оттого, что кто-то сидит с ним рядом, он медленней ездить не станет, – сказала она. – Если ты и в самом деле так думаешь, отправь с ним Саймона. Видит бог, у него свободного времени хоть отбавляй. Может, он чем-нибудь и занят с тех пор, как ты перестал ездить в коляске, но только мне про это не известно. – Она снова принялась за чтение.

Сигара старого Баярда дымилась в его неподвижной руке.

– Можно посылать с ним Айсома, – сказал он.

Мисс Дженни сердито зашелестела газетой и вперила долгий взор в племянника:

– О господи, человек! Вели заковать его в цепи, и дело с концом.

– Но ты же сама предлагаешь посылать с ним Саймона. У Саймона работы достаточно, а вот Айсом только и знает, что раз в день оседлать мне кобылу, так это я и сам могу.

– Я пошутила, – сказала мисс Дженни. – Господи, пора бы уж мне поумнеть. Но если тебе приспичило изобрести для черномазых новую работу, то пусть ее делает Саймон. Айсом мне нужен, чтоб у тебя была крыша над головой и хоть какая-нибудь еда на столе. – Она опять зашелестела газетой. – Не понимаю, почему ты сам не можешь запретить ему ездить с такой скоростью? Человек, который должен ежедневно восемь часов просиживать на стуле в дверях банка, не обязан остаток дня как сумасшедший носиться в автомобиле по окрестностям, если ему это не нравится.

– Ты думаешь, его можно о чем-то попросить? Разве эти головорезы когда-нибудь со мной считались?

– Попросить? Черта с два! – возразила мисс Дженни. – Кто тебе предлагает его просить? Запрети ему. Скажи ему, что если он будет носиться с такой скоростью, ты из него всю душу вытрясешь. По-моему, тебе самому нравится кататься на этом автомобиле, только ты ни за что в этом не признаешься, и ты просто не хочешь, чтоб он ездил без тебя.

Вместо ответа старый Баярд с шумом опустил ноги на пол, встал и тяжелой походкой вышел из комнаты.

Однако по лестнице он подниматься не стал, а мисс Дженни, услышав, как его шаги замерли в конце прихожей, тотчас последовала за ним на заднее крыльцо, где он остановился в темноте. Темная ночь, напоенная тысячью ароматов весны, звенела голосами насекомых. На фоне темного неба вырисовывалась еще более темная громада конюшни.

– Он еще не приехал, – с досадой проговорила мисс Дженни, коснувшись его плеча. – Я бы тебе сразу сказала. Ступай наверх и ложись, ты же знаешь, что он зайдет к тебе, когда вернется. В конце концов ты накликаешь на него беду, и тогда он и в самом деле угодит в какую-нибудь канаву. Ты совсем как младенец с этим автомобилем, – добавила она помягче. – Ночью он ничуть не опаснее, чем днем. Пошли.

Он сбросил ее руку, но послушно повернулся и пошел в дом. На этот раз он поднялся по лестнице, и она услышала его тяжелые шаги в спальне. Вскоре он перестал хлопать дверьми и ящиками, зажег лампу над кроватью и улегся с томиком Дюма. Через некоторое время дверь отворилась, и молодой Баярд, войдя в круг света, остановился и посмотрел на него своими мрачными глазами.

Дед не замечал его присутствия, и он погладил его по руке. Старый Баярд поднял голову, и тогда молодой Баярд повернулся и вышел из комнаты.

В три часа пополудни, когда на окнах банка опустили жалюзи, старый Баярд удалился в свой кабинет. Кассир и бухгалтер, сидевшие за барьером, слышали, как он возится у себя за дверью. Кассир помедлил, зажав двумя пальцами аккуратно сложенный столбик серебряных монет.

– Слышите? – проговорил он. – Старик последнее время чем-то, озабочен. Раньше он, бывало, сидит себе тихонечко, как мышонок, пока за ним не приедут, а вот уже несколько дней грохочет и мечется взад-вперед, словно ос гоняет.

Бухгалтер не сказал ни слова. Кассир убрал столбик монет и принялся складывать новый.

– Чем-то он озабочен; не иначе как ревизор этот сильно ему досадил.

Бухгалтер не сказал ни слова. Он поставил себе на стол арифмометр и с громким щелчком перевел рычаг. В задней комнате шумно двигался старый Баярд. Кассир аккуратно сложил в столбик оставшееся серебро и свернул папиросу. Бухгалтер склонился над мерно пощелкивающим арифмометром, а кассир склеил папиросу, закурил, проковылял к окну и приподнял жалюзи.

– Сегодня приехал Саймон с коляской, – сказал он. – Не иначе как этот парень сломал наконец свой автомобиль. Сходите позовите полковника.

Бухгалтер слез с табурета, подошел к двери и открыл ее. Старый Баярд, сидевший в шляпе за конторкой, оглянулся.

– Спасибо, Байрон, – сказал он.

Бухгалтер вернулся к своему столу.

Старый Баярд прошел через банк, открыл дверь на улицу и, держась за ручку, остановился как вкопанный.

– Где Баярд? – спросил он.

– Он не приедет, – отвечал Саймон.

Старый Баярд подошел к коляске.

– Почему? Где он?

– Поехал куда-то с Айсомом на томобиле на этом, – сказал Саймон. – Бог знает, где их сейчас носит. Сорвал парня с работы среди дня – на томобиле покататься.

Старый Баярд оперся рукою о стойку. Пятно побледнело и снова резко проступило на его лице.

– Уж сколько я старался Айсому хоть каплю разума в башку втемяшить, – ворчал Саймон, держа лошадей под уздцы, в ожидании, когда хозяин сядет в коляску. – На томобиле покататься, – твердил он. – На томобиле покататься.

Старый Баярд влез в коляску и тяжело опустился на сиденье.

– Будь я проклят, если я не посадил себе на шею банду самых отъявленных бездельников, какие только есть на белом свете! Одно утешение – когда я, наконец, попаду в богадельню, то вы все от первого до последнего уже давно будете меня там ждать.

– Ну вот, теперь еще вы тут ворчите, – сказал Саймон, – Мисс Дженни на меня кричала, пока я за ворота не выехал, а тут вы начинаете. Но если мистер Баярд Кэспи в покое не оставит, то я хоть тресни, а он будет не лучше этих городских черномазых.

– Дженни его уже вконец избаловала, – сказал старый Баярд. – Даже Баярд – и тот его больше испортить не сможет.

– Да уж, что правда, то правда, – согласился Саймон и дернул за поводья. – Поехали, что ли.

– Обожди минутку, Саймон, – сказал старый Баярд.

Саймон придержал лошадей.

– Чего вам еще надо?

Пятно на щеке старого Баярда приняло свой обычный вид.

– Сходи ко мне в кабинет и достань сигару из банки на камине, – отозвался он.

Два дня спустя, под вечер, когда он и Саймон чинно катили в коляске по направлению к дому, автомобиль почти одновременно с предупреждающим об его появлении ревом выскочил им навстречу из-за поворота, залетел в придорожную канаву, снова выскочил на дорогу и пронесся мимо, и в какую-то долю секунды старый Баярд и Саймон увидели, как над рулем сверкнули белки и ослепительные, как слоновая кость, зубы Айсома. К концу дня, когда автомобиль вернулся домой, Саймон отвел Айсома на конюшню и отстегал его вожжами.

В этот вечер после ужина они сидели в кабинете. Старый Баярд держал в руке незажженную сигару. Мисс Дженни читала газету. В окно залетал легкий весенний ветерок.

Неожиданно старый Баярд сказал:

– Может, он ему в конце концов надоест.

– А ты знаешь, что он тогда сделает? Когда решит, что этот автомобиль ездит слишком медленно? – спросила она, глядя на него поверх газеты.

Старый Баярд с незажженной сигарой в руке сидел слегка наклонив голову и не глядя на мисс Дженни.

– Купит аэроплан, вот что. – Шумно перевернув страницу, она снова погрузилась в чтение. – Ему надо жениться и завести себе сына, а тогда пускай хоть каждый день ломает себе шею, если хочет. Господь, как видно, совсем ни в чем не разбирается, – сказала она, думая

о них обоих и об его покойном брате. – Впрочем, видит Бог, я бы не хотела, чтоб какая-нибудь симпатичная мне девушка вышла за него замуж.

Она снова зашелестела газетой, переворачивая страницу.

– Не знаю, чего ты еще ждешь от него. И вообще от любого Сарториса. Ты тратишь все вечера, разъезжая с ним, вовсе не потому, что думаешь, будто твое присутствие помешает ему перевернуть автомобиль. Нет, ты едешь с ним для того, чтобы, когда автомобиль перевернется, ты тоже был там вместе с ним. И после этого ты еще воображаешь, что считаешься с другими больше, чем он?

Он держал сигару, все еще отворотив лицо. Мисс Дженни снова посмотрела на него поверх газеты.

– Утром мы поедem в город к доктору – пусть посмотрит, что это за штука у тебя на физиономии, слышишь?

Когда он, стоя перед комодом у себя в комнате, снимал воротничок и галстук, взгляд его остановился на трубке, которую он положил туда месяц назад, и он убрал воротничок и галстук, взял трубку и подержал ее в руке, поглаживая большим пальцем обуглившуюся головку.

Потом, охваченный внезапной решимостью, вышел из комнаты и тяжело прошел через площадку, на другом конце которой поднималась в темноту узкая лестница. Нашарив выключатель, он стал взбираться наверх и, осторожно двигаясь по темным тесным поворотам, добрался до расположенной под косым углом двери, открыл ее и очутился в просторной низкой комнате с наклонным потолком, где стоял запах пыли, тишины и старых ненужных вещей.

Здесь была свалена всевозможная мебель; кушетки и стулья, словно кроткие привидения, обнимали друг друга высохшими негнушимися руками – самое подходящее место для того, чтобы умершие Сарторисы могли побеседовать о блистательных и гибельных делах былых времен. С середины потолка свешивалась на шнуре одинокая лампочка без абажура. Он взял шнур, притянул его к гвоздю, торчавшему в стене над можжевельным сундуком, закрепил, придвинул к сундуку стул и уселся.

Сундук не открывали с 1901 года, когда его сын Джон умер от желтой лихорадки и старой раны от испанской пули²⁷. С тех пор представлялось еще два случая его открыть – в июле и октябре прошлого года, но второй его внук еще не исчерпал всех своих возможностей и доставшихся ему по наследству превратностей судьбы. Поэтому Баярд пока терпеливо ждал, надеясь, так сказать, убить двух зайцев разом.

Замок заело, и он некоторое время терпеливо с ним возился. Ржавчина отслаивалась, приставала к рукам, и он встал, пошарил вокруг, вернулся к сундуку с тяжелым чугунным подсвечником, ударил им по замку, отпер сундук и поднял крышку. Изнутри повеяло тонким бодрящим запахом можжевельника и сухим томительным мускусным ароматом, как от остывшего пепла. Сверху лежало женское платье. Парча поблекла, а тонкое брабантское кружево слегка пожелтело и стало бесплотным и бледным, словно солнечный свет в феврале. Он осторожно вынул платье из сундука. Кружево, мягкое и бледное, как вино, полилось ему на руки, и он отложил платье и вынул рапиру толедской стали, с клинком тонким и легким, словно протяжный звук скрипичного смычка, в бархатных ножнах. Изящные цветистые ножны чуть-чуть лоснились, а швы пересохли и полопались.

Старый Баярд подержал рапиру, как бы взвешивая ее у себя на руках. Это было именно то оружие, какое любой Сарторис считал бы самым подходящим для выращивания табака в необитаемой пустыне – эта рапира, равно как красные каблуки и кружевные манжеты, в которых он распахивал девственные земли и воевал со своими робкими и простодушными соседями.

²⁷ ...старой раны от испанской пули. – Имеется в виду испано-американская война 1898 г., в результате которой владения США стали Гуам, Пуэрто-Рико и Филиппины.

Он отложил рапиру в сторону. Под ней лежала тяжелая кавалерийская сабля и шкатулка розового дерева с парой отделанных серебром дуэльных пистолетов, обманчиво тонких и изысканных, словно скаковые лошади, а также предмет, который старый Фолз называл «этот дьявольский дерринджер». Короткий зловещий обрубок с тремя стволами, уродливый и откровенно утилитарный, он лежал между своими двумя братьями, как злобное смертоносное насекомое меж двух прекрасных цветков.

Потом он вытащил голубую армейскую фуражку сороковых годов, маленькую глиняную кружку, мексиканское мачете и масленку с длинным носиком, наподобие тех, какими пользуются паровозные машинисты. Масленка была серебряная, и на ней был выгравирован паровоз с огромной колоколообразной трубой, окруженный пышным венком. Под паровозом стояло его название: «Виргиния» – и дата: «9 августа 1873 года».

Он отложил все это в сторону и решительно вынул из сундука остальные вещи – серый конфедератский сюртук с галунами и аксельбантами и муслиновое платье с цветочным узором, от которого исходил слабый запах лаванды, будящий воспоминания о старинных церемонных менуэтах и о жимолости, трепещущей в ровном пламени свечей; потом он добрался до пожелтевших документов и писем, аккуратно связанных в пачки, и, наконец, до огромной Библии с медными застежками. Он положил ее на край сундука и раскрыл. Бумага от времени так потемнела и истончилась, что напоминала слегка увлажненную древесную золу; казалось, будто страницы не рассыпались в прах только потому, что их скрепляет выцветший старомодный шрифт. Он осторожно перелистал страницы и вернулся к чистым листам в начале книги. С нижней строчки последнего чистого листа, поблекшая, суровая в своей простоте, поднималась кверху колонка имен и дат, становясь все бледнее и бледнее по мере того, как время накладывало на нее свою печать. Верхние строчки, как и нижние на предыдущей странице, еще можно было разобрать. Однако посередине этой страницы колонка прерывалась, и дальше лист оставался чистым, если не считать темных пятнышек старости да случайных следов коричневых чернил.

Старый Баярд долго сидел, созерцая уходящую в небытие славу своего рода. Сарторисы презрели Время, но Время им не мстило, ибо оно долговечнее Сарторисов. А возможно, даже и не подозревает об их существовании. Но жест все равно был красивый.

Джон Сарторис говорил: «Генеалогия в девятнадцатом веке – просто вздор. Особенно в Америке, где важно лишь то, что человек сумел захватить и удержать, и где у всех нас общие предки, а единственная династия, от которой мы можем с уверенностью вести свое происхождение, – это Олд Бейли²⁸. Однако тот, кто заявляет, что ему нет дела до своих предков, лишь немногим менее тщеславен, нежели тот, кто во всех своих действиях руководствуется голосом крови. И по-моему, любой Сарторис может немножко Потешиться тщеславием и генеалогическим вздором, если ему так хочется.

Да, жест был красивый, и старый Баярд сидел и спокойно размышлял о том, что невольно употребил глагол в прошедшем времени. Был. Рок, предвестие судьбы человека глядит на него из придорожных кустов, если только человек этот способен его узнать, и вот он уже снова, тяжело дыша, продирается сквозь чащу, и топот дымчатого жеребца затихает в сумерках, а позади грохочет патруль янки, грохочет все глуше и глуше, меж тем как он, окончательно исчерпав запас воздуха в легких, прижался к земле в густых зарослях колючей ежевики и услышал, как погоня промчалась мимо. Потом он пополз дальше и добрался до знакомого ручья, что вытекал из-под корней бука, и, когда он наклонился к ручью, последний отблеск угасавшего дня заиграл на его лице, резко очертив нос и лоб над темными провалами глаз и

²⁸ ...единственная династия... – это Олд Бейли. – Олд Бейли – главный уголовный суд в Англии. Намек на первый период колонизации Америки, когда большинство работников на плантациях составляли осужденные преступники, присланные из Англии. Если человек соглашался подписать кабальный контракт на работу за океаном, суд обычно заменял ему каторгу ссылкой и передавал будущему хозяину. Отработав положенный срок, кабальные работники получали свободу и чаще всего оставались в Америке, где многим из них удавалось обзавестись собственным хозяйством и даже разбогатеть.

жадный оскал ловающего воздух рта, и из прозрачной воды на него в какую-то долю секунды уставился череп.

Нехоженые закоулки человеческой судьбы. Что ж, мир иной – это битком набитое народом место – лежит, по слухам, как раз в одном из закоулков, – мир иной, полный иллюзий каждого человека о самом себе и противоположных иллюзий о нем, которые гнездятся в умах других иллюзий... Он пошевелился, тихонько вздохнул, вынул вечное перо и в конце колонки написал:

«Джон Сарторис. 5 июля 1918 года», – и еще ниже:

«Кэрлайн Уайт Сарторис и сын. 27 октября 1918 года».

Когда чернила высохли, он закрыл книгу, положил на место, вытащил из кармана трубку, сунул ее в шкатулку розового дерева вместе с дуэльными пистолетами и дерринджером, убрал остальные вещи, закрыл сундук и запер его на замок.

Мисс Дженни нашла старого Баярда на складном стуле у дверей банка. Он посмотрел на нее с тонко разыгранным удивлением, и глухота его казалась еще более непроницаемой, чем обычно. Но она холодно и безжалостно заставила его подняться и, невзирая на воркотню, повела по улице, где торговцы и прохожие приветствовали ее словно королеву-воительницу, между тем как Баярд нехотя и угрюмо плелся рядом.

Вскоре они завернули за угол и поднялись по узкой лестнице, примостившейся между двумя лавками, под нагромождением закоптелых вывесок врачей и адвокатов. Наверху был темный коридор, в который выходило несколько дверей. Ближайшая к входу сосновая дверь, выкрашенная серой краской, внизу облупилась, как будто ее постоянно пинали ногами, причем на одной и той же высоте и с одинаковой силой. Две дыры на расстоянии дюйма друг от друга молчаливо свидетельствовали о том, что здесь некогда был засов, а со скобы на косяке двери свисал и самый засов, закрепленный огромным ржавым замком старинного образца. Баярд предложил зайти сюда, но мисс Дженни решительно потащила его к двери по другую сторону коридора.

Эта дверь была свежеевыкрашена и отделана под орех. В верхнюю ее часть было вставлено толстое матовое стекло, на котором рельефными позолоченными буквами была выведена фамилия и обозначены часы приема. Мисс Дженни отворила дверь, и Баярд вошел вслед за нею в крохотную комнатку, являвшую собой образец спартанской, хотя и ненавязчивой асептики. Репродукция Коро²⁹ и две выполненные сухой иглой гравюры в узеньких рамочках на свежеевыкрашенных, безукоризненно серых стенах, новый ковер теплых темно-желтых тонов, ничем не покрытый стол и четыре стула мореного дуба – все эти вещи, чистые, безличные и недорогие, с первого взгляда раскрывали душу их владельца, душу хотя и стесненную в данный момент материальными затруднениями, однако же самую судьбой назначенную и полную решимости в один прекрасный день приступить к выполнению своих функций в окружении персидских ковров, красного или тикового дерева, а также одного-единственного безупречного эстампа на девственно чистых стенах. Молодая девица в накрахмаленном белом платье поднялась из-за столика с телефоном и пригладила волосы.

– Доброе утро, Мэртл, – обратилась к ней мисс Дженни. – Скажи доктору Олфорду, что мы хотели бы его повидать.

– Вы предварительно записались на прием? – спросила девица голосом, лишенным всяких интонаций.

– Мы записываемся сейчас, – заявила мисс Дженни. – Уж не хочешь ли ты сказать, что доктор Олфорд не начинает работу до десяти часов?

– Доктор Олфорд не начинает... не принимает никого без предварительной записи, – словно попугай, затараторила девица, уставившись в одну точку над головой мисс Дженни. – Если вы не записались предварительно, вам необходимо записаться предва...

²⁹ *Коро Камилл* (1796-1875) – французский живописец, пейзажист и портретист.

– Тш, тш, – резко оборвала ее мисс Дженни. – Будь умницей, беги скажи доктору Олфорду, что его хочет видеть полковник Сарторис.

– Да, мэм, мисс Дженни, – послушно ответила девица, прошла через комнату, но у другой двери опять остановилась, и голос ее опять сделался как у попугая:

– Пожалуйста, присядьте. Я посмотрю, не занят ли доктор.

– Ступай скажи доктору, что мы здесь, – вежливо повторила мисс Дженни.

– Скажи ему, что мне сегодня надо еще сделать кой-какие покупки и ждать мне некогда.

– Да, мэм, мисс Дженни, – согласилась девица, исчезла и после приличествующей случаю паузы вернулась, снова приняв свой безукоризненно профессиональный тон.

– Доктор сейчас вас примет. Пройдите, пожалуйста.

Она открыла дверь и посторонилась.

– Спасибо, деточка, – отозвалась мисс Дженни. – Твоя мама все еще лежит?

– Спасибо, мэм, она уже встает.

– Вот и прекрасно, – сказала мисс Дженни. – Пошли, Баярд.

Эта комната, еще меньше предыдущей, насквозь пропахла карболкой. Здесь стоял белый эмалированный шкаф, набитый злобно поблескивающим никелем, металлический операционный стол и множество всяких электрических кипятильников, термостатов и стерилизаторов. Доктор, облаченный в белую полотняную куртку, склонился над конторкой, предоставив им возможность некоторое время созерцать его рассеянный прилизанный затылок. Затем он поднял глаза и встал.

Доктор Олфорд, молодой человек лет тридцати, недавно приехал в город и был племянником одного из местных старожилов. Он с отличием окончил медицинский колледж и обладал представительной внешностью, но был исполнен преувеличенного чувства собственного достоинства и всем своим видом бесстрастного эрудита ясно давал понять, что не питает решительно никаких иллюзий насчет рода человеческого, что исключало обычную провинциальную фамильярность и заставляло даже тех, кто помнил его еще мальчишкой, приезжавшим в гости, величать его не иначе как доктор или мистер. У него были маленькие усики и лицо, напоминавшее маску, – лицо доброжелательное, но холодное, и пока старый Баярд беспокойно ерзал на стуле, доктор сухими, тщательно вымытыми щеткой пальцами осторожно ошупывал жировик на его физиономии. Мисс Дженни обратилась к нему с каким-то вопросом, но он самозабвенно продолжал исследование, как будто ничего не слышал, как будто она даже и слова не промолвила. Он вставил Баярду в рот крохотную электрическую лампочку, которую предварительно продезинфицировал, то и дело включая и выключая ее рубиновый свет за щекой пациента. Потом вынул лампочку, снова ее продезинфицировал и убрал обратно в шкаф.

– Ну что? – нетерпеливо спросила мисс Дженни.

Доктор аккуратно закрыл шкаф, вымыл и вытер руки, подошел к ним, остановился и начал торжественно и важно сыпать специальными терминами, эпикурейски упиваясь жесткими словами, слетающими с его языка.

– Это новообразование необходимо срочно удалить, – заявил он в заключение. – Его следует удалить, пока оно находится в ранней стадии, и поэтому я рекомендую немедленную операцию.

– Вы хотите сказать, что оно может перейти в рак? – спросила мисс Дженни.

– Об этом не может быть двух мнений, сударыня. Исключительно вопрос времени. Запустите – и я ни за что не поручусь. Удалите немедленно – и больному больше не о чем будет беспокоиться. – Он снова окинул старого Баярда долгим ледяным взглядом. – Я удалю это с легкостью. Вот так, – показал он рукой.

– Что он говорит? – спросил старый Баярд.

– Я говорю, что могу убрать это новообразование с такой легкостью, что вы даже ничего не заметите, полковник Сарторис.

– Будь я проклят, если я вам это позволю! – Баярд порывисто встал.

– Сиди спокойно, Баярд, – приказала мисс Дженни. – Никто не собирается резать тебя

без твоего ведома. Это необходимо сделать сейчас?

– Да, мэ. Я бы такую вещь на своем лице даже на сутки не оставил. В противном случае я считаю своим долгом предупредить вас, что ни один врач не может взять на себя ответственность за возможные последствия... Я могу удалить это в течение двух минут, – добавил он, еще раз вперив в лицо Баярду холодный сосредоточенный взгляд. Затем, полуобернувшись, застыл, прислушиваясь и раскатам громоподобного баса, который доносился из-за тонкой перегородки.

– Здорово, сестренка, – говорил бас. – Сдается мне, что я слышу брань Баярда Сарториса.

Доктор и мисс Дженни застыли на месте; дверь тотчас же отворилась, и в комнату протиснулся самый тучный человек во всем округе. На нем был лоснящийся альпаковый пиджак, жилет и черные мешковатые бумажные брюки; складки жира на шее почти совсем закрывали свободный ворот сетчатой рубашки и узенький черный галстук. На голове, напоминавшей голову римского сенатора, росли густые серебристые кудри.

– Что это с тобой стряслось, черт побери? – пророкотал он, после чего боком пролез в комнату, совершенно заполнив ее своею тушей, рядом с которой все остальные люди и предметы стали казаться просто карликами.

Это был доктор Люций Квинтус Пибоди, восьмидесяти семи лет от роду, трехсот десяти фунтов весом, обладатель здорового, как у лошади, пищеварительного тракта. Он начал практиковать в округе еще в те времена, когда весь медицинский инвентарь состоял из пилы, галлона виски и мешочка каломели; он служил полковым врачом у Джона Сарториса и даже после появления автомобиля в любое время суток в любую погоду отправлялся в любом направлении по абсолютно непроезжим дорогам на кривобокой пролетке к любому белому или негру, который его вызвал, обычно принимая в качестве гонорара завтрак, состоящий из кукурузных лепешек с кофе, а иногда небольшой мешок кукурузы, фруктов или несколько цветочных луковиц и черенков.

Когда он был молодым и притким, он вел журнал, вел его очень тщательно до тех пор, пока его гипотетические активы не достигли десяти тысяч долларов. Впрочем, это было сорок лет назад, и с тех пор он не утруждал себя какими-либо записями; но и теперь время от времени какой-либо сельский житель входил в его обшарпанный кабинет и, желая отметить годовщину своего появления на свет Божий, возвращал деньги, которые задолжал доктору Пибоди его отец или дед и о которых тот давным-давно позабыл. Его знали все окрестные жители, и на рождество они посылали ему окурока и дичь; говорили, будто он может провести остаток дней своих, разъезжая по округе все в той же неизменной пролетке, не заботясь о пропитании и ночлеге и не расходуя на это ни единого цента.

Доктор Пибоди заполнил всю комнату своей грубоватой добродушной массой, а когда он подошел к мисс Дженни и похлопал ее по спине своей длинной, как грабли, рукой, от его тяжелой поступи задрожал весь дом.

– Привет, Дженни, – сказал он. – Привели Баярда снять с него мерку для страховки?

– Этот чертов мясник хочет меня резать, – сердито проворчал Баярд. – Вели им оставить меня в покое, Люш.

– Что-то рановато приниматься за разделку белого мяса в десять утра, – прогудел доктор Пибоди. – Черномазые – те другое дело. Руби черномазого в любое время после полуночи. Что с ним такое, сынок? – спросил он у доктора Олфорда.

– По-моему, это просто-напросто бородавка, но мне уже надоело на нее смотреть, – сказала мисс Дженни.

– Это не бородавка, – решительно возразил доктор Олфорд. Пока он, пользуясь специальной терминологией, повторял свой диагноз, румяная физиономия доктора Пибоди озаряла общество своей доброжелательностью.

– Да, звучит страшновато, – согласился он и, вновь сотрясая пол, толкнул Баярда обратно в кресло одной ручищей, а другой повернул его лицо к свету. Потом вытащил из нагрудного кармана очки в железной оправе и принялся изучать его физиономию. – По-вашему, это надо убрать?

– Безусловно, – холодно ответил доктор Олфорд. – Я считаю, что это новообразование необходимо удалить. Ему здесь совершенно не место. Это рак.

– Люди преспокойно жили с таким раком задолго до того, как они изобрели ножи, – сухо заметил доктор Пибоди. – Сиди спокойно, Баярд.

«А люди, подобные вам, – одна из причин этого», – так и вертелось на языке у молодого человека, но он сдержался и вместо этого сказал:

– Я могу удалить это новообразование за две минуты, полковник Сарторис.

– Будь я проклят, если вы это сделаете, – в ярости отвечал Баярд, порываясь встать. – Пусти меня, Люш.

– Сиди тихо, – невозмутимо отозвался доктор Пибоди и, продолжая удерживать его на стуле, пощупал шишку. – Больно?

– Да нет же, я этого вовсе не говорил. И будь я проклят, если...

– Ты наверняка так и так будешь проклят, – возразил ему доктор Пибоди.

– Какая тебе разница – жить или умереть? Я еще ни разу не видел человека, который получал бы от жизни меньше удовольствия, чем ты.

– В кои-то веки вы правду сказали, – согласилась мисс Дженни. – По-моему, старше Баярда вообще никого на свете нет.

– И потому, – спокойно продолжал доктор Пибоди, – я бы об этой штуке не беспокоился. Пускай себе остается. Твоя физиономия совершенно никого не интересует. Если б ты еще был молодым парнем и каждый вечер гонялся за девчонками...

– Если доктор Пибоди будет безнаказанно вмешиваться... – начал было доктор Олфорд.

– Билл Фолз говорит, что может это вылечить, – заявил Баярд.

– При помощи своей мази? – быстро спросил доктор Пибоди.

– Мази? – переспросил доктор Олфорд. – Полковник Сарторис, если вы позволите первому встречному шарлатану лечить это новообразование всякими домашними или патентованными средствами, то через полгода вы будете на том свете. Даже доктор Пибоди может это подтвердить, – с тонкой иронией добавил он.

– Не знаю, – медленно проговорил доктор Пибоди. – Билл делал чудеса этой своей мазью.

– Я вынужден заявить решительный протест, – сказал доктор Олфорд. – Миссис Дю Пре, я протестую против того, чтобы кто-либо из моих коллег даже косвенно санкционировал подобный образ действий.

– Пф-ф, юноша, – отвечал доктор Пибоди, – мы не позволим Биллу мазать своим снадобьем Баярдову бородавку. Оно годится для черномазых и для скотины, а Баярду оно ни к чему. Мы просто оставим эту штуку в покое, тем более что она ему нисколько не мешает.

– Если это новообразование не будет немедленно удалено, я снимаю с себя всякую ответственность, – объявил доктор Олфорд. – Запустить его столь же опасно, сколь применить к нему мазь мистера Фолза. Миссис Дю Пре, прошу вас засвидетельствовать, что эта консультация приняла столь неэтичный характер не по моей вине и вопреки моему протесту.

– Пф-ф, юноша, – снова повторил доктор Пибоди. – Эта штука не стоит того, чтоб ее резать. Мы побережем для вас руку или ногу, когда его шальной внук перевернется вместе с ним на своем автомобиле. Пойдем ко мне, Баярд.

– Миссис Дю Пре... – попробовал вставить доктор Олфорд.

– Если Баярд захочет, он потом вернется. – Своей тяжелой рукой доктор Пибоди погладил молодого человека плечу. – Мне надо поговорить с ним у себя в кабинете. Дженни приведет его обратно, если захочет. Пошли, Баярд.

И он вывел старого Баярда из комнаты. Мисс Дженни встала.

– Этот Люш Пибоди такой же старый чудак, как Билл Фолз, – сказала она.

– Старики просто до смерти меня раздражают. Подождите, я сейчас же приведу его обратно, и мы с этим делом покончим.

Доктор Олфорд открыл перед нею дверь, и она, свирепо шурша своими шелками, чопорно выплыла в коридор и через обшарпанную дверь с ржавым замком вошла вслед за

племянником в комнату, у которой был такой вид, словно здесь пронесся миниатюрный циклон, причем следы разрушений были прикрыты мирным слоем вековой пыли.

– Послушайте, Люш Пибоди... – начала было мисс Дженни.

– Садитесь, Дженни, – сказал ей доктор Пибоди. – И не шумите. Расстегни рубашку, Баярд.

– Что?! – воинственно отозвался старый Баярд.

Доктор толкнул его на стул.

– Хочу тебя послушать, – пояснил он. Подойдя к старинной конторке, он стал рыться в куче пыльного хлама. Огромная комната была полна пыли и хлама. Все четыре окна выходили на площадь, но платаны и вязы, которыми она была обсажена, затемняли конторы на втором этаже, и поэтому проникавший в них свет казался рассеянным, словно в толще воды. С углов потолка свисала паутина, тяжелая и длинная, как испанский мох, и темная, как старое кружево, а стены, некогда белые, приобрели тусклый серо-коричневый оттенок, и только в тех местах, где прежде висели календари, выделялись прямоугольники посветлее. Кроме конторки, в комнате стояло несколько разнокалиберных стульев, находившихся на разных стадиях разрушения; ржавая железная печка в ящике с опилками и кожаный диван, просевшие пружины которого молчаливо сохраняли форму удобно раскинувшейся фигуры доктора Пибоди, а рядом, медленно собирая последовательно накапливающиеся слои пыли, валялась стопка пятицентовых детективов в бумажных обложках. Это была библиотека доктора Пибоди, и на этом диване он коротал свои приемные часы, снова и снова ее перечитывая. Других книг в комнате не было.

Зато корзина для бумаг возле конторки, сама конторка, доска над забитым мусором камином и все четыре подоконника были завалены всевозможными рекламными проспектами, каталогами и правительственными бюллетенями. В одном углу, на перевернутом вверх дном ящике, возвышался прибор из цветного оксидированного стекла для охлаждения воды; в другом торчала связка бамбуковых удилиц, медленно склонявшихся под собственной тяжестью, а на каждой горизонтальной поверхности покоилась коллекция предметов, какие можно найти только в лавке старьевщика, – рваная одежда, бутылки, керосиновая лампа; деревянный ящик с жестянками из-под колесной мази, в котором не хватало одной жестянки; часы в форме нежного фарфорового вьюнка, поддерживаемые четырьмя девицами с венками на голове, которые претерпели всевозможные, достойные всяческого удивления хирургические травмы, и лишь кое-где среди всей этой запыленной рухляди попадались различные инструменты, имеющие отношение к профессии хозяина. Именно один из них и разыскивал сейчас доктор Пибоди на заваленной мусором конторке, где красовалась одинокая фотография в деревянной рамке, и хотя мисс Дженни опять повторила: «Послушайте, Люш Пибоди, что я вам хочу сказать», он невозмутимо продолжал свои поиски.

– Застегни рубашку и пойдем обратно к тому доктору, – приказала мэсс Дженни племяннику. – Мы не можем больше терять время с выжившим из ума старикашкой.

– Садитесь, Дженни, – повторил доктор Пибоди. Он выдвинул ящик, достал из него коробку сигар, горсть поблекших искусственных мух для приманки форели, грязный воротничок и, наконец, стетоскоп, после чего швырнул все остальное обратно в ящик и задвинул его коленом.

Мисс Дженни с видом оскорбленной добродетели, вся кипя от негодования, ждала, пока он выслушает сердце старого Баярда.

– Ну, что, – сердито проворчала она, – теперь вы узнали, как снять с его физиономии эту бородавку? Билл Фолз, тот без всякой телефонной трубки это выяснил.

– Я узнал еще кое-что, – отвечал доктор Пибоди. – Я узнал, например, как Баярд избавится от всех своих забот, если станет и впредь ездить в автомобиле с этим разбойником.

– Чепуха! – отрезала мисс Дженни. – Баярд отличный шофер. Я еще в жизни такого не видела.

– Мало быть хорошим шофером, чтобы эта штука, – он постучал толстым пальцем по груди Баярда, – чтобы эта штука не остановилась, когда ваш мальчишка срежет на полной

скорости еще парочку поворотов, – я видел, как он это делает.

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы хоть один Сарторис умер своей смертью, как все люди? – спросила мисс Дженни. – Разве вы не знаете, что сердце будет служить Баярду, пока не придет его срок? Ну, а ты вставай и ступай со мной отсюда, – добавила она, обращаясь к племяннику.

Старый Баярд застегнул рубашку. Доктор Пибоди молча наблюдал за ним, сидя на своем диване.

– Баярд, – неожиданно заговорил он, – почему ты непременно должен лезть в эту распроклятую колымагу?

– Что?!

– Если ты не перестанешь ездить в этом автомобиле, то ни Билл Фолз, ни я, ни этот юноша со всеми своими кипячеными бритвами – никто тебе не понадобится.

– А тебе-то что? – возмутился старый Баярд. – Господи, неужели я не могу тихо и мирно сломать себе шею, если мне так хочется?

Он встал, дрожащими пальцами пытаясь застегнуть пуговицы на жилете, и мисс Дженни тоже встала и подошла, чтоб ему помочь, но он грубо ее оттолкнул. Доктор Пибоди молча сидел, постукивая толстыми пальцами по толстому колену.

– Я уже пережил свой век, – продолжал старый Баярд более миролюбиво. – Насколько мне известно, я первый в нашем роду перевалил через шестой десяток. Наверняка Старый Хозяин держит меня как надежного свидетеля вымирания нашего семейства.

– А теперь, – ледяным тоном произнесла мисс Дженни, – когда ты произнес свою речь, а Люш Пибоди потерял из-за тебя все утро, теперь, я полагаю, нам самое время удалиться, чтобы Люш мог для разнообразия отправиться пользоваться мулов, а ты мог просидеть остаток дня, испытывая жалость к самому себе, как и подобает Сарторису. До свидания, Люш.

– Не позволяйте ему трогать эту штуку, Дженни, – произнес доктор Пибоди.

– Разве вы с Биллом Фолзом не будете его лечить?

– Смотрите, чтоб он не позволял Биллу Фолзу мазать эту штуку чем бы то ни было, – невозмутимо продолжал доктор Пибоди. – Она ему не мешает. Не трогайте ее, и все.

– Мы сейчас пойдем к доктору, вот что мы сделаем, – отозвалась мисс Дженни. – Пошли.

Когда дверь закрылась, доктор Пибоди некоторое время неподвижно сидел и слушал, как они пререкались в коридоре. Затем звуки их голосов донеслись с другого конца, ближе к лестнице, старый Баярд сердито выругался, и голоса умолкли. Тогда доктор Пибоди откинулся на спинку дивана, которая уже давно приобрела форму его тела, протянул руку к стопке книг у изголовья и, не глядя, осторожно вытащил из нее пятицентовый детектив.

4

Когда они подходили к банку, с противоположной стороны улицы показалась одетая в светлое платье Нарцисса, и все трое встретились у дверей; старый Баярд одарил ее неуклюжим комплиментом по поводу ее внешности, а она своим низким голосом пыталась проникнуть сквозь толщу его глухоты. После этого он взял свой складной стул, а Нарцисса в сопровождении мисс Дженни вошла в банк и направилась к окошку кассира. За барьером в эту минуту не было никого, кроме бухгалтера. Он украдкой глянул на них через плечо, слез с табурета и, все еще не поднимая глаз, подошел к окошку.

Он взял у Нарциссы чек, и, слушая рассказ мисс Дженни о глупом мужском упрямстве Баярда и Люша Пибоди, она обратила внимание, что его руки от локтей вплоть до вторых фаланг пальцев заросли рыжеватыми волосами, и с легким, хотя и нескрываемым отвращением – и даже недоумевая, потому что день был не особенно жаркий, – заметила, что они покрыты капельками пота.

Затем она снова придала своим глазам выражение полного равнодушия и, взяв банкноты, которые бухгалтер просунул ей в окошко, открыла сумочку, из голубых атласных недр которой вдруг показался уголок конверта с адресом, но Нарцисса его смяла, засунула в

сумочку деньги и быстро ее закрыла. Обе женщины направились к выходу, причем мисс Дженни продолжала свой рассказ, а Нарцисса снова остановилась у дверей и, как всегда излучая невозмутимый покой, ровным громким голосом отвечала старому Баярду, который подшучивал над ее воображаемыми сердечными делами, что составляло единственную тему их разговоров. Потом она пошла дальше в ореоле безмятежности, которая казалась чем-то вполне реальным, доступным человеческому зрению, обонянию или слуху.

Пока Нарцисса оставалась в поле зрения, бухгалтер стоял у окна. Голова его была опущена, а рука чертила мелкие, бессмысленные узоры на блокноте, который лежал на подоконнике. Затем Нарцисса пошла дальше и скрылась из виду. Отходя от окна, он обнаружил, что блокнот прилип к его влажной руке, и когда он поднял руку, поднялся вместе с ней. Потом, увлекаемый собственной тяжестью, блокнот оторвался и упал на пол.

В этот вечер после закрытия банка Сноупс пересек площадь, завернул в одну из улиц и приблизился к прямоугольному деревянному зданию с двумя верандами, откуда в вечерний воздух вырывалась хрипая заунывная музыка дешевого граммофона. Он вошел в дом. Музыка доносилась из комнаты направо, и, проходя мимо двери, Сноупс увидел человека в рубашке без воротника – он сидел на стуле, положив ноги в носках на другой стул, и курил трубку, отвратительный запах которой потянулся за Сноупсом в прихожую. В прихожей пахло сырым дешевым мылом и блестел еще не просохший линолеум. Он двинулся дальше, в ту сторону, откуда раздавался равномерный шум, свидетельствующий о какой-то бешеной деятельности, и натолкнулся на женщину в бесформенном сером платье, которая перестала вытирать шваброй пол и глянула на него через серое плечо, смахнув красной рукой прямые волосы со лба.

– Добрый вечер, миссис Бирд, – сказал Сноупс. – Вирджил дома?

– Болтался тут давеча, – ответила она. – Если его пет на крыльце, значит, отец его куда-нибудь послал. У мистера Бирда опять поясницу схватило. Может, он Вирджила куда и послал. – Прямые волосы снова упали ей на лицо, и она резким жестом отбросила их назад. – У вас для него есть работа?

– Да, мэм. А вы не знаете, куда он пошел?

– Если мистер Бирд его никуда ни посылал, он, наверно, на заднем дворе. Он далеко не уходит.

Она опять отбросила назад свои прямые волосы – мускулы, привыкшие всю жизнь работать, не терпели бездействия – и снова схватила швабру.

Сноупс пошел дальше и остановился на кухонном крыльце над огороженным, лишенным травы пространством, где находился курятник и несколько кур, нахохлившись, сидели на голой земле или, объятые безнадежной тоскою, копошились в пыли. Вдоль одной стороны забора тянулись аккуратные грядки, а в углу двора стояла сколоченная из старых досок уборная.

– Вирджил! – позвал он.

Пустынный двор был населен призраками – призраками отчаявшихся сорняков, призраками съестных припасов в виде пустых консервных банок, ломаных коробок и бочек; сбоку лежала куча дров и стоял чурбан, на котором покоился топор с расколотым топорщиком, неумело обмотанным ржавой проволокой. Он сошел с крыльца, и куры закудахтали в предвкушении корма.

– Вирджил!

Воробы как-то ухитрились находить себе пропитание в пыли среди кур, но сами куры, быть может в предвидении рокового конца, очумело носились взад-вперед вдоль проволоки и неотвязно смотрели на него жадными глазами. Он уже хотел было повернуть обратно к кухне, когда из уборной с невинным видом вышел белобрысый мальчишка с вкрадчивыми глазами. В уголках его бледного, красиво очерченного рта затаилась какая-то мысль. Подбородка у него не было вовсе.

– Хелло, мистер Сноупс. Я вам нужен?

– Да, если ты ничем особенным не занят.

– Ничем, – отвечал мальчик.

Они вошли в дом и миновали комнату, где по-прежнему остервенело работала женщина. Вонь от трубки и мрачные завывания граммофона заполняли прихожую. Они поднялись по лестнице, тоже покрытой линолеумом, который был прикреплен к каждой ступеньке предательской полосой железа, обработанного под латунь, стертого и исцарапанного тяжелыми сапогами. По обе стороны прихожей второго этажа было несколько одинаковых дверей. В одну из них они и вошли.

В комнате стоял стул, кровать, туалетный столик и умывальник с ведром для грязной воды. Пол был покрыт потрепанным соломенным ковриком. С потолка на зеленовато-коричневом шнуре свисала лампочка без абажура. Над забитым бумагой камином красовалась рамка с литографией – девушка-индианка в безукоризненной оленьей шкуре склонила обнаженную грудь над залитым лунным светом аккуратным бассейном из итальянского мрамора. В руках она держала гитару и розу, а на выступе за окном сидели пыльные воробы и весело смотрели на них сквозь пыльную оконную сетку.

Мальчик вежливо пропустил Сноупса вперед. Его бледные глаза быстро окинули комнату и все, что в ней находилось.

– Ружье еще не прислали, мистер Сноупс? – спросил он.

– Нет, но скоро пришлют, – ответил Сноупс.

– Вы ведь тайно его заказывали.

– Да, оно скоро придет. Может, у них сейчас такого ружья нет. – Он прошел к туалетному столику, достал из ящика несколько листов бумаги, положил их на стол, придвинул стул, вытащил из-под кровати чемодан и водрузил его на стул. Затем вынул из кармана вечное перо, снял с него колпачок и положил рядом с бумагой. – Его не сегодня-завтра должны прислать.

Мальчик уселся на чемодан и взял перо.

– Такие ружья продаются в скобяной лавке Уотса, – заметил он.

– Если то, которое мы заказывали, в ближайшее время не придет, купим у него, – сказал Сноупс. – Кстати, когда мы сделали заказ?

– Во вторник на прошлой неделе, – бойко отвечал мальчик. – Я записал.

– Ну, значит, скоро пришлют. Ты готов? Мальчик склонился над бумагой.

– Да, сэр.

Сноупс вынул из кармана брюк сложенный листок, развернул его и прочел:

– Индекс сорок восемь. Мистеру Джо Батлеру, Сент-Луис, Миссури, – и через плечо мальчика стал следить за его пером. – Правильно, у верхней кромки. Так.

Мальчик отступил от края примерно на два дюйма и аккуратным ученическим почерком принялся выводить то, что диктовал ему Сноупс, лишь изредка останавливаясь и спрашивая, как пишется то или иное слово.

«Я один раз решил что постараюсь вас забыть. Но я не могу забыть вас потому что вы не можете забыть меня. Сегодня я видел свое письмо в вашей сумке. Я каждый день могу протянуть руку и дотронуться до вас вы об этом не знаете. Просто вижу как вы идете по улице и знаю что я знаю что вы знаете. Однажды мы оба будем знать вместе когда вы привыкнете. Вы сохранили мое письмо но вы не ответили. Это признак...»

Мальчик дописал страницу до конца. Сноупс убрал первый лист, положил второй и монотонным, лишенным интонации голосом продолжал диктовать:

«...что вы меня не забыли иначе вы бы его не стали хранить. Я думаю о вас ночью как вы идете по улице словно я грязь под ногами. Я могу вам кое-что сказать вы удивитесь я знаю про вас больше чем то как вы ходите по улице в одежде. Когда-нибудь я скажу и вы тогда не будете удивляться. Вы проходите мимо меня и не знаете а я знаю. Когда-нибудь вы узнаете. Потому что я вам скажу».

– Все, – сказал Сноупс, и мальчик отступил к нижнему краю страницы.

– «Искренне ваш Хэл Вагнер. Индекс двадцать четыре». – Он снова заглянул мальчику через плечо. – Правильно.

Промокнув последнюю страницу, он взял и ее. Мальчик надел на перо колпачок и отодвинул стул. Сноупс вытащил из пиджака маленький бумажный кулек.

Мальчик невозмутимо взял кулек.

– Премного благодарен, мистер Сноупс. – Он открыл кулек и, скосив глаза, заглянул внутрь. – Странно, что это духовое ружье до сих пор не пришло.

– Действительно, – согласился Сноупс. – Не понимаю, почему его нет.

– Может, оно на почте затерялось, – высказал предположение мальчик.

– Возможно. Скорей всего, так оно и есть. Я завтра им еще раз напишу.

Мальчик поднялся из-за стола и остановился, глядя на Сноупса вкрадчивыми невинными глазами из-под соломенно-желтых волос. Он вынул из кулька конфету и принялся без всякого удовольствия ее жевать.

– Я, пожалуй, попрошу папу сходить на почту и узнать, не потерялось ли оно.

– Не надо, – поспешно отозвался Сноупс. – Подожди немного, я сам этим делом займусь. Мы его непременно получим.

– Папе ничего не стоит туда сходить. Как только он вернется домой, он сразу же пойдет и узнает. Я его хоть сейчас разыщу и попрошу, чтоб он сходил.

– Ничего у него не получится, – отвечал Сноупс. – Предоставь это дело мне. Уж я-то твое ружье получу, можешь не сомневаться.

– Я ему скажу, что я у вас работал. Я все письма наизусть помню, – сказал мальчик.

– Нет, нет, обожди, я сам все сделаю. Завтра с утра пойду на почту.

– Хорошо, мистер Сноупс. – Он снова без всякого удовольствия съел конфету и пошел к двери. – Я эти письма все до одного запомнил. Бьюсь об заклад, что могу сесть и снова все написать. Об заклад бьюсь, что могу. Скажите, пожалуйста, мистер Сноупс, кто такой Хэл Вагнер? Он в Джефферсоне живет?

– Нет, нет, ты его не знаешь. Он почти никогда не бывает в городе. Потому-то я его дела и веду. А ружьем я займусь, обязательно займусь.

В дверях мальчик помедлил.

– Такие ружья в скобяной лавке Уотса продаются. Очень хорошие. Мне очень хочется такое ружье. Очень хочется, сэр.

– Да, да, – повторил Сноупс, – наше будет здесь завтра. Подожди немножко, я уж позабочусь, чтобы ты его получил.

Мальчик вышел. Сноупс запер дверь и постоял возле нее, опустив голову, сжимая и разжимая кулаки и треща суставами. Потом он сжег над камином сложенный листок бумаги и растер ногой пепел. Достав нож, он срезал с первой страницы письма адрес, со второй подпись, сложил обе страницы и сунул в дешевый конверт. Потом запечатал конверт, приклеил марку и левой рукой печатными буквами старательно вывел адрес. Вечером он отнес письмо на станцию и опустил в ящик почтового вагона.

На следующий день Вирджил Бирд застрелил пересмешника, который пел на персиковом дереве в углу двора.

5

Временами, слоняясь без дела по усадьбе, Саймон смотрел на простирающиеся вдаль луга, где паслись упряжные лошади, с каждым днем все больше терявшие свою гордую осанку от праздности и отсутствия ежедневного ухода, или проходил мимо каретника, где неподвижно стояла коляска, укоряюще задрав кверху дышло, а висящие на гвозде пыльник и цилиндр медленно и терпеливо собирали пыль, тоже заждавшись в безропотном вопросительном молчанье. И в эти минуты, когда он, жалкий и немного сторбленный от бестолкового упрямства и от старости, стоял на просторной, увитой розами и глициниями

веранде, неизменной в своем безмятежном покое, и наблюдал, как Сарторисы приезжают и уезжают на машине, от которой джентльмен былых времен мог бы только пренебрежительно отвернуться и которой любой босяк мог владеть, а любой остолоп – управлять, ему казалось, что рядом с ним стоит Джон Сарторис и его бородатое лицо с ястребиным профилем выражает высокомерное и тонкое презрение.

И когда он стоял, озаренный косыми лучами предвечернего солнца, которое, склоняясь к закату, обходило южную сторону крыльца, а воздух, напоенный тысячью пьянящих ароматов народившейся весны, звенел полусонным гудением насекомых и неумолчным щебетом птиц, до Айсона, появлявшегося в прохладном дверном проеме или за углом, доносилось монотонное бормотание деда, полное ворчливого недоумения и досады, и Айсом шел на кухню, где, мурлыкая бесконечную мелодию, неустанно трудилась его невозмутимая мать.

– Дедушка опять со Старым Хозяином разговаривает, – сообщил ей Айсом.

– Дай мне картошки, мама.

– А что, мисс Дженни тебе нынче никакой работы не нашла? – спрашивала Элнора, подавая ему картошку.

– Нет, мэм. Она опять на этом ихнем томобиле уехала.

– Еще слава Богу, что мистер Баярд и тебя вместе с ней не прихватил. Ну, а теперь проваливай из кухни. Я уже вымыла пол, а ты тут опять наследись.

В эти дни Айсом часто слышал, как дед его беседует с Джоном Сарторисом; в конюшне, возле цветочных клумб или на газоне он ворчливо толковал что-то этой дерзкой тени, властвовавшей над домом, над жизнью всех домашних и даже надо всей округой, которую пересекала построенная им железная дорога, казавшаяся издали совсем крохотной. Миниатюра эта, выписанная точно и четко, напоминала декорацию спектакля, поставленного для развлечения человека, чья упрямая мечта так ядовито и лукаво смеялась над ним, пока сама оставалась нечистой, теперь же, когда мечтатель освободился от низменности своей гордыни и столь же низменной плоти, засияла чистотой и благородством.

– Нечего сказать, экипаж для джентльмена! – бормотал Саймон. Он уже снова ковырял мотыгой клумбу с шалфеем. – Разъезжает на этой штуке, а настоящий джентльменский экипаж в каретнике гниет.

О мисс Дженни он не задумывался. Не все ли равно, на чем ездят женщины, если мужчины им разрешают. Они только выставляют напоказ экипаж джентльмена, они всего лишь барометр его положения, зеркало его родовитости – это даже лошади понимают.

– Ваш родной сын, и ваш родной внук прямо у вас под носом на этой новомодной штуковине катаются, – продолжал он, – и вы это терпите. Вы сами ничуть не лучше их. Вам бы надо издать закон, масса Джон, ведь теперь, после всех этих заморских войн, молодые люди и знать не знают, что такое благородные манеры, они не знают, как джентльмен должен себя вести. Как по-вашему, что люди думают, когда видят, что ваша родня разъезжает на такой же таратайке, на какой самая последняя шваль ездит? Вы им спуску не давайте, масса Джон. Ведь в наших краях Сарторисы еще до войны знатными господами были. А вы теперь на них поглядите!

Опершись о мотыгу, он смотрел, как автомобиль пронесся по аллее и остановился возле дома. Мисс Дженни с молодым Баярдом вышли и поднялись на веранду. Мотор все еще работал, в чистом предвечернем воздухе трепетала тонкая струйка выхлопных газов, и Саймон с мотыгой в руках подошел и уставился на множество циферблатов и кнопок на приборном щитке. Баярд обернулся в дверях и окликнул его:

– Выключи зажигание, Саймон.

– Чего выключить?

– Видишь вон ту блестящую ручку около рулевого колеса? Поверни ее вниз.

– Нет, сэр, – ответил Саймон, пятясь от автомобиля, – як нему ни за что не притронусь. Не хочу я, чтоб он у меня под носом на воздух взлетел.

– Ничего с тобой не будет, – с досадой буркнул Баярд. – Просто возьми и поверни ее

вниз. Вон ту блестящую штуку.

Саймон подозрительно смотрел на всевозможные приборы, но ближе не подходил; потом вытянул шею и заглянул в машину.

– Ничего я там не вижу, только одна большая палка из пола торчит. Вы про нее, что ли, говорите?

– Проклятье! – выругался Баярд. Двумя прыжками соскочив с веранды, он открыл дверцу и под любопытным прищуренным взглядом Саймона повернул рычаг. Мурлыканье мотора смолкло.

– Ах, вот вы, значит, про что говорили, – сказал Саймон. Посмотрев некоторое время на рычаг, он выпрямился и уставился на капот. – Теперь тут внизу уже не кипит? Значит, ее так останавливают?

Но Баярд уже снова поднялся по ступенькам и вошел в дом.

Саймон еще немного постоял, изучая блестящую длинную штуковину; время от времени он дотрагивался до нее рукой, но тут же вытирал руку о штаны. Потом медленно обошел вокруг, пощупал шины, бормоча что-то себе под нос и качая головой. После этого он вернулся к клумбе с шалфеем, где и нашел его Баярд, вскоре выскочивший из дома.

– Хочешь прокатиться, Саймон? – спросил он. Мотыга Саймона остановилась, и он выпрямился.

– Кто – я, что ли?

– Ну да, ты. Пошли. Прокатимся немножко по дороге. Саймон стоял с застывшей в неподвижности мотыгой и медленно почесывал затылок.

– Идем, – сказал Баярд, – мы только немножко прокатимся по дороге. Ничего с тобой не делается.

– Ладно, сэр, – согласился Саймон. – Пожалуй, со мной и правда ничего не делается.

Пока Баярд потихоньку подталкивал его к автомобилю, он, уже не сопротивляясь, прищуренным глазом задумчиво изучал различные его части, как нечто, долженствующее отныне стать реальной величиной в его жизни. Остановившись возле дверцы и уже занеся ногу на подножку, он в последний раз попытался дать отпор коварным силам, лишаящим человека способности здраво рассуждать.

– А вы не будете гонять по кустам, как в тот день с Айсомом?

Баярд успокоил его, и он медленно забрался внутрь, невнятно бормоча какие-то слова, в которых уже заранее слышалась тревога, и сел на краешек переднего сиденья, поджав под себя ноги и вцепившись одной рукой в дверцу, а другой – в ворот своей рубашки. Автомобиль пронесся по аллее и, миновав ворота, выехал на большую дорогу, а он все еще сидел сгорбившись и сильно подавшись вперед. Автомобиль набрал скорость, и Саймон внезапным судорожным движением схватил свою шляпу как раз в ту секунду, когда она готова была слететь у него с головы.

– Может, уже хватит, а? – громко предложил он и нахлобучил шляпу на лоб, но не успел он выпустить ее из рук, как ему тут же пришлось снова изо всех сил в нее вцепиться, и тогда он снял ее совсем, зажал под мышкой, опять ухватился за что-то, спрятанное на груди, и громче прежнего сказал: – Мне надо сегодня прополоть эту клумбу. Пожалуйста, сэр, мистер Баярд, – добавил он, всем своим высохшим старым телом подаваясь вперед и украдкой бросая быстрые взгляды на придорожные кусты, которые с нарастающей скоростью проносились мимо.

Потом Баярд наклонился к рулю, и Саймон увидел, как напряглась его рука, и они рванулись вперед с гулом, напоминающим глухие раскаты далекого грома. Немыслимая лента дороги раскалывалась под машиной и исчезала, вздымаясь бешеным вихрем пыли, а придорожные заросли сливались в сплошной струящийся туннель. Саймон не проронил ни слова, не издал ни единого звука, и когда Баярд, свирепо усмехаясь, оскалился, он уже стоял на коленях на полу, зажав под мышкой старую потрепанную шляпу и вцепившись в отворот рубашки. Спустя некоторое время Баярд снова взглянул на Саймона и увидел, что тот смотрит на него, и что мутная радужная оболочка его глаз, утратив темно-коричневый цвет, на котором

обычно даже не выделялись зрачки, стала совсем красной, и что глаза его, не мигая, встречают свирепые порывы ветра и светятся бессмысленным фосфоресцирующим блеском, как глаза животного. Баярд с силой нажал на педаль газа.

По дороге мирно плелся фургон. В него была впряжена пара сонных мулов, а внутри, сидя на стульях, дремало несколько негритянок. Некоторые из них были в штанах. Мулы не проснулись даже тогда, когда автомобиль влетел в неглубокую канаву, снова выскочил на дорогу и, не замедляя хода, с грохотом рванулся дальше, – они невозмутимо плелись вперед, увлекая за собой пустой фургон с опрокинутыми стульями. Грохот вскоре утих, но автомобиль продолжал по инерции нестись, а потом вдруг завалился из стороны в сторону, потому что Баярд пытался оторвать руки Саймона от рычага. Саймон, крепко зажмурив глаза, стоял на коленях на полу, обеими руками вцепившись в рычаг, и встречный ветер играл клочьями его седых волос.

– Отпусти! – заорал Баярд.

– Ее так останавливают, господи! Ее так останавливают, господи! – вопил Саймон, прикрывая рычаг обеими руками, между тем как Баярд молотил по ним кулаком. Саймон не выпускал рычаг до тех пор, пока автомобиль не замедлил ход и не остановился. Тогда он ошущью отворил дверцу и вылез на дорогу.

Баярд окликнул его, но он быстро пошел назад, прихрамывая и волоча ногу.

– Саймон! – снова крикнул Баярд. Но Саймон одеревенелой походкой шел дальше, напоминая человека, который долгое время не пользовался своими конечностями. – Саймон!

Саймон не замедлял шага и не оглядывался, и тогда Баярд снова завел мотор и ехал вперед до тех пор, пока не смог развернуться. Догнав Саймона и остановившись, он увидел, что тот стоит в придорожной канаве, опустив голову на руки.

– Иди сюда и залезай обратно, – приказал Баярд.

– Нет, сэр, я лучше пешком пойду.

– Залезай, тебе говорят! – резко скомандовал Баярд. Он открыл дверцу, но Саймон стоял в канаве, засунув руку за пазуху, и Баярд увидел, что он дрожит как в лихорадке. – Иди сюда, старый осел, я ничего худого тебе не сделаю.

– Я пойду домой пешком, – упрямо, но беззлобно твердил Саймон. – А вы себе поезжайте на этой штуковине.

– Ах, да садись же, Саймон. Я не думал, что ты так сильно испугаешься. Я поеду тихо. Иди сюда.

– Поезжайте домой, – снова сказал Саймон. – Они будут о вас беспокоиться. Вы им скажете, где я.

Баярд с минуту глядел на него, но Саймон стоял отвернувшись, и он захлопнул дверцу и поехал вперед. Саймон и тут не поднял глаз, не поднял он их даже и тогда, когда автомобиль снова заревел, а потом беззвучно исчез, взметнув облако серовато-коричневой пыли. Вскоре из пыли возник фургон. Мулы теперь бежали бодрой рысью, хлопая ушами, и фургон протарахтел мимо, а в пыльном воздухе под стрекот насекомых еще долго дрожал бессловесный истерический женский крик. Крик медленно рассеялся в мерцающих даях равнины, и тогда Саймон вытащил из-за пазухи что-то, висевшее на засаленном шнурке у него на груди. Маленький, неопределенной формы предмет был покрыт грязным пушистым мехом. Это был нижний сустав задней лапки кролика³⁰, пойманного, как полагается, на кладбище в новолуние, и Саймон потер им свой потный лоб и затылок, после чего сунул обратно за пазуху. У него все еще дрожали руки, и, надев шляпу, он выбрался на дорогу и сквозь полуденную пыль побрел восвояси.

Баярд повернул к городу и, миновав железные ворота и осененный деревьями

³⁰ ...сустав задней лапки кролика... – По народному поверью, распространенному на американском Юге, кроличья лапка (или ее часть) служит амулетом, предохраняющим от несчастий и дурного глаза.

безмятежный белый дом, прибавил скорость. Он перекрыл заслонку глушителя, и газы, с ревом вырываясь из-под машины, взметали в воздух клубы пыли, которые лопались, словно пузыри, и лениво оседали на вспаханные поля, постепенно поглощавшие шум автомобиля. Почти у самого города ему встретилась еще одна упряжка, и он мчался на нее, пока мулы, осадив назад, не опрокинули фургон; тогда он резко свернул в сторону и пронесся мимо чуть ли не вплотную, так что негр, который орал в фургоне, мог ясно разглядеть его тонкогубый рот, издевательски растянутый в бешеном оскале.

Баярд несся вперед. Автомобиль взлетел на крутую гору, словно взмывший в воздух аэроплан, и, когда мимо промелькнуло кладбище, где красовался пышный памятник его прадеда, Баярд подумал о том, как старик Саймон, зажав в руках кроличью лапку, ковыляет по пыльной дороге к дому, и устыдился собственной жестокости.

Город утопал в садах; на его тенистых, напоминающих зеленые туннели улицах разыгрывались мирные трагедии убогой жизни. Баярд открыл глушитель и, замедлив ход, подъехал к площади. Часы на башне суда вздымали свои четыре циферблата над уходящими вдаль сводами деревьев. Без десяти двенадцать. Ровно в двенадцать его дедушка удалится в кабинет в задней части банка, выпьет пинту пахтанья, которое он каждое утро привозит с собою в термосе, и приляжет вздремнуть часок на диване. Когда Баярд въехал на площадь, на складном стуле в дверях банка уже никого не было. Он сбавил скорость и остановился у тротуара перед прислоненным к стене рекламным щитом.

«СЕГОДНЯ СВЕЖАЯ ЗУБАТКА», – уведомляли выведенные мокрым мелом буквы, а из забранной сеткой двери позади щита доносился запах сыра, пикулей и других вынутых из ледника продуктов и слегка тянуло жареным салом.

Некоторое время Баярд стоял на тротуаре, и его с обеих сторон обтекала полуденная толпа – негры, от которых исходил какой-то звериный запах; они плелись лениво и бесцельно, словно фигуры в смутном безмятежном сне, невнятно бормотали, пересмеивались, и в их мягком, лишенном согласных звуков бормотании слышались нотки готового вспыхнуть веселья, а в их смехе – уныние и печаль; фермеры – мужчины в комбинезонах, в плисовых штанах, в гимнастерках без галстуков; женщины в мешковатых ситцевых платьях, в широкополых шляпах, жующие палочки табаку; наряженные в выписанные по почте крахмальные туалеты молодые девушки, чьи грациозные от природы фигурки уже начинали сутулиться от застенчивости, тяжелой работы и непривычно высоких каблуков, а в ближайшем будущем навсегда расплывутся от родов; юноши и подростки в дешевых безвкусовых костюмах, рубашках и кепи, с обветренными лицами, стройные, как скаковые лошади, и чуть-чуть заносчивые. Под стеной сидел на корточках слепой негр-нищий с гитарой и губной гармоникой и на фоне всех этих звуков и запахов выводил однообразные узоры заунывных монотонных звуков, размеренных и точных, как математические формулы, но лишенных всякой музыкальности. Это был мужчина лет сорока, с тем выражением безропотной покорности, которое приобретает долгими годами слепоты; на нем тоже была грязная гимнастерка с нашивками капрала на одном рукаве и криво пришитой эмблемой бойскаута на другом, а на груди красовался значок, выпущенный по случаю четвертого Займа Свободы³¹, и маленькая металлическая брошка с двумя звездочками, явно задуманная как женское украшение. Его потрепанный котелок был обвязан офицерским шнурком, а на мостовой у ног стояла жестянка с десятицентовиком и еще тремя монетками по центу.

Баярд пошарил в кармане в поисках мелочи; нищий почувствовал его приближение, и мелодия тотчас застыла на одной ноте, хотя и без перерыва в ритме, а как только в жестянке звякнула монета, он опустил левую руку, ощупью мгновенно определил достоинство монеты, и гитара вместе с губной гармоникой затаили свой монотонный напев. Когда Баярд повернулся, чтобы идти дальше, его окликнул широкоплечий приземистый человек с

³¹ ...по случаю четвертого Займа Свободы... – В годы первой мировой войны американское правительство выпустило пять Займов Свободы – государственных займов, предназначенных пополнить казну для ведения военных действий.

энергичным обветренным лицом и седеющими висками, в плисовых штанах и высоких сапогах.

У него был гибкий торс наездника и загорелые спокойные руки – такие руки любят лошади. Это был один из шестерых братьев Маккалемов, которые жили на холмах в восемнадцати милях от города и с которыми Баярд и Джон охотились на лисиц и енотов.

– Слышал про твой автомобиль. Этот, что ли? – сказал Маккалем. Он шагнул с тротуара, легкой походкой обошел автомобиль со всех сторон, потом остановился и, подбоченившись, начал его разглядывать. – Туловище слишком длинное, да и загревок тяжеловат. Неуклюжий какой-то. Небось без узды никуда?

– Ничего подобного, – отвечал Баярд. – Садись, я покажу тебе, на что он способен.

– Нет уж, благодарю покорно, – возразил его собеседник. Он снова сошел на мостовую, где собралась группа негров, тоже глазевших на автомобиль. Часы на башне суда пробили двенадцать, и на улицу высыпали стайки ребятишек, возвращавшихся домой на полуденную перемену, – девочки с разноцветными ранцами и скакалками громким шепотом обсуждали свои женские дела; горластые мальчишки в разных стадиях дезабиле кричали, толкались и пинали девочек, и те, сбившись в кучку, через плечо бросали на них презрительные взгляды.

– Собрался закусить, – пояснил Маккалем. Он перешел через дорогу, открыл сетчатую дверь, обернувшись, спросил Баярда: – Ты уже обедал?

Впрочем, все равно, зайдем на минутку, – и многозначительно похлопал себя по карману.

Заведение представляло собой нечто среднее между бакалейной лавкой, кондитерской и кафе. В тесном, но чистом помещении примостились два-три клиента с бутербродами и бутылками содовой, а суетливый, излучавший доброжелательность хозяин рассеянно кивал им из-за стойки. В задней части комнаты несколько мужчин и женщин, большей частью фермеры, с застенчивым и в то же время чинным и важным видом закусывали, сидя за столиками. Из кухни, где словно призраки в синеватом одуряющем чаду двигались два негра, доносилось шипенье и запах жареного. Пройдя через это помещение, Маккалем отворил проделанную в косой стене дверь, и они вошли в комнату поменьше или, вернее, в большой чулан. Узкое окошко под самым потолком освещало единственный, ничем не покрытый стол и четыре стула. За ними последовал младший из двух негров.

– Слушаю вас, мистер Маккалем и мистер Сарторис.

Он поставил на стол два только что вымытых стакана, по которым еще стекали капли воды, и остановился, вытирая руки фартуком. У него была широкая, невозмутимая, внушающая полное доверие физиономия.

– Лимоны с сахаром и льдом, – приказал Маккалем. – Надеюсь, ты не пьешь всяких там шипучек?

Негр помедлил у дверей.

– Нет, – отозвался Баярд. – Я лучше пунша выпью.

– Уж это точно, сэр, – согласился негр. – Вам требуется пунш.

Серьезно и одобрительно наклонив голову, он снова повернулся, пропуская облаченного в чистый фартук хозяина, который вошел своей обычной развинченной походкой и остановился, потирая руки о ляжки.

– Здорово, здорово, – сказал он. – Как живешь, Рейф? Баярд, я позавчера видел, как мисс Дженни со старым полковником заходили к доктору Пибоди. Надеюсь, ничего серьезного?

Голова его напоминала яйцо, повернутое острым концом кверху, вьющиеся рыжеватые волосы, разделенные аккуратным пробором, походили на парик, а карие глаза излучали теплое сияние.

– Входи и закрой дверь, – скомандовал Маккалем, втаскивая хозяина в комнату. Он извлек из-под куртки бутылку фантастических размеров и поставил ее на стол. В бутылке была прозрачная янтарная жидкость, и хозяин снова потер руки о ляжки, пожирая ее горячим взглядом.

– Боже милосердный! Где ты прятал эту флягу? В штанине, что ли? – спросил он.

Маккалем откупорил бутылку и протянул ее хозяину, который нагнулся вперед, понюхал, закрыл глаза и вздохнул.

– Это работа Генри, – пояснил Маккалем. – Лучший самогон за последние полгода. Надеюсь, ты выпьешь глоток, если мы с Баярдом тебя поддержим?

Хозяин плотоядно крикнул.

– Ну и шутник, – сказал он Баярду, – остряк, да и только, – и, оглядев стол, добавил: – Но у вас тут всего два...

В эту минуту в комнату постучали, и хозяин, повернув свою остроконечную голову, сделал им знак рукой. Пока он открывал дверь, Маккалем неторопливо спрятал бутылку. В дверях показался негр, он нес еще один стакан и надтреснутую чашку с лимонами, сахаром и льдом. Хозяин впустил его в комнату.

– Если меня там кто спросит, скажи, что я на минутку отлучился, Хустон.

– Слушаю, сэр, – отозвался негр, ставя на стол стакан и чашку.

Маккалем снова вытащил бутылку.

– Охота тебе врать, – заметил он. – Все и так знают, чем ты тут занимаешься.

Хозяин снова крикнул, пожирая жадным взглядом бутылку.

– Да, сэр, шутник так шутник, – повторил он. – Однако у вас, ребята, времени много, а мне надо идти за порядком присматривать.

– Валий, – сказал ему Маккалем, и хозяин сделал себе пунш. Он поднял стакан, попеременно помешивая и нюхая содержимое, и гости последовали его примеру. Потом вынул из стакана ложечку и положил ее на стол, – Терпеть не могу комкать удовольствие, – сказал он, – да только дело не ждет.

– Работа – она всегда человеку пить мешает, – согласился Маккалем.

– Да, сэр, что правда, то правда, – сказал хозяин, поднимая стакан. – Здоровье вашего родителя. Я последнее время что-то редко встречаю старого джентльмена в городе.

– Он все никак не примирится с тем, что Бадди служил в армии янки, – пояснил Маккалем. – Говорит, что не поедет в город до тех пор, пока демократическая партия не отречется от Вудро Вильсона³².

– Да, лучше, что они могли бы сделать, это сместить его и выбрать президентом кого-нибудь вроде Дебса³³ или сенатора Вардамана, – глубокомысленно изрек хозяин. – Да, это было бы здорово, ничего не скажешь. Однако, доложу я вам, Генри действительно чудеса творит.

Поставив стакан на стол, он повернулся к двери, добавил:

– А вы, ребята, почувствуйте себя как дома. Если вам что понадобится, зовите Хустона, – и развинченной походкой торопливо вышел из комнаты.

– Садись, – сказал Маккалем. Он пододвинул себе стул, и Баярд поставил себе другой напротив. – Дикон, он в спиртном толк знает. Он этого виски на своем веку столько вылакал, что если его вылить, то по нему все его заведение хоть сейчас из дверей на улицу выплывет.

Он наполнил свой стакан, подвинул бутылку Баярду, и они снова не спеша выпили.

– Ты плохо выглядишь, сынок, – неожиданно сказал Маккалем. Баярд поднял голову и увидел, что тот пристально смотрит на него своим спокойным взглядом. – Переутомился, наверно.

Баярд отрицательно махнул рукой и поднял стакан, все еще чувствуя на себе пристальный взгляд собеседника.

³² *Вудро Вильсон* (1856-1924) – президент США от демократической партии (1913-1921). Его политический курс, приведший к вступлению США в первую мировую войну, не пользовался поддержкой определенной части демократов-южан.

³³ *Дебс Юджин* (1855-1926) – американский политический деятель, основатель социал-демократической партии. Вел агитацию против участия США в мировой войне, за что был арестован и приговорен к десяти годам каторги по обвинению в шпионаже. В 1920 г. его кандидатура была выставлена на пост президента.

– Впрочем, пить доброе виски ты еще не разучился... Почему бы тебе не приехать к нам поохотиться? Мы тебе старого рыжего лиса припасли. Второй год его с молодыми псами гоняем. Генерала мы на него пока еще не пускали – старина его мигом учует, а мы хотели его для вас с Джоном оставить. Джону этот лис как раз бы по вкусу пришелся. Помнишь тот вечер, когда Джонни вырвался впереди собак прямо к Сэмсонову мосту, а когда мы туда добрались, он уж тут как тут – плывет вниз по реке на бревне – лис на одном конце бревна, а Джонни на другом и во весь голос ту дурацкую песенку распевает? Да, Джону этот лис как раз бы по вкусу пришелся. Он уж сколько раз наших молодых псов дурачил. Ну, да от старого Генерала ему все равно не уйти.

Баярд вертел в руках стакан. Он достал из куртки пачку папирос, вытряхнул несколько штук на стол и щелчком подтолкнул пачку к Маккалему. Тот неторопливо допил свой пунш и налил себе еще. Баярд закурил, осушил стакан и потянулся за бутылью.

– У тебя ужасный вид, парень, – повторил Маккалем.

– Просто трезвый, вот и все, – таким же ровным голосом отвечал Баярд. Положив дымящуюся папиросу на край стола, он сделал себе еще стакан пунша. Потом поднял стакан, но пить не стал, а, подержав его некоторое время возле носа, кожа которого у основания ноздрей от напряжения натянулась и побелела, отстранил от себя и твердой рукой вылил содержимое на пол. Маккалем спокойно смотрел, как он налил полстакана чистого виски, плеснул в него воды и опрокинул себе в рот.

– Я чертовски долго был добродетельным, – громко сказал он и принялся говорить о войне. Не о сражениях, а о жизни, населенной юношами, подобными падшим ангелам, и о сверкнувшем как метеор неистовстве этих падших ангелов, что мечутся между небом и адом, попеременно причащаясь рокового бессмертия и бессмертного рока.

Маккалем сидел и молча слушал, спокойно прихлебывая виски, которое явно не оказывало на него никакого действия, словно он пил молоко, а Баярд продолжал говорить и вскоре без всякого удивления обнаружил, что начал есть. Бутыль уже более чем наполовину опустела. Негр принес закуску и не моргнув глазом выпил свою порцию неразбавленного самогона.

– Будь у меня корова с таким молоком, телянку ничего бы не доставалось, а я никогда не сбивал бы масло, – сказал он. – Спасибо, мистер Маккалем, сэр.

Потом он ушел, а голос Баярда по-прежнему заполнял собою каморку, вытесняя запах сваренной наспех дешевой еды и пролитого виски призраками чего-то пронзительного и взвинченного – словно истерика, словно вспышка падающих метеоритов на темной сетчатке вселенной. Потом опять послышался легкий стук, и в дверь просунулась яйцевидная голова хозяина, который посмотрел на них добрыми горячими глазами.

– Вам ничего не надо, джентльмены? – спросил он, потирая руки о ляжки.

– Заходи и выпей, – сказал Маккалем, мотнув головой в сторону бутылки. Хозяин смешал пунш в своем немывом стакане, выпил и, изумленно округлив глаза, стал слушать рассказ о том, как Баярд с одним австралийским майором и двумя девицами как-то вечером сидели в холле отеля на площади Лестер³⁴ (куда военным ходить запрещалось, и анзак³⁵ потерял два зуба и свою девицу, а сам Баярд заработал фонарь под глазом).

– Господи, ну и буяны же эти авиаторы. Однако мне пора обратно в зал.

Нынче не побегаешь, так, пожалуй, и на жизнь себе не заработаешь, – сказал он и снова выскочил из комнаты.

– Да, я чертовски долго был добродетельным, – хрипло проговорил Баярд, глядя, как Маккалем наполняет стаканы. – Единственное, на что годился Джонни, – это не давать мне закинуть в какой-нибудь дыре. В паршивой дыре, где две старые бабы день и ночь меня пилят

³⁴ *Отель на площади Лестер* – т. е. на одной из центральных площадей Лондона.

³⁵ *Анзак* – офицер австралийско-новозеландского армейского корпуса.

и где только и дела, что на черномазых страх нагонять. – Он выпил и, обхватив рукою стакан, поставил его на стол. – Проклятый толсторожий немец. Впрочем, Джонни никогда толком летать не умел. Я уговаривал его не подниматься в воздух на этой треклятой хлоплушке.

Он грубо выругал своего покойного брата, снова поднял стакан, но на полдороге ко рту остановился.

– Куда, к черту, делось мое виски?

Маккалем вылил остатки виски в стакан Баярда, тот выпил, хлопнул толстым стаканом по столу, встал и, шатаясь, прислонился к стене.

– Я все время старался помешать ему взлететь на этом «кэмеле». Но он пустил в меня очередь. Прямо над моим носом.

Маккалем тоже поднялся – Пошли, – спокойно сказал он и хотел было взять Баярда под руку, но тот увернулся. Они пересекли кухню и пошли через длинный, как туннель, зал. Баярд довольно твердо держался на ногах, и хозяин кивнул им из-за стойки.

– Заходите, джентльмены, заходите.

– Ладно, Дикон, – отвечал Маккалем.

Баярд пошел дальше. Когда они проходили мимо фонтанчика с содовой, к нему обратился молодой адвокат, стоявший рядом с каким-то незнакомцем:

– Капитан Сарторис, познакомьтесь с мистером Брэттоном. Грэттон прошлой весной воевал в Англии.

Незнакомец обернулся и протянул руку, но Баярд невидящим взором посмотрел на него и так стремительно двинулся вперед, что тот невольно попятился, чтобы Баярд не сбил его с ног.

– Черт бы его побрал, – пробормотал он в спину Баярду.

Адвокат схватил его за руку.

– Он пьян, – торопливо зашептал он. – Пьян.

– Плевать я хотел! – громко сказал Грэттон. – Какой-то паршивый лейтенантишка воображает, что...

– Тс-с, – прошипел адвокат.

Хозяин испуганными круглыми глазами смотрел на них из-за ящика со сладостями.

– Джентльмены, джентльмены! – лепетал он. Незнакомец в ярости двинулся к Баярду, и тот остановился.

– Подожди, я сейчас разобью ему рожу, – сказал он, обернувшись к Маккалему.

Незнакомец оттолкнул адвоката и шагнул вперед.

– Тебе еще и во сне не снилось... – начал он.

Маккалем легким, но твердым движением взял Баярда под руку:

– Пошли, парень.

– Я должен разбить его мерзкую рожу, – заявил Баярд, тупо уставившись на разъяренного незнакомца.

Адвокат снова вцепился в своего приятеля.

– Убирайтесь, – сказал незнакомец, отталкивая его. – Пусть он только попробует. Ну, валяй, сопляк несчастный.

– Джентльмены, джентльмены! – жалобно скулил хозяин.

– Пошли, парень, – сказал Маккалем. – Мне надо посмотреть одну лошадь.

– Лошадь? – повторил Баярд и послушно пошел за ним, но тут же остановился и, обернувшись к незнакомцу, сказал: – Сейчас я не могу разбить тебе рожу. Очень жаль, но мне надо посмотреть лошадь. Попозже загляну к тебе в гостиницу.

Но незнакомец повернулся к нему задом, а адвокат, стоя у него за спиной, подмигивал и делал знаки Маккалему:

– Ради бога, уведите его, Маккалем.

– Ладно, я еще успею разбить ему рожу. К сожалению, не могу разбить твою рожу, Юстас, – обратился он к адвокату. – Нас еще в школе учили: никогда не соблазняй дуру и не бей калеку.

– Пошли, пошли, – твердил Маккалем, увлекая Баярда к выходу.

У дверей Баярд опять остановился, закурил папиросу, и они вышли на улицу. Было уже три часа, и они снова попали в самую гущу выходивших из школы ребяташек. Баярд держался довольно прямо и несколько воинственно. Вскоре Маккалем свернул в боковую улицу, они миновали несколько негритянских лавок и, пройдя между работающей мукомольней и молчавшей хлопкоочистительной фабрикой, свернули в переулок, где стояли на привязи лошади и мулы. В конце переулка слышался стук молота по наковальне, и в дверях кузницы, возле которых стояла на трех ногах терпеливая лошадь, вспыхивало красноватое сиянье. Миновав кузницу и группу мужчин, сидевших на корточках в тени под стеной, они добрались до ворот, запиравших темный кирпичный туннель, из которого резко пахло аммиаком. Несколько мужчин сидели на верхней перекладине ворот, другие стояли, опершись на них скрещенными руками. Из загона доносились голоса, а потом сквозь просветы забранных планками ворот показалась высокая неподвижная тень, отливавшая блеском вороненой стали.

У двери в конюшню, зияющей словно пасть пещеры, стоял жеребец, и по его вороненой коже то и дело мелкой нервной дрожью пробегали короткие гордые язычки бледного пламени. Но глаза его смотрели спокойно и дерзко, и по временам взгляд его с царственным величием и тонким презрением окидывал группу людей у ворот, не различая в ней отдельных лиц, и язычки бледного пламени снова пробегали по его коже. На шею лошади был накинута недоуздок, привязанный к косяку дверей; позади на почтительном расстоянии прохаживался с видом собственника белый мужчина, а рядом с ним негр-конюх с привязанным к поясу мешком. Маккалем с Баярдом остановились у ворот, и белый, обойдя застывшего в надменной неподвижности жеребца, приблизился к ним. Негр-конюх тоже вышел вперед, держа в руках мягкую грязную тряпку и монотонно напевая низким голосом. Жеребец позволил ему подойти и стереть тряпкой нервные язычки пламени, которые, словно рябь, пробегали по его телу.

– Ну, чем не картинка? – опершись локтем о ворота, спросил у Маккалема белый.

К его подтяжкам был прикреплен почерневший от старости шнурок из сыромятной кожи, на котором висели дешевые никелированные часы. Бороду он брил, но от уголков губ к подбородку спускались темные полосы щетины, и поэтому всегда казалось, будто он жуёт табак с открытым ртом. По профессии барышник, он постоянно судился с железнодорожной компанией³⁶, по вине которой гибло насильственной смертью его поголовье.

– Поглядите-ка на этого черномазого, – сказал он. – Я бы к этому жеребцу и на десять ярдов не подошел, а Тоби с ним как с младенцем управляется. Будь я проклят, если я понимаю, как он это делает. Я всегда говорил, что черномазые чем-то сродни животным.

– Он просто боится, что в один прекрасный день ты поведешь его через полотно, когда тридцать девятый проходить будет, – сухо заметил Маккалем.

– Хоть я и самый невезучий человек во всем округе, но на этот раз они мне заплатят, на этот раз им деваться некуда, – отозвался барышник.

– Да, – сказал Маккалем, – железной дороге придется снабдить расписанием поездов всех твоих лошадей.

Зрители захохотали.

– А что, денег-то у них куча, – отозвался барышник. – По-твоему, выходит, будто я нарочно погнал этих мулов прямо под поезд. А ведь дело было так...

– Ну, этого-то ты под поезд не погонишь, – сказал Маккалем, кивая в сторону жеребца.

Негр, монотонно напевая, поглаживал переливчатую шкуру лошади. Барышник рассмеялся.

– Пожалуй, нет, разве Тоби со мною пойдет, – согласился он. – Вы только на него поглядите. Я бы к этому жеребцу ни за какие деньги близко не подошел.

– Я поеду верхом на этой лошади, – неожиданно заявил Баярд.

³⁶ ...он постоянно судился с железнодорожной компанией... – Этот сюжет был подробно разработан Фолкнером в рассказе «Мул на дворе» и в романе «Город» (гл. 16). Безымянный барышник из «Сарториса» стал здесь А.-О.Сноупсом, мулы которого регулярно «попадали под ночные товарные поезда».

– На какой лошади? – поинтересовался барышник. Остальные смотрели, как Баярд забрался на ворота и спрыгнул в загон.

– Вы, молодой человек, к этой лошади лучше не подходите, – крикнул барышник, – а не то я на вас в суд подам.

Но Баярд его не слушал. Он пошел вперед, а жеребец, окинув его своим царственным взором, отвернулся.

– Оставь его в покое, – сказал Маккалем.

– Чтоб он мне запалил жеребца, который полторы тысячи стоит? Эта лошадь его прикончит. Эй, Сарторис!

Маккалем вытащил из кармана перетянутую резинкой пачку бумажных денег.

– Оставь его в покое. Ему только того и надо, – сказал он.

Барышник окинул деньги быстрым оценивающим взглядом.

– Будьте свидетелями, джентльмены... – начал он громко, потом остановился и вместе со всеми стал напряженно наблюдать, как Баярд подходит к жеребцу. Лошадь глянула на него горящим надменным глазом и, спокойно подняв голову, фыркнула. Негр посмотрел через плечо, пригнулся, и его монотонный напев зазвучал громче и быстрее.

– Отойдите, белый человек, – сказал он. Лошадь снова фыркнула, дернула головой, словно паутинку, перекусила канат, и негр поймал взлетевший в воздух конец.

– Уходите, белый человек, уходите поскорей! – крикнул он.

Но жеребец уклонился от его руки. Злобно оскалившись, он бронзовым вихрем взметнулся в воздух, и негр неуклюже отскочил в сторону. Баярд успел увернуться, присев под взвившимися подковами, и, когда лошадь закружилась, мерцающая тысячько огоньков, зрители увидели, что человеку удалось обмотать ей веревкой морду, а потом лошадь осадилась назад и, изогнув спину, сорвала человека с земли, так что он, словно тряпка, повис в воздухе. Потом она остановилась, дрожа всем телом, потому что Баярд скрученной веревкой сдавил ей морду и неожиданно очутился у нее на спине, а она стояла, опустив голову и вращая глазами, между тем как по ее спине перед новым взрывом мерцающими язычками пламени пробегала дрожь.

Лошадь рванулась вперед, словно птица, распахнувшая бронзовые крылья; под напором вулканического грома разлетелись в щепки ворота, и зрители кинулись врассыпную. Баярд, согнувшись, сидел верхом, дергая разъяренную голову лошади, и они понеслись по переулку, вызывая смятение среди терпеливо стоящих на привязи возле кузницы лошадей и мулов. На перекрестке, где переулок вливался в улицу, перед ними разбежалась в разные стороны кучка негров, и конь, не останавливаясь, перелетел через подвернувшегося ему под ноги маленького негртенка, сосавшего полосатый леденец. В эту минуту в переулок как раз сворачивала запряженная мулами повозка. Мулы бешено осадилась назад прямо на сидевшего в повозке белого мужчину, который, обезумев от страха, разинул рот, и Баярд снова повернул свою молнию и направился в сторону, противоположную площади. Сзади, в клубах пыли, бежали по переулку орущие зрители, в том числе барышник и Рейф Маккалем, все еще сжимавший в руке пачку бумажных денег.

Иступленный, не поддающийся контролю жеребец несся под всадником как дикая громоподобная музыка. Веревкой можно было регулировать только его направление, но отнюдь не скорость, и под аккомпанемент воплей с обеих сторон мостовой Баярд повернул в другую, более тихую улицу. Отсюда было уже недалеко до окрестных полей, где жеребец истощит свою ярость без дополнительных раздражителей в виде моторов и пешеходов. Позади затихали заглушаемые его топотом крики: «Берегитесь! Берегитесь!»

Но улица была пуста, и лишь какой-то маленький автомобиль ехал в одну сторону с ним, а впереди под зелеными сводами мелькали яркие разноцветные пятна. Дети. «Только бы не раздавить», – прошептал про себя Баярд. Глаза у него немножко слезились; под ним колыхалась волна; ноздри вдыхали едкие испарения ярости, сломленной гордости и силы, которые дымом поднимались с разгоряченного тела лошади, и он стрелой пролетел мимо автомобиля, в какую-то долю секунды успев разглядеть женское лицо с полуоткрытым ртом и два округлившихся в немом изумлении глаза. Но лицо промелькнуло, не оставив следа в его

сознании, и он увидел на одной стороне улицы сбившихся в кучку детей, а на другой – негра со шлангом и второго негра, с вилами.

С веранды какого-то дома послышался крик, и дети с визгом разбежались. На улицу метнулась фигурка в белой рубашонке и коротеньких синих штанишках, и Баярд, нагнувшись вперед, обмотал вокруг руки веревку и направил жеребца в противоположную сторону, где, разинув рты, застыли оба негра. Фигурка благополучно проскользнула мимо, а перед ним пронеслась полоса шелестящей зелени, словно спица покотившегося назад колеса, возник древесный ствол, жеребец подковами высек искры из мокрого асфальта, поскользнулся, зашатался и, пытаясь сохранить равновесие, рухнул наземь. Баярд почувствовал удар, в глазах на мгновение вспыхнуло красное пламя, а потом настала черная тьма.

Лошадь, шатаясь, поднялась на ноги, вихрем повернулась, взвилась на дыбы и принялась злобно бить подковами расprostертого на земле человека, но негр отогнал ее прочь, и она, мотая головой, поскакала по улице мимо затормозившего автомобиля. На перекрестке она остановилась, фыркая и дрожа, и позволила негру-конюху подойти и дотронуться до нее рукой. Рейф Маккалем все еще сжимал свою пачку бумажных денег.

6

Его подобрали, отвезли на чужом автомобиле в город, растолкали дремавшего доктора Пибоди, и доктор Пибоди, ругаясь, перевязал ему голову, дал выпить из бутылки, торчавшей в набитой бумажками мусорной корзине, и пригрозил позвонить по телефону мисс Дженни, если он тотчас же не поедет домой. Рейф Маккалем обещал за этим проследить, а владелец реквизированного автомобиля предложил его отвезти. Это был «форд», на раме которого вместо кузова располагалась сделанная из листового железа миниатюрная одноместная кабина размером не больше собачьей конуры; в каждом нарисованном окошке сладко улыбалась сидящая за швейной машинкой нарисованная домашняя хозяйка, а внутрь была ловко вмонтирована настоящая швейная машина – ее в качестве образца развозил по округе агент. Агент, В.-К.Сэрат³⁷, человек с умной, располагающей к себе физиономией, и сидел сейчас за рулем. Баярд, у которого гудело в голове, сел рядом, а на подножке, вцепившись загорелыми руками в крыло, примостился молодой парень в новенькой соломенной шляпе набекрень. Его гибкое тело легко и небрежно поглощало тряску автомобиля, когда они, выехав из города, дребезжа помчались по дороге через долину.

Спиртное, которым доктор Пибоди напоил Баярда, медленной горячей струей переливалось у него в желудке, но вместо того, чтобы успокаивать расхолодившиеся нервы, только вызывало тошноту, между тем как перед его закрытыми глазами, вращаясь, мелькали причудливые красные круги. Устало и без всякого интереса он наблюдал, как они выплывали, медленно свивались и развивались, поглощали друг друга и снова возникали из тьмы, становясь все светлее и прозрачнее по мере того, как его сознание прояснялось. И где-то далеко позади, бесконечно холодное и чуждое их нелепому круговращению, но в то же время неразрывно с ними слитое, перед Баярдом стояло чье-то лицо. Вырисовываясь в непроглядно черной тьме, оно, несмотря на всю свою отчужденность, казалось, было чем-то сродни быстротекущему мгновению, какой-то частице бесконечного хаоса, но частице, вносящей в эту красную круговерть ровную прохладу легкого слабого ветерка. Мелькающие извивы постепенно переходили в ощущение тупой физической боли от тряски автомобиля, а лицо было все таким же чужим и далеким и, постепенно расплываясь, словно эхо, оставляло за собой безмятежную прохладу и какое-то ускользающее щемящее чувство жалости к самому себе или сожаления о чем-то им содеянном.

Вечерело. По обеим сторонам дороги из темной жирной земли пробивались зеленые

³⁷ В.-К.Сэрат – в более поздних новеллах и трилогии о Сноупсах этот же персонаж назван другим именем – В.-К.Рэтлиф.

побеги хлопка и кукурузы, а в перелесках, где низкое предзакатное солнце сгущало сиреневые тени, уныло ворковали дикие голуби. Вскоре Сэрат свернул с шоссе на заросший, изрытый колеями проселок между полем и рощей; они поехали прямо к солнцу, и Баярд снял шляпу и прикрыл ею лицо.

– Что, голова от солнца заболела? Теперь уж недалеко, – сказал Сэрат.

Дорога свернула в лес, где солнце перемежалось с тенью, и начала подниматься по отлогому песчаному склону. По обеим сторонам спускались вниз небрежно обработанные поля, а дальше, окруженный жалкими фруктовыми деревьями и чахлыми, бледными, как полынь, тополями, которые не переставая трепетали, несмотря на полное безветрие, притулилась маленькая ветхая хижина. За хижинкой возвышался огромный, почерневший от старости сарай. Здесь дорога разветвлялась на две тропинки. Одна, еле различимая в песке, поворачивала к хижине, вторая вела через заросли сорняков к сараю. Парень, стоявший на подножке, заглянул в кабину и скомандовал:

– Поезжайте к сараю.

Сэрат повиновался. В густых зарослях сорняков вдоль полуразвалившейся изгороди вызывающе торчали кверху рукоятки плуга – лемех его мирно ржавел в траве, где валялись и другие орудия – скелеты труда, исцеленные землею, которую им надлежало осквернить, но которая оказалась добрее, чем они. В том месте, где изгородь поворачивала под углом, Сэрат остановил автомобиль, парень слез с подножки, открыл понежившиеся деревянные ворота, и Сэрат въехал во двор, где на шатких колесах стояла телега с самодельными козлами и ржавый скелет «форда». Фары, приделанные у самого основания его лысого куполообразного радиатора, придавали ему выражение угрюмого, но терпеливого изумления, а тощая корова, пережевывая жвачку, смотрела на них грустными глазами.

Двери сарая, словно пьяные, косо висели на сломанных петлях, прикрученных ржавой проволокой к косякам, а за ними зияло мрачное, как пещера, нутро – пародия на полные закрома и скрытые в земных недрах богатства. Баярд сел на подножку, прислонился перевязанной головой к дверце автомобиля и стал смотреть, как Сэрат с молодым парнем вошли в сарай и медленно полезли вверх по ступенькам невидимой лестницы. Корова продолжала медленно и уныло жевать жвачку, а на желтой поверхности пруда, утопанные глинистые берега которого потрескались от солнца, словно грязноватые облачка, плавали гуси. Длинные косые лучи заходящего солнца падали на них, но их гибкие шеи и на тощий, ритмично подергивающийся бок коровы, тусклым золотом окрашивая ее выпирающие ребра. Вскоре показались ноги Сэрата, затем его туловище, а вслед за ним, держась одной рукой за лестницу, легко соскочил на землю парень, прижимая к бедру глиняный кувшин.

Парень вышел из сарая; за ним в тщательно отглаженной рубашке без галстука шагал Сэрат. Он кивнул Баярду, и оба скрылись в высоких, до пояса, зарослях дурмана. Баярд догнал их в ту минуту, когда парень, держа в руках кувшин, ловким движением пролез между двумя слабо натянутыми кусками колючей проволоки. Сэрат немного замешкался, потом натянул верхнюю проволоку и, наступив на нижнюю, помог пройти Баярду. За сараем земля уходила под уклон, в тень густых, как джунгли, зарослей ивняка и бузины, а рядом несколько молодых деревьев кучкой пестрых призраков окружали огромный бук, и из зарослей им навстречу повеяло прохладным сырým дыханьем. Источник, вытекавший из-под корней бука, изливался в деревянный желоб, до краев вкопанный в белый песок, который слегка колебался под беспокойным напором прозрачной струи, уходившей в ивняк и бузину.

Земля вокруг источника была плотно утрамбована, как гладкий глиняный пол. Рядом на четырех кирпичках стоял закопченный чугунный котел, под ним виднелась кучка светлой древесной золы, потухших головешек и обуглившихся щепок. К котлу была прислонена стиральная доска с металлической рифленой поверхностью, а над источником на вбитом в дерево гвозде висела ржавая жестяная банка. Парень поставил кувшин на землю, и они с Сэратом уселись на корточки.

– Боюсь, как бы нам не попасть в беду, если мы дадим мистеру Баярду виски, Хаб, – сказал Сэрат. – Правда, сам док Пибоди дал ему хлебнуть глоточек, так я думаю, ничего, если

и мы дадим ему немножко. Правильно, мистер Баярд?

Он поднял на Баярда свою добродушную умную физиономию. Хаб вытащил из кувшина пробку, сделанную из кукурузной кочерыжки, передал кувшин Сэрату, и тот протянул его Баярду.

– Я знал мистера Баярда, еще когда он в коротких штанишках бегал, – доверительно сообщил Сэрат Хабу, – но выпиваем мы вместе первый раз. Верно, мистер Баярд? Может, вам стакан нужен?

Однако Баярд уже пил прямо из кувшина, положив его поперек поставленного горизонтально предплечья и по всем правилам науки той же рукой поддерживал горлышко.

– Смотри-ка, он умеет пить из кувшина. Я всегда знал, что он настоящий парень, – одобрительно заметил Сэрат. Баярд опустил кувшин, вернул Сэрату, и тот церемонно протянул его Хабу.

– Валяй, – сказал Хаб. – Глотни.

Сэрат приложился к кувшину, размеренно двигая кадыком. Над источником в низком луче солнца золотистыми чешуйками мякины кружила и вилась мошкара. Сэрат опустил кувшин, отдал его Хабу и тыльной стороной ладони вытер рот.

– Ну, а теперь как вы себя чувствуете, мистер Баярд? – спросил он и смущенно добавил: – Вы уж меня простите, вас, наверно, капитаном называть надо.

– Это еще зачем? – спросил Баярд. Он тоже сидел на корточках, прислонившись к стволу бука. Поднимавшийся позади них склон скрывал сарай и хижину, и все трое сидели как бы в маленькой чаше тишины, отдаленной от времени и пространства и до краев наполненной прохладным и чистым дыханием источника и тонкими струйками солнечного света, который, как разбавленное вино, просачивался сквозь заросли ивняка и бузины. На водной глади источника лежало отраженное небо, а на нем красовался узор из неподвижных в безветрии листьев бука. Худощавый Хаб охватил руками колени; из-под полей его заломленной набекрень шляпы торчала папироса. Сэрат сидел напротив, по другую сторону источника. На фоне выцветшей голубой рубашки его лицо и руки выделялись ровными темно-коричневыми пятнами, наподобие красного дерева. Толстопузый благодушный кувшин стоял между ними.

– Да, – повторил Сэрат, – я всегда считал, что виски – лучшее, лекарство от любой раны. Новомодные молодые доктора, они, конечно, другое говорят, а вот когда старый док Пибоди отрезал моему дедушке ногу, дедушка лежал на кухонном столе и в руках у него была бутылка, а на ноги ему положили тюфяк и стул, и четыре человека его держали, а он ругался и пел такую похабщину, что женщины и дети ушли на луг за сараем и там дожидались, пока все кончится. Выпейте еще, – добавил он, протягивая кувшин через источник, и Баярд выпил снова. – Вам теперь намного лучше, верно?

– Черт его знает, – отвечал Баярд. – Это настоящий динамит, ребята.

Держа кувшин на весу, Сэрат хмыкнул, потом пригубил, и кадык его снова стал подниматься и опускаться на фоне ивняка и бузины. Бузина скоро зацветет бледными мелкими соцветиями. Мисс Дженни каждый год делает из них вино. Хорошее вино, если знать рецепт и набраться терпения. Вино из цвета бузины. Похоже на детскую считалку из игры, в которую играют девочки в светлых платьицах вечером после ужина. Над чашей, куда еще проникали низкие лучи солнца, как пылинки в пустой заброшенной комнате, кружила и вилась мошкара. Приятный голос Сэрата снова и снова учтиво восхищался тем, какая крепкая у Баярда голова и как здорово, что они с Баярдом первый раз вместе выпивают.

Они выпили еще, Хаб попросил у Баярда папиросу и сочным деревенским языком принялся рассказывать разные неприличные истории про девчонок, виски и игру в кости, и вскоре они с Сэратом затеяли добродушный спор насчет работы. Казалось, они могут сколько угодно сидеть на корточках, не испытывая ни малейшего неудобства, тогда как у Баярда ноги вскоре онемели, и он сел на землю, прислонился спиной к дереву, вытянул свои длинные ноги, по которым, покалывая, побежала застоявшаяся кровь, и сидел так, слушая голос Сэрата, но не вникая в смысл его слов.

Голова теперь причиняла ему одно лишь неудобство; временами у него возникало такое

ощущение, будто она совсем отделилась от тела и висит над зеленой стеной как прозрачный шар, в котором или за которым никак не хочет ни проясниться, ни окончательно исчезнуть, а только назойливо, с каким-то смуглым отчаянием маячит все то же лицо – два округлившись от изумления глаза, две поднятые вверх руки – они мелькают за белой рубашонкой и короткими синими штанишками, а потом грохот, треск, удар и черная тьма...

Мягкий, обволакивающий голос Сэрата все звучал и звучал – ровно, медленно, ничуть не раздражая. Казалось, он легко вписывается в окружающий пейзаж своим рассказом о немудреных земных делах.

– Знаете, как старший брат учил меня хлопок разрезать? Он пустил меня перед собой в борозду и велел начинать. Не успею я борозду пройти, а он уж тут как тут. И только я в землю разок мотыгой ударю – слышу, он уже два раза ударил. У меня в те времена даже и башмаков еще не было. Вот мне и пришлось научиться побыстрее орудовать, чтобы его мотыга мне голые пятки не обдирала. И вот тогда я дал себе клятву – будь что будет, а только я в землю ничего сажать не стану. Это хорошо, у кого своя земля есть, а у нас никогда своей земли не было, и всякий раз, как мы борозду вспахивали, значит, для кого-то чужого грязь месили.

Мошкара еще пуще прежнего вилась и плясала на укромных уголках над источником, а пробивавшиеся сквозь густую листву лучи солнца отливали теперь цветом темной бронзы. Сэрат встал.

– Ну, ребята, мне, пожалуй, пора обратно в город. – Он снова повернул к Баярду свое умное доброе лицо. – Я думаю, вы, мистер Баярд, теперь уже совсем забыли, как вы расшибились?

– Перестанешь ты называть меня мистером Баярдом или нет, черт тебя побери! – отозвался тот.

Сэрат поднял с земли кувшин.

– Я всегда думал, что он хороший парень, стоит только поближе с ним познакомиться, – сказал он Хабу. – Я его еще с тех пор знаю, когда он под стол пешком ходил, да только нам с ним никогда вместе бывать не приходилось. Я, ребята, вырос среди бедняков, а родные мистера Баярда жили в большой усадьбе, хранили деньги в банке, а черномазые на них работали. Но он парень что надо. Он никому не скажет, кто его тут напоил.

– Да хоть бы и сказал, мне-то что, – отозвался Хаб.

Они снова выпили. Солнце уже почти скрылось, и в темных болотистых уголках по берегам ручья словно в сказке тонкими голосами квакали молодые лягушки. Со стороны сарая донеслось мычанье невидимой тощей коровы. Хаб засунул кочерыжку в горлышко кувшина, ударом ладони загнал ее поглубже, и все трое поднялись на холм и перелезли через изгородь. Корова стояла в дверях сарая и при виде их снова замычала, меланхолично и уныло. Гуси вылезли из пруда и чинно прошествовали по двору к хижине, у дверей которой в обрамлении двух лагерстремий стояла женщина.

– Хаб, – негромко окликнула она.

– Еду в город, – отозвался Хаб. – Пускай Сью подоит корову. Женщина спокойно стояла в дверях. Хаб понес кувшин в сарай. Корова пошла за ним, он обернулся, пнул ее в бок и беззлобно выругался. Вскоре он вышел из сарая, направился к воротам, открыл их, и Сэрат вывел автомобиль. Хаб закрыл ворота, снова прикрутил их проволокой и вскочил на подножку. Баярд подошел к автомобилю и стал уговаривать Хаба сесть в кабину. Женщина все еще стояла в дверях и спокойно на них смотрела. Гуси толклись у крыльца и нестройно гоготали, вытягивая шеи, словно в какой-то заученной пантомиме.

Длинные тени фруктовых деревьев легли на заросшие сорняками поля, и автомобиль тронулся, толкая перед собою свою собственную продолговатую тень, похожую на тень огромной горбатой птицы. Взобравшись на песчаный холм, освещенный последними лучами заходящего солнца, они покатались вниз, в сиреневые сумерки. Бесшумно приминая разъезженную песчаную колею, автомобиль выбрался на шоссе.

Высоко в небе стоял молодой месяц. Он еще не давал света, и они помчались к городу, время от времени встречая возвращающиеся домой деревенские повозки. Сэрат, знавший

почти всех жителей округа, приветственно махал им загорелой рукой. В том месте, где дорога проходила через деревянный мост в зарослях ивняка и бузины и где сумерки казались густыми и почти осязаемыми, он остановился и вылез из автомобиля.

– Вы, ребята, посидите минутку. Я сейчас – только залью воды в радиатор, – сказал он. Они услышали возню где-то сзади, потом он появился с жестяным ведром в руках и осторожно полез вниз по откосу возле моста. Под мостом журчала и звенела невидимая в сумерках вода, и ее журчанье смешивалось с кваканьем лягушек и стрекотом кузнечиков. Над ивами, росшими по берегам ручья, все еще кружилась и вилась мошкара, а появившиеся неведомо откуда козодои стремительно падали вниз, исчезали и вновь возникали, проносясь по безмятежно спокойному небосклону, тихие, словно капли воды на оконном стекле, сосредоточенные, бесшумные и быстрые, как будто их крылья были оперены сумерками и тишиной.

Сэрат взобрался на дорогу с ведром, снял пробку с радиатора и наклонил над ним ведро. Луна, стоявшая высоко в небе, едва теплилась, но легкая тень головы и плеч Сэрата падала на капот, а на бледном фоне дощатой обшивки моста слегка вырисовывались тонкие очертания склонившихся ивовых ветвей. Когда остатки воды, вылитой из ведра, тихонько заурчали в чреве автомобиля, Сэрат убрал ведро на место, перелез через левый борт машины³⁸ и включил фары. Они работали от генератора и при движении на малой скорости ослепительно сверкали, но когда он разогнал машину и перешел на прямую передачу, стали испускать слабое мерцание не ярче светящейся тени.

Когда они добрались до города, была уже ночь. Над верхушками деревьев, словно желтые четки, светились часы на здании суда, а на фоне зеленой вечерней зари вертикальным пером поднимался в небо столб дыма. Сэрат высадил их у кафе и поехал дальше. Когда они вошли, хозяин, сидевший за фонтанчиком с содовой, поднял яйцеобразную лысую голову, на которой блестели круглые глаза.

– Господи, вы еще не уехали домой? – воскликнул он. – Док Пибоди с четырех часов за вами гоняется, а мисс Дженни поехала в коляске искать вас в город. Вы же себя убьете.

– Ступай ко всем чертям на кухню, Дикон, и принеси мне и Хабу на два доллара яичницы с ветчиной, – отвечал ему Баярд.

Потом Баярд, Хаб и третий молодой человек – клерк багажного отделения железнодорожной станции по имени Митч – отправились на автомобиле Баярда обратно за кувшином, посадив на заднее сиденье трех негров с контрабасом. На краю поля над хижиной они остановились, и Хаб пешком пошел вниз по песчаной дороге к сараю. Высоко в небе стоял холодный бледный месяц, а кругом, в пыльных кустах, пронзительно стрекотали насекомые. Негры на заднем сиденье тихонько переговаривались.

– Прекрасная ночь, – заметил Митч.

Баярд ничего не ответил. Он мрачно курил; на голове его, словно шлем, белела плотная повязка. Месяц и насекомые слились воедино – в нечто видимое и слышимое, но лишенное источника и измерений.

Через некоторое время на смутном полотне дороги возник увенчанный серебристой шляпой Хаб. Он приблизился, поднес кувшин к дверце и вытащил пробку. Митч передал кувшин Баярду.

– Пей, – сказал Баярд, и Митч выпил. Выпили и остальные.

– А черномазых-то нам напоить не из чего, – сказал Хаб.

– Верно, – согласился Митч и, обернувшись, спросил: – Есть у вас кружка, ребята?

Негры озабоченно забормотали.

– Обождите, – сказал Баярд. Он вышел, открыл капот и снял крышку сапуна. – Вначале будет отдавать маслом, но стоит сделать несколько глотков – и вы привыкнете.

³⁸ ...перелез через левый борт машины... – В открытой машине «форд» модели «Т», которую описывает Фолкнер, не было передней двери слева от водителя.

– Да, сэр, – хором согласились негры.

Один из них взял крышку, обтер ее полой куртки, и все трое по очереди выпили, громко причмокивая. Баярд поставил крышку на место и влез в автомобиль.

– Кто-нибудь хочет еще? – спросил Хаб, помазав вал кочерыжкой.

– Дай Митчу, – сказал Баяда. – Он должен нас догнать.

Митч выпил еще. Потом Баярд взял кувшин и запрокинул его у себя над головой. Остальные почтительно за ним наблюдали.

– Будь я трижды проклят, если он не выпьет все до дна, – пробормотал Митч. – Только я бы на вашем месте побоялся так много пить.

– Это все голова проклятая. – Баярд опустил кувшин и передал его Хабу.

– Я все думаю, может, мне от спиртного лучше станет.

– Док сделал слишком тугую повязку, – сказал Хаб. – Хотите, мы ее немножко ослабим?

– Не знаю. – Баярд закурил папиросу, бросил спичку. – Пожалуй, пора ее снимать.

Поносил – и хватит.

Он поднял руки и начал распутывать бинт.

– Вы ее лучше не трогайте, – предостерегающе заметил Митч.

Но Баярд продолжал распутывать повязку, потом сунул пальцы под бинт и изо всех сил его дернул. Один из негров нагнулся вперед, разрезал бинт карманным ножом, и все смотрели, как Баярд сдирает и выбрасывает повязку.

– Зря вы это сделали, – сказал Митч.

– Оставьте его, пускай снимает, если хочет. Он уже здоров, – сказал Хаб. Он забрался в автомобиль, зажал кувшин между коленями, и Баярд развернулся. Песчаная дорога зашуршала под широкими шинами и, осыпаясь, стала подниматься в лес, где обманчивые лунные блики, дрожа, растворялись в туманных далях. В перемежающихся узорах света и тени мягкой флейтой лились голоса невидимых, непонятно откуда взявшихся козодоев. Выйдя из леса, дорога пошла под уклон среди бесшумно осыпающихся песков, и они свернули на дорогу к долине и поехали в сторону, противоположную городу.

Автомобиль несся вперед под сухой свист глушителя. Негры тихонько переговаривались между собой, и временами сзади вспыхивал их мелодичный смех, который, словно клочки бумаги, уносило ветром. Они миновали железные ворота, безмятежно спящий под луной среди деревьев дом Баярда, безмолвную коробку станционного здания и стоящую у запасного пути хлопкоочистительную фабрику под металлической крышей.

Наконец дорога стала подниматься на холмы. Она была гладкая, извилистая и пустынная, и когда Баярд резко увеличил скорость, негры замолкли. Впрочем, это были пустышки по сравнению с тем, чего можно было от него ожидать. Еще дважды автомобиль останавливался и все выпивали, а потом с вершины последнего холма они увидели еще одно скопление огней, напоминавшее нитку четок в глубокой впадине, по которой проходила железная дорога. Хаб снял крышку сапуна, и они выпили снова.

По улицам, точно таким же, как в их родном городе, они медленно подъехали к точно такой же площади. Проходившие по площади люди оборачивались и с любопытством провожали их взглядом. Автомобиль пересек площадь, поехал по другой улице между широкими газонами и занавешенными окнами, и вскоре за железным забором в глубине двора среди серебристо-черных деревьев перед ними возникли ровные ряды освещенных окон, словно гирлянды четырехугольных фонариков, подвешенные среди ветвей.

Здесь в тени они остановились. Негры вышли из автомобиля, и двое вытащили контрабас и гитару. Третий держал в руках тонкую трубу, и на ее глазированных клапанах блестел и переливался бледный лунный свет; все трое стояли, склонив друг к другу головы, тихонько переговаривались и, касаясь струн, извлекали приглушенные жалобные аккорды. Потом один из негров поднес к губам кларнет.

Мелодии были старинные. Некоторые отличались сложной замысловатой формой, но в исполнении это терялось, и все они становились простыми, жалобными и протяжными. Густые печальные звуки плыли по серебристому воздуху, замирая и растворяясь в

обманчивых лунных просторах. Потом негры заиграли старинный вальс. По испещренному бликами газону к ограде подошел швейцар колледжа, он прислушался и облокотился об ограду – грузная тень среди множества других теней. В тени на противоположной стороне улицы стояли слушатели. Какой-то автомобиль подъехал, затормозил, выключил мотор и фары, а в освещенных окнах на всех этажах появились окруженные сияющим ореолом головы, похожие друг на друга, женственные, далекие, нежные и божественно юные.

Негры сыграли «Дом, мой милый дом»³⁹, и когда грустные мягкие звуки затихли, до них донеслись легкие хлопки тонких ладоней. Митч своим приторно-сладким тенорком спел «Доброй ночи, дамы»; и юные руки захлопали смелее, а когда они двинулись дальше, из освещенных окон высовывались изящные головки в ореоле блестящих волос, и легкие хлопки еще долго плыли им вслед, становясь все слабее и слабее в серебристом безмолвии бесконечных лунных просторов.

Выехав из города, они остановились на вершине ближайшего холма, и Хаб опять снял крышку с сапуна. Среди деревьев мелькали огни, и затихающий мир, казалось, все еще доносил рукоплесканья молодых ладоней, словно нежные цветы, брошенные в дань их мужественности и юности, и они молча пили, охваченные неуловимым волшебством этого скоротечного мгновенья. Митч тихонько напевал про себя; автомобиль замурлыкал и покатился вниз. Дорога, пустынная и белесая, закругляясь, шла под уклон.

– Отключи глушитель, Хаб, – хрипло и отрывисто скомандовал Баярд.

Хаб наклонился, просунул руку под щиток с приборами, и автомобиль понесся вниз с глухим и ровным гулом, словно разбуженная грозой птица, а потом дорога изогнулась, распростершись перед новым подъемом, гул мотора взмыл до немислимого крещендо, и автомобиль с головокружительной скоростью устремился вперед. Негры умолкли, но вскоре один из них жалобно заскулил.

– У Рено улетела шляпа, – обернувшись, сказал Хаб.

– Обойдется без нее, – отвечал Баярд. Автомобиль с ревом взлетел на холм и, миновав его вершину, вошел в крутой вираж.

– О господи! – скулил негр. – Мистер Баярд! Его слова, словно листья, уносило воздушной волной.

– Выпустите меня, мистер Баярд!

– Прыгай! – крикнул Баярд ему в ответ. Дорога уходила из-под колес, словно накренившийся пол, потом выпрямилась, как натянутая бечева, и пошла наискосок через долину. Негры, вцепившись в свои инструменты, держались друг за друга. Стрелка спидометра показала 55, 60 и неуклонно двигалась дальше. Мимо проносились редкие сонные домишки, поля и похожие на туннели перелески.

Дорога вилась по серебристо-черной земле. С обеих сторон доносились протяжно-вопросительные крики козодоев, а порою, когда фары вырывали из тьмы какой-нибудь крутой поворот, откуда-то из-под радиатора выскакивала ослепленная птица и в пыли вспыхивали два бледных огонька. Гряда холмов поднималась все выше; по обеим сторонам спускались лесистые склоны. На склонах и у самой дороги торчали вросшие в землю одинокие негритянские хижины.

Дорога нырнула вниз, потом снова устремилась вверх по длинному пологому склону, переломанному надвое еще одним спуском, и вдруг крутую стеной встала прямо перед ними. Автомобиль взлетел наверх, пронесся по спуску, потом совершенно оторвался от дороги, снова с оглушительным ревом помчался вперед, и дружный отчаянный вопль негров рассеялся где-то позади. На гребне горы рев мотора утих, и автомобиль остановился. Негры, сбившись в кучку, сидели на дне кузова.

– Мы уже в раю? – спустя некоторое время пробормотал один.

³⁹ «Дом, мой милый дом» (1823) – популярная песня английского композитора Генри Бишоп (1786-1855) на слова американского актера и драматурга Джона Пейна (1792-1852).

– Как бы не так, пустят тебя в рай, когда от тебя разит спиртным, к тому же ты без шляпы, – отозвался другой.

– Если Господь Бог будет заботиться обо мне так, как об этой шляпе, я и сам туда не захочу, – возразил первый негр.

– Ммм-да-а, – согласился второй, – когда мы с последнего холма съезжали, у меня не то что шляпа – кларнет чуть из рук не вырвался.

– А когда мы перепрыгнули через то бревно, или что там на дороге валялось, я думал, весь этот автомобиль у меня из рук вырвется, – вставил третий.

Они выпили еще раз. Здесь, на большой высоте, веяло мирной прохладой. По обе стороны простирались долины, полные серебристых туманов и козодоев, а за долинами сливалась с небом серебристая земля. Где-то вдалеке завывала собака. Голова у Баярда стала холодной и ясной, как колокол без языка. Внутри этого колокола наконец отчетливо вырисовалось то самое лицо: два округлившись от изумления серьезных глаза, безмятежно оттененных двумя темными, как крылья, прядями волос. Так это же девица Бенбоу, – сказал он себе, после чего некоторое время сидел, уставившись в небо. В туманной дали ровным желтым огнем, не мигая, светились городские часы, а кругом опаловыми кряжами холмов катилась к горизонту объятая глубоким сном земля.

За ужином у Нарциссы пропал аппетит, и тетушка Сэлли Уайэт, перемалывая деснами специально приготовленную для нее размяченную пищу, ворчливо выговаривала ей за то, что она ничего не ест.

– Когда я, бывало, за столом куксилась и ничего не ела, мама заставляла меня выпить большую чашку настойки сассафраса, – заявила тетушка Сэлли, – а нынче люди воображают, что об их здоровье должен заботиться Господь Бог, а сами и палец о палец ударить не хотят.

– Я совершенно здорова, – уверяла ее Нарцисса. – Просто мне не хочется ужинать.

– Знаю я эти штучки. Вот заболеешь, а у меня, видит бог, нет сил за тобою ухаживать. В прежние времена старших больше уважали.

Вспоминая прошлое, она неаппетитно, сердито и размеренно двигала беззубыми челюстями, между тем как Нарцисса нервно ковыряла вилкой внушавшую ей отвращение еду. После ужина тетушка Сэлли продолжила свой монолог, сидя в качалке с бесконечным рукодельем на коленях. Она никогда не говорила, что именно и для кого она мастерит, и уже пятнадцать лет возилась с этой таинственной вещью, таская ее за собой в грязной бесформенной сумке из потертой парчи, набитой пестрыми лоскутками самой разнообразной формы. Она никак не могла составить из них какой-нибудь узор и потому без конца раскладывала и перекладывала, размышляла и снова передвигала лоскутки, словно части хитроумной головоломки, стараясь без помощи ножниц уложить их в определенном порядке, потом разглаживала разноцветные кусочки вялыми серыми пальцами и снова принималась передвигать их с места на места. Из иголки, приколотой у нее на груди, тонкой паутинкой свисала продетая Нарциссой нитка.

В другом конце комнаты сидела с книгой Нарцисса, пытаясь читать под аккомпанемент бесконечного ворчливого бормотания тетушки Сэлли. Вдруг она стремительно встала, отложила книгу и прошла через комнату в нишу, где стоял рояль, но, не сыграв и четырех тактов, уронила руки на клавиши, которые нестройно загудели, закрыла рояль и направилась к телефону.

Мисс Дженни ехидно поблагодарила ее за внимание, однако же взяла на себя смелость заметить, что Баярд совершенно здоров и все еще является деятельным представителем так называемого рода человеческого, – во всяком случае постольку, поскольку они не получали официального уведомления от коронера. Нет, она ничего не слышала о нем с тех пор, как Люш Пибоди в четыре часа пополудни известил ее по телефону, что Баярд разбил себе голову и едет домой. Что касается разбитой головы, то это она вполне допускает, но вот вторая часть его известия внушает ей большие сомнения, ибо, прожив восемьдесят лет с этими распроклятыми Сарторисами, она знает, что дом – последнее место, куда вздумается поехать Сарторису,

который разбил себе голову. Нет, ее ничуть не интересует, где он может находиться в данный момент, но она надеется, что при этом не пострадала лошадь. Лошади стоят дорого.

Нарцисса вернулась в гостиную и рассказала тетушке Сэлли, с кем и о чем она говорила по телефону, потом подвинула низкое кресло к лампе и снова взялась за книгу.

– Что ж, – спустя некоторое время промолвила тетушка Сэлли, – если ты не желаешь разговаривать... – Она скомкала свои лоскутки и затолкала их в сумку. – И вообще вы с Хоресом ведете такой образ жизни, что я иногда благодарю бога, что вы мне не родня. Но может, ты все-таки согласишься попить настойку сассафраса, хотя я не знаю, кто тебе его нарвет, – мне трудно, а ты сама не отличишь его от собачьей ромашки или коровяка.

– Но ведь я же здорова, – возразила Нарцисса.

– Будешь продолжать в том же духе – непременно сляжешь, и мне с этой черномазой лентяйкой придется за тобой ухаживать. Я точно знаю, что она за последние полгода ни с одной картины пыль не вытерла. Только я одна тут работаю.

Она поднялась, пожелала Нарциссе доброй ночи и, прихрамывая, вышла из комнаты. Нарцисса сидела, переворачивала страницы, слушала, как старуха тяжелым шагом взбирается по лестнице, размеренно постукивая палкой, потом еще немного посидела, листая книгу.

Однако вскоре она бросила книгу и снова подошла к роялю, но наверху громко стучала палкой об пол тетушка Сэлли, и Нарцисса, отказавшись от своего намерения, опять вернулась к книге. Поэтому она с искренним удовольствием встретила доктора Олфорда, который появился несколько минут спустя.

– Я проезжал мимо и услышал, как вы играете, – объяснил он. – Почему вы перестали?

Нарцисса отвечала, что тетушка Сэлли легла спать, и он чинно уселся и часа два педантично и чопорно толковал о скучных ученых материях. Потом он откланялся, и Нарцисса, стоя в дверях, смотрела, как он едет по аллее. Высоко над головою стояла луна, и можжевельники по обе стороны аллеи четко вырисовывались на бледном, усыпанном неяркими звездами небе.

Она вернулась в гостиную, взяла книгу, потушила свет и поднялась наверх. Через площадку доносилось аристократически безмятежное похрапыванье тетушки Сэлли, и Нарцисса с минуту постояла, прислушиваясь к уютным домашним звукам. «Скорее бы Хорри вернулся», – подумала она.

Она зажгла свет, разделась, взяла в постель книгу и снова решительно подавила свои мысли – так человек держит под водою щенка, пока тот не перестанет биться. Наконец ей удалось сосредоточиться на книге, и она принялась читать, время от времени останавливаясь, с удовольствием думая о том, что скоро уснет, и опять погружаясь в чтение. Поэтому, когда негры начали настраивать инструменты у нее под окном, она не обратила на них почти никакого внимания. «Чего ради этим бездельникам вздумалось петь мне серенаду?» – посмеиваясь, подумала она и тотчас представила себе, как тетушка Сэлли в ночном чепце высовывается из окошка и кричит, чтоб они убирались. И она продолжала лежать с книгой в руках, видя на раскрытой странице придуманную ею самой картину, между тем как жалобные звуки струн и кларнета вливались в открытое окно.

Потом она села, резко выпрямилась и, уже ни в чем не сомневаясь, захлопнула книгу, встала с постели, вышла в соседнюю комнату и посмотрела вниз.

Негры кучкой сбились на лужайке – глазированный кларнет, гитара, забавный пузатый контрабас. В тени, там, где аллея выходила на улицу, стоял автомобиль. Музыканты исполнили одну пьесу, потом чей-то голос окликнул их из автомобиля, они пошли обратно по лужайке, и автомобиль, не зажигая фар, уехал. Теперь она уже не сомневалась – никто другой не станет исполнять под окном у дамы одну-единственную мелодию только для того, чтобы разбудить ее и сразу же уехать.

Она вернулась в свою комнату. Книга обложкой сверху лежала на кровати, но она подошла к окну, постояла между раздвинутыми занавесями, любуясь серебристо-черной землей и мирной ночью. Прохладный ветерок ласково обдувал ее лицо и темные сложенные крылья волос. «Дикий зверь, дикий зверь», – прошептала она, задернула занавеси,

неслышными шагами спустилась по лестнице, нащупала в темноте телефон и, прикрыв ладонью звонок, позвонила.

Голос мисс Дженни прозвучал в ночи, как всегда, энергично и резко, ничуть не удивленно и без тени любопытства. Нет, домой он не вернулся, потому что теперь-то его наверняка благополучно заперли в тюрьму, если только городская полиция еще не разложилась до такой степени, что перестала выполнять просьбы дам. Серенады? Это еще что за чушь? Зачем бы ему вздумалось исполнять серенады? Ведь, исполняя серенады, он не может сломать себе шею, если только кто-нибудь не прикончит его утюгом или будильником. И с какой стати она вообще о нем беспокоится?

Нарцисса повесила трубку и с минуту постояла в темноте, стуча кулаками по безгласному ящику телефона. Дикий зверь, дикий зверь.

В этот вечер у нее было три гостя. Один явился с визитом официально, второй – неофициально, а третий – инкогнито.

Гараж, в котором стоял ее автомобиль, представлял собой небольшое кирпичное строение, окруженное вечнозелеными растениями. Одна его стенка была продолжением садовой стены. За ней начиналась заросшая травой тропинка, которая вела на другую улицу. Гараж стоял ярдах в пятнадцати от дома, и крыша его была на уровне окоп второго этажа, причем окна Нарциссиной спальни выходили прямо на его шиферную крышу.

Третий гость прошел по тропинке, забрался на стену, а с нее – на крышу гаража и теперь лежал там в тени можжевельника, спрятавшись от лунного света. Когда он явился, в комнате над гаражом было темно, и он лежал в своем укрытии тихо, как животное, и с терпением животного, лишь изредка поднимая голову и украдкой изучая окружающее.

Прошел целый час, а в комнате было темно. Вскоре на аллее появился автомобиль (он узнал его – он знал все автомобили в городе), и в дом вошел мужчина. Прошел еще час, но в комнате все еще было темно, а автомобиль так и стоял на аллее. Потом мужчина вышел из дома и уехал, и через минуту внизу погас свет, а окно, под которым он лежал, осветилось, и сквозь прозрачные занавеси ему было видно, как она ходит по комнате и раздевается. Потом она исчезла из поля его зрения. Но свет все еще горел, и он тихо, с бесконечным терпением лежал на крыше; лежал, когда еще через час возле дома остановился другой автомобиль, и трое мужчин с каким-то громоздким предметом прошли по аллее и выстроились в лунном свете под окном; лежал, пока они проиграли свою мелодию и ушли. Когда автомобиль уехал, она подошла к окну, раздвинула занавеси и постояла немного, повернув к нему лицо, обрамленное темными крыльями распущенных волос, и глядя прямо в его невидимые глаза.

Потом занавеси снова закрылись, и он опять мог только угадывать ее смутные движения. Потом погас свет, но он еще долго лежал ничком на крутом скате крыши, неустанно бросая во все стороны быстрые, цепкие и ухватливые взгляды, подобные взгляду животного.

Дом Нарциссы был последним на их пути. Один за другим они объехали дома всех остальных девиц и сидели в автомобиле, пока негры, стоя на газоне, играли на своих инструментах. В затемненных окнах показывались головы, иногда зажигался свет, один раз их пригласили зайти, но Хаб и Митч скромно отказались; из одного дома им вынесли закуску, а в другом их крепко обругал молодой человек, сидевший с девушкой на темной веранде. По дороге они потеряли крышку сапуна, и теперь, продвигаясь от дома к дому, все по-братски выпивали вкруговую прямо из горлышка. Наконец они подъехали к дому Бенбоу и, стоя под можжевельниками, сыграли свою мелодию. В одном окне еще горел свет, но никто не показывался.

Луна уже опустилась низко над горизонтом. Теперь она отбрасывала на все предметы холодный серебристый отблеск, тусклый и немного вялый, и когда они, не зажигая фар, катились по улице, застывшей в безжизненном узоре серебра и черни, словно улица где-то на самой луне, мир казался необитаемым и пустынным. Они проезжали по очерченным четким пунктиром перемежающимся теням, минуя растворяющиеся в тумане тихие перекрестки или

одинокий автомобиль где-нибудь на обочине перед домом. Все кругом застыло в неподвижности, и только в одном месте собака пробежала по улице, пересекла газон и скрылась.

Впереди распахнулась просторная площадь, в центре которой стояло окруженное вязами здание суда. В полынно-сером тумане их листовые шары уличных фонарей больше чем когда-либо напоминали огромные бледные виноградины.

В каждом окне банка горело по лампочке, и еще одна лампа светила в холле гостиницы, перед которой выстроилось в ряд несколько автомобилей. Других огней не было.

Когда они объезжали здание суда, от дверей гостиницы отделилась какая-то тень, кто-то подошел к краю тротуара, между полами расстегнутого пиджака забелела рубашка, и как только автомобиль стал медленно сворачивать в одну из улиц, человек их окликнул. Баярд затормозил, и человек, приминая белесую пыль, подошел и взялся рукою за дверцу автомобиля.

– Хелло, Бак, – приветствовал его Митч. – Поздно ты нынче не спишь.

У человека была спокойная, добродушная лошадиная физиономия. На расстегнутом жилете поблескивала металлическая звезда. Пиджак слегка топорщился на бедре.

– Вы, ребята, что тут делаете? На танцы ездили? – спросил он.

– Мы серенады пели, – отвечал Баярд. – Выпить не хочешь. Бак?

– Нет, благодарю покорно, – отозвался Бак, все еще держась рукою за дверцу, серьезный, добродушный и важный. – А вам не кажется, что уже поздновато?

– Пожалуй, – согласился Митч. Полицейский поставил ногу на подножку. На глаза его падала тень от шляпы. – Мы уже домой едем.

Бак молча призадумался, и Баярд подтвердил:

– Да, да, мы уже направляемся к дому. Полицейский слегка повернул: голову и обратился к неграм:

– А вам, ребята, наверняка уже спать пора.

– Так точно, сэр, – отвечали негры. Они вышли из автомобиля и вытащили контрабас. Баярд дал Рено банкноту, они поблагодарили, пожелали доброй ночи, взяли контрабас и тихонько свернули в боковую улицу. Полицейский снова обернулся.

– Это твоя машина стоит перед кафе Роджера, Митч? – спросил он.

– Наверно. Во всяком случае, я ее там оставил.

– Ну, вот, ты отвези Хаба домой, если он не собирается ночевать в городе. А Баярд поедет со мной.

– Какого черта, Бак? – возмутился Митч.

– За что? – поинтересовался Баярд.

– Его родные беспокоятся, – отвечал полицейский. – С тех пор как этот жеребец его сбросил, они его в глаза не видели. Где ваша повязка, Баярд?

– Снял, – буркнул Баярд. – Послушай, Бак, мы с Хабом высадим Митча, а потом поедем прямо домой.

– Ты уже с четырех часов домой едешь, – невозмутимо отвечал полицейский, – но все никак не доберешься. Ты лучше поезжай со мной, как твоя тетушка велела.

– Разве тетя Дженни велела тебе посадить меня под арест?

– Она о тебе беспокоится, сынок. Мисс Дженни сейчас мне звонила и просила до утра за тобой присмотреть. Вот я и думаю, что мы с тобой сейчас поедем. Тебе сегодня надо было сразу домой ехать.

– Помилосердствуй, Бак, – вступился Митч.

– По мне пусть лучше злится Баярд, а не мисс Дженни, – терпеливо отвечал тот. – Вы, ребята, идите себе с Богом, а Баярд пусть лучше со мной едет.

Митч и Хаб вылезли из машины, Хаб захватил свой кувшин, и они, пожелав спокойной ночи, пошли к кафе, где стояла машина Митча. Полицейский сел рядом с Баярдом. До тюрьмы было недалеко. Вскоре над тюремной стеною показалось ее здание, угловатое и неумолимое, с узкими ощеренными окнами верхнего этажа, грубыми, как рубцы от ударов шпаги.

Автомобиль свернул в переулок, полицейский вылез, открыл ворота, и Баярд въехал на утопанный неметеный двор и остановился, а полицейский подошел к маленькому гаражу, в котором стоял «форд». Он выгнал его задом из гаража и знаком велел Баярду заезжать. Гаражик был построен специально для «форда», и автомобиль Баярда почти на треть торчал из дверей.

– Лучше чем ничего, – заметил полицейский. – Пойдем.

Через кухню они вошли в квартиру тюремного надзирателя, и Баярд, стоя в темном коридоре, ждал, пока Бак нащупает выключатель. Потом он вошел в мрачную, скудно обставленную, но чистую комнату, где валялись разные предметы мужского туалета.

– Послушай, ты, кажется, хочешь уступить мне свою постель? – запротестовал Баярд.

– До утра она мне не понадобится, а к этому времени ты уже уедешь, – отвечал полицейский. – Может, помочь тебе раздеться?

– Сам справлюсь, – проворчал Баярд, потом более вежливым тоном добавил: – Спокойной ночи, Бак. Премного благодарен.

– Спокойной ночи, – отозвался полицейский.

Он закрыл за собою дверь, и Баярд снял башмаки, пиджак и галстук, потушил свет и пег на кровать. В комнату сочился преломленный неосвязаемый свет невидимой луны. Стояла глухая ночь. За окном на фоне плоского опалового неба низкими уступами поднимался карниз. Голова была холодной и ясной – выпитое виски совершенно испарилось. Или, вернее, казалось, будто его голова – это и есть Баярд и будто он лежит на чужой кровати, а его притупленные алкоголем нервы ледяными нитями прошили все его тело, которое он обречен вечно влачить за собой по унылому бесплодному миру.

– Проклятье, – проговорил он, лежа на спине и глядя в окно, из которого ничего не было видно, ожидая сна, который еще неизвестно, придет или нет, на что ему было, впрочем, абсолютно наплевать. Ничего не видно, а впереди длинная-предлинная человеческая жизнь. Трижды два десятка и еще десять лет влачить по миру упрямое тело, ублажая его ненасытную утробу.

Трижды два десятка и еще десять – так сказано в Библии⁴⁰. Семьдесят лет. А ему всего только двадцать шесть. Чуть побольше одной трети. Проклятье.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Хорес Бенбоу в чистой нескладной гимнастерке, которая лишь подчеркивала производимое им впечатление неуловимой утонченной ущербности, нагруженный невероятным количеством ранцев, вещевых мешков и бумажных пакетов, сошел с поезда два тридцать. Сквозь густую толпу входящих и выходящих пассажиров до него донесся чей-то голос, который звал его по имени, и его рассеянный взгляд, словно лунатик, лавирующий в уличной давке, стал блуждать по скоплению лиц. «Хелло, хелло», – пробормотал он, выбрался из толпы, сложил на краю платформы все свои мешки и пакеты и устремился вдоль состава к багажному вагону.

– Хорес! – снова крикнула бежавшая вдогонку за ним Нарцисса.

Дежурный по станции вышел из своей конторы, остановил его, удержал, как норовистого породистого копя, пожал ему руку, и только благодаря этому сестра смогла его догнать. Он обернулся на ее голос, собрался с мыслями, схватил ее на руки, поднял так, что ее ноги оторвались от земли, и поцеловал в губы.

⁴⁰ *Трижды два десятка и еще десять* – так сказано в Библии. – Ср.: «Дней лет наших – семьдесят лет» (Пс., 89, 10).

– Милая старушка Нарси, – сказал он, еще раз целуя сестру, потом поставил ее на землю и, как ребенок, стал гладить ее по лицу. – Милая старушка Нарси, – твердил он, касаясь ее лица тонкими узкими ладонями и глядя на нее так пристально, как будто хотел глазами вобрать в себя ее неизменную безмятежность. – Милая старушка Нарси, – повторял он снова и снова, продолжая гладить ее лицо и совершенно забыв об окружающем.

– Куда ты шел? – вернул его к действительности голос Нарциссы.

Он отпустил сестру, помчался вперед, и она бросилась вслед за ним к багажному вагону, где проводник и носильщик принимали чемоданы и ящики, которые подавал им из дверей служащий багажного отделения.

– Разве нельзя потом прислать за вещами? – спросила Нарцисса.

Но Хорес стоял, пристально вглядываясь в глубину вагона и снова позабыв об ее присутствии. Оба негра вернулись обратно, и он отошел в сторону, все еще заглядывая в вагон и по-птичь вытаскивая шею.

– Давай пошлем кого-нибудь за вещами, – снова предложила ему сестра.

– Что? Ах, да. Я следил за ними на каждой пересадке, – сообщил он, совершенно забыв, о чем она говорила. – Будет ужасно, если у самого дома что-нибудь пропадет.

Негры подняли сундук и снова ушли, и он опять шагнул вперед и устался внутри вагона.

– Между прочим, так уже и случилось – в М. какой-то служащий забыл погрузить его на поезд... ага, вот он, – перебил он самого себя и, по местному обычаю назвав служащего капитаном, в ужасе возопил: – Эй, капитан, нельзя ли полегче! Тут стекло! – когда тот принялся с грохотом выталкивать из дверей какой-то заграничный ящик, на котором по трафарету был выведен адрес воинской части.

– Все в порядке, полковник, – отозвался служащий. – Надеюсь, мы ничего не разбили. А если разбили, вы можете предъявить нам иск.

Оба негра подошли к дверям вагона, и когда служащий поставил ящик стоймя, чтобы вытолкать его наружу, Хорес ухватился за него обеими руками.

– Полегче, ребята, – встревожено повторил он и побежал рядом с ними по платформе. – Поставьте его на землю, только осторожно. Сестренка, иди сюда, помоги немножко.

– Все в порядке, капитан, – сказал носильщик, – не бойтесь, мы его не уроним.

Но Хорес продолжал ощупывать ящик, а когда его поставили на землю, приложился к нему ухом.

– Ну как, все цело? – спросил носильщик.

– Конечно, цело, – уверил его проводник, поворачивая обратно. – Пошли.

– Да, кажется, цело, – согласился Хорес, не отнимая уха от ящика. – Я ничего не слышу. Очень хорошо упаковано.

Раздался свисток, Хорес вздрогнул и, роясь в кармане, помчался к поезду. Проводник уже закрывал дверь вагона, но успел наклониться к Хоресу, затем выпрямился и приложил руку к козырьку. Хорес вернулся к своему ящику и дал другую монету второму негру.

– Пожалуйста, поосторожнее. Я сию минуту вернусь, – приказал он.

– Слушаю, сэр, мистер Бенбоу. Я за ним пригляжу.

– Один раз я совсем было решил, что он потерялся, – рассказывал Хорес, под руку с сестрой направляясь к ее автомобилю. – В Бресте его задержали, и он прибыл только на следующем пароходе. У меня тогда был с собой аппарат, который я купил вначале – маленький такой, – так он тоже чуть не погиб. Я выдувал у себя в каюте небольшую вазу, как вдруг все загорелось, и сама каюта тоже. Капитан тогда решил, что мне лучше дожидаться высадки на берег, а то на борту слишком много народу. А ваза получилась очень хорошо – такая прелестная штучка, – безостановочно болтал он. – Я теперь здорово наострился, правда. Венеция. Роскошная мечта, хотя и несколько мрачная. Мы с тобой непременно туда съездим.

Крепко сжав ей руку, он опять принялся твердить: «Милая старушка Нарси», – словно этот уютный домашний звук возбуждал у него на языке незабываемый вкус какого-то любимого блюда. На станции еще оставалось несколько человек. Кое-кто заговаривал с ним и пожимал

ему руку, а какой-то морской пехотинец с эмблемой 2-й дивизии «Голова индейца» на погонах заметил треугольник на рукаве Хореса и, надув губы, презрительно фыркнул.

– Здорово, приятель, – сказал Хорес, испуганно бросив на него застенчивый взгляд.

– Добрый вечер, генерал, – ответил морской пехотинец и плюнул – не совсем под ноги Хоресу, но и не совсем в сторону.

Нарцисса прижала к себе руку брата.

– Давай поедem скорее домой, чтобы ты мог надеть приличный костюм, – вполголоса сказала она, прибавляя шаг.

– Снять форму? А я думал, что она мне идет, – слегка обиженно заметил Хорес. – По-твоему, у меня в ней смешной вид?

– Конечно нет, – быстро отозвалась она, сжимая его руку, – конечно нет. Прости, что я это сказала. Носи свою форму сколько тебе хочется.

– Это прекрасная форма, – убежденно сказал он и, указывая на свою нарукавную эмблему, добавил: – Конечно, я не эту штуку имею в виду.

Они шли вперед.

– Люди постигнут это лет через десять, когда истерическая неприязнь к нестроевикам выдохнется, и отдельные солдаты поймут, что разочарование изобрел отнюдь не Американский экспедиционный корпус.

– А что он изобрел? – спросила Нарцисса, прижимая к себе его руку и обволакивая его ласковой безмятежностью своей любви.

– А Бог его знает... Милая старушка Нарси, – повторил он и, пройдя вместе с нею по платформе, направился к автомобилю. – Значит, военная форма тебе уже приелась.

– Да нет же, – повторила она и, выпуская его руку, легонько ее тряхнула. – Носи ее сколько хочешь.

Она открыла дверцу автомобиля. Кто-то их окликнул, и, обернувшись, они увидели, что за ними плетется носильщик с ручной кладью, которую Хорес, уходя, бросил на платформе.

– О господи! – воскликнул он. – Таскаю ее за собой четыре тысячи миль, а потом теряю у дверей своего дома. Большое спасибо, Сол.

Носильщик погрузил вещи в автомобиль.

– Это мой первый аппарат и ваза, которую я выдул на пароходе. Когда мы приедем, я тебе покажу, – сказал Хорес сестре.

– Где твоя одежда? – спросила она, садясь за руль. – В ящике?

– У меня ее нет. Пришлось почти все выбросить, чтобы освободить место для других вещей. Не было места ни для чего.

Нарцисса с ужасом посмотрела на брата.

– Что случилось? – наивно спросил он. – Ты что-нибудь забыла?

– Да нет же. Садись. Тетя Сэлли тебя ждет.

Они тронулись и вскоре поднялись на отлогий тенистый холм, откуда дорога вела к площади, и Хорес счастливыми глазами смотрел на знакомые картины. Товарные вагоны на запасных путях; платформа – осенью она будет уставлена плотными рядами увесистых кип хлопка; городская электростанция – кирпичное здание, из которого постоянно доносится ровный гул и вокруг которого весной узловатые адамовы деревья развешивают свои лохматые сиреневые соцветия на фоне красновато-желтых глинистых откосов. Дальше улица небогатых, большей частью новых домов. Одинаковые тесные домики с крохотными газонами, построенные выходцами из деревни и по деревенскому обычаю поставленные вплотную к улице; кое-где дом, возводимый на участке, пустовавшем шестнадцать месяцев назад, когда он уезжал. Еще дальше под зелеными сводами показались другие улицы – более тенистые, с домами все более старыми и внушительными по мере удаления от вокзала; пешеходы – в этот час обычно слоняющиеся без дела молодые негры или старики, которые после обеда успели вздремнуть, а теперь направляются в центр города, чтобы в тихой бесцельной сосредоточенности провести остаток дня.

Холм плавно перешел в плато, на котором более ста лет назад и был, собственно говоря,

построен этот город, и улица сразу приняла типично городской вид – показались гаражи, лавчонки с торговцами без пиджаков, покупатель; кинотеатр с вестибюлем, сплошь заклеенным яркими цветными литографиями, изображающими разнообразные сцены пестрой современной жизни.

Наконец, площадь – низкие сплошные ряды старинных обветшалых кирпичных зданий, вывески с поблекшими мертвыми именами, упрямо проступающими из-под облупившейся краски; негры и негритянки в потрепанной неряшливой одежде защитного цвета; фермеры – тоже иногда в хаки – и снующие в их ленивой толпе бойкие горожане, ловко обходящие мужчин на складных стульях перед лавками.

Здание суда тоже было из кирпича, с каменными арками под сенью вязов, а посреди площади, окруженный деревьями, стоял памятник – солдат армии южных штатов с ружьем к ноге каменной рукою прикрывал высеченные из камня глаза. Под портиками суда и на скамейках среди зелени сидели, толковали и дремали отцы города, некоторые тоже в военной форме. Но это были серые мундиры Старого Джека, Борегара и Джо Джонстона⁴¹, и они сидели с невозмутимой степенностью обладателей мелких политических синекур, курили, поплеывали и играли в шахматы. В плохую погоду они перебирались в контору секретаря суда.

Здесь же околачивались молодые парни. Они метали в цель серебряные доллары, перебрасывались бейсбольными мячами или просто валялись на траве в ожидании вечера, когда надушенные щемящими сердце дешевыми духами девицы в пестрых нарядах стайками двинутся в аптеку. В плохую погоду эти молодые парни околачивались в аптеке или в парикмахерской.

– Все еще много народу в военной форме, – заметил Хорес. – К июню все будут дома. А молодые Сарторисы уже вернулись?

– Джон погиб, – отвечала Нарцисса. – Разве ты не знаешь?

– Нет, – огорченно отозвался он. – Несчастный старый Баярд. Им чертовски не везет. Удивительное семейство. Всегда уходят на войну, и всегда их там убивают. Жена молодого Баярда тоже умерла, ты мне об этом писала.

– Да. А он здесь. Купил себе гоночный автомобиль и с утра до вечера носится по округе. Мы каждый день ждем, что он разобьется насмерть.

– Бедняга, – сказал Хорес и снова повторил: – Несчастный старый полковник. Он всегда терпеть не мог автомобили. Интересно, что он об этом думает.

– Он сам с ним ездит.

– Что? Старый Баярд в автомобиле?

– Да. Чтоб молодой Баярд не перевернулся. Так мисс Дженни говорит. Она уверена, что молодой Баярд все равно сломает шею им обоим, только полковник Сарторис этого не знает. Она проехала по площади мимо привязанных фургонов и поставленных где попало автомобилей.

– Ненавижу Баярда Сарториса, – вдруг ни с того ни с сего ожесточенно выговорила она. – Ненавижу всех мужчин.

Хорес быстро на нее взглянул.

– Что такое? Что он тебе сделал? Или нет, наоборот, что ты ему сделала?

Но Нарцисса ничего не ответила. Она свернула в другую улицу, по обеим сторонам которой стояли одноэтажные негритянские лавчонки; возле них, в тени железных навесов, сидели негры, снимая шкурки с бананов и разноцветные обертки с печенья, а в конце находилась мукомольня, приводимая в движение спазматическим бензиновым мотором. Мякина и сыпучие пылинки, словно мошки, кружились в солнечных лучах, а над дверью красовалась вывеска, на которой чья-то неумелая рука вывела: «Мельница В.-Д. Бирда».

⁴¹ ...*Старого Джека, Борегара и Джо Джонстона*. – Имеются в виду самые известные генералы армии южной Конфедерации в Гражданской войне: Томас Дж. Джексон «Каменная стена» (1824-1863), Пьер Густав Борегар (1818-1893) и Джозеф Э.Джонстон (1807-1891).

Между мукомольней и запертой молчаливой хлопкоочистительной фабрикой, увешанной ключьями грязной ваты, грохотала наковальня кузницы, расположенной в конце короткого переулка, забитого фургонами, лошадьми и мулами, где в тени шелковиц сидели на корточках фермеры в комбинезонах.

– Не мешало бы ему больше считаться со стариком, – досадливо сказал Хорес. – Впрочем, они только что прошли через такое испытание, которое поколебало все истины и все человеческие чувства, а впереди – знают они об этом или нет – их ждет еще одно испытание, которое вообще положит конец всему. Дай только срок... Но лично я не вижу, зачем мешать Баярду ломать себе шею, если он так к этому стремится. Хотя, разумеется, жалко мисс Дженни.

– Да, – миролюбиво согласилась Нарцисса. – Их еще очень беспокоит сердце полковника Сарториса. То есть оно беспокоит всех, кроме него самого и Баярда. Как хорошо, что у меня ты, а не один из этих Сарторисов, Хорри.

Быстрым легким движением она коснулась его худощавого колена.

– Милая старушка Нарси, – с улыбкой отозвался он, но лицо его тотчас же омрачилось снова. – Ну и мерзавец. Впрочем, это уж их забота, а как здоровье тетушки Сэлли?

– Хорошо... Как я рада, что ты вернулся, Хорри.

Захудалые лавчонки остались позади, и теперь улица раздалась вширь между старинными тенистыми лужайками, просторными и тихими. Дома здесь были очень старые – по крайней мере с виду; они стояли вдалеке от улицы и уличной пыли и излучали ласковую тишину и покой, неколебимые, как безветренный вечер в мире, где нет ни движенья, ни звука. Хорес огляделся вокруг и глубоко вздохнул.

– Может быть, это и есть причина войн, – сказал он. – Смысл мира.

Они свернули в боковую улицу, более узкую, ко более тенистую и даже еще более тихую, погруженную в золотистую пасторальную дрему, и въехали в ворота, замыкавшие обсаженную жимолостью железную ограду. От ворот начиналась посыпанная гарью аллея, изгибавшаяся дугой между двумя рядами виргинских можжевельников. Можжевельники посадил в 40-х годах прошлого века английский архитектор, который построил дом в погребальном стиле Тюдоров⁴² (с одним лишь незначительным отступлением в виде веранды), распространившемся с благословения молодой королевы Виктории, и даже в самые солнечные дни под можжевельниками царил бодрящий смолистый сумрак. Их облюбовали пересмешники, снегири и дрозды, чье скромное сладкозвучное пенье ласкало слух по вечерам; но под ними почти не росла трава и не водились насекомые, и только в сумерках появлялись светлячки.

Аллея поднималась к дому, изгибалась перед ним и снова спускалась на улицу двумя рядами можжевельников. В центре дуги рос одинокий дуб – густой, развесистый и низкий, а вокруг него была деревянная скамья. Внутри полумесяца, образованного аллеей, и за нею густо разрослись древние как мир высокие кусты лагерстремии и спиреи. В одном углу забора росла диковинная купа низкорослых банановых пальм, а в другом – лантана со своими запекшимися ранами – Фрэнсис Бенбоу в 1871 году вывез ее с Барбадоса в футляре из-под цилиндра.

От корней дуба и от изогнувшейся ятаганом погребальной аллеи спускался к улице отличный дерновый газон, испещренный тут и там группами нарциссов, жонкилей и гладиолусов. Некогда газон был разбит террасами и на верхней террасе располагалась цветочная клумба. Затем Билл Бенбоу, отец Хореса и Нарциссы, велел эти террасы скрыть, что и было сделано плугом и мотыгой. При этом землю заново засеяли травой, и он считал, что

⁴² ...в погребальном стиле Тюдоров... – Речь идет об архитектурном стиле эпохи царствования в Англии династии Тюдоров (1485-1603). Английские архитекторы викторианского периода (королева Виктория царствовала в Великобритании с 1837 г.), охотно прибегавшие к эклектической стилизации, часто использовали характерные для этого стиля элементы: плоские арки, мелкие карнизы, высокие прямоугольные окна, лепные потолки и карнизы.

клумба уничтожена. Но следующей весной разбросанные луковицы снова пустили ростки, и с тех пор каждый год газон был усыпан беспорядочным пунктиром белых, желтых и розовых цветов. Несколько молодых девиц получили разрешение каждую весну рвать здесь цветы, а под можжевельниками мирно резвились соседские дети. В верхней точке дуги, которую образовывала аллея перед тем, как снова спуститься вниз, стоял кирпичный кукольный дом, в котором жили Хорес и Нарцисса, постоянно окутанные прохладным, чуть терпким запахом виргинских можжевельников.

Белые украшения и вывезенные из Англии стрельчатые окна придавали дому нарядный вид. По карнизу веранды и над дверью висела глициния, ствол которой, толщиной с мужское запястье, напоминал крепко просмоленный канат. В открытых окнах нижнего этажа легко колыхались занавески. На подоконнике впору было красоваться выскобленной деревянной чаше или хотя бы безупречно вылизанному надменному коту. Однако на нем стояла всего лишь плетеная рабочая корзинка, из которой наподобие вьющейся пуансетии свисал конец коврика, сшитого из розовых и белых лоскутков, а в дверях, опираясь на трость черного дерева с золотым набалдашником, стояла тетушка Сэлли, вздорная старушонка в кружевном чепце.

Все как тому и следует быть. Хорес обернулся и посмотрел на сестру – она шла по аллее с пакетами, которые он опять забыл в автомобиле.

Довольный и счастливый, Хорес шумно плескался в ванне, громко разговаривая через дверь с сестрой, которая сидела на его кровати. Снятая форма валялась на стуле, и от долгого общения с ним складки грубого коричневатого-желтого сукна все еще хранили четкий отпечаток его утонченной ущербности. На мраморной доске туалетного столика лежали трубки и тигель его первого стеклодувного аппарата, а рядом стояла ваза, которую он выдул на пароходе – тонкая, стройная вещица из прозрачного стекла высотой около четырех дюймов, незавершенная и хрупкая, как серебряная лилия.

– Они работают в пещерах, – кричал он из ванной, – к ним надо спускаться под землю по лестнице. Когда нащупываешь ступеньку, под ногами сочится вода, а когда хватаешься рукой за стену, чтобы опереться, рука становится мокрой. Ощущение такое, будто это кровь.

– Хорес!

– Да, да, это великолепно! И ты уже издала видишь сияние. Вдруг неизвестно откуда возникает мерцающий туннель, потом ты видишь горн, а перед ним поднимаются и опускаются какие-то предметы; они закрывают свет, и стены снова начинают мерцать. Сначала они кажутся просто какими-то горбатыми бесформенными телами. Совершенно фантастическими, а на кровавых стенах, как в волшебном фонаре, пляшут их тени, красные тени. Потом вспыхивает яркий свет, и перед горном, поднимаясь и опускаясь, словно бумажные куклы, начинают мелькать черные фигурки. И вдруг появляется физиономия, она дует, а из красной тьмы выплывают другие лица, похожие на раскрашенные воздушные шары.

А какие вещи! Абсолютно, трагически прекрасные. Знаешь, совсем как засушенные цветы. Мертвые и нетленные, безупречно чистые, очищенные огнем, как бронза, но хрупкие, как мыльные пузыри. Кристаллизованные звуки труб. Звуки флейты и гобоев или, пожалуй, пенье свирели. Свирели из овсяной соломы. Черт возьми, они, как цветы, распускаются прямо на глазах. Сон в летнюю ночь, приснившийся саламандре⁴³.

Дальше ничего нельзя было разобрать – невнятные размеренные фразы взмывали вверх, но по высоте и напряженности звучания Нарцисса поняла, что это с звонкогласными песнопеньями низвергаются в преисподнюю мильтоновские архангелы⁴⁴.

⁴³ *Сон в летнюю ночь, приснившийся саламандре.* – В фольклорной традиции сон, приснившийся в ночь накануне Иванова дня, считается волшебным и должен сбыться (ср. одноименную комедию Шекспира). Саламандра в средневековых мифах – дух огня.

⁴⁴ *...мильтоновские архангелы.* – Имеется в виду поэма великого английского поэта Джона Мильтона (1608-1674) «Потерянный рай». В ее первой книге описано низвержение с неба Сатаны в ангелов, восставших вместе с ним против Бога. Фолкнер использует здесь несколько мильтоновских эпитетов: «звонкогласный» (кн. 1, ст. 540), «пламенный» (кн. 1, ст. 45) и др.

Наконец он вышел – в белой рубашке и саржевых брюках, но все еще парящий на пламенных крыльях своего красноречия, и под звуки его голоса, выпевающего эти размеренные слоги, она вытащила из чулана пару туфель, остановилась с туфлями в руках, и тогда он прекратил свои песнопения и снова, как ребенок, коснулся руками ее лица.

За ужином тетушка Сэлли перебила его отрывистую болтовню вопросом:

– А своего Сноупса ты тоже привез?

Этот Сноупс был членом, казалось, совершенно неистощимого семейства, которое в течение последних десяти лет тонкими струйками просачивалось в город из маленького поселка, известного под названием Французова Балка. Первый Сноупс, Флем, однажды без всякого предупреждения появился за стойкой излюбленного фермерами маленького кафе в одной из боковых улиц.

Утвердившись здесь, он, подобно библейскому Аврааму⁴⁵, начал переселять в город своих родственников и свойственников – семью за семьей, одного человека за другим – и устраивать их на такие места, где они могли зарабатывать деньги. Сам Флем теперь был управляющим городской электростанцией и водопроводом и уже несколько лет состоял чем-то вроде чиновника особых поручений при местном муниципалитете, а три года назад, к изумлению и нескрываемой досаде старого Баярда, который по этому поводу не раз отпускал крепкое словцо, сделался вице-президентом сарторисовского банка, где один из его родственников уже служил бухгалтером.

Он все еще владел кафе и брезентовой палаткой на его заднем дворе, где они с женой и ребенком жили первые месяцы после переезда в город, и ныне эта палатка служила как бы перевалочной станцией для приезжающих Сноупсов, откуда те расползались по всевозможным третьеразрядным заведениям вроде бакалейных лавок и парикмахерских (один из них, какой-то инвалид, жарил земляные орехи на купленной у старьевщика жаровне), размножались и процветали. Джефферсонские старожилы, наблюдая за ними из своих домов, солидных магазинов и контор, вначале посмеивались. Но им уже давно стало не до смеха.

Сноупса, о котором спрашивала тетушка Сэлли, звали Монтгомери У орд. В 1917 году, незадолго до вступления в силу закона о воинской повинности, он явился к офицеру, ведавшему набором рекрутов в Мемфисе, но тот не взял его на военную службу из-за больного сердца. Позднее, к удивлению всех, а в особенности друзей Хореса Бенбоу, он вместе с Хоресом отправился в Христианскую ассоциацию молодых людей и получил там какую-то должность. Еще позже стали поговаривать, будто в тот день, когда он поступал на военную службу, он всю дорогу в Мемфис держал под мышкой плитку жевательного табака. Но этот слух появился уже после того, как он со своим покровителем уехал.

– А своего Сноупса ты тоже привез? – спросила тетушка Сэлли.

– Нет, – отвечал он, и на его тонком нервном лице появилось легкое облачко холодного отвращения. – Я в нем совершенно разочаровался. Я даже и говорить о нем не хочу.

– Каждый мог тебе сказать, что это за человек, еще когда ты уезжал.

Тетушка Сэлли неторопливо и размеренно жевала, сидя над своей тарелкой Хорес на минуту задумался, и рука его медленно сжала вилку.

– Именно подобные типы, паразиты... – начал было он, но тут его перебила сестра:

– Кого интересуешь какой-то там Сноупс? И вообще, сейчас слишком поздний час, чтобы говорить об ужасах войны.

Полным ртом тетушка Сэлли издала какой-то сырой звук, выражающий некое мстительное превосходство.

– Это все нынешние генералы, – проговорила она. – Генерал Джонстон или генерал

⁴⁵ ...подобно библейскому Аврааму... – Согласно Библии, патриарх Авраам взял с собой в землю Ханаанскую, которая была завещана ему и его потомству, «Сару, жену свою. Лота, сына брата своего... и всех людей, которых они имели в Харране».

Форрест⁴⁶ – вот уж те бы ни за что ни одного Сноупса в свою армию не взяли.

Тетушка Сэлли ни в каком родстве с семейством Бенбоу не состояла. Она жила через дом с двумя незамужними сестрами, из которых одна была старше ее, а другая моложе. С тех пор как Хорес и Нарцисса себя помнили, она постоянно бывала у них в доме и еще до того, как они начали ходить, присвоила себе какие-то права на их жизнь, привилегии, которые никогда не были точно определены и которыми она никогда не пользовалась, но никогда и не допускала, чтобы кто-либо подверг сомнению обоюдное признание того факта, что они существуют. Она без предупреждения входила во все комнаты в доме и любила нудно и несколько бестактно толковать о детских болезнях Хореса и Нарциссы. Ходили слухи, будто она некогда «строила глазки» Биллу Бенбоу, хотя ко времени его свадьбы ей было уже лет тридцать пять. Она до сих пор говорила о нем с некоторой снисходительностью, словно о ком-то, лично ей принадлежащем, и всегда тепло отзывалась об его жене.

– Джулия была премилой девочкой, – частенько говаривала она.

Когда Хорес уехал на войну, тетушка Сэлли перебралась к Нарциссе, чтобы та не скучала, – никому из них троих даже в голову не приходило, что можно устроить все как-нибудь иначе, и то, что Нарцисса должна держать у себя в доме тетушку Сэлли в течение неопределенного срока – год, два или три, – казалось столь же неизбежным, как и то, что Хорес должен идти на войну. Тетушка Сэлли была славной старушкой, но она жила главным образом прошлым, мягко, но бесповоротно отгородившись от всего, что произошло после 1901 года. Для нее жизнь шла на конной тяге, и скрип автомобильных тормозов ни разу не проник в ее упрямый и безмятежный вакуум. У нее было много неприятных причуд, свойственных старикам. Она любила звук собственного голоса, не любила оставаться одна ни в какое время суток, а так как она ни за что не могла привыкнуть к вставной челюсти, купленной двенадцать лет назад, и прикасалась к ней лишь для того, чтобы раз в неделю сменить воду, в которой челюсть сохранялась, она весьма неаппетитно поглощала свою немудреную, но легко поддающуюся пережевыванию пищу.

Нарцисса опустила под стол руку и снова погладила колено Хореса.

– Я так рада, что ты вернулся, Хорри.

Он быстро взглянул на нее, и облачко исчезло с его лица так же внезапно, как и появилось, а дух его, подобно пловцу в спокойном море, медленно погрузился в безмятежную неизменность ее любви.

Он был адвокатом – главным образом из уважения к семейной традиции и, хотя отнюдь не питал особой склонности к юриспруденции, если не считать любви к печатному слову, к местам, где хранятся книги, думал о возвращении в свою затхлую контору с оттенком... не столько нетерпения, сколько глубоко укоренившейся покорности и даже почти удовольствия. Смысл мира. Дни, неизменные как встарь, быть может, без порывов, но и без катастроф. Этого не видишь, не ощущаешь – разве что на большом расстоянии. Светлячки еще не появились, и по обе стороны аллеи вытекала на улицу сплошная полоса виргинских можжевельников, словно изгибающаяся черная волна с уходящими в небо резными гребешками. Свет падая из окна на веранду и на клумбу с каннами, стойкими как бронза – вот уж в чем нет ни тени хрупкости, свойственной цветку, – а в комнате слышалось невнятное монотонное бормотание тетушки Сэлли. Нарцисса тоже была там – она сидела возле лампы с книгой, и от всего ее существа веяло неизменным покоем, он наполнял комнату, словно запах жасмина, – сидела и смотрела на дверь, через которую вышел Хорес, а он со своей нераскуренною трубкой стоял на веранде, овеваемый терпкою прохладой можжевельников, словно дыханием какого-то неведомого живого существа.

«Смысл мира», – еще раз произнес он про себя, задумчиво роняя два этих слова в прохладный колокольчик тишины, куда он наконец возвратился опять, и слушая, как они

⁴⁶ *Генерал Форрест Натаниэль* (1821– 1877) – один из наиболее талантливых и храбрых военачальников в кавалерии южан-конфедератов.

медленно замирают в пространстве, подобно прозрачному и чистому звону от удара серебра о хрусталь.

– Как поживает Белл? – спросил он в первый же вечер по приезда.

– У них все хорошо, – отвечала Нарцисса. – Они купили новый автомобиль.

– Вот как, – рассеянно заметил Хорес. – По крайней мере хоть какая-нибудь польза от войны.

Тетушка Сэлли наконец оставила их наедине и потихоньку проковыляла к себе в спальню. Хорес с наслаждением вытянул ноги в саржевых брюках, перестал чиркать спичками, тщетно пытаясь раскурить свою упрямую трубку, и устремил взор на сестру, которая сидела, склонен темноволосую голову над раскрытым на коленях журналом, как бы отгородившись ото всего мелкого и преходящего. Ее волосы, гладкие, словно крылья отдыхающей птицы, двумя безмятежными воронеными волнами вливались в низкий простой узел на затылке.

– Белл совершенно не способна писать письма, – сказал он, – Как все женщины.

Не поднимая головы, она перевернула страницу.

– Ты часто ей писал?

– А почему? Они отлично понимают, что письма годятся лишь на то, чтобы служить мостками, соединяющими интервалы между поступками – как интерлюдии в пьесах Шекспира, – рассеянно продолжал он. – Ты знаешь хоть одну женщину, которая читала бы Шекспира, не пропуская интерлюдий? Шекспир и сам это знал, и потому женщин у него в интерлюдиях нет. Пускай себе мужчины перебрасываются напыщенными словесами – женщины будут в это время мыть за кулисами посуду и укладывать спать детей.

– Я не знаю ни одной женщины, которая вообще читала бы Шекспира, – поправила его Нарцисса. – Он слишком много говорит.

Хорес встал и погладил ее по темным волосам.

– О, глубина, – сказал он. – Всю, всю мудрость к одной лишь фразе ты свела и меряешь свой пол по высоте звезды.

– Да, они его не читают, – повторила она, поднимая голову.

– Не читают? Почему?

Он чиркнул еще одной спичкой и поднес ее к трубке, глядя на сестру сквозь сложенные чашечкой ладони, серьезно и с напряженным вниманием, как устремленная в полет птица.

– Твои Арлены и Сабатини⁴⁷ тоже много говорят, а уж больше говорить, и тому же с таким трудом, как старик Драйзер⁴⁸, вообще никто никогда не ухитрялся.

– Но у них есть тайны, – пояснила она, – Шекспира тайн нет. Он говорит все.

– Понятно. Шекспиру не хватало сдержанно такта. Иначе говоря, он не был джентльменом.

– Да... Пожалуй, это я и хотела сказать.

– Итак, чтобы быть джентльменом, надо тайны.

– Ах, ты меня утомляешь.

Она снова начала читать, а он сел рядом с нею на диван и, взяв ее руку, принялся гладить ею свою щеку и растрепанные волосы.

– Это похоже на прогулку по саду в сумерках, – сказал он. – Все цветы стоят на своих местах, в ночных сорочках и причесанные на ночь, но все они хорошо тебе знакомы. Поэтому ты их не тревожишь, а просто проходишь дальше, но иной раз останавливаешься,

⁴⁷ ...Арлены и Сабатини... – Имеются в виду популярные английские беллетристы: автор мелодрам Майкл Арлен (псевдоним Дикрана Каюмяна, 1895-1956) и сочинитель приключенческих романов Рафаэль Сабатини (1875-1950).

⁴⁸ ...с таким трудом, как старик Драйзер... – Выпад против Теодора Драйзера (1871-1945) объясняется тем, что в двадцатые годы его проза казалась Фолкнеру и другим молодым американским писателям старомодной по темам и бесформенной, громоздкой и безвкусной по стилю.

переворачиваешь какой-нибудь листок, которого ты раньше не заметил, – быть может, под ним окажется фиалка, колокольчик или светлячок, а быть может, всего-навсего другой листок или травинка. Но всегда будет капелька росы.

Он продолжал гладить ее рукою свое лицо. Другой рукой она медленно листала журнал, слушая его с невозмутимой и ласковой отчужденностью.

– Ты часто писал Белл? – снова спросила она. – Что ты ей писал?

– Я писал ей то, что ей хотелось прочитать. Все то, что женщины хотят видеть в письмах. Люди ведь и в самом деле имеют право хотя бы на половину того, что, по их мнению, им причитается.

– Что же ты ей все-таки писал? – настойчиво спрашивала Нарцисса, медленно переворачивая страницы, а рука ее, покорно следуя его движениям, продолжала гладить его по лицу.

– Я писал ей, что я несчастлив. Возможно, так оно и было, – добавил он.

Нарцисса тихонько высвободила свою руку и положила ее на журнал.

– Я преклоняюсь перед Белл, – продолжал он. – Она так благоразумно глупа. Когда-то я ее боялся. Быть может... Но нет, теперь нет. Я защищен от гибели, у меня есть талисман. Верный признак того, что она мне уготована, как говорят мудрецы. Впрочем, благоприобретенная мудрость суха, она рассыпается в прах там, где слепой поток бессмысленных соков жизни победоносно движется вперед.

Он сидел, не прикасаясь к ней, на мгновение погрузившись в блаженное состояние покоя.

– В отличие от твоей, о Безмятежность, – проговорил он, возвращаясь к действительности, и снова принялся твердить: – Милая старушка Нарси.

Он опять взял ее руку. Рука не сопротивлялась, но и не совсем покорилась.

– По-моему, тебе не следует так часто повторять, что я глупа, Хорри.

– По-моему, тоже, – согласился он. – Но должен же я взять хоть какой-то реванш за совершенство.

Потом она лежала в своей темной спальне. По другую сторону коридора спокойно и размеренно похрапывала тетушка Сэлли; а в соседней комнате лежал Хорес, между тем как его ущербный дух, причудливый и неумный, совершал свои странствия по пустынным далям заоблачных сфер, где на лунных пастбищах, пригвожденных остриями звезд к тверди небес у последней кровли вселенной, галопом скакали, оглашая гулкий воздух раскатистым ржаньем, паслись или безмятежно покоились в дреме золотокопытые единороги.

Хоресу было семь лет, когда родилась Нарцисса. На заднем плане ее благополучного детства присутствовали три существа – мальчуган с тонкой озорной физиономией и неистощимой склонностью к злключениям; романтически загадочная доблестная личность, контрабандой раздобывающая пищу, с сильными твердыми руками, от которых всегда исходил волнующий запах карболового мыла – существо, чем-то напоминающее Всемогущего, но не внушающее благоговейного трепета, и, наконец, нежная фигурка без ног или какого-либо намека на способность к передвижению, своего рода миниатюрная святыня, постоянно окруженная ореолом нежной меланхолии и бесконечными тонкими извивами цветной шелковой нити. Это третье существо, нежное и меланхолическое, никогда ни на чем не настаивало, между тем как второе вращалось по орбите, которая периодически выносила его во внешнее пространство, а затем снова возвращала его бодрую и энергичную мужественность в ее беспокойный мир. Что же до первого существа, то его Нарцисса с непреклонной материнской настойчивостью захватила в свою собственность, и к тому времени, когда ей было лет пять или шесть, Хореса заставляли слушаться старших, пригрозив пожаловаться на него Нарциссе.

Джулия Бенбоу благовоспитанно отошла в мир иной, когда Нарциссе исполнилось семь лет, она была удалена из их жизни, словно маленькое саше с лавандой из комода, где хранится белье, и в период беспокойного созревания, между семью и девятью годами от роду. Нарцисса

улежала и терроризировала оставшихся двоих. Затем Хорес уехал учиться в Сивони⁴⁹, а позднее в Оксфорд⁵⁰, и вернулся домой как раз в тот самый день, когда Билл Бенбоу присоединился к жене, покоящейся среди остроконечных можжевельников, высеченных из камня голубков и прочих безмятежных мраморных изваяний, а потом Хореса опять разлучили с сестрой нелепые и несообразные дела людские.

Но сейчас он лежал в соседней комнате, совершая странствия по безбурным мерцающим далям заоблачных сфер, а она лежала в своей темной постели очень тихо и мирно, пожалуй, чуть более мирно, чем требуется, чтобы уснуть.

2

Он очень легко и быстро вошел в ритм и делил свои дни между конторой и домом. Привычная торжественность переплетенных в телячью кожу затхлых фолиантов, к которым никогда не прикасался никто, кроме Билла Бенбоу, чьи отпечатки пальцев еще, вероятно, можно было обнаружить на их пыльных переплетах; партия тенниса, обычно на корте Гарри Митчелла; вечером карты – тоже, разумеется, в обществе Гарри и Белл, или, даже еще лучше, всегда легко доступное и никогда не изменяющее очарование печатных страниц, между тем как сестра сидела за столом напротив или тихонько наигрывала на рояле в полутемной комнате по другую сторону прихожей. Иногда к ней приходили в гости мужчины; Хорес принимал их с неизменной любезностью и с некоторой досадой и вскоре отправлялся бродить по улицам или ложился в постель с книгой. Раза два в неделю являлся с визитом чопорный доктор Олфорд, и Хорес, будучи отчасти казуистом-любителем часок-другой забавлялся, притупляя свои тонко оперенные метафизические стрелы о гладкую ученую шкуру доктора, после чего оба вдруг замечала, что за все эта шестьдесят, семьдесят или восемьдесят минут Нарцисса не проронила ни единого слова.

– За этим-то они к тебе и ходят, – говорил Хорес, – им нужна эмоциональная грязевая ванна.

Тетушка Сэлли удалилась к себе домой, забрав свою корзинку с разноцветными лоскутками и искусственную челюсть и оставив за собой неуловимое, но неизгладимое напоминание о туманных, однако же вполне определенных обязательствах, выполненных ею ценой некоей личной жертвы, а также слабый запах старого женского тела, который медленно вывешивался из комнат, временами возникая в самых неожиданных местах, так что порою, просыпаясь и лежа без сна в темноте, Нарцисса, увивавшаяся счастьем от возвращения Хореса, казалось, все еще слышала в темной беспредельной тишине дома мерное аристократичное похрапыванье тетушки Сэлли.

Порою оно становилось настолько отчетливым, что Нарцисса вдруг останавливалась и произносила имя тетушки Сэлли в совершенно пустой комнате. А иной раз старушка и в самом деле отзывалась, вновь воспользовавшись своей прерогативой входить в дом в любой час, когда ей взбредет в голову, без всякого предупреждения – просто для того, чтобы узнать, как они поживают, и ворчливо пожаловаться на своих домашних. Она была стара, слишком стара для того, чтобы легко отзываться на перемены, и после долгого пребывания в семье, где ей уступали во всех домашних делах, с трудом заново приспособивалась к привычкам своих сестер. Дома ее старшая сестра вела хозяйство расторопно и сварливо, и они вместе с третьей сестрою упорно продолжали обращаться с тетушкой Сэлли так же, как шестьдесят пять лет назад, когда она была маленькой девочкой, за чьим питанием, режимом и гардеробом необходим неукоснительный и строгий надзор.

⁴⁹ *Сивони* – город в штате Теннесси, где находится так называемый Университет Юга, одно из самых престижных учебных заведений южных штатов.

⁵⁰ *Оксфорд* – старейший английский университет.

– Я даже в ванную не могу спокойно зайти, – ворчливо жаловалась тетушка Сэлли. – У меня сильное желание собрать свои вещи и снова переехать сюда, а они там пусть как хотят.

Она капризно качалась в кресле – по молчаливому соглашению ее право на таковое никем никогда не оспаривалось – и потускневшими старыми глазами недовольно оглядывала комнату.

– Эта черномазая после моего ухода ни разу тут толком не прибрала. Эта пыльная мебель... мокрая тряпка...

– Я бы очень хотела, чтобы вы взяли ее обратно, – сказала Нарциссе старшая сестра, мисс София. – С тех пор, как она вернулась от вас, она стала такой придирой, что с ней просто невозможно сладить. А правду говорят, будто Хорес стал стеклодувом?

Главные тигли и реторты прибыли в целости и сохранности. Сначала Хорес требовал, чтоб ему отдали подвал, для чего нужно было выбросить оттуда газонокосилку, садовый инструмент, всю скопившуюся там рухлядь и замуровать окна, превратив помещение в каземат. Однако Нарцисса в конце концов уговорила его использовать под мастерскую чердак над гаражом, где он и установил свои горн, однажды чуть было не сжег все здание и после четырех неудачных попыток создал почти безукоризненную вазу цвета прозрачного янтаря, более крупную, роскошную и целомудренно безмятежную, чем первая, которую постоянно держал у себя на ночном столике, окрестив по имени сестры Нарциссой, а произнося свои выпренные тирады о смысле мира и безупречных средствах достижения оногo, адресовался равно к обеим со словами: «О ты, нетронутая дева тишины»⁵¹.

С непокрытой головой, с вышитой на кармане эмблемой Оксфордского клуба, в фланелевых брюках и с ракеткой под мышкой, Хорес обошел вокруг дома, и перед ним открылся теннисный корт, по которому неистово метались два игрока. Под аркадой с белыми пилястрами и увитыми плющом перекладинами, словно бабочка, устроилась Белл в окружении приличествующего случаю хрупкого гармоничного реквизита. С ней сидели две дамы, чьи силуэты четко вырисовывались на фоне темной листвы еще не успевшей расцвести лагерстремии. Вторая дама (третьей была молодая девица в белом платье с аккуратной челкой цвета темной патоки и с теннисной ракеткой на коленях) с ним заговорила, а Белл протянула ему руку с томным видом собственницы. Рука ее, теплая и цепкая, с тонкими костями и надушенной мягкой плотью, словно ртуть, жадно влилась в его ладонь. Глаза ее напоминали теплый виноград, а полные, ярко накрашенные, подвижные губы скривились в недовольной гримасе.

Она сообщила ему, что лишилась Мелони.

– Несмотря на весь ваш аристократизм, Мелони видела вас насквозь, – заметил Хорес. – Вы, очевидно, стали слишком небрежны. Она неизмеримо изысканнее вас. Неужели вы полагали, что вам удастся вечно обманывать человека, который умеет обставить прием пищи такими невыносимыми церемониями, как это делала Мелони? Или она опять вышла замуж?

– Она занялась бизнесом, – капризно отвечала Белл. – Открыла косметический салон. Я только никак не пойму зачем. Подобные затеи недолговечны, особенно здесь. Можете ли вы представить себе, что жительницы Джефферсона будут посещать косметический салон – конечно, кроме нас троих?

Впрочем, если мне и миссис Мардерс он еще может понадобиться, то уж Франки он совершенно ни к чему.

– Что мне любопытно, так это откуда у нее взялись деньги, – сказала миссис Мардерс. – Люди думают, что это вы ей дали, Белл.

– С каких это пор я стала дамой-благотворительницей? – холодно отозвалась Белл.

Хорес слегка усмехнулся. Миссис Мардерс сказала:

– Ну, Белл, мы же все знаем, какая вы добрая. Не скромничайте.

⁵¹ «О ты, нетронутая дева тишины» – первая строка стихотворения английского поэта-романтика Джона Китса (1795-1821) «Ода греческой вазе» (1820).

– Я сказала: дамой-благотворительницей, – повторила Белл.

– Я думаю, Гарри в любой момент готов сменить служанку на вола, – быстро вставил Хорес. – По крайней мере, он сэкономит на содержимом своего винного погреба – ведь ему не придется нейтрализовать воздействие вашего чая на многострадальные мужские желудки. Полагаю, что без Мелони чай здесь больше подавать не будут?

– Не болтайте глупостей, – отвечала Белл. Хорес сказал:

– Теперь я понимаю, что ходил сюда вовсе не ради тенниса, а ради того бесконечного и весьма неприятного сознания собственного превосходства, которое я всегда испытывал, когда Мелони подавала мне чай... Кстати, по дороге сюда я встретил вашу дочь.

– Да, она где-то тут поблизости, – равнодушно отозвалась Белл. – А вы все еще не подстриглись. Почему мужчины не понимают, когда им пора идти к парикмахеру? – философски спросила она.

Выставив вперед рыхлый двойной подбородок, старшая гостья устремила на Хореса и Белл холодный пронизательный взгляд. Девица в простом, целомудренно белом одеянье спокойно сидела и загорелой рукой, похожей на спящего рыжего щенка, придерживала на коленях ракетку. Она смотрела на Хореса, как смотрят дети – со спокойным интересом, но без грубого любопытства.

– Они либо вообще не ходят к парикмахеру, либо напوماживают волосы всякой дрянью, – добавила Белл.

– Хорес – поэт, – сказала старшая гостья. Кожа небрежно свисала с ее скул, как тяжелая грязноватая бархатная драпировка, а в немигающих глазах, словно в глазах старой индюшки, было что-то хищное и слегка непристойное. – Поэтам многое прощается. Вы не должны этого забывать, Белл.

Хорес отвесил поклон в ее сторону.

– Такт никогда не изменял женскому полу, Белл, – сказал он. – Миссис Мардерс принадлежит к числу тех немногих известных мне людей, которые по достоинству оценивают профессию юриста.

– Полагаю, что этот бизнес не хуже всякого другого, – сказала Белл. – Что вы сегодня так поздно? И почему не пришла Нарцисса?

– Я имею в виду то, что меня называли поэтом, – пояснял Хорес. – Юриспруденция, как и поэзия, – последнее прибежище хромых, увечных, слабоумных и слепых. Осмелюсь доложить, что Цезарь изобрел юристов, дабы оградить себя от поэтов.

– Вы так умны, – сказала Белл. Девица вдруг заговорила:

– Какая вам разница, чем мужчины мажут себе волосы, мисс Белл? Мистер Митчелл ведь лысый.

Миссис Мардерс засмеялась жирным, липким, длинным смешком и, не сводя с Хореса и Белл холодных, лишенных век глаз, продолжала звонко хохотать.

– Устами младенцев... – сказала она.

Девица переводила с одного на другого свои ясные, спокойные глаза.

– Пойду погляжу, нельзя ли мне сыграть сет, – сказала она, вставая.

Хорес тоже встал.

– Давайте мы с вами... – начал он, но Белл, не поворачивая головы, взяла его за руку.

– Садитесь, Франки, – скомандовала она. – Они еще не кончили. А вам вредно столько смеяться на пустой желудок, – обратилась она к миссис Мардерс. – Да садитесь же, Хорес.

Девица, стройная, с несколько угловатой грацией, все еще стояла, не выпуская из рук ракетку. Она бросила быстрый взгляд на хозяйку, потом опять повернула голову к корту. Хорес опустил на стул за спиной Белл. Рука ее незаметным движением скользнула в его руку и безвольно застыла, словно быстро выключив электричество, – так человек в поисках какого-нибудь предмета входит в темную комнату и, найдя то, что искал, тотчас же снова выключает свет.

– Разве вам не нравятся поэты? – спросил он как бы сквозь Белл.

– Они не умеют танцевать, – отвечала девица, не поворачивая головы. – Впрочем, они,

пожалуй, ничего. Они пошли на войну – хорошие, по крайней мере. Один здорово играл в теннис, так его убили⁵². Я видела его портрет, а вот фамилию не помню.

– Ах, ради Бога, не говорите о войне, – сказала Белл, и рука ее шевельнулась в руке Хореса. – Мне пришлось два года подряд выслушивать Гарри – он объяснял, почему не мог пойти на войну. Как будто мне не все равно, был он там или нет.

– Он должен был содержать семью, – с готовностью вставила миссис Мардерс.

Белл полулежала, откинув голову на спинку кресла, и ее рука, спрятанная в руке Хореса, тихонько двигалась, словно изучая его руку, непрерывно поворачиваясь, как самостоятельное, наделенное независимой волей существо, любопытное, но холодное.

– Некоторые из них были авиаторами, – продолжала девица. Прижавшись к столу худеньким невыразительным бедром, она стояла, держа под мышкой ракетку, и перелистывала журнал. Потом закрыла журнал и снова принялась наблюдать две стройные фигуры, метавшиеся по корту. – Я как-то раз танцевала с одним из молодых Сарторисов. С перепугу даже не спросила, который это из двух. Я тогда была еще совсем девчонкой.

– Они были поэтами? – спросил Хорес. – То есть тот, который вернулся? Второй, которого убили, насколько мне известно, действительно был поэтом.

– Автомобиль он, во всяком случае, водит здорово, – отвечала девица, продолжая смотреть на теннисистов. Курносая, с прямыми стриженными волосами (она подстриглась первой в городе) – не темными, но и не золотистыми, она твердой загорелой рукой сжимала ракетку.

Белл шевельнулась и высвободила свою руку.

– Ну ладно, ступайте играть, – сказала она. – Вы мне оба действуете на нервы.

Хорес с живостью вскочил.

– Пошли, Франки. Сыграем с ними один сет.

Они вдвоем стали играть против обоих молодых людей. Хорес играл великолепно, безрассудно, но с блеском. Любой хороший теннисист, обладающий еще и хладнокровием, мог бы тотчас его обыграть – для этого достаточно было предоставить ему полную свободу действий. Но его противникам это было не по плечу. Фрэнки частенько просчитывалась, но Хорес всякий раз ухитрялся спасти положение, прибегнув к стратегии настолько дерзкой, что она скрывала слабость его тактики.

Когда Хорес выигрывал последнее очко, появился Гарри Митчелл в узких фланелевых брюках, в белой шелковой рубашке и новых шикарных спортивных туфлях ценою в двадцать долларов. Совершенно лысый, с круглой как яйцо головой, гнилыми зубами и выступающей вперед челюстью, он остановился возле сидевшей в картинной позе жены, держа в руках новую ракетку в лакированном футляре с прессом. Выпив обязательную чашку чая, он немедленно соберет всех присутствующих мужчин, поведет их через дом к себе в ванную и угостит там виски, а на обратном пути нальет стакан для Рейчел и отнесет ей на кухню. Последнюю рубашку готов отдать. Гарри весьма удачно торговал хлопком, был уродлив, как смертный грех, добродушен, догматичен и болтлив, и пока Белл его не отучила, называл ее мамочкой.

Хорес вместе с Франки ушел с корта и приблизился к Белл.

Миссис Мардерс теперь сидела, погрузив свои дряблые подбородки в поднесенную ко рту чайную чашку.

Девица вежливо и решительно обернулась к Хоресу.

– Спасибо, что вы со мной сыграли. Надеюсь, я когда-нибудь научусь играть лучше. А вообще-то мы их побили.

– Вы с барышней дали им жару, старина? – спросил Гарри Митчелл, обнажив желтые зубы. Его тяжелая выдающаяся челюсть слегка сужалась книзу, а потом, словно обрубленная,

⁵² *Один здорово играл в теннис, так его убили.* – По-видимому, здесь имеется в виду английский поэт Руперт Брук (1887-1915), ушедший добровольцем на фронт и умерший в военном госпитале. Вокруг имени Брука – аристократа, красавца, отличного спортсмена – после войны сложилась романтическая легенда.

задиристо уходила назад.

– Это все мистер Бенбоу, – уточнила своим ясным голосом Франки, садясь рядом с Белл. – Я все время пропускала их мячи.

– Хорес, – сказала Белл, – ваш чай стынет. Чай подавал человек, объединявший в одном лице функции садовника, конюха и шофера, временно втиснутый в белую куртку и издававший запах вулканизированной резины и аммиака. Миссис Мардерс вынула из чашки свои подбородки.

– Хорес играет очень хорошо, я бы даже сказала, слишком хорошо. Другие мужчины просто ни в какое сравнение с ним не идут. Вам повезло с партнером, детка, – произнесла она.

– Да, мам, – согласилась девица. – Вряд ли он еще раз рискнет со мной играть.

– Чепуха! – отозвалась миссис Мардерс. – Ему было приятно играть с такой молоденькой, свеженькой девочкой. Разве вы не заметили, Белл?

Белл промолчала. Она налила Хоресу чаю, и в эту минуту на лужайке появилась ее дочь в платье цвета желтого крокуса. Глаза у нее были как звезды, мягче и нежнее, чем у лани, и она окинула Хереса быстрым сияющим взглядом.

– Как дела, Титания?⁵³ – сказал он.

Белл полуобернулась, держа чайник на весу над чашкой, а Гарри поставил свою чашку на стол, пошел навстречу дочери и, словно подманивая щенка, опустился на одно колено. Девочка приблизилась и, все еще не отрывая от Хореса сияющих, застенчивых и нежных глаз, позволила отцу обнять и погладить себя короткими толстыми руками.

– Доченька моя, – сказал Гарри.

Она ласково, хотя и с некоторым беспокойством позволила ему смять свое тщательно отглаженное платье. Глаза ее снова засияли.

– Смотри не сомни платье, милочка, – заметила Белл. Девочка осторожно выскользнула из рук отца. – Ну, чего тебе? Почему ты не играешь?

– Ничего. Я просто вернулась домой.

Она подошла к матери и робко остановилась возле ее стула.

– Поздоровайся с гостями, – сказала Белл. – Разве ты не знаешь, что со старшими надо здороваться?

Девочка робко и вежливо поздоровалась со всеми по очереди, и тогда мать обернулась, притянула ее к себе и погладила по мягким прямым волосам.

– А теперь беги играй. Почему тебя всегда тянет к взрослым? Тебе с ними совершенно нечего делать.

– Ах, позволь ей остаться, мама, – вступился Гарри. – Она хочет посмотреть, как папа с дядей Хоресом будут играть в теннис.

– Беги, беги, – повторила Белл, последний раз погладив девочку по головке, – И смотри не запачкай платье.

– Да, мэм, – отвечала девочка и, послушно повернувшись, еще раз бросила на Хореса быстрый сияющий взгляд. Хорес смотрел, как она подошла к кухонному крыльцу, как Рейчел открыла ей дверь, что-то ей сказала, и она поднялась по ступенькам на кухню.

– Какая воспитанная девочка, – заметила миссис Мардерс.

– С ними так трудно, – отозвалась Белл. – Она унаследовала некоторые черты своего отца. Допей свой чай, Гарри.

Гарри ваял со стола чашку и принялся шумно и добросовестно втягивать ее содержимое.

– Как вы насчет партии, дружище? Эта милашка воображает, будто может нас обыграть.

– Франки хочет еще поиграть, – вмешалась Белл. – Дай девочке немножко побегать по корту, Гарри.

Гарри уже вынимал из футляра ракетку. Он остановился, подняв свирепую физиономию с выдающейся челюстью и тусклыми добрыми глазами.

⁵³ *Титания* – в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» королева сказочного царства фей, жена Оберона.

– Нет, нет, – быстро возразила Фрэнки. – Я уже наигралась. Я лучше посмотрю.
– Глупости! Они могут играть в любое время. Пусть она поиграет, Гарри, – сказала Белл.
– Конечно, барышня может поиграть, – отозвался Гарри. – Пожалуйста, играйте сколько хотите.

Он снова наклонился, сунул ракетку обратно в затейливый футляр и принялся завинчивать гайки, сердито нахохлившись, как обиженный мальчишка.

– Пожалуйста, мистер Митчелл, – настаивала девица.

– Валяйте, – повторил Гарри. – Эй вы, бездельники, как насчет того, чтоб пригласить барышню на сет?

– Не обращайтесь на него внимания, – сказала Белл девице. – Они с Хересом могут сыграть как-нибудь в другой раз. Он все равно будет четвертым.

Двое игроков вежливо остановились и ждали.

– Конечно, мистер Гарри, идите. Мы с Фрэнки сыграем против вас и Джо, – предложил один из них.

– Играйте без меня, ребята, – повторил Гарри. – Мне надо кое о чем поговорить с Хересом. А вы валяйте сами.

Он отклонил вежливые протесты молодых людей, и они снова заняли корт. Гарри многозначительно подмигнул Хересу.

– Ступайте с ним, – сказала Белл. – Он ведь как маленький. – Не глядя на Хореса, не прикасаясь к нему, она обдала его волною жарких обещаний. Миссис Мардерс сидела со своей чашкой по другую сторону стола, наблюдая за ними любопытным, проницательным и холодным взглядом. – Если, конечно, вам не хочется еще раз сыграть с этой глупышкой.

– Глупышкой? – повторил Хорес. – Она слишком молода, чтобы быть бессознательно глупой.

– Ступайте и скорее возвращайтесь, – сказала ему Белл. – Мы с миссис Мардерс уже порядком друг другу надоели.

Хозяин, блестя своей упрямой лысиной, короткими шажками пошел в дом, и Хорес двинулся вслед за ним. Из кухни доносился ровный голосок маленькой Белл, рассказывающей о каком-то чудесном происшествии, и время от времени – в виде антистрофы⁵⁴ – звучное восклицание Рейчел. В ванной Гарри вытащил из шкафа бутылку, и тотчас, предшествуемая тяжелым топотом усталых ног по лестнице, в дверях без стука появилась Рейчел с кувшином ледяной воды.

– Не понимаю, чего вы не идете играть, если вам хочется? – возмущенно спросила она. – И вообще, почему вы позволяете, чтоб эта женщина так обращалась с вами и с девочкой? Взяли бы палку и надавали ей как следует. Устраивает мне на кухне кавардак в четыре часа дня. Да и от вас тоже никакого толку, – заявила она Хересу. – Налейте мне глоточек, мистер Гарри, пожалуйста, сэр.

Рейчел протянула стакан, Гарри налил ей виски, и она, тяжело переваливаясь, вышла, они слышали, как она медленно и тяжело спускается с лестницы на своих отекающих ногах.

– Белл не может обойтись без Рейчел, – сказал Гарри. Он ополоснул ледяной водой два стакана и поставил их на крышку унитаза. – Она слишком много болтает – как все черномазые. – Наполнив оба стакана, он поставил бутылку на пол. – Послушать ее, так Белл просто дикий зверь. Тигрица какая-то. Но мы с Белл отлично друг друга понимаем. Женщинам надо во многом уступать. Они ведь не такие, как мужчины. Дух противоречия от природы: не угодишь им – жалуются, угодишь – все равно жалуются. – Долив себе немного воды, он вдруг ни с того ни с сего сказал: – Если кто-нибудь попробует разрушить мой семейный очаг, я убью его, как ядовитую змею. Ну, давайте по одной, старина.

После этого он плеснул в пустой стакан воды, проглотил ее и вернулся к своим прежним

⁵⁴ *Антистрофа* – композиционная форма в хорах античной трагедии. Антистрофа повторяет ритм предшествующей строфы, но исполняется с обратным движением хора.

обидам:

– Никак не доберусь до собственного корта. Белл ежедневно собирает здесь всю эту дурацкую компанию. Что мне надо – так это корт, на котором я, придя с работы, каждый вечер мог бы сыграть пару хороших сетов. Перед ужином, для аппетита. Но каждый божий день я прихожу домой и натываюсь на банду девчонок и мальчишек, которые ведут себя так, словно это общественный корт в каком-нибудь дурацком парке.

Хорес пил более умеренно. Гарри закурил сигарету, бросил спичку на пол и поставил ногу на унитаз.

– Не иначе как мне придется сделать для собственного пользования еще один корт, обнести его колючей проволокой и повесить крепкий замок, чтобы Белл не могла устраивать на нем пикники. Там у забора еще много места. И деревьев нет. Устрою его на самом солнцепеке – может, тогда Белл позволит мне на нем поиграть. Ну ладно, пошли отсюда.

Он повел Хореса через свою спальню, остановился, чтобы похвастаться новым ружьем, которое он только что приобрел, и навязать ему пачку папирос, выписанных из Южной Америки, после чего они спустились вниз и увидели, что день уже клонится к вечеру. Солнце светило теперь прямо на корт, по которому, мягко шлепая резиновыми подошвами, во всю прыть носились трое игроков, следуя за стремительным полетом мяча. Миссис Мардерс, утопая в своих бесконечных подбородках, сидела на прежнем месте, хотя собиралась уходить, еще когда они поднимались наверх Белл повернула к ним голову, откинутую на спинку кресла, но Гарри потащил Хореса дальше.

– Мы пойдем искать место для теннисного корта. Я, пожалуй, сам начну играть в теннис, – с тяжеловесной иронией сообщил он миссис Мардерс.

Позже, когда они вернулись, миссис Мардерс уже не было, а Белл сидела в одиночестве с журналом в руках. За девицей по имени Франки приехал молодой человек в потрепанном «форде», потом явился еще один, и когда Хорес и Гарри подошли к корту, все трое гостей принялись вежливо приглашать Гарри сыграть с ними сет.

– Возьмите Хореса, – сказал Гарри, явно весьма польщенный. – Он вам даст жару.

Но Хорес отказался, и все трое продолжали приставать к Гарри.

– Ладно, пойду возьму ракетку, – согласился он наконец, и Хорес пошел через корт, следуя за его суетливо виляющим толстым задом.

Белл на мгновение подняла голову.

– Ты нашел место?

– Нашел, – отвечал Гарри, вынимая ракетку. – Там можно будет иногда самому поиграть. Подальше от улицы, чтоб каждый встречный и поперечный не мог увидеть и зайти.

Но Белл уже снова погрузилась в чтение. Гарри отвинтил пресс и снял его с ракетки.

– Сыграю с ними один сет, а потом мы с вами сыграем еще один, пока не стемнело, – сказал он Хоресу.

– Ладно, – согласился Хорес. Он молча наблюдал, как Гарри тяжелым шагом входит на корт и занимает позицию. После первой подачи журнал в руках Белл зашуршал и шлепнулся на стол.

– Пошли, – сказала она, вставая.

Хорес встал и вслед за нею двинулся по лужайке в дом. На кухне возилась Рейчел. Они прошли по комнатам, куда все звуки доносились смутно и приглушенно и где в сгущающихся вечерних сумерках мирно поблескивала еле различимая мебель. Белл взяла Хореса за руку, прижала его руку к своему шелковому бедру и через темный коридор ввела его в музыкальную комнату. Здесь тоже было пусто и тихо, и она остановилась, вполборота повернулась к нему, поцеловала, но тотчас отняла губы и пошла дальше. Он выдвинул из-под рояля скамейку, и, усевшись на ней, они поцеловались еще раз.

– Ты не говорил мне, что любишь, уже давно не говорил, – сказала Белл, касаясь кончиками пальцев его лица и спутанных мягких волос.

– Верно, со вчерашнего дня, – согласился Хорес, но тут же начал говорить, и она, прижавшись к нему грудью, слушала с каким-то жадным сладострастным невниманием,

словно большая тихая кошка, а когда он кончил и нервными топкими пальцами принялся гладить ее по лицу и волосам, отодвинулась, открыла рояль и ударила по клавишам. Она играла наизусть популярные слащавые мелодии, которые можно услышать в любой оперетте, играла поверхностно, с пристрастием к приторным нюансам. Они долго сидели в полумраке, и Белл, снова погружившись в вакуум мимолетной неудовлетворенности, воздвигала в нем искусственный мир, в котором двигалась она – романтическая, тонкая, несколько трагичная Белл, а Хорес сидел с нею рядом, наблюдая одновременно и Белл в придуманной ею самой трагической роли, и себя, Хореса, исполняющего свою собственную роль подобно старому актеру, у которого волосы поредели, уходящий в подбородок профиль расплылся, но который умеет молниеносно отозваться на любую реплику, между тем как актеры помоложе с черной завистью кусают себе пальцы за кулисами.

Вскоре до них донесся тяжелый топот в нечленораздельные раскаты голоса Гарри, который в сопровождении очередного гостя поднимался по лестнице к себе в ванную. Белл перестала играть, опять прильнула к Хоресу и впиалась в его губы долгим поцелуем.

– Это невыносимо, – сказала она, быстрым движением головы отнимая губы от его рта. Оттолкнув от себя его руку, она громко ударила по клавишам, потом оторвалась от рояля и, запустив пальцы в волосы Хореса, с силой притянула его к себе, поцеловала, но тотчас снова отняла губы и проговорила:

– Пересядь подальше.

Хорес послушно отошел. Было уже почти совсем темно, и в полумраке виднелись только очертания ее фигуры – склоненная голова, трагическая неподвижная спина, и, глядя на нее, он вновь почувствовал себя молодым. «Мы все время неожиданно выскакиваем из-за угла, – подумал он. – Как подозрительные старые дамы, шпионящее за служанками. Или нет, скорее как мальчишки, которые пытаются перегнать марширующих солдат».

– Всегда остается развод, – сказал он.

– Как, еще раз выйти замуж?

Руки ее упали на клавиши, и аккорды слились и снова затихли в миноре. Над головой грохотали тяжелым стаккато шаги Гарри, от которых содрогался весь дом.

– Ты будешь никуда не годным мужем.

– Не буду, пока не женюсь, – возразил Хорес. Она сказала:

– Иди сюда, – и он подошел к ней, и в сумерках она показалась ему трагически юной и близкой и снова пробудила в нем щемящее чувство утраты, и он познал печальное плодородие мира и полную надежд безнадежность времени, обманывающую самое себя.

– Я хочу иметь от тебя ребенка. Хорес, – сказала она, и в эту самую минуту ее собственный ребенок прошел по коридору и робко остановился в дверях.

На мгновение Белл превратилась в безобразное, обезумевшее от страха животное. Стремительным грубым движением оторвавшись от Хореса, она изо всех сил ударила по клавишам, и инстинктивный порыв к самозащите охватил ее с такой безумной силой, что неотвратимо нарастающая волна отчаянной злобы, затопив вечерние сумерки, задела даже и Хореса.

– Поди сюда, Титания, – сказал он. Силуэт девочки вырисовывался в дверях.

– Ну, чего тебе? – В голосе Белл явственно зазвучали нотки облегчения.

– Пересядьте подальше! – зашипела она на Хореса. – Чего тебе, Белл?

Хорес отодвинулся от нее, но не встал, – У меня есть для тебя новая сказка, – проговори» он.

Но маленькая Белл все еще робко стояла на месте, словно ничего не слышала, и мать сказала ей:

– Ступай играть, Белл. Почему ты вернулась? Ужин еще не готов.

– Все ушли домой, – отвечала девочка, – мне не с кем играть.

– Тогда отправляйся на кухню и поболтай с Рейчел, – сказала Белл, снова ударив по клавишам. – Ты до смерти мне надоедаешь, слоняясь без деда по дому.

Девочка постояла еще немного, догом послушно повернулась и ушла.

– Пересядь подальше, – еще раз повторила Белл. Хорес сел на стул, и Белл снова заиграла – громко, быстро, с каким-то холодным остервенением.

Над головой снова раздался топот Гарри – они с гостем теперь спускались по лестнице. Гарри что-то говорил, потом голоса удалились и смолили. Белл продолжала играть; в темной комнате все еще витал слепой порыв к самозащите – так судорога мышцы держится еще долгое время после того, как исчез вызвавший ее импульс страха. Не оборачиваясь, Белл спросила:

– Ты останешься ужинать?

– Нет, – отвечал он, внезапно возвращаясь к действительности.

Она не встала вместе с ним, не повернула головы, и он через парадную дверь вышел в поздние летние сумерки и увидел, что над неподвижными деревьями уже мерцает бледная звезда. На дорожке возле самого гаража стоял новый автомобиль Гарри. Сам Гарри копался в моторе, а дворецкий – он же садовник, он же конюх – держал над его нависшей, словно утес, годовой переносную лампу, освещавшую мягким синеватым сиянием склоненную спину Гарри, а также его дочь и Рейчел, которые, держа в руках инструменты и извлеченные из чрева автомобиля детали, с сосредоточенным вниманием на несхожих лицах стояли рядом с ним. Хорес направился к своему дому. Не успел он дойти до угла, где ему надо было сворачивать, как уличные фонари зашипели, мигнули, погасли и снова вспыхнули под сводами листвы на перекрестках.

3

В этот вечер состоялся концерт маленькой Белл – торжественное завершение ее музыкального учебного года. В течение всего вечера Белл ни разу на него не взглянула, не сказала ему ни слова – даже в прощальной суматохе у дверей, когда Гарри пытался зазвать его наверх выпить стаканчик на сон грядущий и когда он на мгновение ощутил ее близость и почувствовал крепкий запах ее духов. Но она не сказала ему ни слова даже и тогда, и он наконец отодвинул Гарри в сторону, закрыл дверь, за которой осталась маленькая Белл и полированный купол Гарри, шагнул в темноту и убедился, что Нарцисса его не дождалась. Она была уже на полдороге к улице.

– Если тебе со мною по пути, пойдем вместе, – крикнул он ей вслед.

Она не ответила, не замедлила шаг, и когда Хорес ее догнал, продолжала идти в том же темпе.

– Интересно, почему взрослые создают себе столько хлопот, заставляя своих детей делать нелепые вещи? – начал он. – Белл собрала полный дом людей, которые ей совершенно ни к чему и большинству которых она не нравится, заставила маленькую Белл сидеть три часа после того, как ей пора ложиться спать, и в результате Гарри напился, Белл в дурном настроении, маленькая Белл так возбуждена, что не сможет уснуть, а мы с тобой жалеем, что не остались дома.

– Зачем же ты тогда к ней ходишь? – спросила Нарцисса.

Хорес внезапно умолк. Они шли через тьму к следующему фонарю, на фоне которого ветви деревьев казались отростками черных кораллов в желтом море.

– Ах, вот оно что, – сказал Хорес. – Я видел, как ты разговаривала с этой старой кошкой.

– Почему ты называешь миссис Мардерс старой кошкой? Потому, что она сообщила мне нечто интересующее меня и, по-видимому, давно известное всем?

– Вот кто, значит, тебе рассказал... А я-то думал... – Он взял ее под руку, но рука ее осталась безответной. – Милая старушка Нарси.

Миновав сквозистые тени под фонарем, они снова вошли в темноту.

– Это правда? – спросила она.

– Ты забываешь, что ложь – это борьба за существование, – сказал он, – способ, при помощи которого слабый человечек приспосабливает обстоятельства к предвзятому понятию о самом себе как о личности, играющей значительную роль в мире. Месть злобным богам, –

Это правда? – настаивала Нарцисса.

Они шли под руку; она мрачно настаивала и ждала, а он мысленно составлял и отбрасывал фразы, при этом ухитряясь еще находить время, чтобы посмеяться над собственным фантастическим бессилием перед лицом ее постоянства.

– Люди обычно не говорят неправду о том, что их не касается, – устало отвечал он. – Они глухи к миру, даже если они не глухи к жизни. За исключением тех случаев, когда действительность оказывается намного интереснее их представления о ней.

Она мрачно и решительно высвободила свою руку.

– Нарси...

– Не смей, – сказала она. – Не смей меня так называть.

На следующем углу, под следующим фонарем, им надо будет сворачивать. Над сводчатым каньоном улицы бледными немигающими глазами смотрели вниз злобные боги. Хорес сунул руки в карманы и некоторое время шел молча, между тем как его пальцы изучали обнаруженный ими в кармане незнакомый предмет.

Он вытащил его – это оказался листок толстой почтовой бумаги, сложенный потопам и пропитанный уже начинавшими выдыхаться крепкими духами. Этот запах, так хорошо ему знакомый, на минуту сбил его с толку – как лицо, которое смотрит на вас с гобелена. Он понимал, что лицо сейчас всплывет, но пока он держал в руке записку, пытаясь отыскать это лицо в лабиринтах охватившей его рассеянности, рядом неожиданно и жестко заговорила его сестра:

– Ты весь пропитался ее запахом. О, Хорри, она такая грязная!

– Знаю, – удрученно отозвался он. – Знаю.

Была уже середина июня, и запах пересаженного мисс Дженни жасмина, волна за волною вливаясь в дом, оставался в нем постоянно, как затихающие отзвуки виолы. Ранние цветы уже отошли, птицы склевали вею землянику и теперь целыми днями сидели па фиговых деревьях, ожидая, когда поспеют плоды; дельфиниум и циннии цвели без всякого участия Айсома, которого, поскольку Кэспи более или менее вернулся в нормальное состояние, а до сбора урожая было еще далеко, можно было найти на теневой стороне живой изгороди, где он огромными садовыми ножницами по одному срезал листья с веток, а когда мисс Дженни возвращалась в дом, уходил из сада и остаток дня лежал на берегу ручья, надвинув на глаза шляпу и придерживая пальцами ног бамбуковую удочку.

Саймон ворчливо слонялся по усадьбе. Его полотняный пыльник в цилиндр собирали пыль и мякину на гвозде в конюшне, а лошадь нагуливала жир, лень и дерзость на лугу. Теперь пыльник и цилиндр снимали с гвоздя, а лошадей запрягали в коляску только раз в неделю – по воскресеньям – для поездки на богослужение в город. Мисс Дженни сказала, что она слишком стара, чтобы ставить под угрозу вечное блаженство, гоня в церковь со скоростью пятьдесят миль в час, что грехов у нее уже столько, сколько она может позволить себе при нормальном образе жизни, и к тому же она должна еще как-то водворить на небеса и душу старого Баярда, особенно теперь, когда они с молодым Баярдом носятся по округе, ежедневно рискуя сломать себе шею. О душе молодого Баярда мисс Дженни не беспокоилась – у него души не было.

Он между тем ездил по ферме и в своей обычной холодной манере подгонял арендаторов-негров или, надев штаны цвета хаки ценою в два доллара и высокие сапоги стоимостью в четырнадцать гиней, возился с сельскохозяйственными машинами и с трактором, который по его настоянию приобрел старый Баярд, – словом, временно превратился в почти цивилизованного человека. В город он теперь ездил лишь изредка и по большей части верхом и в общем проводил свои дни настолько благонаравно, что его дед с тетужкой даже немного нервничали, полагая, что это не к добру.

– Попомните мои слова, – сказала мисс Дженни Нарциссе, когда та снова приехала к ней с визитом. – Он до поры до времени держит свои дьявольские штучки при себе, но в один прекрасный день они все вырвутся наружу, и тогда хлопот не оберешься. Бог знает, что это будет – может, они с Айсомом сядут на автомобиль и на трактор и устроят скачки с препятствиями... А вы зачем к нам пожаловали? Еще письмо получили?

– Я получила еще несколько, – рассеянно отвечала Нарцисса. – Я коплю их, пока не наберется достаточно для книги, и тогда привезу вам все сразу.

Мисс Дженни сидела напротив, прямая, как заправский гвардеец, с присущей ей холодной деловитостью, которая заставляла незнакомых людей и коммивояжеров заикаться в предчувствии неудачи еще до того, как они начинали излагать свои предложения. Гостья сидела неподвижно, положив на колени мягкую соломенную шляпу.

– Я просто заехала вас навестить, – добавила она, и в лице ее на какую-то долю секунды мелькнуло выражение такого глубокого и безнадежного отчаяния, что мисс Дженни выпрямилась еще больше и устремила на гостью пронизывающие серые глаза.

– Что случилось, дитя мое? Надеюсь, этот человек не явился к вам в дом?

– Нет, нет.

Выражение исчезло, но мисс Дженни все еще смотрела на нее своими пронизательными старыми глазами, которые, казалось, видят гораздо больше, чем вы думаете – или хотите.

– Может быть, я немного поиграю на рояле? Я уже давно не играла.

– Ну что ж, – согласилась мисс Дженни, – сыграйте, если вам хочется.

Рояль был покрыт пылью. Нарцисса изящным движением открыла крышку.

– Если вы дадите мне тряпку...

– Ничего, я сама вытру, – заявила мисс Дженни и, задрав подол юбки, принялась яростно тереть клавиши. – Ну вот, теперь все в порядке.

После этого она выдвинула из-за рояля стул и уселась. Задумчиво и с некоторым любопытством она продолжала смотреть на профиль гостьи, но вскоре старинные мелодии разбередили ей память, глаза ее смягчились, и воспоминания о безвозвратно ушедших в небытие днях и все еще не побежденных заботах самой мисс Дженни поглотили и гостью, и тревогу, на мгновение промелькнувшую в ее лице, и она не сразу заметила, что, играя, Нарцисса тихонько плачет.

Мисс Дженни наклонилась вперед и коснулась ее руки.

– А теперь расскажите мне, что случилось, – скомандовала она. И Нарцисса, все еще плача, своим низким контральто рассказала ей все.

– Гм, – произнесла мисс Дженни. – Этого следовало ожидать от человека вроде Хореса, которому больше нечего делать. Не понимаю, почему вы так огорчаетесь.

– Но эта женщина! – Нарцисса вдруг всхлипнула, как ребенок, и закрыла лицо руками. – Она такая грязная!

Мисс Дженни вытащила из кармана юбки мужской носовой платок и протянула его гостье.

– Что вы этим хотите сказать? Она что – не любит умываться?

– Да нет, совсем не то. Она... она... – Нарцисса вдруг отвернулась и опустила голову на рояль.

– Ах, вот оно что. Все женщины таковы, если вы это хотите сказать. – Мисс Дженни сидела все так же подчеркнуто прямо, созерцая опущенные плечи гостьи. – Гм. Хорес потратил на свое образование столько времени, что так ничему и не научился... Но почему вы его не остановили? Неужели вы не видели, к чему все это клонится?

Нарцисса немного успокоилась, перестала плакать, подняла голову и вытерла глаза платком мисс Дженни.

– Это началось еще до его отъезда. Разве вы не помните?

– Верно. Я теперь припоминаю всевозможные бабьи сплетни. Кто же вам все-таки сказал? Хорес?

– Сначала миссис Мардерс. А потом Хорес. Но я никогда не думала, что он... Я никогда не думала... – Она опять закрыла голову руками, уронила ее на рояль и, всхлипывая, произнесла: – Я бы с Хоресом так не поступила.

– Ах, это Сара Мардерс? Можно было бы догадаться... Я ценю сильный характер, даже если он скверный. Однако слезами горю не поможешь, – объявила она, решительно вставая. – Мы подумаем, что тут можно сделать.

Только я бы предоставила ему полную свободу – ему пойдет на пользу, если она возьмет да и сделает из него коврик для вытирания ног. Жаль, что у Гарри не хватает твердости, чтобы... Впрочем, я думаю, что он только обрадуется, я бы на его месте была очень рада... Ну полно, полно, – добавила она, заметив, что Нарцисса встревожилась. – Гарри его не обидит. А теперь утрите слезы, ступайте в ванную и приведите себя в порядок. Скоро вернется Баярд, а вы ведь не хотите, чтоб он видел, как вы плачете, правда?

Нарцисса быстро взглянула на дверь и приложила к лицу платок мисс Дженни.

Потом он будет искать ее по всему дому, выйдет на аллею и в лучах вечернего солнца зашагает через лужайку туда, где она в одном из его любимых белых платьев сидит под дубом, на который каждый вечер прилетает петь свои песни пересмешник. Он принесет ей последнее произведение своего стеклодувного искусства. Теперь их было уже пять – все разных цветов, все доведенные почти до совершенства, и у каждого было свое имя. И всякий раз, закончив их и даже не дав им как следует остынуть, он непременно должен был пройти с ними по лужайке и отнести их туда, где она сидела с книгой или, быть может, со смущенным гостем; он приходил в грязной расстегнутой рубашке, с черным от дыма лицом, чуть-чуть одержимым, одухотворенным и прекрасным, с измазанными сажей руками, в которых покоилась ваза, хрупкая и скромная, как пузырек.

4

Земля на какое-то время приняла его в свое лоно, и он познал то, что называется удовлетворенностью. Он поднимался на рассвете, сажал растения, наблюдал за их ростом и ухаживал за ними; бранил и погонял черномазых и мулов, не давая им стоять без дела; наладил и пустил в ход мельницу, научил Кэспи управлять трактором, а в обод и по вечерам приносил с собой в дом запах машинного масла, конюшни и перегоя; ложился в постель с приятным ощущением отдыха в благодарных мышцах, со здоровым ритмом природы во всем теле и так засыпал. Но порой он вдруг ни с того ни с сего просыпался в мирной темноте своей спальни, весь в поту и натянутый как струна от давнего страха. И тогда мир мгновенно отступал, и он снова превращался в загнанного, попавшего в ловушку зверя высоко в синеве, полного безумной жажды жизни, запутавшегося в той самой коварной материи, которая предала его – того, кто слишком часто испытывал судьбу, и в голове опять всплывала мысль: о, если бы только, когда тебя настигнет пуля, ты мог бы разорваться, взлететь наверх – куда угодно, лишь бы не на землю. Нет, нет, это не смерть наполняет твою глотку блевотиной, а то ощущение взрыва, которое тебе суждено испытать бесчисленное множество раз еще до того, как ты будешь сражен.

Но во всяком случае дни его были полны до краев, и он снова открыл в себе гордость. Теперь он ездил на автомобиле в город за дедом лишь по привычке и, хотя по-прежнему считал, что сорок пять миль в час – всего только крейсерская скорость, уже не упивался холодным дьявольским наслаждением, когда срезал на двух колесах виражи или, ударив бампером в оглоблю фургона, выбивал из упряжки мулов. Старый Баярд все еще требовал, чтобы в поездки он брал его с собой, но теперь чувствовал себя гораздо спокойнее и как-то раз даже поделился с мисс Дженни своей растущей уверенностью в том, что молодой Баярд уже не ищет насильственной смерти.

Мисс Дженни – она была настоящей оптимисткой, то есть всегда ожидала худшего и потому ежедневно испытывала приятное удивление – быстро разрушила его иллюзии. Впрочем, она заставляла молодого Баярда пить побольше молока и вообще со свойственным ей педантизмом следила за его питанием и режимом и иногда по ночам, когда он уже спал, заходила к нему в комнату и сидела у его постели.

Как бы то ни было, молодой Баярд изменился к лучшему. Совершенно не замечая течения дней, он, однако же, полностью погрузился в их монотонную смену, был захвачен ритмом повседневных обязанностей, которые повторялись и повторялись до тех пор, пока его мускулы настолько привыкли к работе, что тело его проводило день за днем без всякого

участия сознания. Ловко обманутый этой древней Далилой-землею⁵⁵, он даже не знал, что ему остригли волосы, не знал, что мисс Дженни и старый Баярд гадают, скоро ли они отрастут опять.

«Ему нужна жена, – думала мисс Джени, – и тогда он, быть может, останется стриженным. Молодая женщина, которая делила бы с ним его заботы. Баярд слишком стар, а у меня слишком много дела, чтобы делить заботы с этим долговязым дьяволом».

Время от времени он встречал в доме Нарциссу, иногда за столом, и все еще чувствовал, что она его избегает и испытывает к нему неприязнь, и порою мисс Дженни наблюдала за ними – задумчиво и с некоторой досадой оттого, что они явно не замечают друг друга.

«Он обращается с вей как собака с хрустальным кувшином, а она смотрят на него, как хрустальный кувшин мог бы смотреть на собаку», – говорила она про себя.

Потом время сева прошло, наступило лето, и он вдруг обнаружил, что ему совершенно нечего делать. Так человек, изумление восстав ото сна, из теплых, солнечных, населенных людьми долин вдруг попадает в края, где среди пустынных пространств громоздятся холодные мрачные пики исступленного горя, а над ними сияют исступленные черные звезды.

Дорога плавной рыжеватой дугою спускалась вниз между соснами, которые жаркий июльский ветер наполнял протяжным гулом, словно проходящий вдалеке поезд, спускалась к зарослям светло-зеленого ивняка, где под каменным мостиком протекал ручеек. На вершине холма низкорослые, похожие на кроликов мулы остановились, негр помоложе слез, снял с повозки сучковатую дубовую жердь и, просунув ее поперек оси между кривыми, перевязанными проволокой спицами, заклинил правое заднее колесо. Затем он снова вскарабкался на шаткую повозку, в которой неподвижно сидел второй негр, постарше, держа в руках плетеные веревочные вожжи и наклонив голову в сторону ручья.

– Чего это там? – спросил старший негр.

– Чего «это»? – отозвался младший.

Старший негр застыл в позе, выражающей сосредоточенное внимание, и молодой тоже прислушался, но не услышал ничего, кроме протяжного завывания ветра в тихих соснах и тягучего посвиста куропатки в их зеленой твердыне.

– Чего ты там слышишь, отец? – еще раз спросил молодой негр.

– Там внизу чего-то треснуло. Может, дерево какое свалилось. – Он дернул вожжи. – Но, но, мулы!

Мулы захлопали длинными кроличьими ушами, повозка зашаталась и докатилась, скрипя и дребезжа заклиненным колесом, оставлявшим в мягкой рыжей пыли блестящую синеватую полосу. У подножья холма дорога пересекала мост и снова поднималась вверх; под мостом в зарослях ивняка, сверкая коричневыми переливами, журчал ручей, а в воде возле моста лежал вверх дном автомобиль. Передние колеса все еще вращались, и мотор, урча на холостом ходу, выпускал мерцающую струю выхлопных газов. Подъехав к мосту, старший негр остановил мулов, и оба неподвижно устали на длинное брюхо автомобиля.

– Он там! – воскликнул молодой негр. – Он в воде, под этой штукой. Вон его ноги торчат, я их вижу.

– Он наверняка там утонет, – с интересом и неодобрением произнес старший, после чего оба негра слезли с повозки, и младший скатился вниз по берегу ручья. Старший аккуратно намотал вожжи на одну из перекладин, поддерживающих днище повозки на раме, сунул под сиденье свой околенистый прут из гикори, вытащил из колеса жердь и положил ее в повозку. Потом тоже осторожно скатился по берегу туда, где, рассматривая погруженные в воду ноги Баярда, сидел на корточках его сын.

⁵⁵ ...этой древней Далилой... остригли волосы... – библейская аллюзия. Согласно Библии, коварная Далила, возлюбленная непобедимого героя Самсона, выведала у него, что он лишится своей великой силы, только если потеряет волосы, усыпила его, остригла и выдала филистимлянам. В плену волосы на голове Самсона, ослепленного врагами, отросли, сила вернулась к нему, и он обрушил храм филистимлян, погибнув вместе со «всем народом, бывшим в нем».

– Ты, парень, близко к этой штуке не подходи, – сказал он. – Того и гляди взорвется. Ты что, не слышишь, как у ней там внутри ревет?

– Надо этого парня вытащить, – отвечал ему сын. – Он утонет.

– Не смей его трогать. Белые скажут, что это мы виноваты. Подождем, может, какой-нибудь белый проедет.

– А он пока что захлебнется там в воде, – возразил молодой негр. Он босиком вошел в воду, остановился, и сверкающие коричневые струи начали обтекать его тощие черные икры.

– Эй, Джон Генри! Отойди от этой штуковины! – крикнул ему отец.

– Надо его оттуда вытащить, – настаивал юноша, и оба негра – старший на берегу и младший в воде – затеяли беззловобную перебранку, а вода тем временем плескалась вокруг носков Баярдовых ботинок. Потом молодой негр с опаской приблизился к Баярду, взял его за ногу и потянул. Тело отозвалось, двинулось, снова застряло, и тогда старший негр, сердито ворча, сел на землю, снял башмаки и тоже влез в воду.

– Он там застрял, – сказал Джон Генри, сидя на корточках в воде и просунув руки под автомобиль. – Застрял за рулевым колесом. А голова не совсем под водой. Дай-ка я возьму жердь.

Он вскарабкался на берег, вытащил из повозки дубовую жердь и вернулся к отцу, который невозмутимо с любопытством и неодобрением созерцал Баярдовы ноги, и с помощью жерди они вдвоем приподняли автомобиль и вытащили Баярда. Потом они отнесли его на берег, и он, раскинув руки, лежал на солнцепеке, а оба негра, переминаясь с ноги на ногу и выжимая свои комбинезоны, смотрели на его спокойное мокрое лицо, спутанные волосы и ботинки, из которых текла вода.

– Никак это полковника Сарториса внук, – проговорил наконец старший негр. Сердито ворча и пыхтя, он тяжело опустился на песок и стал надевать башмаки.

– Да, сэр, – подтвердил его сын. – Он мертвый?

– А неужели ж нет? – с досадой отозвался отец. – После того-то, как этот ихний томобиль свалился с этого моста с ним вместе, а потом придавил его в ручье. Что ж с ним тогда, если он не мертвый? И что ты скажешь властям, когда тебя спросят, как ты его нашел? Вот что ты мне ответь.

– Скажу, что ты мне помогал.

– А я тут при чем? Я, что ли, эту ихнюю штуковину с моста толкал? Слышь, как она там ревет да стучит? Отойди, пока не взорвалась.

– Давай-ка лучше отвезем его в город. Вдруг тут сегодня больше никто не проедет, – сказал Джон Генри. Нагнувшись, он поднял Баярда за плечи и придал ему сидячее положение. – Помоги мне втащить его на берег.

– А я тут при чем? – повторил отец, однако же наклонился и взял Баярда за ноги. Когда его подняли, он, не приходя в сознание, застонал.

– Ишь ты! Слыхал? Он не мертвый! – воскликнул Джон Генри.

Но Баярд с таким же успехом мог быть и мертвым – его длинное тело неподвижно повисло, а голова беспомощно билась о плечо Джона Генри. Оба негра, крепко вцепившись в него, повернули к дороге.

– Полезай наверх! – воскликнул Джон Генри.

С трудом вскарабкавшись по осыпающемуся склону, они поднялись на дорогу, и здесь старший опустил ноги Баярда на землю и перевел дух.

– Уф! Тяжелый, как бочка с мукой.

– Давай положим его на повозку, – сказал Джон Генри.

Отец снова нагнулся, они подняли Баярда, к мокрым ногам которого прилипли комки красной пыли, и, пыхтя, взвалили его на повозку.

– Ни дать ни взять мертвяк. Я сяду назад и буду держать ему голову, чтобы об дно не билась.

– Вытащи жердь, зачем ты ее там в ручье бросил? Джон Генри спустился вниз, достал жердь, снова забрался в повозку и положил себе на колени голову Баярда. Отец его размотал

вожжи, уселся на продавленное сиденье и взял в руки прут.

– Не люблю я такие дела, – сказал он. – Но, но, мулы!

Мулы дернули, и повозка снова двинулась вперед. Позади остался лежать в ручье перевернутый вверх колесами автомобиль. Мотор его все еще работал на холостом ходу.

Владелец автомобиля, безжизненный и неподвижный, болтался из стороны в сторону на тряской повозке. Так они проехали несколько миль. Джон Генри своей рваной соломенной шляпой закрывал от солнца лицо белого человека. Потом тряска усилилась, и Баярд опять застонал.

– Езжай потише, отец, а то он от тряски просыпается, – сказал Джон Генри.

– Еще чего. Я этот ихний томобиль с моста не толкал. Мне надо в город, а потом домой. Веселей, мулы!

Джон Генри попытался уложить Баярда поудобнее, чтобы его не так трясло, и Баярд снова застонал и поднес руку к груди. Потом он пошевелился, открыл глаза, но тотчас снова зажмурился от солнца. Лежа головой на коленях у Джона Генри, он стал браниться. Потом снова пошевелился, пытаясь сесть. Джон Генри не пускал его, и тогда он опять открыл глаза и начал вырываться у него из рук.

– Пусти, черт бы тебя побрал! Мне больно, – сказал он.

– Да, сэр, капитан, пожалуйста, лежите тихо... Баярд изо всех сил дернулся, схватился рукою за бок, между его растянутыми губами сверкнули зубы, а пальцы второй руки, как железные крючья, вцепились в плечо Джона Генри.

– Стой! – заорал он, уставившись диким взором в затылок старшего негра. – Останови его, заставь его остановиться! У меня из-за него все ребра наружу вылезут.

Он снова выругался и, пытаясь встать на колени, опять схватился одной рукой за бок, а другой за плечо Джона Генри. Старший негр обернулся и посмотрел на него.

– Стукни его чем-нибудь! – кричал Баярд. – Заставь его остановиться. Мне больно, черт бы вас всех побрал!

Повозка остановилась. Баярд теперь стоял на четвереньках, и его свисающая голова болталась из стороны в сторону, как у раненого зверя. Оба негра невозмутимо на него смотрели, и он, все еще держась рукою за бок, попытался выбраться из повозки. Джон Генри прыгнул наземь, чтоб ему помочь, и тогда он потихоньку вылез и с судорожной ухмылкой на бескровном потном лице оперся о колесо.

– Садитесь обратно, капитан, – сказал Джон Генри, – поедем в город к доктору.

Глаза Баярда, казалось, тоже побледнели. Он прислонился к повозке, облизывая губы. Потом сел на обочину и принялся расстегивать пуговицы на рубашке. Оба негра молча за ним наблюдали.

– Есть у тебя нож, парень? – спросил Баярд.

– Да, сэр.

Джон Генри достал нож и, следуя указаниям Баярда, разрезал ему рубашку. Потом с помощью негра Баярд плотно обвязал ею грудь и встал на ноги.

– Папироса есть?

Папиросы у Джона Генри не было.

– У отца есть немножко жевательного табаку, – предложил он.

– Ладно, дай горсточку.

Они дали ему горсть табаку и помогли снова забраться в повозку и сесть на сиденье. Старший негр взялся за вожжи. Повозка со звоном и дребезжаньем покатила по красной пыли, из тени на солнце, вверх и вниз по склонам холмов. Баярд держался за грудь, жевал табак и не переставая ругался. При каждом толчке, при каждом вдохе сломанные ребра больно впивались ему в тело, а повозка все катилась и катилась, из тени на солнце и снова в тень.

Наконец последний холм остался позади, дорога вырвалась из тени на плоскую безлесную равнину и влилась в шоссе. Здесь повозка остановилась, и под палящим солнцем, обжигавшим его плечи и непокрытую голову, Баярд вступил в спор со старшим негром, который ни за что не хотел везти его домой. Баярд ярился и бушевал, негр ворчал, но твердо

стоял на своем, и тогда Баярд отнял у него вожжи и, нахлестывая ими изумленных мулов, во весь опор погнал их вперед.

Последняя миля была самой тяжелой. Со всех сторон к мерцающим в дымке холмам уходили возделанные поля. Земля, пропитанная зноем, ворочалась и перекатывалась и, опьяненная зноем, источала его всеми своими порами, как дыхание алкоголика источает запах винного перегара. Редкие низкорослые деревья вдоль дороги не давали никакой тени, и мулы, задыхаясь в поднятой их же копытами пыли, перешли на медленный, доводящий до бешенства шаг. Баярд вернул негру вожжи и, закрыв глаза, перед которыми плавали красные круги, вцепился в сиденье, ощущая только ужасную жажду и чувствуя, что теряет сознание. Негры тоже поняли, что у него плохо с головой, и младший снял свою рваную шляпу и отдал ее Баярду.

Мулы с их забавными длинными ушами принимали фантастические очертания, бессмысленно расплываясь, уплывая и выплывая вновь. Временами появлялось ощущение, будто они движутся назад, без конца проползая мимо одного и того же дерева или телефонного столба, и ему казалось, что все они – три человека, два мула и дребезжащая повозка – попали в какую-то страшную мельницу и мечутся по бесконечному, бесцельному и безысходному кругу.

Наконец, когда он уже совсем перестал воспринимать окружающее, повозка въехала в железные ворота. На его голые плечи упала тень, он открыл глаза, и перед ним, плавающая в бледном тумане, как мираж, возник его собственный дом. Тряска прекратилась, негры помогли ему сойти, и младший пошел с ним к ступенькам, поддерживая его под руку. Но Баярд оттолкнул его, поднялся наверх и прошел через веранду. После яркого наружного света в прихожей нельзя было ничего разобрать, и он на секунду остановился, моргая глазами и шатаясь от подступающей тошноты. Потом из тьмы выплыли белки Саймона.

– Господи Боже ты мой, да что это опять с вами случилось? – спросил Саймон.

– Саймон? – Баярд зашатался и, пытаясь сохранить равновесие, наткнулся на что-то в темноте. – Саймон.

Саймон быстро подошел и взял его за руку.

– Говорил я вам, что этот томобиль вас прикончит, говорил я вам!

Обхватив Баярда за талию, он повел его к лестнице, но тот не хотел подниматься, и тогда Саймон через прихожую провел его в кабинет, где он остановился, держась за стул.

– Ключи, – заплетающимся языком выговорил он. – Тетя Дженни. Дай выпить.

– Мисс Дженни уехала в город с мисс Бенбоу, – отозвался Саймон. – Никого нет, никого, одни черномазые. Говорил я вам! – завопил он снова, ощупывая Баярда. – Крови нет. Идите, ложитесь на диван, мистер Баярд.

Баярд двинулся вперед. Хотя Саймон его поддерживал, он зашатался, обошел стул, упал на него и схватился за грудь.

– Крови нет, – бормотал Саймон.

– Ключи, – повторил Баярд. – Достань ключи.

– Да, сэр, сейчас достану.

Саймон продолжал бестолково ощупывать Баярда, пока тот, выругавшись, в ярости его не оттолкнул. Все еще со стоном повторяя «крови нет», Саймон повернулся и суетливо выбежал из комнаты. Баярд сидел, наклонившись вперед и держась руками за грудь. Он слышал, как Саймон поднялся по лестнице и затопал над головой. Потом Саймон вернулся, и Баярд стал смотреть, как он открывает конторку и достает графин с серебряной пробкой. Он поставил графин обратно, снова выбежал, вернулся со стаканом и увидел, что Баярд стоит возле конторки и пьет прямо из графина. Саймон посадил его обратно на стул и наполнил стакан. Потом принес ему папиросу и в отчаянии бестолково засуетился вокруг него.

– Разрешите мне позвать доктора, мистер Баярд.

– Нет. Дай еще выпить. Саймон повиновался.

– Это уже будет три стакана. Разрешите, я позову мисс Дженни и доктора, пожалуйста, мистер Баярд, сэр.

– Нет. Оставь меня в покое. Уходи отсюда.

Он выпил и этот стакан. Тошнота и фантастические видения исчезли, и ему стало лучше. При каждом вдохе в бок впивались горячие иглы, и он старался дышать неглубоко. Если б он только мог вспомнить... Да, ему стало гораздо лучше, и поэтому он осторожно поднялся, подошел к конторке и выпил еще. Правильно Сэрат говорил – это лучшее лекарство от любой раны. Как в тот раз, когда его ранило трассирующей пулей в живот, и желудок принимал только молоко с джином. Ну, а это чепуха – подумаешь, вдавило пару ребер. Чтоб закрутить его фюзеляж струной от рояля, десяти минут хватит. Не то что Джонни. Ему вся эта дрянь попала прямо в бок. Проклятый мясник даже нисколько не поднял прицел. Не забыть бы, что не надо глубоко дышать.

Он медленно пересек комнату. В полутемной прихожей перед ним мельтешил Саймон, который размахивал руками, глядя, как он медленно поднимается по лестнице. Он вошел в свою комнату – в комнату, которая принадлежала ему и Джону, – прислонился к стене и постоял немного до тех пор, пока снова смог делать неглубокие вдохи. Потом направился к стенному шкафу, открыл его и, осторожно опустившись на колени и держась рукою за бок, открыл стоявший там сундук.

В сундуке лежало всего несколько вещей: какая-то старая одежда, маленькая книжечка в кожаном переплете, патрон дробовика, к которому была прикручена проволокой высохшая медвежья лапа. Это был первый медведь Джонни и патрон, которым он застрелил его в долине реки около фермы Маккалема, когда ему было двенадцать лет. Книга была Новый Завет; на форзаце стояла выцветшая коричневая надпись: «Моему сыну Джону в день его семилетия 16 марта 1900 года от мамы». У него имелась точно такая же; в тот год дедушка распорядился остановить утренний товарный поезд, чтобы отвезти их в город, где они должны были ходить в школу. Одежда представляла собой парусиновую охотничью куртку, она была запятнана и забрызгана тем, что когда-то было кровью, изодрана колючками и все еще пропитана слабым запахом селитры.

Не поднимаясь с колен, он по очереди вынул из сундука все эти предметы и сложил на полу. Потом снова взял куртку, чуть-чуть г отдающую кислым запахом плесени, и на него повеяло жизнью и теплом. «Джонни, – прошептал он, – Джонни». Вдруг он поднес куртку к липу, но тут же остановился и, держа ее в поднятой руке, быстро глянул через плечо. Мгновенно успокоившись, он повернул голову, упрямо и вызывающе поднял куртку и, прижавшись к ней лицом, еще некоторое время стоял на коленях.

Потом он встал, взял книгу, охотничий трофей и куртку, подошел к комоду, снял с него фотографию Джона в клубной столовой Принстонского университета, сунул ее под мышку вместе с остальными вещами, спустился с лестницы и вышел через черный ход. Когда он выходил, Саймон как раз проезжал по двору в коляске, а Элнора низким мягким голосом монотонно выводила одну из своих бесконечных мелодий.

За коптильней притулился черный котел и стояли деревянные лохани, в которых Элнора в хорошую погоду стирала. Сегодня у нее как раз была стирка, с веревок свисало мокрое белье, а под котлом в мягкой золе еще клубился дымок. Он перевернул ногой котел, откатил его в сторону, принес из дровяного сарая охапку смолистых сосновых поленьев и бросил их на золу. Скоро занялось пламя, бледное в солнечном свете, и, когда поленья разгорелись, он бросил в огонь куртку, Евангелие, трофей и фотографию и, тыкая в них палкой, переворачивал до тех пор, пока они не сгорели. Из кухни слышалось монотонное пение Элноры. Ее низкий мягкий голос печально и скорбно разносился по солнечным далям. Только бы не забыть, что нельзя глубоко дышать.

Саймон мчался в город, но его уже опередили. Негры рассказали одному лавочнику, что нашли Баярда на дороге, новость достигла банка, и старый Баярд послал за доктором Пибоди. Но доктор Пибоди уехал ловить рыбу, и поэтому он позвал доктора Олфорда, и когда они ехали в автомобиле доктора Олфорда, на окраине города им встретился Саймон. Саймон повернул назад и поехал за ними следом, но когда он добрался до дому, Баярду уже дали наркоз и временно лишили его способности натворить еще каких-нибудь бед, а когда через

час ничего не подозревающие мисс Дженни и Нарцисса въехали в аллею, он уже был перевязан и снова пришел в сознание. Они ничего не слышали о случившемся. Мисс Дженни не узнала автомобиля доктора Олфорда, но при виде чужой машины, стоявшей у дома, сразу же сказала:

– Этот идиот в конце концов разбился, – и, выйдя из автомобиля Нарциссы, прошествовала в дом и поднялась по лестнице наверх.

Баярд, бледный, тихий и немного смущенный, лежал в постели. Старый Баярд и доктор как раз уходили, и мисс Дженни дождалась, чтоб они вышли из комнаты. После этого она принялась в ярости кричать и браниться и гладить его по голове, а Саймон, кривляясь и подпрыгивая в углу за кроватью, твердил:

– Правильно, мисс Дженни, правильно! Я ему все время говорил!

Затем она оставила его и спустилась на веранду, где стоял доктор Олфорд, совершая по всей форме церемонию отбытия. Старый Баярд ждал его в автомобиле, и при появлении мисс Дженни доктор снова принял свой обычный чопорный вид, завершил церемонию и вместе со старым Баярдом уехал.

Мисс Дженни оглядела веранду, заглянула в прихожую.

– А где же... – сказала она и громко позвала: – Нарцисса!

Откуда-то послышался ответ.

– Где вы? – спросила мисс Дженни.

Ответ послышался снова, и мисс Дженни вошла обратно в дом и в полумраке увидела белое платье Нарциссы, сидящей на табурете у рояля.

– Он пришел в себя, – сказала мисс Дженни, – можете к нему зайти.

Нарцисса встала и повернулась лицом к свету.

– Что это с вами? – вскрикнула мисс Дженни. – У вас вид во сто раз хуже, чем у него. Вы бледны как полотно.

– Ничего, – отвечала девушка. – Я...

Она с минуту смотрела на мисс Дженни, прижав руки к бедрам.

– Мне пора ехать. Уже поздно, и Хорес... – пролепетала она, выходя в прихожую.

– Вы что, не можете подняться и поговорить с ним? – с удивлением спросила мисс Дженни. – Крови там нет, если вы этого боитесь.

– Да не в этом дело, – отвечала Нарцисса. – Я не боюсь.

Мисс Дженни подошла и окинула ее пронизательным, любопытным взглядом.

– Ну что ж, – мягко сказала она, – как хотите. Я просто подумала, что, раз уж вы здесь, вам захочется самой убедиться, что он цел и невредим. Но раз вам не хочется, то и не надо.

– Нет, нет, мне очень хочется. Я найду.

Пройдя мимо мисс Дженни, она направилась к лестнице, остановилась, дождалась мисс Дженни и, отвернувшись от нее, быстро пошла наверх.

– Да что это с вами? – спрашивала мисс Дженни, стараясь заглянуть ей в лицо. – Что с вами случилось? Уж не влюбились ли вы в него?

– Влюбилась? В него? В Баярда?

Нарцисса остановилась, потом опять побежала наверх, крепко держась рукой за перила. Она тихонько засмеялась и приложила другую руку к губам. Мисс Дженни, пронизательная, любопытная и холодная, не отставала от нее ни на шаг. Нарцисса быстро бежала по лестнице. На площадке верхнего этажа она остановилась и, все еще отворачивая лицо от мисс Дженни, пропустила ее вперед, потом подошла к двери и прислонилась к косяку, стараясь подавить смех и дрожь. После этого она направилась в комнату, где за ней наблюдала, стоя у кровати, мисс Дженни.

В комнате еще стоял тошнотворный сладковатый запах эфира, и она, как слепая, подошла к кровати и остановилась, спрятав за спиной сжатые в кулаки руки. Лицо Баярда, спокойное и бледное, напоминало гипсовую маску, омытую легкой волной отработанного неистовства; он смотрел на нее, и она некоторое время не отрывала от него взгляда, а потом мисс Дженни, и комната, и все вокруг поплыло и закружилось у нее перед глазами.

– Ах вы, дикий зверь! – прошептала она. – Почему вам непременно нужно проделывать

свои фокусы у меня на глазах?

– Я не знал, что вы там были, – тихо, с изумлением отвечал Баярд.

По просьбе мисс Дженни она несколько раз в неделю приезжала, сидела у его постели и читала ему вслух. Он совершенно не интересовался книгами и по собственному желанию едва ли когда-нибудь прочел хоть одну, но теперь спокойно лежал в гипсе, слушая, как ее глубокое контральто звучит в тишине комнаты. Иногда он делал попытки с ней заговорить, но она игнорировала их и читала дальше, а если он настаивал, поднималась и уходила. Скоро он научился лежать с закрытыми глазами и в одиночестве бродить по бесплодным пустыням своего отчаяния, между тем как голос ее все звучал и звучал, покрывая доносившиеся издали звуки – воркотню мисс Дженни по адресу Айсома или Саймона в комнатах или в саду, щебетанье птиц на дереве за окном, бесконечные стоны водяного насоса под сараем. Иногда она умолкала, взглядывала на пего и убеждалась, что он мирно спит.

5

Старик Фолз, пройдя сквозь пышную июньскую зелень, явился в город с первыми, еще горизонтальными лучами утреннего солнца и в своем аккуратном запыленном комбинезоне сидел теперь напротив старого Баярда, одетого в безупречную белую рубашку с цветком алой, как свежая кровь, герани в петлице. В комнате было прохладно и тихо, в окна вливался прозрачный свет раннего утра, и порою залетала пыль, поднятая на улице дворником-негром. Теперь, когда старый Баярд достиг преклонного возраста, оглох и закослел в своих неизменных привычках, он стал все больше и больше окружать себя предметами по своему образу и подобию и у него появилась невероятная способность выбирать слуг, которые соответствовали его жизненному укладу по причине своей безнадежной никчемности и лени. Дворник, который величал старого Баярда генералом и которого старый Баярд и все его клиенты, коим он без конца, хотя и весьма небрежно и нерадиво оказывал разные мелкие услуги, именовали Доктор Джонс, был одним из них. Черный, сторбленный от старости и от сварливого характера, он садился на шею каждому, кто это позволял, и старый Баярд с утра до вечера его бранил, но сквозь пальцы смотрел на то, как он ворует у него табак, ведрами таскает уголь, запасенный на зиму для отопления банка, и продает его другим неграм.

Окно, у которого сидел старый Баярд со своим гостем, выходило на пустой участок, заваленный всякой рухлядью и заросший пыльными сорняками. Его окружали задние стены одноэтажных дощатых строений, в которых ютились всевозможные мелкие, часто безымянные коммерческие предприятия вроде ремонтных мастерских и лавок старьевщиков. Днем участок использовали сельские жители под стоянку для своих упряжек. Здесь уже стояло несколько мулов, сонно жующих жвачку, а над испускающим тяжелый запах аммиака пометом многих поколений этого долготерпеливого племени вились говорливые стайки воробьев, между тем как голуби, скрипя, словно ржавые петли от ставен, пробирались бочком, чистили перышки или расхаживали в гордом и хищном великолепии, переговариваясь между собой глухим гортанным воркованьем.

Старик Фолз сидел у набитого мусором камина и чистым синим платком вытирал себе лицо.

– Это все мои проклятые старые ноги, – извиняющимся голосом выкрикивал он, – раньше я, бывало, пройду миль двенадцать – пятнадцать на какой-нибудь там пикник или певческий праздник – и хоть бы что, а теперь еле-еле три мили до города проплелся.

Он вытирал платком лицо, загорелое и бодрое лицо старика, скоротавшего свой век на простой и обильной земле.

– Похоже, что они у меня скоро и вовсе отнимутся, а ведь мне еще только девяносто три стукнуло.

Он продолжал вытирать себе лицо, держа в другой руке пакет, словно и не собирался его развязывать.

– Почему ты не мог посидеть на дороге, пока не проедет попутная повозка? – прокричал

старый Баярд. – Всегда какой-нибудь болван с возом сорняков тащится в город.

– Пожалуй что и мог, – согласился Фолз. – Да только если б я так быстро сюда приехал, я б себе весь праздник испортил. Я ведь не такой, как вы, городские. У меня нет столько времени, чтоб его вперед подгонять.

Он убрал платок, встал, осторожно положил пакет на каминную доску и вытащил из кармана рубахи какой-то маленький предмет, завернутый в чистую ветхую тряпицу. Вскоре в его осторожных медлительных пальцах появилась оловянная табакерка; от старости и частого употребления она давно уже отполировалась и светилась тусклым серебряным блеском. Старый Баярд сидел и смотрел, терпеливо смотрел, как он снимает крышку и осторожно откладывает ее в сторону.

– А теперь повернитесь лицом к свету, – скомандовал старик Фолз.

– Люш Пибоди говорит, что у меня от этой мази заражение крови делается, Билл.

Фолз, продолжая свои неторопливые приготовления, сосредоточенно поглядел на Баярда невинными голубыми глазами.

– Люш Пибоди этого не говорил, – спокойно возразил он. – Это вам какой-нибудь молодой доктор сказал, Баярд. Повернитесь лицом к свету.

Старый Баярд сидел прямо, прислонившись к спинке кресла и положив руки на подлокотники, серьезно глядел на гостя пронизательными старыми глазами, полными чего-то непостижимого, внимательными и печальными, как глаза старого льва.

Старик Фолз подцепил одним пальцем комок темной мази, осторожно поставил табакерку на свой освободившийся стул и поднес руку к лицу старого Баярда. Однако старый Баярд хотя и вяло, но все еще сопротивлялся, глядя на него с чем-то неизъяснимым в глазах. Старик Фолз мягко, но решительно повернул его лицом к свету.

– Ну, ну. Я уже не молод, и у меня нет времени вредить людям. Сидите смирно, а то я могу запачкать вам лицо. Рука у меня уже не такая твердая, чтоб снимать ружейные пули с раскаленной печки.

После этого старый Баярд сдался, и старик Фолз быстрыми ловкими движениями намазал ему шишку мазью. Потом он взял клочок тряпки, снял излишек мази, вытер пальцы, бросил тряпку в камин, тяжело опустился на колени и поднес к ней спичку.

– Мы всегда так делаем, – пояснил он. – Моя бабушка достала это снадобье у индианки из племени чокто⁵⁶ еще лет сто тридцать назад. Никто из нас никогда не знал, что это такое, но следов оно не оставляет.

Он тяжело поднялся и отряхнул колени. Потом так же неторопливо и аккуратно закрыл крышкой табакерку, убрал ее, снял с каминной доски пакет и опять уселся на стул.

– Завтра мазь почернеет, а когда она чернеет, она действует. Не мочите лицо водой до утра, а через десять дней я опять приду и намажу еще раз, а на... – он задумался и стал медленно загибать узловатые пальцы, беззвучно шевеля губами, – на девятый день июля все отвалится. Только не давайте мисс Дженни и всем этим докторам вас запугивать.

Он сидел, держа на сдвинутых коленях пакет, и теперь, неукоснительно следуя заведенному исстари ритуалу, принялся его развязывать, дергая розовую тесемку так медленно, что человек помоложе наверняка бы не выдержал и начал на него кричать. Старый Баярд, однако, просто закурил сигару и вытянул ноги на каминную решетку, и в конце концов старик Фолз развязал узел, снял тесемку и повесил ее на подлокотник своего стула. Тесемка упала на пол, и тогда он нагнулся, поднял ее, повертел в своих толстых, коротких пальцах и снова повесил на подлокотник, проследив за ней еще некоторое время на случай, если она снова упадет, а потом развернул пакет. Сверху лежала картонная коробка с жевательным табаком, и он вынул одну плитку, понюхал, повертел в руке и понюхал еще раз. Потом, не откусив ни кусочка, отложил ее в сторону вместе с остальными плитками и стал рыться

⁵⁶ ...из племени чокто... – Индейское племя чокто в конце XVIII в. населяло южные районы штата Миссисипи.

дальше. Выудив в конце концов бумажный кулек, он открыл его и невинными мальчишескими глазами с жадным любопытством заглянул внутрь.

– Да, сказать по чести, мне иной раз даже стыдно, что я такой страшный сластена. До смерти люблю сласти, – сказал он.

Все еще бережно держа другие предметы на коленях, он перевернул кулек вверх дном и вытряс на ладонь два или три полосатых, похожих на креветок предмета, сунул один в рот, а остальные отправил на место.

– Боюсь, скоро у меня зубы выпадать начнут, и тогда придется мне конфеты сосать или одни мягкие есть. А я мягкие конфеты всегда терпеть не мог.

Его дубленая щека размеренно надувалась и опадала, как бы при выдохе и вдохе. Он снова заглянул в кулек и взвесил его на руке.

– Было время, году эдак в шестьдесят третьем или четвертом, когда за такой кулек конфет участок земли купить можно было, да еще парочку черномазых в придачу. Много раз, когда дела у нас плохо шли – ни сахару, ни кофе, есть нечего, – украдешь, бывало, кукурузы да и ешь, а не найдешь, чего украсть, так и траву из канавы жуешь, как на бивуаке ночью под дождем стояли, вот оно как было... – Голос его замер среди древних призраков стойкости духа и тела, в краях блистательных, но бесполезных порывов, где такие духи обитают. Он крикнул и снова взял в рот мятную конфету.

– Как сейчас помню тот день, когда мы от армии Гранта⁵⁷ уходили и на север двигались. Грант тогда был в Гренаде⁵⁸, и полковник нас собрал, мы сели на лошадей и соединились с Ван Дорном⁵⁹. Это было, еще когда полковник на том серебристом жеребце ездил. Грант все стоял в Гренаде, а Ван Дорн однажды взял да и двинул на север. Зачем – мы не знали. Полковник, тот, может, и знал, да нам не говорил. Впрочем, нам оно и ни к чему было – раз мы все равно к дому шли.

– Ну вот, мы и ехали сами по себе, чтоб потом с остальными соединиться. По крайней мере, остальные думали, что мы с ними соединимся.

Но полковник, тот по-другому думал – у него еще кукурузу не обработали, вот он и решил на время домой завернуть. Мы не бежали, – пояснил он. – Мы просто знали, что Ван Дорн неделю-другую и один продержится. Он ведь всегда держался. Храбрый был парень, – сказал старик Фолз, – очень храбрый парень.

– Все они тогда храбрые были, – согласился старый Баярд, – да только вы, ребята, слишком часто бросали воевать и по домам разбегались.

– Ну и что ж такого, – сердито возразил старик Фолз. – Даже если вся округа полна медведей, человек не может все время за ними гоняться. Ему надо иной раз передышку сделать – хотя бы чтоб лошадям и собакам роздых дать. Да только те лошади и собаки не хуже любых других могли идти по следу, – задумчиво и гордо добавил он. – Конечно, не каждый мог за тем дымчатым жеребцом угнаться. Во всей конфедератской армии его только одна-единственная лошадь обскакать могла – та, что Зеб Фозергил с одной конной заставы у Шермана⁶⁰ угнал, когда он в последний раз в Теннесси ездил.

⁵⁷ Грант Улисс Симпсон (1822-1885) – генерал федеральной армии в Гражданской войне; с марта 1884 г. – главнокомандующий всеми войсками северян. Здесь и далее речь идет о кампании на территории штата Миссисипи в конце 1862 – первой половине 1863 г., которая закончилась взятием после длительной осады важной крепости южан – города Виксбурга.

⁵⁸ Гренада – город в 45 милях от Оксфорда, где в декабре 1862 года находился штаб армии Гранта.

⁵⁹ Ван Дорн Эрл (1820-1863) – генерал армии конфедератов, совершивший в декабре 1862 года дерзкий кавалерийский рейд в тылы противника, где ему удалось захватить и уничтожить крупные склады федеральной армии в городе Холли-Спрингс, который расположен в 30 милях к северу от Оксфорда.

⁶⁰ Шерман Уильям (1820-1891) – генерал федеральной армии, талантливый полководец, «правая рука генерала Гранта».

Никто из наших знать не знал, зачем Зеб туда ездит. Полковник говорил, что он просто лошадей ворует.

Он и правда всегда хоть одну, да приведет. Однажды он привел семь таких дохлых кляч, каких на всем свете не сыщешь. Хотел обменять их на мясо и маисовую муку, да только никто их не брал. Тогда он решил отдать их пехоте, но пехота и та от них отказалась. В конце концов он их отпустил, явился в штаб Джо Джонетона и сказал, чтоб ему заплатили за тот десяток, который он кавалерии Форреста продал. Не знаю, какой ему дали ответ. Нейт Форрест не хотел их брать. Их навряд ли даже и в Викасбурге съели... Я никогда не доверял Зебу Фозергилу, уж очень он часто в одиночку туда-сюда ездил. Впрочем, в лошадях он толк знал, и когда, бывало, на войну уедет, обязательно доброго коня домой приведет. Но такого, как этот, он больше ни разу не добывал.

Щека у него опала, и он вытащил карманный нож, отрезал кусочек табаку и губами подобрал его с лезвия. Потом завернул пакет и снова завязал его тесемкой. Пепел сигары старого Баярда легонько трепетал на ее тлеющем кончике, но еще не осыпался.

Старик Фолз аккуратно сплюнул коричневую слюну в холодный камин.

– В тот день мы были в округе Кэлхун⁶¹, – продолжал он. – Стояло славное летнее утро, люди и лошади поели, отдохнули и резво скакали по полям и лесам, кругом пели птички, и крольчата через дорогу прыгали. Полковник и Зеб ехали бок о бок на этих самых двух конях – полковник на Юпитере, а Зеб на своем двухлетнем гнедом – и, как всегда, друг перед дружкой похвалялись. Юпитера полковничьего мы все знали, ну а Зеб, тот твердил, что он ничью пыль глотать не станет. Дорога шла прямо по долине к реке, и Зеб все приставал да приставал к полковнику, пока тот не сказал: «Ну ладно». Он велел нам ехать вперед, а они, мол, с Зебом будут нас у моста дожидаться – эдак с милню от того места, а потом они оба встали рядом и поскакали.

Я таких добрых коней сроду не видывал. Рванули они с места словно пара ястребов – ноздря в ноздю. Мы и оглянуться не успели, ан их уж и след простыл, пыль столбом, и только по ней за ними уследить можно – ровно томобили эти нынешние посередь дороги летят. Как добрались они туда, где дорога к реке спускалась, полковник Зеба ярдов на триста обошел. Там под холмом протекал ручеек, и когда полковник взлетел на гребень, он увидел целую роту янки – лошади на привязи, ружья составлены в козлы, а сами кавалеристы сидят у ручья и обедают. Полковник потом рассказывал: сидят они там под холмом, в руках по кружке кофе да по ломтю хлеба, а ружья ихние футов за сорок в козлы составлены. Увидали они его там на гребне холма, рты разинули да глаза на него вылупили.

Поворачивать назад было поздно, да и навряд ли он бы повернул, если б даже и время было. Скатился он на них с гребня, разметал ихние костры, людей и оружие, да как заорет: «Окружай их, ребята! Ни с места – а не то вам всем тут крышка!» Кое-кто хотел дать тягу, но полковник схватился за пистолеты, выпалил, и они сразу вернулись и в общую кучу втиснулись, и когда Зеб туда прискакал, они все там со своим обедом в руках и сидели. Так мы их и нашли, когда минут через десять сами туда подъехали.

Старик Фолз опять аккуратно сплюнул коричневую слюну и крикнул. Глаза у него сияли, как голубые барвинки.

– Да, тот кофе был что надо, – добавил он. – Ну вот, сидим мы с этой кучей пленных, какие нам и вовсе ни к чему. Держали мы их там весь день, а сами ихние припасы ели, ну а когда настала ночь, побросали мы ихние ружья в ручей, забрали остальной провиант да амуницию, нарядили караул у лошадей, а сами спать улеглись. И всю ту ночь напролет лежали мы, завернувшись в теплые одеяла янки, и слушали, как они поодиночке удирают – скатываются с берега в ручей да по воде и уходят. Иной раз который оскользнется, шлепнется в воду, и тут все затихнут, а потом слышим – опять сквозь кусты к воде подползают, ну а мы

⁶¹ *Кэлосун* – округ в штате Миссисипи к югу от округа Лафайет, прототипа фолкнеровской Йокнапатофы.

лежим себе, с головой одеялами укрывшись. К рассвету все до одного потихоньку разбежались. И тогда полковник как заорет – беднякам наверняка за мило было слышно: «Валяйте, янки, да только берегитесь мокасинов⁶²!».

Наутро мы оседлали коней, погрузили добычу, взяли себе каждый по лошади и поскакали к дому. Пожили мы дома недели две, и полковник обработал свою кукурузу, как вдруг узнаем, что Ван Дорн захватил Хол-ли-Спрингс и спалил склады Гранта. Видать, и без нас обошелся.

Некоторое время он молча сидел и задумчиво жевал табак, как бы опять вызвав к жизни старых боевых друзей – ныне прах, возвратившийся в прах⁶³, за который они, быть может, сами того не сознавая, бились, не щадя живота своего, – и в их обществе вновь пережил те голодные славные дни, куда лишь немногие из тех, кто и ныне ступал по земле, могли бы войти вместе с ним.

Старый Баярд стряхнул пепел с сигары.

– Билл, – сказал он, – а за что вы, ребята, собственно говоря, воевали, дьявол вас всех побори?

– Баярд, – ответил ему старик Фолз, – будь я проклят, если я это когда-нибудь знал.

После того как старик Фолз, по-ребячьи засунув конфету за щеку, удалился, унеся с собой свой пакет, старый Баярд еще посидел в кабинете, продолжая курить сигару. Потом он поднес к лицу руку, пощупал шишку у себя на щеке, – правда, очень осторожно, вспомнив прощальный наказ старика Фолза, и у него мелькнула мысль, что, пожалуй, еще не поздно смыть эту мазь водой.

Он встал и пошел к умывальнику в углу комнаты. Над умывальником висел шкафчик с зеркалом на дверце, и Баярд осмотрел черное пятно у себя на щеке, еще раз потрогал его пальцем, а потом внимательно изучил свою руку. Да, ее, пожалуй, еще можно стереть... Но будь он проклят, если он ее сотрет, будь проклят тот, кто сам не знает, чего он хочет. Он бросил сигару, вышел из комнаты и через вестибюль протопал к дверям, где стоял его стул. Не доходя до дверей, он обернулся и подошел к окошечку, за которым сидел кассир с зеленым козырьком над глазами.

– Рее, – сказал старый Баярд.

– Да, полковник? – поднял голову кассир.

– Какого дьявола этот проклятый мальчишка целыми днями тут околачивается и поминутно в окно заглядывает? – Старый Баярд понизил голос почти до нормального разговорного тона.

– Какой мальчишка, полковник?

Старый Баярд ткнул пальцем, и кассир поднялся с табуретки, выглянул за перегородку и за окном, о котором шла речь, действительно увидел мальчика лет десяти или двенадцати, который с независимым и невинным видом на него смотрел.

– А это сын Билла Бирда, из пансиона, – прокричал он. – Кажется, он приятель Байрона.

– Что он тут делает? Стоит мне сюда зайти, а уж он тут как тут – и в окно заглядывает. Чего ему надо?

– Может, он банки грабит, – высказал предположение кассир.

– Что?! – Старый Баярд в ярости приставил к уху ладонь.

– Может, он банки грабит! – прокричал кассир, нагибаясь вперед.

Старый Баярд фыркнул, в сердцах затопал к своему стулу и с грохотом прислонил его к дверям. Кассир бесформенной массой осел на табурете; где-то далеко в глубине его тучного тела урчал смех. Не поворачивая головы, он сказал:

⁶² *Мокассин* – ядовитая змея.

⁶³ ...*прах, возвратившийся в прах...* – библейская аллюзия. Ср.: «...ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт., 3, 19).

– Полковник позволил Биллу Фолзу намазать себя этой мазью.

Сноупс, сидевший за своей конторкой, ничего не ответил и даже не поднял головы. Мальчик вскоре повернулся и с независимым и невинным видом пошел прочь.

Вирджил Бирд теперь владел пистолетом, стреляющим струей аммиачной воды, от которой нестерпимо жгло глаза, маленьким волшебным фонарем и коробкой из-под конфет со стеклянной крышкой, в которой он хранил птичьи яйца, коллекцию насекомых, умиравших медленной смертью на булавках, а также скромный запас пяти и десятицентовых монет.

В июле Сноупс переменил местожительство. Он старался не встречаться с Вирджилом на улице и недели две совсем его не видел, пока однажды вечером, выходя после ужина из своего нового жилища, не наткнулся на Вирджила, тихо и благовоспитанно сидящего на ступеньках парадного крыльца.

– Хелло, мистер Сноупс, – сказал Вирджил.

6

В этот вечер, когда старый Баярд вернулся домой, негодованию и ярости мисс Дженни не было пределов.

– Ах ты, старый упрямый осел! – возмущалась она. – Мало того, что Баярд тебя скоро на тот свет отправит, так тебе еще надо, чтоб этот старый шарлатан Билл Фолз тебе заражение крови устроил! И это после того, что сказал тебе доктор Олфорд, а ведь с ним согласился даже Люш Пибоди, который считает, что хинином и каломелью можно вылечить все, начиная от сломанной шеи и кончая отмороженными ногами. Никакого терпения с вами нет; хотела бы я знать, за какие грехи я должна жить с такой публикой. Только Баярд немного утихомирился и я теперь не вскакивай}, как ошпаренная, при каждом телефонном звонке, так тебе непременно понадобилось, чтобы этот несчастный попрошайка намазал твою физиономию дегтем и сапожной ваксой. Кончится тем, что в один прекрасный день я соберу свои пожитки и перееду жить в такое место, где про Сарторисов никто никогда и слыхом не слыхал.

Она продолжала кричать и возмущаться, и старый Баярд кричал и сквернословил в ответ, голоса их гремели, разносясь по всему дому, а на кухне, наострив уши, ходили на цыпочках Элнора с Саймоном. В конце концов старый Баярд вышел вон, сел на лошадь и уехал, оставив мисс Дженни охлаждать свой гнев в одиночестве, и в доме на некоторое время воцарился мир.

Однако за ужином утихшая была буря разразилась с новой силой. Стоя за дверью, Саймон слышал крики стариков и голос молодого Баярда, который пытался их перекричать.

– Уймись! – ревел он. – Ради бога уймись! Я из-за вас собственного голоса не слышу.

Мисс Дженни мгновенно набросилась на него:

– А ты тоже хорош! Такой же несносный, как он. Упрямый и надутый осел. Носишься в автомобиле как угорелый по всей округе, воображая, будто кто-нибудь пожалеет, если ты сломаешь свою никчемную шею, а потом являешься к ужину вонючий, как конюх. И все потому, что ты был на войне. Уж не думаешь ли ты, что больше никто никогда ни на какой войне не был? Может, ты воображаешь, что, когда мой Баярд вернулся с Великой Войны, он тоже до смерти надоедал всем в доме? Нет, он был джентльмен, он и буянил как джентльмен, а не так, как вы, деревенщина из штата Миссисипи. Олухи несчастные! Ты только подумай, какие подвиги он совершал верхом на обыкновенной лошади. И никаких ему аэропланов не требовалось.

– А ты подумай, что это была за война – не война, а детские игрушки, – отвечал молодой Баярд. – Такая жалкая война, что дедушка не хотел даже остаться в Виргинии, где она происходила.

– А кому он там был нужен? – возразила мисс Дженни. – Человек, который мог выйти из себя только потому, что солдаты его сместили и выбрали себе другого полковника, получше. Разозлился и вернулся сюда во главе шайки оголтелых головорезов.

– Не война, а детские игрушки, – твердил молодой Баярд. – Да еще на лошади. Каждый дурак может воевать на лошади. Да только вряд ли он на ней чего добьется.

– По крайней мере он добился того, что его приличным способом убили, – отрезала мисс Дженни. – Он на своей лошади сделал больше, чем ты на этом своем аэроплане.

– Правильно, – шептал Саймон за дверью. – Что правда, то правда. Только белые люди так ссориться могут.

И так продолжалось день за днем – буря то утихала, то начинала бушевать с новой силой; потом она иссякла, но вдруг разразилась опять, когда старый Баярд вернулся домой со свежей порцией мази на лице. Но к этому времени у Саймона появились свои заботы, по поводу которых он как-то вечером решил посоветоваться со старым Баярдом. Молодой Баярд лежал в постели со сломанными ребрами, мисс Дженни свирепо и нежно его опекала, мисс Бенбоу приезжала читать ему вслух, и Саймон снова занял подобающее ему положение. Цилиндр и пыльник были сняты с гвоздя, запас сигар старого Баярда ежедневно уменьшался на одну штуку, и пара жирных лошадей растрачивала накопившуюся лень между домом и банком, перед которым Саймон, закусив сигару, как в былые времена, каждый вечер осаживал их щегольски закрученным кнутом со всей приличествующей случаю театральной помпой.

– Томобиль, – философствовал Саймон, – он хорош для удовольствия или для забавы, а вот для истинно благородного тона годится только одно – лошади.

Итак, Саймону наконец представился удобный случай, и, как только они выехали из города и упряжка побежала ровной рысцей, он не замедлил им воспользоваться.

– Знаете, полковник, – начал он, – похоже, что нам с вами пора уладить наши финансовые отношения.

– Что? – Старый Баярд на минуту отвлекся от знакомых возделанных полей и сияющих голубых холмов на горизонте.

– Я говорю, похоже, что нам с вами пора уже немножко позаботиться насчет наличных.

– Премного благодарен, Саймон, – отвечал ему старый Баярд, – но мне деньги сейчас не нужны. Но все равно, премного тебе благодарен.

Саймон весело рассмеялся.

– Ну и шутник же вы, полковник. Еще бы такому богачу нужны были деньги! – Он снова рассмеялся коротким елейным смешком. – Да, сэр, шутник вы, да и только.

Потом он перестал смеяться, и на минуту все его внимание поглотили лошади. Это были гладкие широкозадые близнецы по кличке Рузвельт и Тафт⁶⁴.

– Эй, Тафт, смотри не сдохни от лени!

Старый Баярд сидел, глядя на его обезьянью голову с лихо заломленным цилиндром на макушке. Саймон снова повернул к нему сморщенную добродушную физиономию.

– Но теперь нам надо обязательно как-то утихомирить этих черномазых.

– А что они сделали? Неужели они не могут найти человека, который бы взял у них деньги?

– Тут, сэр, дело вот какое, – пояснил Саймон. – Тут как-то все не так. Видите ли, они собирали деньги на постройку церкви вместо той, которая сгорела, и когда они эти деньги собрали, они отдали их мне – потому как я состою членом церковного совета и принадлежу к самому знатному семейству в округе. Это было еще на прошлое рождество, а теперь они требуют деньги обратно.

– Странно, – сказал старый Баярд.

– Да, сэр, – с готовностью согласился Саймон, – Вот и мне тоже так показалось.

– Ну, что ж, раз они так настаивают, отдай им эти деньги, и дело с концом.

– В том-то и загвоздка, – доверительным тоном сообщил Саймон и, вновь повернув голову, тихо и мелодраматично взорвал свою бомбу: – Денег-то ведь этих нет.

– Черт побери, так я и знал, – отвечал старый Баярд, мигом утратив свой легкомысленный тон. – Где же они?

⁶⁴ ...по кличке Рузвельт и Тафт. – Лошади Сарторисов названы именами двух президентов США от республиканской партии: Теодора Рузвельта (1901-1909) и Уильяма Говарда Тафта (1909-1913).

– Я их дал займы. – Саймон все еще говорил доверительным тоном, с видом человека, неприятно удивленного непроходимой людскою тупостью. – А теперь эти черномазые говорят, будто я их украл.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что взял на хранение чужие деньги, а потом одолжил их кому-то другому?

– Но ведь вы же это каждый день делаете, – отвечал Саймон. – Это же ваш бизнес – деньги одалживать.

Старый Баярд яростно фыркнул.

– Немедленно забери деньги и верни их этим черномазым, а не то угодишь в тюрьму, слышишь?

– Вы рассуждаете так же, как эти нахальные городские черномазые, – обиженно возразил Саймон. – Но ведь эти деньги отданы займы, – напомнил он хозяину.

– Забери их обратно. Разве ты не получил под них никакого обеспечения?

– Чего?

– Чего-нибудь, имеющего ту же стоимость, чтобы держать у себя, пока эти деньги не выплатят обратно.

– Да, сэр, это я получил. – Саймон усмехнулся елейным, сатирическим, благодушным, полным невысказанных намеков смешком. – Да, сэр, это я получил, как не получить. Только я не знал, что оно обеспечение называется. Нет, сэр, не знал.

– Ты что же, отдал эти деньги какой-нибудь черномазой красотке? – настаивал старый Баярд.

– Дело было так, сэр... – начал Саймон, но собеседник тут же его перебил:

– Ах ты, черт тебя возьми! И теперь ты хочешь, чтоб я заплатил эти деньги? Сколько их там было?

– Я точно не помню. Эти черномазые говорят, будто там было не то семьдесят, не то девяносто долларов. Только вы им не верьте. Дайте им сколько, по-вашему, надо, они и успокоятся.

– Будь я проклят, если я им дам хоть что-нибудь. Пусть вытрясут эти деньги из твоей никчемной шкуры или отправят тебя в тюрьму – как им заблагорассудится, но будь я проклят, если я им хоть единый цент заплачу.

– Что вы, полковник, да неужто вы допустите, чтобы эти городские черномазые обвинили члена вашего семейства в воровстве?

– Погоняй! – завопил старый Баярд.

Саймон повернулся на сиденье, гикнул на лошадей и поехал дальше, направив сигару под немыслимым углом к полям своего цилиндра, широко расставив локти, лихо размахивая хлыстом и то и дело бросая снисходительные, полные презрения взгляды на черномазых, работавших на хлопковых полях.

Старик Фолз закрыл крышкой жестянку с мазью, аккуратно протер ее тряпкой, опустил на колени возле холодного камина и поднес к тряпке спичку.

– Не иначе как эти доктора все твердят, что оно вас прикончит? – любопытствовал он.

Старый Баярд вытянул ноги на каминную решетку, поднес спичку к сигаре, и от спички в глазах его заплясали два веселых огонька. Он выбросил спичку и усмехнулся.

Старик Фолз смотрел, как пламя лениво охватывает тряпку и столбик едкого желтоватого дыма курчавится в неподвижном воздухе.

– Человек должен иной раз для своего же блага подойти да и плюнуть прямо в лицо погибели. Он должен вроде бы наострить самого себя, ну как топор на точиле, – сказал он, сидя на корточках перед завитками едкого дыма, словно совершая какой-то языческий ритуал в миниатюре. – Если человек иной раз глянет погибели прямо в лицо, она его не тронет, пока не придет его час. Погибель, она любит ножом в спину пырнуть.

– Что? – спросил старый Баярд.

Старик Фолз поднялся и аккуратно стряхнул с колен пыль.

– Погибель – она как всякий трус, – прокричал он. – Она не тронет того, кто ей прямо в глаза смотрит, лишь бы он не подходил к ней слишком близко. Родитель ваш это знал. Он стоял в дверях лавки в тот день, когда эти два саквояжника-янки⁶⁵ в семьдесят втором году привели черномазых голосовать. Стоял там в своем двубортном сюртуке и в кастровой шляпе, когда все остальные уже ушли, скрестил руки и смотрел, как эти два миссурийца тащили черномазых по дороге к той самой лавке, стоял прямо в дверях, а те два саквояжника засунули руки в карманы и все пятились да пятились назад, пока совсем не отошли от черномазых, и ругали его, на чем свет стоит. А он себе все стоял – вот таким вот манером.

Он скрестил на груди руки, и на мгновенье старый Баярд словно сквозь затуманенное стекло увидел ту знакомую и дерзкую фигуру, которую старик в доношенном комбинезоне умудрился каким-то образом принести в жертву и сберечь в вакууме беззаветной отрешенности от самого себя.

– А когда они пошли назад по дороге, полковник повернулся в дверях, взял ящик для баллотировки, поставил у себя между ног и говорит: «Вы, черномазые, пришли сюда голосовать? Ну, что ж, заходите и голосуйте».

Когда они разбежались кто куда, он два раза пальнул в воздух из своего дьявольского дерринджера, потом снова его зарядил и пошел к мисс Уинтерботом, где эти двое стояли на квартире. Снял он свою кастровую шляпу и говорит: «Сударыня, я бы хотел обсудить кой-какие дела с вашими квартирантами. Разрешите». Тут он снова надел шляпу и зашагал по лестнице вверх, спокойно так, как на параде, а мисс Уинтерботом, та только рот от удивления разинула. Входит он прямо в комнату, а они сидят за столом, глядят на дверь, а пистолеты ихние на столе перед ними разложены.

Как услышали мы с улицы три выстрела, так сразу же в дом и кинулись. Глядим, стоит мисс Уинтерботом, вверх глаза пялит, а тут и сам полковник по лестнице спускается – шляпа набекрень, шагает спокойно, будто присяжный в суде, и манишку платком вытирает. И мы тут стоим и на него смотрим. Остановился он перед мисс Уинтерботом, снова снял шляпу и говорит: «Сударыня, я был вынужден произвести значительный беспорядок в одной из ваших комнат для гостей. Прошу вас принять мои извинения. Прикажите вашей черномазой все это убрать, а счет пришлите, пожалуйста, мне. Еще раз приношу извинения, что мне пришлось истребить эту нечисть в вашем доме, сударыня. Доброе утро, джентльмены», – сказал он нам, снова надел свою шляпу да и вышел вон.

– И, знаете, Баярд, – добавил в заключение старик Фолз, – я даже немножко позавидовал тем двум северянам, провалиться мне на этом месте, если я вру. Человек может взять себе жену и долго с нею жить, но все равно она -ему не родня. А вот парень, что тебя родил или на тот свет отправил...

Притаившись за дверью, Саймон слышал неумолчные раскаты сердитых голосов мисс Дженни и старого Баярда; потом, когда они перешли в кабинет, а он отправился на кухню, где Элнора, Кэспи и Айсом ждали его за столом, волны гнева мисс Дженни, разбивавшиеся о неколебимое, как утес, упорство старого Баярда, доносились уже более глухо, словно рокот далекого прибора.

– О чем это они спорят? Опять ты чего-нибудь натворил? – спросил Кэспи у племянника. Айсом, размеренно работавший челюстями, поднял на него спокойные глаза.

– Нет, сэр, – пробурчал он. – Ничего я не натворил.

– Они вроде немножко притихли. А отец что делает, Элнора?

– Он там в прихожей, слушает. Айсом, сходи, позови его ужинать, а то мне пора кухню убирать.

Айсом поднялся и, не переставая жевать, вышел из кухни. Неумолчный гул двух голосов

⁶⁵ ...два саквояжника-янки... голосовать. – См. коммент. к с. 329. В годы после завершения Гражданской войны ущемленные в правах южане-плантаторы всеми силами старались помешать участию негров в выборах, так как они обычно голосовали за «саквояжников».

усилился, и, подойдя к деду, бесформенная фигура которого, словно взъерошенная старая птица, торчала в темном коридоре, Айсом смог разобрать слова: яд... кровь... по-твоему, можно отрезать голову и тем ее вылечить... дурак намазал тебе ногу... лицо... голову... ну и умирай на здоровье... умирай от собственного ослиного упрямства... сначала еще полежишь-помучаешься...

– Вы с этим проклятым доктором сведете меня в могилу. – Голос старого Баярда временно заглушил голос мисс Дженни. – Билл Фолз меня не убьет. В городе я из-за этого проклятого болвана ни минуты не могу спокойно посидеть на стуле, он только и знает, что шататься вокруг с разочарованным видом от того, что я все еще жив и здоров. А когда я приезжаю домой, где его нет, ты мне даже поужинать спокойно не даешь. Суешь мне под нос кучу дурацких разноцветных картинок, на которых какой-то идиот изобразил человеческие внутренности.

– Кто это скоро помрет, пап? – шепотом спросил Айсом.

Саймон обернулся:

– А ты чего тут слоняешься? Ступай на кухню, где тебе место.

– Ужин стынет, – отвечал Айсом. – Кто помирает?

– Никто не помирает. Разве умирающие так вопят? Ступай на свое место, парень.

Они прошли через прихожую и вернулись на кухню. Сзади яростно бушевали голоса, слегка приглушенные стенами, но все еще недвусмысленно сердитые, как и прежде.

– И чего они все спорят? – спросил Кэспи, усердно работая челюстями.

– Не твоего ума дело. Ты не суйся – белые люди сами разберутся, – отвечал ему Саймен. Он уселся за стол; Элнора встала, налила чашку кофе из кофейника, стоящего на плите, и подала ему. – У белых людей тоже есть заботы, как и у черномазых. Подай-ка мне мясо, парень.

С наступлением ночи буря утихла; прекратив боевые действия как бы по обоюдному согласию, обе стороны, надежно окопавшись, назавтра вновь атаковали друг друга за ужином. И так продолжалось каждый вечер вплоть до начала второй недели июля, когда наконец на шестой день после того, как молодого Баярда привезли домой со сломанными ребрами, мисс Дженни со старым Баярдом и доктором Олфордом отправились в Мемфис на консультацию к знаменитому специалисту по болезням крови и желез, с которым доктор Олфорд – не без труда – заранее условился. Молодой Баярд лежал наверху в гипсе, но Нарцисса Бенбоу обещала днем приехать с ним посидеть.

Вдвоем с доктором мисс Дженни посадила старого Баярда на утренний поезд, хотя он все еще бранился, упираясь как упрямый, сбитый с толку вол. В вагоне оказалось несколько знакомых, которые, увидев их в обществе доктора Олфорда, принялись выражать свое удивление и сочувствие. Воспользовавшись этим, старый Баярд снова попытался настоять на своем, но мисс Дженни не обращала никакого внимания на его яростное ворчанье.

Словно сердито надувшегося мальчугана, они отвели его в клинику, где их должен был принять специалист, и все трое уселись в комнате, напоминавшей холл дешевой летней гостиницы, среди тихих, переговаривающихся шепотом людей, шелестящих страницами газет и журналов. Ждать пришлось долго.

Время от времени доктор Олфорд атаковал непроницаемо любезную даму, сидевшую за коммутатором, которая неизменно отбивала его натиск, возвращался обратно и с натянутым, чопорным видом усаживался возле своего пациента, чувствуя, что с каждой минутой падает в глазах мисс Дженни. Старый Баярд постепенно тоже присмирел, хотя иногда с робкой надеждой в голосе принимался снова ворчать на мисс Дженни.

– Ах, перестань ругаться, – перебила она его наконец. – Никуда ты теперь не уйдешь. Возьми газету и сиди спокойно.

Но вот в приемную энергичным шагом вошел специалист и направился к даме у коммутатора; увидев его, доктор Олфорд встал и двинулся к нему. Специалист, энергичный, щеголеватый мужчина, быстрые резкие движения которого напоминали выпады фехтовальщика, обернулся и при этом чуть не наступил на доктора Олфорда. Он бросил на

доктора Олфорда тусклый досадливый взгляд, затем пожал ему руку и скороговоркой обрушил на него град сухих отрывистых слов: «Минута в минуту. Точность. Отлично. Больная здесь? Переезд перенесла благополучно?»

– Да, доктор. Он...

– Хорошо, хорошо. Разделась и готова?

– Больной...

– Минуточку. – Специалист обернулся. – А, миссис Смит.

– Да, доктор.

Дама у коммутатора не подняла головы, и тут в приемную вошел другой специалист по каким-то болезням – высокого роста, с величественным таинственным видом королевского гробовщика; он отстранил доктора Олфорда, и обе знаменитости громко залопотали, между тем как доктор Олфорд, вежливо вытянувшись, в полном небрежении стоял рядом, весь кипя от ярости и чувствуя, что с каждой минутой мнение мисс Дженни об его профессиональном статусе становится все ниже и ниже. Когда оба специалиста закончили разговор, доктор Олфорд подвел своего врача к пациенту.

– Вы сказали, что ваша больная готова? Хорошо, хорошо. Не будем терять время. Обедаю сегодня в городе. Вы уже пообедали?

– Нет еще, доктор. Но больной...

– Нет еще, – согласился специалист. – Впрочем, времени достаточно.

Он стремительно повернулся к завешенной шторой двери, однако доктор Олфорд твердо, но вежливо взял его под руку и остановил. Старый Баярд читал газету. Мисс Дженни бесстрастно наблюдала за происходящим. Шляпа торчала у нее на самой макушке.

– Миссис Дю Пре, полковник Сарторис, это доктор Брандт, – сказал доктор Олфорд. – Полковник Сарторис – ваш...

– Здравствуйте, здравствуйте. Привезли больную? Дочь? Внучка?

Старый Баярд поднял голову.

– Что? – прокричал он, приложив ладонь трубочкой к уху, и увидел, что специалист, широко открыв глаза, смотрит на его лицо.

– Что это у вас на лице? – спросил он, рывком выбросил вперед руку и дотронулся до почерневшего нароста. Нарост мгновенно отвалился, а на морщинистой, но чистой щеке Баярда осталось круглое пятно, розовое и гладкое, как кожа грудного младенца.

Вечером, сидя в поезде, старый Баярд, погружившись в глубокую задумчивость, долгое время молчал.

– Какое сегодня число, Дженни? – неожиданно спросил он.

– Девятое, а что? – отвечала мисс Дженни. Старый Баярд досидел еще немного. Потом он встал и сказал:

– Схожу выкурю сигару. Надеюсь, табак мне не повредит, доктор?

Три недели спустя от специалиста пришел счет на пятьдесят долларов.

– Теперь понятно, чем он так знаменит, – ледяным тоном произнесла мисс Дженни и, обращаясь к племяннику, добавила: – Благодарю свою звезду, что он всю голову с тебя не снял.

С этих пор она обращается с доктором Олфордом покровительственно и сурово, старика Фолза приветствует кратчайшим ледяным кивком и горделиво шествует дальше, а с Люшем Пибоди не разговаривает вовсе.

7

Со свежего жаркого утреннего воздуха она вошла в прохладную прихожую, где Саймон с важным видом собственника суетливо смахивал метелкой пыль.

– Они сегодня в Мемфис уехали, – сказал он, кивнув ей головой. – Но мистер Баярд вас ждет. Идите прямо наверх, мисс.

– Спасибо, – отвечала она и пошла наверх, оставив его деловито пересыпать пыль с одной поверхности на другую и обратно. Поднявшись по лестнице, она попала в ровную струю

сквозняка, тянувшего из открытых дверей на другом конце прихожей. Сквозь эти двери виднелся отрезок голубых холмов и белесое, как соль, небо. Возле дверей в комнату Баярда она остановилась и постояла немного, крепко прижав к груди книгу.

Несмотря на возню Саймона внизу, в доме, который в отсутствие шумной и деятельной мисс Дженни утратил свойственную ему атмосферу спокойной уверенности, царила несколько даже зловещая тишина. Откуда-то издали, со двора, до Нарциссы доносились какие-то слабые звуки; их глухие сонные отголоски вливались в дом на волнах живительного июльского ветерка.

Но из комнаты, перед которой она стояла, не слышалось ни малейшего звука вообще. Быть может, он уснул; и когда первоначальное побуждение, заставившее ее приехать сюда несмотря на отсутствие мисс Дженни, – данное слово и стойкость ее безрассудного сердца, – сослужив свою службу, покинуло ее, она остановилась за дверью, надеясь, что он уснул и проспипит весь день до вечера.

Однако ей придется войти в комнату посмотреть, спит он или нет, и она прикоснулась руками к лицу, словно этим жестом можно было вернуть себе обычное выражение безмятежного покоя – специально для него – и вошла.

– Саймон? – спросил Баярд. Он лежал на спине, подложив под голову руки и глядя в окно на противоположной стене, и Нарцисса молча остановилась в дверях. Не услышав ответа, он поднял голову и посмотрел на нее своим мрачным, тяжелым взглядом. – Черт побери, вот уж не думал, что вы сегодня приедете.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

– Ведь стоит тете Дженни выйти из комнаты, как вы уже одной ногой за дверью, – продолжал он. – Это она велела вам приехать?

– Она просила меня с вами посидеть. Ей не хочется, чтоб вы оставались весь день с одним только Саймоном. Вам сегодня лучше?

– Ах, вот оно что, – протянул он – Может, вы, в таком случае, присядете?

Ее стул стоял в углу. Она подвинула его к кровати. Он смотрел, как она поворачивает стул и садится.

– Что вы об этом думаете? – спросил он.

– О чем?

– О том, что приезжаете сюда со мной сидеть?

– Я привезла новую книгу, – сказала она, – Только что получила. Надеюсь, она вам понравится.

– Надеюсь, – без особой уверенности согласился он. – Пожалуй, скоро какая-нибудь из них мне и в самом деле понравится. Однако что вы все-таки думаете о том, что приехали сюда сегодня?

– Я думаю, что больного нельзя оставлять одного с неграми, – сказала она, склонившись над книгой. – Эта книга называется...

– Почему бы тогда не нанять сиделку? Охота вам ездить в такую даль.

Она наконец посмотрела на него своими серьезными, полными отчаяния глазами.

– Зачем вы приезжаете, если вам не хочется? – настаивал он.

– Мне это не трудно, – ответила она и открыла книгу. – Она называется...

– Бросьте, – перебил он. – Мне и так придется целый день слушать этот вздор. Давайте немножко поговорим.

Но Нарцисса не поднимала головы, и руки ее все еще лежали на раскрытой книге, – Почему вы боитесь со мной разговаривать?

– Боюсь? – удивилась она. Может, вы хотите, чтобы я ушла?

– Что? Нет, черт побери. Я хочу, чтоб вы хоть раз нечеловечески со мной поговорили. Подите сюда.

Она не поднимала глаз и отгородилась от него руками, как будто он не лежал беспомощно на спине на расстоянии двух ярдов.

– Подойдите поближе! – скомандовал он. Она встала и крепко вцепилась в книгу.

– Я уйду, – сказала она. – Я велю Саймону быть поблизости, чтоб он услышал, если вы его позовете. До свидания.

– Подождите! – воскликнул он. Она быстро пошла к дверям.

– До свидания.

– Но вы же только что сами сказали, что нельзя оставлять меня одного с черномазыми.

Она помедлила у дверей, и он с холодной хитростью добавил:

– Ведь тетя Дженни просила вас со мной посидеть. Что ж я ей теперь скажу? Почему вы боитесь человека, который лежит на спине в чугунной смирительной рубашке?

Но она только смотрела на него своими спокойными безнадежными глазами.

– Ну, раз так, то идите. – Голова Баярда дернулась на подушке, он снова уставился в окно, и тогда Нарцисса вернулась и села. Он кротко спросил: – Как называется эта книга? – и, услышав ответ, сказал: – Ну, ладно, читайте. Я все равно скоро усну.

Она раскрыла книгу и стала скороговоркой читать, словно прячась за ширмой слов, которую воздвигал между ними ее голос. Она читала, склонив голову над книгой и чувствуя, как проходит время, с которым она, казалось, старается бежать наперегонки. Баярд не шевелился. Она дочитала фразу и, не поднимая головы, умолкла, но он тотчас заговорил:

– Читайте дальше, я не сплю. Может, на этот раз мне больше повезет.

Близился полдень. Где-то каждые пятнадцать минут били часы, и во всем доме не слышалось больше ни звука. Саймон давно уже прекратил свою возню в прихожей, но иногда до Нарциссы доносилось какое-то глухое, невнятное бормотанье. Листья на ветке за окном висели неподвижно, и в знойном воздухе сливалось в сонный гул множество разнообразных звуков – голоса негров, чавканье животных на скотном дворе, ритмичные стоны водяного насоса, нестройное кудахтанье кур в саду под окном и нечленораздельные крики Айсома, который их разгонял.

Баярд уснул, и когда Нарцисса это поняла, она поняла также, что сама не заметила, как перестала читать. Она сидела, держа на коленях раскрытую книгу, слова которой не оставили никакого следа у нее в голове, и смотрела на его спокойное лицо. Оно опять напоминало бронзовую маску, с которой болезнь смыла неистовый пыл страстей, но эти страсти, лишь слегка облагороженные, все еще дремали где-то в глубине.

...Она отвернулась от него и, уронив неподвижные руки на страницы раскрытой книги, стала смотреть в окно. Занавески не шевелились. Горячие пальцы солнца перебирали неподвижные листья на ветке, наискосок пересекавшей оконную раму, а сама Нарцисса как будто утратила все признаки жизни – она дышала так тихо, что легкая ткань ее платья совсем не колебалась на груди, – сидела и думала, что вожденный покой ей суждено обрести лишь в таком мире, где совсем не будет мужчин.

Часы пробили двенадцать. На лестнице тотчас же послышалось тяжелое хриплое дыхание, и, прокравшись по прихожей, словно огромная крыса, в дверь просунул голову Саймон, напоминавший прародителя всех обезьян.

– Он еще спит? – хриплым шепотом спросил он.

– Тш-ш. – Нарцисса предостерегающе подняла руку.

Саймон на цыпочках вошел в комнату, пыхтя и шаркая ногами.

– Тише, – быстро проговорила Нарцисса, – ты его разбудишь.

– Обед готов, – тем же хриплым шепотом возвестил Саймон.

– Неужели нельзя подождать, пока он проснется? – прошептала Нарцисса и встала, чтоб его остановить, но он уже прокрался к столу и начал неловко рыться в стопке книг, которые в конце концов с грохотом рухнули на пол. Баярд открыл глаза.

– О господи, – сказал он. – Ты уже опять.

– Похоже, что мы с мисс Бенбоу так-таки его разбудили! – в притворном ужасе воскликнул Саймон.

– Не понимаю, почему ты не можешь спокойно смотреть, как человек лежит с закрытыми глазами, – сказал Баярд. – Слава богу, что вы не размножаетесь, как москиты.

– Вы его только послушайте, – отвечал Саймон. – Ложится спать – ворчит, просыпается

– опять ворчит. Эллора вам обед приготовила.

– Почему ж ты его не принес? – спросил Баярд. – И для мисс Бенбоу тоже. Но может быть, вы предпочитаете обедать внизу?

Всеми своими движениями Саймон являл карикатуру на самого себя. Теперь он принял вид оскорбленного достоинства.

– Столовая – вот подходящее место для гостей, – произнес он.

– Да, да, – сказала Нарцисса. – Я пойду вниз. Не надо доставлять Саймону столько хлопот.

– Никаких хлопот нет, – отвечал Саймон, – да только это...

– Я спущусь вниз, а ты ступай и принеси поднос мистеру Баярду, – сказала Нарцисса.

– Да, мэм, – отвечал Саймон, направляясь к двери. – Вы можете спуститься вниз. Эллора сразу же вам подаст.

С этими словами он вышел из комнаты.

– Я пыталась... – начала Нарцисса.

– Знаю, – перебил ее Баярд, – он никому не даст поспать в обеденное время. А вы лучше скорей идите обедать, а то он утащит все обратно на кухню. И ради меня можете не торопиться.

– Можете не торопиться? Что вы этим хотите сказать? – Она остановилась у дверей.

– Вы, наверное, уже устали.

– Ах, вот оно что, – отозвалась она и постояла еще немного, погрузившись в свое тихое отчаяние.

– Послушайте, – сказал он вдруг. – Вы что, плохо себя чувствуете? Может, вам лучше уехать домой?

– Нет, – отвечала она, выходя из комнаты. – Я скоро приду.

Она в одиночестве сидела за столом в сумрачной столовой, а Саймон, отправив Айсома с подносом наверх к Баярду, суетился вокруг, усердно потчевал ее различными блюдами или, прислонясь к буфету, произносил бессвязный монолог, который не имел начала и едва ли мог когда-нибудь прийти к концу. Монолог этот непринужденно лился у нее за спиной, пока она шла через прихожую, а когда она остановилась у парадной двери, он все еще продолжался сам по себе, словно зачарованный самим фактом своего существования и приводимый в движение своею собственной инерцией.

Возле крыльца под нестерпимо белым солнечным светом переливалась яркими пятнами клумба с шалфеем. За нею в полуденном зное трепетала подъездная дорожка, перекрытая сводом листвы дубов и белых акаций; прохладным зеленым туннелем спускаясь к воротам, она вливалась в горячую ленту шоссе. По другую сторону шоссе простирались поля и застывшие в безветрии перелески, растворяясь в мерцающей июльской дымке у подножья голубых холмов.

Нарцисса в своем белом платье немного постояла у дверей, прижавшись щекой к прохладному и гладкому косяку, в легком сквозняке, тянувшем неизвестно откуда при полной неподвижности листьев; Саймон уже убрал со стола, и это легкое дуновение, слишком теплое, чтоб его можно было назвать ветерком, доносило из кухни ленивое бормотанье сонных голосов.

Наконец, она услышала наверху какое-то движение, вспомнила, что туда пошел Айсом с обедом для Баярда, повернулась, открыла дверь в гостиную и вошла. Свет, пробивавшийся в узкую щель между плотно закрытыми ставнями, еще больше сгущал темноту. Она подошла к роялю, постояла возле него, касаясь рукой его пыльной поверхности, и ей представилось, как мисс Дженни, прямая и несгибаемая, сидит возле него на стуле. Потом она услышала, как Айсом спускается с лестницы; вскоре его шаги замерли на противоположном конце прихожей, и тогда она выдвинула табурет, села и положила руки на закрытую крышку рояля.

Саймон, бормоча что-то себе под нос, снова вошел в столовую, теперь уже с Эллорой, и они, гремя посудой, переговаривались лишенными согласных словами. Разобрать их было нельзя, и до Нарциссы доносилось только повышение и понижение мягких голосов. Потом

они ушли, а она все сидела, уронив руки на прохладное дерево, в тихой темной комнате, где как будто застоялось даже самое время.

Бой часов раздался опять, и она встрепенулась. «Я плакала», – подумала она.

– Я плакала, – проговорила она грустным шепотом, упиваясь собственным одиночеством и горем. Остановившись перед высоким зеркалом у дверей гостиной, она пристально посмотрела на свое смутное отражение и кончиками пальцев легонько коснулась глаз. Потом двинулась дальше, но у подножья лестницы снова остановилась, прислушиваясь. После этого быстро поднялась наверх, прошла через комнату мисс Дженни в ее ванную и вымыла там лицо.

Баярд лежал в том же положении, в каком она его оставила. Теперь он курил папиросу, между затяжками небрежно стряхивая пепел в блюдце, стоявшее возле него на кровати.

– Ну, что? – спросил он.

– Вы так весь дом сожжете, – сказала она, убирая блюдце. – Мисс Дженни никогда бы этого не допустила.

– Знаю, – застенчиво согласился он, и Нарцисса придвинула к кровати стол и поставила на него блюдце.

– Так вам будет удобно? – Да, спасибо. Вы сыты?

– О да. Саймон очень старался. Почитать вам еще, или вы хотите спать?

– Почитайте, если вам не трудно. Я, наверное, бо льне не усну.

– Это что, угроза?

Он быстро взглянул на нее, когда она садилась и брала в руки книгу.

– Что с вами случилось? Перед обедом вы вели себя как-то странно. Саймон дал вам чего-нибудь выпить?

– Нет, что вы. – Она нервно засмеялась и открыла книгу. – Я забыла, где мы остановились. Вы помните... впрочем, вы ведь уснули. Начать с того места, где вы перестали слушать? – говорила она, быстро переворачивая страницы.

– Нет, читайте откуда попало. По-моему, там все одно и то же. Если вы подвинетесь немного ближе, я, пожалуй, не усну.

– Можете спать, если вам хочется. Мне все равно.

– Вы хотите сказать, что не подвинетесь? – спросил он, подняв на нее сумрачный взгляд.

Она подвинула стул ближе к кровати, снова открыла книгу и продолжала ее листать.

– Кажется, это было где-то здесь, – неуверенно проговорила она. – Да, пожалуй.

Прочитав про себя несколько строчек, она начала читать вслух, дочитала до конца страницы, и тут голос ее в замешательстве прервался. Она перевернула еще страницу, потом открыла ее опять.

– Это я уже читала, теперь я вспомнила. – Она продолжала листать книгу, и ее безмятежное чело чуточку затуманилось. – Наверное, я и сама уснула, – сказала она, глядя на него дружелюбно и немножко смущенно. – Мне кажется, что я прочла уже сотню страниц.»

– Начните с любого места, – повторил он.

– Нет, обождите, это здесь.

Она снова начала читать и наконец нашла прерванную нить повествования. Поднимая глаза, она всякий раз ловила устремленный на себя спокойный сумрачный взгляд. Вскоре Баярд перестал на нее смотреть, и, заметив, что глаза его закрыты, она решила, что он спит, дочитала до конца главы и умолкла.

– Я еще не сплю, – сонным голосом пробормотал Баярд.

Однако Нарцисса не стала читать дальше, и тогда он открыл глаза и попросил папиросу. Она отложила книгу, чиркнула спичкой, дала ему прикурить и снова взялась за книгу.

День клонился к вечеру. Негры ушли, и в доме не было слышно ни звука, кроме боя часов через каждые пятнадцать минут; на дворе под низкими косыми лучами солнца все больше сгущались тени, мирные предвестники сумерек. Баярд спал, несмотря на уверенность в том, что не уснет, и вскоре Нарцисса умолкла и закрыла книгу. Его длинное тело, напряженно вытянувшись, лежало в гипсе под простыней, и при виде неподвижного дерзкого лица и

жалкой пародии на то, чем он был до того, как разбился, она почувствовала, как ее тихую печаль заливают бесконечная жалость к нему. Он совершенно лишен каких бы то ни было привязанностей, он такой... такой жесткий... Нет, это не то слово. Однако слово «холодный» от нее ускользало: жесткость она еще могла понять, но холодность – нет.

День отходил, и вечер вступал в свои права. Она сидела в раздумье, спокойно и тихо глядя в окно, за которым в полном безветрии все так же неподвижно висели на ветке листья, сидела, словно ожидая кого-то, кто скажет ей, что делать дальше, утратив всякое представление о времени – оно превратилось в неторопливый темный поток, в который она всматривалась до тех пор, пока магия воды не изгнала прочь и самую воду.

Неожиданно он издал какой-то нечленораздельный звук, и, быстро повернув голову, она увидела, что тело его чудовищно скорчилось в своем гипсовом корсете, руки сжались в кулаки, зубы жутко оскалились, а когда она, побелев от ужаса, неподвижно застыла на стуле, он издал тот же звук снова. Дыхание со свистом вырывалось сквозь плотно сжатые зубы, и он закричал – сначала нечленораздельно, а потом из его рта полился поток грубой брани, а когда она, наконец, вскочила и остановилась, прижав к губам руки, тело его обмякло и из-под влажного от испарины лба в нее вперились неотступный взгляд широко раскрытых глаз, в которых затаился ужас, дикая холодная ярость и отчаяние.

– Он в тот раз чуть в меня не попал, – выговорил он хриплым слабым голосом, все еще не сводя с нее широко раскрытых глаз, из которых постепенно уходила боль. – На меня как бы петлю накинули, и стоило ему выстрелить, она затягивалась все туже и туже. – Он принялся тереть простыню, стараясь притянуть ее к лицу. – Вы можете дать мне носовой платок? Он там, в верхнем ящике.

– Да, да, – пролепетала Нарцисса; дрожа всем телом, она подошла к комоду и, чтобы не упасть, прислонилась к нему, потом вытащила платок и вернулась к кровати. Сначала она попыталась вытереть ему лицо, но в конце концов он отобрал у нее платок и вытер его сам.

– Вы меня напугали, – простонала она, – вы так ужасно меня напугали. Я думала...

– Простите, – коротко отозвался он. – Я не нарочно. Дайте мне закурить.

Она протянула ему папиросу, чиркнула спичкой, но рука ее так дрожала, что ему снова пришлось схватить ее запястье, и, не выпуская его, он сделал несколько глубоких затяжек. Она попыталась высвободить свою руку, но его пальцы были тверды как сталь, а со трепещущее тело выдавало ее, и она снова опустилась па стул, глядя на него с ужасом и неприязнью. Он быстро и судорожно втягивал в себя дым и, все еще держа ее руку, неожиданно и грубо заговорил о своем покойном брате. Этот страшный рассказ не имел начала, он был ужасающе, бессмысленно жестоким, временами циничным и грубым, но именно благодаря своей ожесточенности не казался оскорбительным, а грубость удерживала его от непристойности. А подо всем этим отчаянно билась упрямая ложная гордость, и Нарцисса сидела, глядя на Баярда зачарованным от ужаса взглядом, прижав к губам одну руку, между тем как вторая, напряженно сжавшись, застыла в его стальных пальцах.

– Он шел зигзагом, и потому я никак не мог попасть в этого немца. Только я наведу прицел на немца, Джон выныривает между нами, и мне приходится делать горку, чтобы один из них не всадил в меня очередь. Скоро он прекратил свои зигзаги. Я как увидел, что он скользит на крыло, так сразу понял, что ему конец. Потом вижу, у него по крылу ползет огонь, а сам он смотрит назад. Не на немца смотрит, а на меня. Немец тогда перестал стрелять, и мы все трое вроде как бы спокойно на месте сидим. Я никак не мог понять, что Джон собирается делать, как вдруг смотрю – он ноги вниз спускает. Потом он глянул на меня, показал мне нос – он всегда так делал, – махнул рукой на немца, оттолкнул ногами машину, чтоб не мешала, и выпрыгнул. Он прыгнул ногами вперед. Когда падаешь ногами вперед, далеко не уйдешь, и он очень скоро лег плашмя. Прямо под нами висела тучка, и он плюхнулся на нее животом. Когда вот так брюхом вниз шлепнешься с высоты в воду, то кажется, что сейчас у тебя сразу все кишки вон. Но под этой тучкой я никак не смог его поймать. Я спустился раньше, чем он мог из нее выбраться – я это точно знаю, потому что когда я очутился под ней, его машина вынырнула прямо на меня, вся в огне. Я было рванул в сторону, но это проклятое корыто

сделало свечку, вильнуло вбок и снова на меня, и мне пришлось от него увертываться. И потому-то я и не смог его поймать, когда он из этой тучи вынырнул. Я быстро пошел вниз и, когда понял, что я уже под ним, посмотрел еще раз. Но я никак не мог его найти и решил, что, наверно, надо спускаться ниже, и спикировал еще. Я увидел, как его машина врезалась в землю милях в трех от этого места, но Джона я больше не видел. А потом они стали стрелять в меня с земли...

Он все говорил и говорил, и ее рука, оторвавшись от губ, скользнула вниз по другой руке и начала терзать его пальцы.

– Пустите, пожалуйста, пустите, – шептала она.

Он умолк, посмотрел на нее и разжал пальцы, но не успела она подумать, что наконец свободна, как они сжались снова и теперь охватили оба ее запястья. Она пыталась вырваться, глядя на него отчаянным взглядом, но он только оскаливал зубы и все крепче прижимал к кровати ее скрещенные руки.

– Пустите, пожалуйста, пустите, – умоляла Нарцисса, стараясь высвободиться; она чувствовала, как кости ее запястий поворачиваются в коже, словно в висящей мешком одежде, видела мрачные глаза Баярда и хищный оскал его зубов и вдруг покачнулась на стуле, голова ее упала на плененные руки, и она истерически зарыдала в отчаянии и безнадежной тоске.

Скоро в комнате опять воцарилась мертвая тишина, и Баярд повернул голову и посмотрел на ее темный затылок. Убрав свою руку, он увидел, что на том месте, где он сжимал ее запястья, от них отхлынула кровь, и они побелели. Но даже и тогда она не шелохнулась, и он снова уронил свою руку на ее запястье и лежал спокойно, и через некоторое время даже ее дрожь и трепет утихли.

– Простите, – сказал он, – я больше не буду. Он видел только макушку ее темной головы, а руки ее безвольно лежали под его рукой.

– Простите, – повторил он, – я больше не буду.

– Вы больше не будете с такой скоростью носиться на этом автомобиле? – не шевелясь, глухим голосом спросила она.

– Что?

Она ничего не ответила, и он медленно, с невыносимой болью в скованном гипсом теле, стал поворачиваться на бок, закусив губу и тихонько ругаясь, пока не смог положить ей на голову вторую руку.

– Что вы делаете? – спросила она, все еще не поднимая головы. – Вы опять сломаете ребра.

– Да, – согласился он, неловко глядя ее волосы.

– В том-то и беда, – проговорила она. – Вот так вы вечно... Вредите самому себе, только чтобы напугать других. И никакого удовольствия вам это не доставляет.

– Никакого, – согласился он и, чувствуя, как в грудь впиваются раскаленные иглы, твердой неловкой рукой продолжал гладить ее по голове. В далекой вышине над ним сверкали страшные черные звезды, а вокруг простирались долины тишины и покоя. Наступал вечер, в комнате уже сгущались тени, они растворялись во мгле, а за окном рассеянным, почти осязаемым сиянием неведомо откуда струился бледный солнечный свет. Где-то уныло и грустно замычали коровы. Нарцисса наконец поднялась и пригладила волосы.

– Вы совсем скрючились. Если вы будете и дальше так себя вести, то никогда не поправитесь. Повернитесь на спину.

Он повиновался – медленно, закусив губу от боли; на лбу его выступил пот, а Нарцисса с тревогой за ним наблюдала.

– Вам больно?

– Нет, – отвечал он, и рука его снова сомкнулась вокруг ее рук, которые теперь больше не пытались сопротивляться. Солнце уже зашло; вечерняя полутьма, приемная мать мира и

покоя⁶⁶, наполнила комнату, и сумерки стали сгущаться.

– И вы больше не будете с такой скоростью носиться на автомобиле? – настойчиво вопрошала она из тьмы.

– Не буду, – отвечал он.

8

Тем временем Нарцисса получила от своего анонимного корреспондента еще одно письмо. Это письмо принес ей Хорес. Однажды вечером, когда она лежала в постели с книгой, он постучал, открыл дверь, нерешительно остановился, и некоторое время оба смотрели друг на друга через невидимый барьер отчужденности и гордого упрямства.

– Прости, что я тебя беспокою, – натянуто проговорил он.

Неподвижно лежа под затененной абажуром лампой, которая освещала пятно темных волос на подушке, она опустила книгу и спокойным вопросительным взглядом смотрела, как он прошел по комнате и остановился у ее кровати.

– Что ты читаешь? – спросил он.

Вместо ответа она закрыла книгу и, заложив ее пальцем, показала ему пеструю обложку. Но он даже не взглянул. Ворот его рубашки под шелковым халатом был расстегнут, и, пошарив тонкой рукой по ночному столику, он взял с него другую книгу.

– Я не знал, что ты так много читаешь.

– У меня теперь стало больше свободного времени, – отвечала она.

– Да.

Рука его все еще перебирала лежавшие на столике предметы.

Нарцисса ждала, что он заговорит, но он молчал, и тогда она спросила:

– Что ты хотел мне сказать, Хорес?

Он присел на край кровати. Однако глаза ее все еще смотрели вопросительно и враждебно, а рот был сжат в холодной упрямой гримасе.

– Нарси, – выговорил он наконец. Она опустила глаза на книгу, и тогда он добавил: – Во-первых, я хочу извиниться, что так часто оставляю тебя по вечерам одну...

– Вот как?

Он положил ей руку на колено.

– Посмотри на меня. – Она подняла к нему враждебные глаза, и он повторил еще раз: – Я хочу извиниться, что так часто оставляю тебя по вечерам одну.

– Значит ли это, что ты больше не будешь этого делать, или, наоборот, что ты вообще больше не будешь приходить домой?

Некоторое время он сидел задумчиво, изучая свою руку на ее покрытом одеялом колене. Потом поднялся, постоял у стола, перебирая то, что на нем лежало, и присел на кровать. Нарцисса снова погрузилась в чтение, и он хотел было отобрать у нее книгу. Она отмахнулась.

– Чего тебе надо, Хорес? – сердито спросила она. Он опять задумался, а она изучала его лицо. Он поднял глаза.

– Мы с Белл решили пожениться, – выпалил он.

– Зачем ты говоришь это мне? Это надо сказать Гарри. Если, конечно, вы с Белл не намереваетесь пренебречь формальностями развода.

– Он знает, – отвечал Хорес. Он снова положил ей руку на колено и стал гладить его

⁶⁶ ...приемная мать мира и покоя. – Еще одна реминисценция из «Оды греческой вазе» Китса (стихотворения английского поэта-романтика Джона Китса (1795-1821) «Ода греческой вазе» (1820)).

Ср.:

О ты, нетронутая дева тишины,
Приемная дочь молчания и медленного времени...

через одеяло. – Ты даже не удивляешься?

– Я удивляюсь тебе, а не Белл. Белл по натуре интриганка.

– Да, – согласился он. – Кто тебе это сказал? Ты бы сама до этого не додумалась.

Она лежала с книгой в руках и смотрела на него. Он грубо схватил ее за руку, она попыталась высвободиться, но тщетно.

– Кто тебе сказал?

– Никто мне ничего не говорил. Пусти, Хорес. Он выпустил ее руку.

– Я знаю кто. Миссис Дю Пре.

– Никто мне ничего не говорил, – повторила она. – Уходи и оставь меня в покое, Хорес. – За враждебностью в глазах ее таилось безнадежное отчаяние. – Разве ты не понимаешь, что слова ничему не помогут?

– Понимаю, – устало проговорил он, продолжая гладить ее колено. Потом встал, сунул руки в карманы халата, повернулся было к дверям, но опять остановился и вытащил из кармана конверт. – Вот тебе письмо. Я совсем забыл. Прости, пожалуйста.

Она уже снова читала.

– Положи на стол, – сказала она, не поднимая глаз.

Он положил конверт на стол и пошел прочь. В дверях он оглянулся, но она так и не подняла головы от книги.

Когда он снял с себя одежду, ему и в самом деле показалось, будто от его одежды и рук исходит пряный запах Белл; даже когда он лег в постель, запах этот не исчез, а, наоборот, как бы принес с собой и уложил рядом с ним пьянящее сладострастие Белл, и по мере того, как его собственное тело покидало его, растворяясь в теплой, рождающей сновидения тьме, Белл становилась все более и более осязаемой. Таким же осязаемым становился и Гарри – он либо упрямо молчал, либо делал жалкие попытки выразить свое негодование и оскорбленное самолюбие или, скорее, искреннее недоумение обиженного мальчишки. Попытки эти своей чудовищно нелепой формой напоминали субтитры кинофильма. Когда Хорес уже засыпал, его память, со свойственной памяти сверхъестественной способностью повторять не относящиеся к делу события, с жуткой точностью диктофона воспроизвела одно происшествие, которое он в свое время считал совершенно ничтожным. Белл оторвала от него свои губы, но еще прижимаясь к нему всем телом и держа обеими руками его лицо, вперила в него настойчивый вопросительный взгляд. «У тебя много денег, Хорес?» – спросила она, и он тотчас же ответил: «Разумеется, много». И опять перед его мысленным взором возникла Белл; она обволакивала его, словно густые пары какого-то смертоносного наркотика, словно воды неподвижного пресыщенного моря, и он наблюдал⁶⁷, как идет ко дну.

В тот вечер письмо так и осталось лежать забытым на столе, и лишь на следующее утро Нарцисса его нашла и распечатала.

«Я стараюсь забыть вас я не могу забыть вас Ваши большие глаза ваши черные волосы они делают вас такой бледной. И как вы ходите я смотрю и от вас пахнет как от цветка. В ваших глазах сияет тайна и от того как вы ходите я дрожу как в лихаратке всю ночь когда думало как вы ходите. Я могу вас потрогать вы и не будете знать. Каждый день но я не могу я должен излить на бумаге должен говорить Вы не знаете кто. Ваши губы как лук купидона когда день придет тогда я прижму их к своим. Как я видел в лихаратке небо и Ад. Я знаю что вы делаете я знаю больше чем вы думаете я вижу к вам ходят мужчины и мне обидно. Но берегитесь я атчаянный человек мне теперь все равно Если вы будете нечисто любить мужчину я его убью.

Вы не атвичаеете. Я знаю вы палучаете письма я видел одно у вас в сумке. Вы лучше атвичайте паскарей я атчаянный человек не сплю от лихаратки. Я вас не абижу но я атчаянный.

⁶⁷ ...он наблюдал, как идет ко дну. – Вероятно, реминисценция из стихотворения Т.-С. Элиота «Любовная песнь Альфреда Прафрока».

Не забывают я вас не абижу но я атчаяный человек».

Дни между тем тянулись за днями. Они не были ни одинокими, ни печальными, ибо проносились с такой лихорадочной быстротой, что Нарциссе некогда было горевать, хотя стены ее безмятежного сада рушились, а сама она разрывалась на части и, как ночное животное или птица, ослепленная ярким лучом света, тщетно пыталась спастись бегством. Хорес решительно пошел своим путем, и, как два совершенно чужих человека, они тащились сквозь длинную вереницу похожих друг на друга дней, позабыв многолетнюю дружбу и одинаково упорствуя в гордой отчужденности, едва скрываемой под тонкой пеленою повседневных мелочей. Нарцисса теперь почти каждый день сидела у постели Баярда, правда на приличном расстоянии не менее двух ярдов.

Сначала Баярд пытался действовать угрозами, потом лестью. Но она была тверда, и в конце концов он оставил все свои попытки и лежал спокойно, глядя в окно или засыпая под ее чтение. По временам мисс Дженни поднималась наверх, заглядывала к ним в комнату и снова уходила. Нарцисса перестала избегать его, перестала со страхом ожидать очередной выходки, и иногда они вместо чтения мирно и бесстрастно беседовали, и хотя между ними все еще витало призрачное воспоминание о том вечере, никто из них ни разу о нем не заговорил. Мисс Дженни очень хотелось узнать, что в тот день произошло, но Нарцисса была скромно и сдержанно уклончива, а Баярд тоже хранил молчание. И так между ними возникла еще одна связь, впрочем ничуть не обременительная. До мисс Дженни доходили слухи насчет Хореса и Белл, но Нарцисса и об этом не упоминала.

– Поступайте как знаете, – ехидно заметила однажды мисс Дженни, – а я сама могу сделать выводы. Воображаю, что способны натворить Белл с Хересом. Впрочем, я только рада. Этот человек превращает вас в старую деву. Сейчас еще не поздно, но если б он начал валять дурака на пять лет позже, вам осталось бы только давать уроки музыки. А сейчас вы можете выйти замуж...

– Вы мне советуете выйти замуж? – спросила Нарцисса.

– Я никому не советую выходить замуж. Счастливы вы не будете, но ведь женщины еще не дошли до такой степени цивилизованности, чтобы чувствовать себя счастливыми не выходя замуж, и потому вы можете с таким же успехом попробовать. В сущности, мы способны выдержать все, что угодно. А всякая перемена полезна. Так, по крайней мере, считается.

Но Нарцисса этому не верила. «Я никогда не выйду замуж, – говорила она себе. – Мужчины... Позволить мужчинам войти в твою жизнь – это и есть источник всех бед. И если я не могла удержать Хореса, при всей моей любви к нему...» Баярд спал. Она взяла книгу и стала читать про себя о нелепых людях в нелепом мире, где все происходит так, как тому следует быть. Тени вытянулись к востоку. Она все читала и читала, забыв об изменчивости всего на свете.

Потом Баярд проснулся, и она подала ему папиросу и спичку.

– Вам недолго осталось это делать, – сказал он. – Я думаю, вы об этом жалеете.

Он хотел сказать, что завтра ему снимут гипс, и он лежал, курил папиросу и говорил о том, чем займется, когда встанет. Прежде всего отдаст в ремонт автомобиль – наверное, придется отправить его в Мемфис. А пока автомобиль будет в мастерской, они втроем – мисс Дженни, Нарцисса и он – поедут путешествовать.

– Это займет примерно неделю, – добавил он. – Автомобиль, наверное, в плачевном состоянии. Надеюсь, хоть внутри все цело.

– Но теперь вы больше не будете ездить с такой скоростью, – напомнила Нарцисса. Он лежал молча, с зажженной папиросой в руке. – Вы ведь обещали.

– Когда я это обещал?

– Разве вы не помните? Тогда», в тот вечер, когда они были...

– Когда я вас напугал?

Она сидела, с тревогой глядя на него своими серьезными грустными глазами.

– Подите сюда, – сказал он.

Она встала, подошла к кровати, и он взял ее за руку.

– Вы больше не будете ездить с такой скоростью? – настаивала она.

– Не буду, – отвечал он. – Обещаю вам.

Они молчали, и рука Нарциссы лежала в его руке. Легкий ветерок раздувал занавески, и листья на ветке за окном поблескивали, трепетали и что-то шептали друг другу. Солнце клонилось к закату. Когда оно зайдет, ветерок утихнет. Баярд пошевелился.

– Нарцисса, – сказал он. Она взглянула на него. – Наклонитесь ко мне.

Она отвела глаза, и некоторое время оба не шевелились и не говорили ни слова.

– Мне пора, – спокойно сказала она наконец и высвободила свою руку.

Гипс сняли, и Баярд снова встал на ноги, но хотя он двигался еще с некоторой опаской, мисс Дженни уже начала с тревогой на него поглядывать.

– Как бы это нам устроить, чтоб он каждый месяц ломал себе какую-нибудь второстепенную кость и сидел по этому случаю дома...

– В этом нет надобности. Он теперь будет вести себя иначе, – сказала Нарцисса.

– А вы почему знаете? С чего вы это взяли? – любопытствовала мисс Дженни.

– Он обещал.

– Он обещает что угодно, пока не может встать, – возразила мисс Дженни. – Все они обещают и всегда обещали. Но почему вы решили, что он сдержит слово?

– Он мне обещал, – безмятежно отозвалась Нарцисса.

Первым делом он занялся автомобилем. Автомобиль притащили на буксире в город, кое-как залатали, и теперь он мог идти своим ходом, но нужно было отправить его в Мемфис, чтобы выпрямить раму и отремонтировать кузов. Баярд – хотя ребра у него только-только успели срастись – твердил, что поедет сам, но мисс Дженни решительно этому воспротивилась, и после получасовой бури он сдался. Автомобиль отвел в Мемфис молодой парень, работавший в одном из городских гаражей.

– Если тебе надо туда съездить, Нарцисса отвезет тебя в своем автомобиле, – сказала Баярду мисс Дженни.

– В этой консервной банке? – с презрением заявил Баярд. – Да ведь она больше двадцати одной мили в час не ходит.

– Слава богу, что не ходит, – отвечала мисс Дженни. – Я уже написала в Мемфис – пусть сделают так, чтобы и твой быстрее не ходил.

Баярд мрачно, без тени юмора на нее посмотрел.

– Неужели ты сделала такую пакость?

– Ах, увезите его, Нарцисса! – воскликнула мисс Дженни. – Уберите его с глаз моих. Мне так надоело на тебя смотреть!

Вначале Баярд ни за что не хотел ездить в автомобиле Нарциссы. Он не упускал случая отозваться о нем с шутливым пренебрежением и упорно отказывался в него сесть. Доктор Олфорд наложил, ему на грудь плотную эластичную повязку, чтобы он мог кататься верхом, но у него появилась поразительная склонность к домоседству, когда в дом приезжала Нарцисса. А Нарцисса приезжала довольно часто. Мисс Дженни решила, что она бывает у них ради Баярда, и однажды без обиняков ее об этом спросила. В ответ Нарцисса рассказала ей про Хореса и Белл.

– Бедняжка! – сказала мисс Дженни, сидя, как всегда, прямо на жестком стуле возле рояля, – Нет, что за идиоты эти мужчины! Вы правы, я бы тоже ни за кого из них замуж не вышла.

– Я и не собираюсь, – отозвалась Нарцисса. – Я бы предпочла, чтоб их вообще не было на свете.

– Хм, – сказала мисс Дженни.

А потом, однажды под вечер, они ехали в автомобиле, и хотя Нарцисса вначале протестовала, Баярд сидел за рулем. Впрочем, вел он себя вполне благоразумно, и в конце

концов она успокоилась. Они проехали долину, свернули в холмы, и она спросила, куда он едет, но он ничего определенного не ответил. Она спокойно сидела рядом с ним, глядя на дорогу, которая длинными виражами поднималась вверх между сосен, вырисовывавшихся темными силуэтами в косых лучах заходящего солнца.

Дорога продолжала идти вверх, и за каждым поворотом открывались то солнечные просторы долины, то холмы, и повсюду стояли мрачные сосны и веяло тонким бодрящим запахом смолы. Вскоре они въехали па вершину холма, и Баярд замедлил ход. Отсюда дорога резко спускалась вниз, потом шла ровно к полосе ивняка, пересекала каменный мостик и снова поднималась, рыжеватой дугою исчезая среди темных сосен.

– Вот это место, – сказал он.

– Это место? – рассеянно повторила Нарцисса, но тут автомобиль покатился вниз, набирая скорость, она пришла в себя и поняла, что он хотел сказать.

– Вы же обещали! – воскликнула она, но Баярд дал полный газ, и она, схватив его за руку, хотела крикнуть, но не могла издать ни звука, не могла даже закрыть глаза, чтобы не видеть, как узкий мостик стремительно несется им навстречу. А потом, когда они с треском, напоминающим стук града по железной крыше, промчались между ивами и ослепительно сверкающей полоской воды и взлетели на вершину второго холма, у нее захватило дух и остановилось сердце. Маленький автомобиль на повороте занесло, он оторвался от земли, влетел в канаву, выскочил оттуда и понесся поперек дороги. Баярд выравнивал его, и, постепенно замедляя ход, автомобиль поднялся на холм и остановился. Нарцисса сидела рядом с Баярдом, раскрыв побелевшие губы, и умоляюще смотрела на него огромными безнадежными глазами. Потом она перевела дух и застонала.

– Я не хотел... – смущенно начал он. – Мне только надо было проверить, смогу ли я. – Он обнял ее, и она прильнула к нему, руками вцепившись ему в плечи. – Я не хотел... – пробормотал он снова, но ее дрожащие руки уже гладили его по лицу, и она рыдала, прижавшись губами к его губам.

9

Все утро он сидел склонившись над бухгалтерскими книгами, с некоторым удивлением наблюдая, как его рука выводит аккуратные колонки цифр. После бессонной ночи он застыл в каком-то оцепенении, и в его усталом мозгу уже не мелькали извивающиеся химеры, порожденные похотью, отныне раз и навсегда подавленной; он мог теперь лишь удивляться, что эти образы уже не кипят в его крови, наполняя ее яростью и отчаянием, и потому его усталые нервы не сразу отозвались на новую угрозу и не сразу заставили его поднять голову. В дверях показался Вирджил Бирд.

Сноупс поспешно соскочил с табурета и бросился к двери, которая вела в кабинет старого Баярда. Притаившись за этой дверью, он услышал, как мальчик вежливо осведомился о нем, услышал, как кассир ответил, что он только что был на месте, но, кажется, вышел, услышал, как мальчик сказал: ладно, он обождет. А он все стоял, притаившись за дверью и вытирая носовым платком текущую изо рта слюну.

Через некоторое время он осторожно приоткрыл дверь. Мальчик терпеливо и спокойно сидел на корточках у стены, и Сноупс остановился, крепко сжав в кулаки дрожащие руки. Он не ругался, его бесконечная ярость не укладывалась в слова, но дыхание с хрипом вырывалось из горла, и ему казалось, будто его глазные яблоки все дальше и дальше уходят в череп, ввинчиваясь на такую глубину, что приводящие их в движение жилы вот-вот должны лопнуть. Он открыл дверь.

– Хелло, мистер Сноупс, – весело сказал мальчик, вставая.

Сноупс зашагал дальше, вошел за барьер и приблизился к кассиру.

– Рее, – сказал он, с трудом ворочая языком, – дай мне пять долларов.

– Что?

– Дай мне пять долларов, – снова прохрипел он. Кассир дал ему деньги, сделал запись на

листке бумаги и наколол па стоявшую на его столе шпильку.

Мальчик подошел к окошку, но Сноупс не остановился, и мальчик, шаркая босыми ногами по линолеуму, последовал за ним.

– Я заходил к вам вчера вечером, но вас не было дома, – сказал он.

Потом он поднял голову, но, увидев лицо Сноупса, взвизгнул и бросился бежать. Сноупс поймал его за комбинезон и потащил через комнату к двери, выходящей на пустырь. Мальчик корчился, извивался, потом безвольно повис в руке Сноупса, не переставая кричать от ужаса, а тот, силясь выговорить что-то дрожащим от ярости голосом, другой рукой пытался засунуть ему в карман кредитку. Наконец это ему удалось, и тогда он выпустил мальчика, и тот, шатаясь, встал на ноги и стремглав помчался прочь.

– За что ты его так? – любопытствовал кассир, когда Сноупс вернулся к своему столу.

– За то, что сует нос не в свое дело, – отрезал Сноупс, опять открывая бухгалтерскую книгу.

Проходя по безлюдной площади, он посмотрел на светящийся циферблат часов. Десять минут двенадцатого. Нигде ни души, и только в дверях освещенного вестибюля почты маячила одинокая фигура ночного полицейского.

Он свернул с площади и медленно пошел под дуговыми лампами, один на всю улицу, и тень, повторяя размеренный ритм его шагов, следовала за ним из тьмы в яркие пятна света и снова во тьму. Завернув за угол, он очутился в еще более тихой улочке, а затем в переулке между густыми, выше человеческого роста, зарослями жимолости, наполнявшей ночной воздух сладким ароматом. В переулке было темно, и он ускорил шаг. По обеим сторонам над кустами жимолости поднимались верхние этажи домов, кое-где среди темных деревьев светились окна. Стараясь держаться ближе к стенам, он быстро шел вперед, теперь уже мимо задних дворов. Вскоре на фоне бледного неба возник еще один дом и сплошной ряд виргинских можжевельников, и, прокравшись вдоль каменной стены, он очутился перед гаражом. Здесь он остановился, нагнулся, нашарил в густой траве шест, поднял его и прислонил к стене. Затем с помощью шеста залез на стену, а с нее – на крышу гаража.

В доме было темно, и он тотчас же соскользнул на землю, прошмыгнув по лужайке и остановился под одним из окон. Откуда-то с фасада пробивался свет, но из дома не доносилось ни шороха, ни звука, и, притаившись, словно загнанный зверь, он постоял, прислушиваясь и непрерывно бросая взгляды по сторонам.

Он поддел сетчатую раму ножом, рама легко подалась, он приподнял ее и прислушался снова. Затем одним быстрым движением забрался в комнату и, согнувшись, присел. Опять ни звука, кроме глухих ударов его сердца.

Сомнений не было – дом производил безошибочное впечатление временно покинутого жилья. Он вытащил носовой платок и вытер губы.

Свет горел в соседней комнате, и он пошел туда. В конце этой комнаты была лестница; торопливо взобравшись наверх, он нащупал в темноте стену и дверь. Дверная ручка легко повернулась в его пальцах.

Это была та самая комната, он ее сразу узнал. Во всем ощущалось ее присутствие, и некоторое время сердце его глухо стучало где-то прямо в горле и все тело сотрясалось от вожделения, отчаянья и ярости. Наконец, он взял себя в руки: он должен сейчас же уйти. Ощупью пробравшись к кровати, он зарылся лицом в подушки, корчась и испуская сдавленные стоны, как раненое животное. Но надо было уходить, и он поднялся и снова стал ощупью пробираться по комнате. Свет едва теплился у него за спиной, и вместо двери он наткнулся на комод и некоторое время постоял, ощупывая его обеими руками. Потом выдвинул один ящик и начал в нем рыться. Ящик был наполнен слегка надутым тонким бельем, но различить отдельные предметы на ощупь он не мог.

Он нашел в кармане спичку, чиркнул, прикрыл ее ладонью, выбрал какую-то мягкую вещь и в угасающем свете обнаружил в углу ящика пачку писем. Мгновенно узнав их, он уронил догоревшую спичку на пол, вытащил письма из ящика, сунул в карман, положил в

ящик только что написанное им письмо, постоял еще немного, прижимая к лицу смятую ткань до тех пор, пока какой-то звук не заставил его поднять голову и прислушаться. В аллею въехал автомобиль, и когда он подбежал к окну, свет фар промелькнул под ним, осветил открытый гараж, и он в ужасе присел на корточки возле окна. Потом кинулся к двери, еще раз остановился и присел, в нерешительности пыхтя и урча.

Он снова подбежал к окну. Гараж теперь был темен, две темные фигуры шли к дому, и, сидя на корточках у окна, он подождал, пока они скрылись из виду. Затем, все еще не выпуская из рук украденное, он вылез из окна, повис, держась руками за подоконник, закрыл глаза и прыгнул.

Раздался звон разбитого стекла, и, оглушенный ударом, он растянулся плашмя в клубах затхлой сухой пыли. Оказалось, что он свалился в неглубокий цветочный парник; выбравшись оттуда, он попытался встать на ноги, но снова упал, и его охватил приступ тошноты. При падении он поранил колено, штанина начала намочить от теплой крови, и теперь он, закусив губы и задыхаясь от тошноты, лежал, сжимая в руках украденное, и широко раскрытыми безумными глазами глядел в темное небо. В доме послышались голоса, в окне над его головой зажегся свет, он повернулся, стал на четвереньки, поднялся, хромя, проковылял по лужайке, нырнул в тень можжевельников возле гаража, лег и стал наблюдать за освещенным окном, из которого, всматриваясь во тьму, высунулся какой-то мужчина. Сквозь пальцы, сжимавшие раненое колено, сочилась кровь. Слегка постанывая, он потащился дальше, с трудом вскарабкался на стену, спрыгнул в переулок и бросил шест в траву. Пройдя около сотни ярдов, он остановился, приподнял разорванную штанину и попытался перевязать рану. Однако носовой платок мгновенно промок, а кровь все лилась и лилась, стекая с лодыжки в ботинок.

Добравшись до задней комнаты банка, он закатал штанину, снял повязку и промыл рану в уборной. Рана все еще кровоточила, от вида собственной крови ему стало дурно, и он, шатаясь, прислонился к стене. Потом снял рубашку и плотно перетянул ногу. Его все еще тошнило, и он долго пил тепловатую воду из крана. К горлу тотчас подступил соленый комок, он схватился за раковину и, обливаясь потом, старался подавить тошноту. Наконец приступ прошел, но нога онемела, его охватила слабость, и ему захотелось лечь, но лечь он не смел.

Он пошел за барьер, оставляя на полу кровавые пятна. Дверь сейфа беззвучно открылась; не зажигая света, он нашарил ключ от кассы и отпер ее. Он брал только банкноты, но взял все, что нашел. Потом закрыл и запер сейф, вернулся в уборную, намочил полотенце и стер с линолеума следы своей крови. Потом вышел через черный ход и захлопнул за собою дверь. Часы на башне суда пробили полночь.

В проезде между двумя негритянскими лавками дожидался в потрепанном «форде» негр. Сноупс дал негру банкноту, и тот, заведя мотор, подошел к нему и с любопытством глянул на кровавую тряпку под разорванной штаниной.

– Что случилось, босс? Вас ранило?

– Наткнулся на проволоку, – коротко ответил Сноупс. – Бензина хватит?

Негр сказал, что хватит, и Сноупс сел за руль. Проезжая через площадь, он увидел, что ночной полицейский Бак стоит под фонарем возле почты, презрительно выругал его про себя, поехал дальше, скрылся в боковой улице, и вскоре шум его мотора затих вдали.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Был воскресный октябрьский день. Вскоре после обеда Нарцисса с Баярдом уехали на автомобиле, а мисс Дженни и старый Баярд сидели на освещенной солнцем веранде, когда, обогнув дом со стороны черного хода, к ним торжественно приблизилась предшествуемая Саймоном депутация. Она состояла из шестерых негров, облаченных в католическую разновидность воскресного платья, а во главе ее, сверкая грозным взглядом, важно шагал

огромный негр в длинном двубортном сюртуке, с воротником задом наперед на бычьей шее, – Вот они, полковник, – объявил Саймон, тотчас же поднялся по ступенькам и повернулся спиной к посетителям, не оставив ни в ком ни тени сомнения касательно того, чью именно сторону он представляет. Депутация остановилась и принялась степенно и учтиво топтаться на месте.

– Это еще что такое? – спросила мисс Дженни. – Это ты, дядюшка Бярд?

– Да, нам, мисс Дженни. – Один из членов комитета обнажил свою седую шерстистую голову и поклонился. – Здравствуйте.

Остальные, переминаясь с ноги на ногу, начали один за другим снимать шляпы. Предводитель прижал свою шляпу к груди, словно член конгресса перед фотографическим аппаратом.

– Послушай, Саймон, что все это значит? – спросил старый Бярд. – Зачем ты привел сюда этих черномазых?

– Они пришли за своими деньгами, – пояснял Саймон.

– Что?!

– За деньгами? – с интересом повторила мисс Дженни. – За какими деньгами, Саймон?

– Они пришли за теми деньгами, которые вы им обещали, – прокричал Саймон.

– Я же говорил тебе, что не собираюсь платить эти деньги. Разве Саймон сказал вам, что я собираюсь их платить? – обратился старый Бярд к депутации.

– Какие деньги? О чем ты, Саймон? – снова спросила мисс Дженни.

Глава комитета открыл было рот, чтобы ответить, но Саймон его опередил:

– Да как же, полковник, вы же сами велели мне сказать этим черномазым, что вы им заплатите.

– Ничего подобного я не говорил, – свирепо возразил старый Бярд. – Я сказал, что если они хотят посадить тебя в тюрьму, пускай на здоровье сажают. Вот что я тебе сказал.

– Да что вы, полковник. Вы же мне ясно сказали. Вы просто про это забыли. Вот и мисс Дженни может подтвердить, что вы мне говорили...

– Ничего я не могу подтвердить, – перебила его мисс Дженни. – Первый раз все это слышу. Чьи это деньги, Саймон?

Саймон бросил на нее полный укоризны взгляд.

– Он велел мне сказать им, что заплатит.

– Будь я проклят, если я это говорил! – прокричал старый Бярд. – Я сказал тебе, что не заплачу ни единого цента. И еще я тебе сказал, что если ты позволишь им меня беспокоить, я с тебя живьем шкуру спущу, да, сэр.

– Я вовсе не позволяю им вас беспокоить, – примирительно отвечал Саймон. – К тому-то я и веду. Вы только дайте им деньги, а мы с вами уж как-нибудь после разберемся.

– Будь я навеки проклят, если я это сделаю, если я позволю черномазому дармоеду...

– Но ведь должен же кто-то им заплатить, – терпеливо разъяснил Саймон.

– Верно, мисс Дженни?

– Верно, – согласилась мисс Дженни. – Но только не я.

– Да, сэр, у них нет никакого доказательства, что кто-то должен им заплатить. Если их никто не утихомирит, они посадят меня в тюрьму. А что вы тогда станете делать – кто будет чистить и кормить лошадей, убирать дом и подавать вам на стол? Конечно, я могу пойти в тюрьму, хотя навряд ли каменные полы будут полезны для моего здоровья.

И он нарисовал трогательный образ кристально чистого, исполненного высочайших принципов человека, смиренно приносящего себя в жертву.

Старый Бярд топнул ногой.

– Сколько там денег?

Предводитель весь раздулся в своем сюртуке.

– Брат Мур, – произнес он, – благоволите перечислить все суммы, которые задолжал имеющей быть построенной второй баптистской церкви бывший дьякон Строзер в бытность свою казначеем церковного совета.

Брат Мур вызвал некоторое смятение в арьергарде депутации и наконец с помощью нескольких услужливых рук возник впереди – маленький, застенчивый, черный как смоль негр в мрачном, слишком большом для пего одеянии, – и проповедник величественно уступил ему место, ухитрившись каким-то неведомым способом сделать его центром внимания. Брат Мур положил шляпу на землю у своих ног и последовательно извлек из правого кармана красный носовой платок, рожок для обуви, плитку жевательного табаку и, держа их в одной руке, с несколько смущенным и растерянным видом продолжал производить раскопки другой. Затем он положил все эти предметы на прежнее место и извлек из левого кармана перочинный нож, палку, на которой была намотана грядная бечевка, коротенький кожаный ремешок с ржавой и явно негодной пряжкой и, наконец, засаленную записную книжку с загнутыми углами. Укладывая все остальное обратно в карман, он уронил ремешок, нагнулся, поднял его, после чего быстрым шепотом обменялся несколькими словами с проповедником. Затем раскрыл записную книжку, принялся ее листать и листал до тех пор, покуда проповедник, нагнувшись и заглянув ему через плечо, не нашел нужную страницу и не ткнул в нее пальцем.

– Сколько там всего, преподобный? – нетерпеливо осведомился старый Баярд.

– Брат Мур сейчас назовет вам итог, – произнес проповедник нараспев.

Брат Мур остолбенелым взглядом уставился в страницу и пробормотал нечто совершенно невнятное.

– Что?! – вскричал старый Баярд, приложив к уху ладонь.

– Заставьте его говорить, – сказал Саймон. – Никто не может разобрать, что он там болтает.

– Громче! – проревел проповедник, начинающий терять терпение.

– Шестьдесят семь долларов и сорок центов, – объявил, наконец, брат Мур.

Старый Баярд с грохотом отъехал назад на стуле и целую минуту не переставая изрыгал страшные ругательства, а Саймон тем временем исподтишка встревожено на него поглядывал. Потом старый Баярд встал, протопал по веранде и, все еще не переставая ругаться, скрылся в доме. Саймон облегченно вздохнул. Депутация снова зашевелилась, а брат Мур проворно ретировался в задние ряды. Проповедник между тем по-прежнему сохранял напыщенный и глубокомысленный вид.

– Куда девались эти деньги? – любопытствовала мисс Дженни. – Они и в самом деле у тебя были?

– Это они так говорят, – отвечал Саймон.

– Что ты с ними сделал?

– Не беспокойтесь, – успокоил Саймон. – Я как бы отдал их взаймы.

– Держу пари, что так оно и есть, – сухо сказала мисс Дженни. – Держу пари, что они у тебя долго не задержались. Эти люди заслуживают того, чтобы навсегда лишиться своих денег, раз они дали их тебе на сохранение. Кому ты дал их взаймы?

– О, мы с полковником это давным-давно уладили, – небрежно отвечал Саймон.

Старый Баярд снова протопал по прихожей и появился на веранде, размахивая чеком.

– Берите! –скомандовал он. Проповедник подошел к перилам, взял чек, сложил его и сунул к себе в карман. – И если у вас хватит ума еще раз дать ему деньги, не вздумайте снова являться ко мне, слышите? – Он бросил яростный взгляд на депутацию, потом на Саймона. – В следующий раз, когда ты украдешь деньги и придешь просить, чтоб я их заплатил, я велю тебя арестовать и самолично отдам тебя под суд. Выведи отсюда этих черномазых!

Депутация дружно двинулась было с места, но проповедник повелительным жестом ее остановил и еще раз посмотрел на Саймона.

– Дьякон Строзер, – провозгласил он, – в качестве посвященного в духовный сан пастыря бывшей первой баптистской церкви и вновь призванного пастыря имеющей быть построенной второй баптистской церкви, а также председателя сего комитета, я восстанавливаю вас в должности дьякона вышеозначенной имеющей быть построенной второй баптистской церкви. Аминь. Полковник Сарторис и милостивая государыня, доброго здоровья.

И с этими словами он повернулся и увел свой комитет со сцены.

– Слава богу, мы теперь можем выкинуть все это из головы, – сказал Саймон и, удовлетворенно крихтя, опустился на верхнюю ступеньку веранды.

– Запомни, что я тебе сказал, – угрожающим тоном проговорил старый Баярд. – Еще один раз...

Но Саймон уже поворачивал голову в ту сторону, куда проследовал церковный совет.

– Смотрите, – сказал он. – Чего же им теперь-то надо?

Оказалось, что члены комитета вернулись и робко выглядывают из-за угла.

– Ну, чего вам еще? – спросил старый Баярд. Они снова попытались вытолкнуть вперед брата Мура, но он на сей раз одержал над ними верх. Наконец заговорил сам проповедник:

– Вы забыли сорок центов, белый человек.

– Что?!

– Он говорит, что вы должны им еще сорок центов! – прокричал Саймон.

Старый Баярд в ярости завопил, мисс Дженни зажала руками уши, а члены комитета в почтительном ужасе, вращая глазами, слушали, как старый Баярд, взмыв на недостижимую высоту, обрушился оттуда на Саймона.

– Отдай им эти сорок центов и убери их отсюда! – кричал он. – А если ты еще раз посмеешь привести их сюда, я всю вашу шайку кнутом разгоню!

– Господи Боже мой, полковник, вы же сами знаете, что у меня никаких сорока центов нету. Неужели они не могут обойтись без них, раз уж им все остальное отдали?

– Неправда, они у тебя есть, – сказала мисс Дженни. – Вчера я заказала тебе башмаки, и у тебя осталось полдоллара.

Саймон с обидой и изумлением на нее взглянул.

– Отдай им деньги, – приказал старый Баярд. Саймон медленно сунул руку в карман, вытащил полдоллара и стал медленно вертеть монету на ладони.

– А вдруг эти деньги мне понадобятся, полковник? – возразил он. – Уж их-то они могли бы мне оставить – Отдай им деньги! По-моему, ты можешь уплатить хотя бы эти сорок центов! – проревел старый Баярд.

Саймон нехотя поднялся, и проповедник подошел к нему.

– А где же десять центов сдачи? – спросил Саймон и не расставался со своей монетой до тех пор, пока ему не вручили два пятицентовика. После этого комитет удалился.

– Ну, а теперь говори, куда ты девал эти деньги, – сказал старый Баярд.

– Дело было так, сэр, – с готовностью начал Саймон. – Я отдал эти деньги взаймы.

Мисс Дженни встала.

– О господи, опять все сначала! – проговорила она, уходя.

Сидя у освещенного солнцем окна своей комнаты, она еще долго слышала, как в дремотном воскресном воздухе то поднимался, то снова затихал яростный рев старого Баярда и мягкий вкрадчивый голос Саймона.

В саду оставалась еще одна роза, одна-единственная роза. Она продолжала цвести в эти безотрадные дни позднего лета, и хотя виргинская хурма давно уже вывесила свои миниатюрные солнца на ветвях, с которых фестонами свисали гусеницы, между тем как нисса, клен и гикори уже две недели красовались в золотисто-алом уборе, хотя мороз уже дважды обводил своим белым карандашом травинки, среди которых, подобно восьмидесятилетним старцам, сидели на корточках деда кузнечиков, а солнечные полдни благоухали сассафрасом, она все еще цвела – перезрелая, величественно яркая, как угасающая бутафорская звезда. Эти дни мисс Дженни работала в саду, надев теплый свитер, и в ее запачканной землею перчатке поблескивал садовый совок.

– Эта роза похожа на некоторых моих знакомых женщин, – сказала она. – Она просто не умеет элегантно сдать свои позиции и сделаться бабушкой.

– Пусть она до конца использует лето, – сказала Нарцисса. На ней было темное шерстяное платье, она тоже держала в руках совок и безмятежно плелась вслед за порывистой,

нетерпеливо ворчащей мисс Дженни, не делая ровно ничего. Меньше, чем ничего, меньше, чем даже Айсом, потому что она деморализовала Айсома, который тотчас же молча присягнул на верность бездеятельному левому крылу. – Она тоже имеет право на лето.

– Некоторым людям невдомек, что их лету пришел конец, – отозвалась мисс Дженни. – Бабье лето не оправдание для старческого слабоумия.

– Но ведь это еще не старость.

– Возможно. Когда-нибудь ты сама убедишься.

– Ах, когда-нибудь. Я пока еще не совсем готова стать бабушкой.

– Однако ты уже на верном пути. – Мисс Дженни осторожным и умелым движением выкопала совком луковицу тюльпана, очистила корни от налипших комков земли и продолжала: – Баярдов у нас в роду было более чем достаточно. Пожалуй, на этот раз можно назвать его Джоном.

– Вы так думаете?

– Да, – сказала мисс Дженни. – Мы назовем его Джоном. Эй, Айсом!

Хлопкоочистительная фабрика работала уже целый месяц, загруженная хлопком с полей Сарторисов, а также плантаторов с другого конца долины и разбросанных по склонам холмов участков мелких издольщиков. Свою землю Сарторисы сдавали в аренду за долю урожая. Большинство арендаторов уже собрали хлопок и позднюю кукурузу; и вечерами, когда безветренный воздух бабьего лета был напоен острой, как запах осеннего дыма, древней печалью, Баярд с Нарциссой ездили на опушку леса к ручью, куда негры свозили сорго и где они совместно гнали из него свой общий запас патоки на зиму. Один из негров – своего рода патриарх среди арендаторов – владел мельницей и мулом, который приводил в движение мельницу. Этот негр перемалывал сорго и наблюдал за варкой сока, взимая в свою пользу десятую часть, и, приезжая туда, Баярд с Нарциссой всякий раз видели, как мул медленно и терпеливо тащится по кругу, с хрустом давя ногами пересохшую сердцевину стеблей, а один из внуков патриарха закладывает их в дробилку.

Мул все ходил и ходил по кругу, осторожно ступая узкими, как у оленя, ногами по скрипучей сердцевине; шея его, подобно куску резинового шланга, послушно изгибалась в хомуте, стертые, изъязвленные бока поднимались и опускались, уши безжизненно свисали, и, прикрыв бледными веками злобные глаза, он, казалось, дремал, усыпленный собственным монотонным движением. Какому-нибудь Гомеру хлопковых полей следовало бы сложить сагу про мула и его роль в жизни Юга. Именно он, больше чем какой-либо иной одушевленный или неодушевленный предмет, благодаря полному равнодушию к окружающей жизни, которая сокрушала сердца мужчин, и злобной, но терпеливой озабоченности сегодняшним днем сохранил неизменную верность этой земле, когда все остальное дрогнуло под натиском безжалостной колесницы обстоятельств; именно он вызволил поверженный Юг из-под железной пяты Реконструкции⁶⁸] и снова преподавал ему уроки гордости через смирение и мужество, через преодоление невзгод; именно он совершил почти невозможное в безнадежной борьбе с неизмеримо превосходящими силами благодаря одному только мстительному долготерпению. Ни на отца, ни на мать он не похож, сыновей и дочерей у него нет и никогда не будет, он мстителен и терпелив (всем известно, что он готов покорно и терпеливо работать на вас десять лет подряд ради удовольствия единожды лягнуть вас ногой); одинок, но не горд, самостоятелен, но не тщеславен, и голос его – это насмешка над самим собой. Отщепенец и пария, он не имеет ни друга, ни жены, ни наложницы, ни возлюбленной; обреченный на безбрачие, он неуязвим, и нет для него ни столпа, ни пещеры в пустыне; его не осаждают соблазны, не терзают сны и не утешают видения; вера, надежда и милосердие – не его удел. Мизантроп, он без всякой награды шесть дней в неделю работает на существо, которое он

⁶⁸ *Реконструкция* – так в Америке называют период после завершения Гражданской войны (с 1865 по 1877 г.), в течение которого осуществлялась перестройка политической и социальной жизни в побежденных южных штатах.

ненавидит, прикованный цепями к другому существу, которое он презирает, и проводит седьмой день, пиная ногами себе подобных и получая в свою очередь пинки от них. Не понятый даже погонщиком-негром, существом, чьи побуждения и умственная деятельность так разительно сходны с его собственными, он совершает чуждые своей природе поступки в чуждой для себя среде, и, наконец, все наследие этого кроткого существа вместе с его душой отбирают у него и на фабрике варят из них клей. Уродливый, неутомимый и упрямый, он недоступен уговорам, льстивым посулам и обещаниям; он выполняет свои однообразные скромные обязанности, не жалуясь и не получая в награду ничего, кроме побоев. Живого, его волокут по земле как предмет всеобщего презрения, умершему, ему не оказывают почестей, и вот, невоспетый и неоплаканный, он выбеливает свои оскверненные кости среди заржавленных жестянок, битой посуды и изношенных автомобильных шин на склонах пустынных холмов, не ведая о том, что плоть его возносится в голубизну небес в зобу у стервятников.

Когда они приближались, до них прежде всего доносился скрежет и завывание мельницы, а если ветер дул в их сторону – острый, тонкий, волнующий запах брожения и кипящей патоки. Баярд любил этот запах, и они подъезжали и ненадолго останавливались, и парень, закладывая сорго в дробилку, украдкой наблюдал за ними, пока они смотрели на терпеливого мула и на старика, склонившегося над бурлящим котлом. Иногда Баярд подходил к нему побеседовать, а Нарцисса оставалась в автомобиле, окутанная ароматами осеннего созревания и их неуловимой глубокою грустью, и тогда взгляд ее задумчиво останавливался на высоком, худощавом, трагически юном Баярде и сгорбленном от старости негре, и незаметно для мужа она обволакивала его безмятежно спокойными волнами своей привязанности.

Потом Баярд приходил и садился с ней рядом, и она касалась рукой его грубой одежды так легко, что он этого даже не чувствовал, и они возвращались обратно по заросшей дороге, окаймленной трепещущим лесом, и вот уже скоро над пожелтевшими акациями и дубами, огромный, простой и неизменный, возник старинный белый дом, а над последней линией холмов на самом горизонте, зрелый, словно сыр, поднимался оранжевый диск осенней луны.

Иногда они уезжали домой совсем затемно. Мельница уже не работала, и ее длинное неподвижное крыло пересекало освещенное отсветами костра небо. Мул жевал жвачку в конюшне, или топтался, обнюхивая пустую кормушку, или дремал стоя, не ведая о завтрашнем дне, а у костра мелькало множество теней. Здесь собрались все негры – женщины и старики сидели на хрустящих подстилках из сорго вокруг костра, в который кто-нибудь подбрасывал раздавленные стебли до тех пор, пока языки пламени бешено взмывали к верхушкам деревьев, золотя и без того сверкающие золотом листья; а юноши, девушки и дети сидели на корточках и, притихшие, словно зверюшки, молчаливо смотрели в огонь. Иногда они начинали петь, выводя дрожащие бессловесные мелодии, в которых жалобный минор сливался с мягкими басами в стародавнем и печальном ожидании, и их сосредоточенные темные лица с неподвижно застывшими губами медленно склонялись к костру.

Но когда появлялись белые люди, пение умолкало, и, лежа или сидя вокруг огня, над которым бурлил закоптевший котел, они переговаривались прерывистыми журчащими высокими голосами, брызжущими грустным весельем, между тем как в тени среди шуршащих стеблей хихикали и шептались юноши и девушки.

Кто-нибудь из них, а иногда и оба обязательно заходили в кабинет к старому Баярду и мисс Дженни. Там теперь целыми днями топился камин, и все четверо сидели вокруг огня – мисс Дженни под лампой с ежедневной бульварной газеткой; старый Баярд, уперев в каминную решетку ноги в домашних туфлях, в ореоле сигарного дыма; возле его стула, беспокойно подрагивая во сне, дремал его старый сеттер, быть может, заново переживая славные стойки далекого прошлого или еще более давние времена своей собачьей юности, когда весь мир был полон запахов, горячивших кровь тощего неуклюжего щенка, а гордость еще не научила его сдержанности; и между ними Нарцисса и Баярд – Нарцисса, невозмутимо спокойная, мечтала при свете камина, а молодой Баярд курил папиросы, угрюмый, словно

посаженный на цепь пес.

Потом старый Баярд швырял в камин сигару, опускал ноги на пол, сеттер просыпался, поднимал голову, хлопал глазами и так сладко зевал, что Нарцисса, глядя на него, тоже никак не могла удержаться от зевоты.

– Ну что, Дженни?

Мисс Дженни откладывала в сторону газету и вставала.

– Разрешите, я схожу, – говорила Нарцисса.

Но мисс Дженни никогда ей этого не разрешала и вскоре возвращалась с подносом и тремя бокалами, и тогда старый Баярд отпирал конторку, доставал графин с серебряной пробкой и, словно исполняя какой-то ритуал, старательно готовил три порции пунша.

Однажды Баярд уговорил Нарциссу надеть его старую гимнастерку, брюки и сапоги и пойти с ним охотиться на опоссума. Кэспи с грязным фонарем и висящим на плече коровьим рогом и Айсом с джутовым мешком, с топором и четырьмя темными, рвущимися на поводках гончими ждали их у ворот, и все четверо двинулись к лесу, шагая меж призрачных стогов кукурузы, где Баярд каждый день вспугивал стайку куропаток.

– Где сегодня начнем, Кэспи? – спросил Баярд.

– На задах у дядюшки Генри. Там сидит один в винограднике за хлопковым сараем. Блю еще вчера вечером его туда загнал.

– Откуда ты знаешь, что он сегодня будет там сидеть, Кэспи? – спросила Нарцисса.

– Он вернется, – уверенно отвечал Кэспи, – он и сейчас там, вылупил глаза на наш фонарь и уши наострил – есть у нас собаки или нет.

Они перелезли через забор, и Кэспи нагнулся и поставил фонарь на землю. Собаки вертелись и дергались у него под ногами, фыркая и рыча друг на друга.

– Эй, Руби! Стой спокойно. Ни с места, дуреха ты этакая! – покрикивал он, спуская собак с поводков.

Собаки, подвывая, дергали за сворки, и в глазах у них, словно рябь на воде, мерцали яркие отсветы фонаря. Потом они мгновенно и беззвучно растворились в темноте.

– Не трогайте их, пускай посмотрят, есть он там или нет, – сказал Кэспи.

Из тьмы на высокой ноте трижды протявкала собака.

– Это тот молодой щенок. Он просто так, голос подает. Ничего он еще не учуял.

Высоко в подернутом дымкою небе плавали тусклые звезды; воздух еще не остыл, и земля была теплой на ощупь. Ровный свет фонаря очертил вокруг них аккуратный круглый оазис, и весь мир – чаша, полная смутно мерцающей мглы под бескрайним сводом косматых звезд, – казалось, имел только одно измеренье. Фонарь коптил, испуская пахучие струи тепла. Кэспи поднял его с земли, прикрутил фитиль и снова поставил у ног. Из темноты донесся какой-то гулкий, сердитый и низкий звук.

– Это он, – проговорил Айсом.

– Да, это Руби, – согласился Кэспи, поднимая фонарь. – Она его учуяла.

Молодой пес снова затывдал, отчаянно и истерично, потом опять послышался ровный и низкий вой. Нарцисса взяла Баярда под руку.

– Не торопитесь, – сказал ей Кэспи. – Они его еще не загнали. Давай, пес! – Молодая собака перестала лаять, но другая время от времени все еще тывкала на одной резкой ноте. – Давай, пес!

Спотыкаясь в бороздах, они пошли за раскачивающимся фонарем Кэспи, и темноту внезапно прорезал короткий отрывистый вой – звуча на четырех нотах, он нарастал в неистовом крещендо.

– Теперь они его загнали, – сказал Айсом.

– Точно, – согласился Кэспи. – Пошли. Держи его, пес!

Нарцисса вцепилась в руку Баярда, и они побежали по сырой траве, перескочили еще через какой-то забор и понеслись дальше, в заросли деревьев. Впереди во тьме засверкали чьи-то глаза, снова раздался дружный лай, прерываемый отчаянным визгом, в полутьме заметались тени, и вокруг них запрыгали собаки.

– Он там, наверху, – сказал Кэспи. – Старый Блю его видит.

– Там с ними еще пес дядюшки Генри, – заметил Айсом.

Кэспи крикнул.

– Так я и знал. У него уже нет сил гоняться за опоссумом, но пусть только другая собака загонит его на дерево – и он уж тут как тут.

Он поставил фонарь себе на голову и начал всматриваться в опутанное лозою деревцо, и Баярд тоже направил туда луч своего карманного фонарика. Три взрослые гончие и дряхлый, словно траченный молью пес дядюшки Генри сидели тесным кружком вокруг дерева, время от времени принимаясь гавкать и лаять, а щенок не переставая истерически тьявкал.

– Пни его ногой, чтоб замолчал, – скомандовал Кэспи.

– Эй, Джинджер, заткни пасть! – крикнул Айсом. Положив на землю топор и мешок, он поймал щенка и зажал его у себя между колен. Кэспи с Баярдом медленно обходили дерево среди застывших в напряжении собак. Нарцисса шла за ними.

– Там такая густая лоза... – сказал Кэспи.

– Вот он! – неожиданно крикнул Баярд. – Я его нашел.

Он направил на дерево фонарик; Кэспи подошел, встал у него за спиной и посмотрел через его плечо.

– Где он? Ты его видишь? – спросила Нарцисса.

– Да, это он, – подтвердил Кэспи. – Вот он. Руби не врет. Раз она сказала, что он тут, значит, так и есть.

– Где он, Баярд? – снова спросила Нарцисса.

Он поставил ее впереди себя, направил луч фонарика на дерево над ее головой, и тотчас же две красноватые точки на расстоянии меньше спички друг от друга сверкнули ей из густого переплетения лозы, мигнули, исчезли и загорелись опять.

– Он шевелится, – сказал Кэспи. – Это молодой опоссум. Поди-ка вытряхни его оттуда, Айсом.

Баярд направил фонарик прямо в глаза зверя, а Кэспи поставил фонарь на землю и согнал к своим ногам собак. Айсом забрался на дерево и исчез в густой лозе, но за его передвижениями можно было следить по качающимся веткам и по возгласам, которыми он, тяжело дыша, одновременно запугивал, упрашивал и улещивал опоссума.

– Послушай, ты, – ворчал он, – ты не бойся, тебе совсем не будет больно, я тебе ничего худого не сделаю, я только в котел тебя брошу. Берегитесь, мистер, я уже тут, наверху.

Он закопошился, потом утих, и стало слышно, как он осторожно перебирает ветки.

– Вот он, – вдруг крикнул Айсом. – Теперь держите собак!

– Он маленький? – спросил Кэспи.

– Не знаю. Вижу пока только морду. Смотри за собаками.

Верхушка деревца начала бешено трястись, между тем как Айсом, раскачивая ветки, вопил все громче и громче.

– Идет! – крикнул он, и какой-то бесформенный комок начал медленно и неуклюже переваливаться с одной ветки на другую, потом остановился, и собаки напряженно завизжали. Комок опять покатился вниз, и луч Баярдова фонарика осветил его в ту минуту, когда он с глухим стуком шлепнулся на землю и тотчас исчез в водовороте собачьих тел.

Кэспи и Баярд с криками бросились в самую гущу, с трудом растащили собак, и в круглом световом пятне карманного фонаря Нарцисса увидела маленького зверька, который, скрючившись, лежал на боку, закрыв глаза и сложив на груди розовые лапки, напоминавшие ручки ребенка. Она с жалостью и отвращением смотрела на это неподвижное существо – воистину парадокс природы – с лисьим оскалом, человеческими руками и с длинным крысиным хвостом. Айсом соскочил с дерева, Кэспи передал ему поводки всех трех нервно повизгивающих псов, поднял топор и под испуганно любопытным взглядом Нарциссы положил топор на шею зверька, придавил ногами оба конца топорница и дернул опоссума за хвост... Нарцисса кинулась прочь, зажав рукою рот, но тут же остановилась, наткнувшись на глухую стену тьмы, и, дрожа от тошноты, смотрела, как остальные двигались вокруг фонаря.

Потом Кэспи отогнал собак и с такой силой ткнул ногой престарелого пса дядюшки Генри, что тот с леденящим кровью изумленным воем отлетел в сторону, после чего Айсом взвалил на плечи мешок, а Баярд оглянулся в поисках жены.

– Нарцисса?

– Я здесь, – отвечала она.

– Это первый, а сегодня мы должны взять их дюжину – не меньше, – сказал он, подходя к ней.

– Нет, нет, – в ужасе содрогнулась Нарцисса.

Он пристально посмотрел на нее, направив ей прямо в лицо луч своего фонарика. Она подняла руку и отвела его в сторону.

– Что с тобой? Ты уже устала?

– Нет... я только... Пойдем, они уходят.

Кэспи повел их в лес. Под ногами шуршали сухие листья и раздавался хруст ветвей. Свет фонаря вырывал из тьмы деревья; над головой среди редющей листвы в смутном небе плыли тусклые звезды. Собаки бежали впереди, а охотники шагали следом среди маячивших во мгле стволов, оступались в канавы, где в свете фонаря темнела на блестящем песке похожая на огромные ножницы тень от длинных ног Кэспи, и сквозь колючие цепкие заросли продирались на другую сторону канавы.

– Надо держаться подальше от ручья, – заметил Кэспи. – Если они наткнутся на енота, их до утра домой не загонишь.

Он снова двинулся к опушке, и все четверо выбрались из леса, пересекли заросший бородачевником луг, где пахло солнцем и пылью, от которой свет фонаря нимбом расплывался по краям.

– Давай, пес!

Они опять вошли в лес. Нарцисса начала уставать, но Баярд шел впереди, с великолепным пренебрежением отмечая такую возможность, и она, не жалуясь, следовала за ним. Наконец откуда-то издали до них донесся дребезжащий крик. Кэспи остановился.

– Посмотрим, куда он идет.

Стоя в темноте, в печальной сырой прохладе поздней осени, среди умирающих деревьев, они прислушались.

– Эгей! – густым басом крикнул Кэспи. – Держи его!

Собака отозвалась, и они снова медленно двинулись вперед, временами останавливаясь и прислушиваясь. Собака продолжала лаять; теперь до них доносилось уже два голоса, которые, казалось, по кругу обходили их путь.

– Эгей! – снова крикнул Кэспи, и голос его замирающим эхом отозвался в деревьях.

Они шли вперед. Собаки снова подали голос, где-то сбоку от того места, откуда донесся первый крик.

– Он заводит их туда, откуда пришел, – сказал Кэспи. – Давайте подождем, пока они толком след возьмут.

Он опустил на землю фонарь и сел на корточки рядом, Айсом свалил с себя мешок и тоже присел на корточки, а Баярд уселся, прислонившись к дереву, и потянул за собой Нарциссу. Собаки снова залаяли, теперь немного ближе. Кэспи всматривался в темноту, откуда доносился лай.

– Не иначе как они нашли енота, – сказал Айсом.

– Может, и так. Горного.

– Он идет сюда, вон к тому остролисту?

– Похоже на то.

Они сидели не шевелясь и слушали.

– Будет дело, – сказал Кэспи. – Эгей!

В воздухе теперь повеяло прохладой – согретая солнцем земля начала остывать, и Нарцисса подвинулась ближе к Баярду. Он вынул из кармана пачку папирос, протянул одну Кэспи и закурил сам. Айсом сидел на корточках, вращая глазами в свете фонаря.

– Дайте мне тоже, пожалуйста, сэр, – сказал он.

– Нечего тебе курить, парень, – заметил Кэспи.

Но Баярд дал Айсому папиросу, и он снова уселся на корточки, поджав тощие ноги, бережно держа в черной руке белую трубочку. Позади в кустах началась возня, послышалось испуганное подвывание, и в освещенном пространстве появился щенок; повизгивая, он робко терся об ногу Кэспи, и в глазах его блестели фосфорические огоньки.

– Ну, чего тебе? – сказал Кэспи, глядя его по голове. – Напугался там, что ли?

Щенок неуклюже присел и, повизгивая, зарылся носом в ладонь Кэспи.

– Не иначе как он там медведя нашел, – сказал Кэспи. – Чего ж остальные псы не помогли тебе его словить?

– Бедняжечка, – сказала Нарцисса. – Он правда испугался, Кэспи? Иди ко мне, песик.

– Просто они ушли и бросили его одного, – отвечал Кэспи.

Щенок робко терся об его колени, потом подпрыгнул и лизнул ему лицо.

– Пшел вон! – крикнул Кэспи и отшвырнул щенка. Тот неловко плюхнулся в сухие листья, вскочил на ноги, и тут собаки опять резко залаяли, лай их звонко и отчетливо прозвенел в темноте, щенок повернулся и, твякая, понесся к ним. Собаки залаяли снова. Айсом и Кэспи прислушались.

– Да, сэр, – заметил Кэспи, – он точно к тому дереву идет.

– Ты, наверно, знаешь эти места как свой двор, правда, Кэспи? – сказала Нарцисса.

– Да, мэм, знаю, как не знать. Я ведь с малых лет тут раз сто все кругом обошел. И мистер Баярд, он тоже все тут знает. Он тут все время охотился, почитай столько, сколько и я. Он и мистер Джонни – оба вместе. Мисс Дженни послала мепя с ними, когда им первый раз ружье дали, и я еще ту одностволку веревочкой перевязывал. Помните ту одностволку, мистер Баярд? Здорово она стреляла. А сколько мы в этих лесах черных белок перебили! Да и кроликов тоже.

Баярд сидел прислонившись к стволу. Он смотрел на верхушки деревьев, на далекое блеклое небо, и папироса медленно догорала у него в руке. Нарцисса взглянула на его мрачный профиль, четко обрисованный в свете фонаря, и теснее прижалась к нему. Но он не шелохнулся, и тогда она положила руку в его ладонь. Но рука его тоже осталась недвижимой и холодной, и он опять ушел от нее в пустынные высоты своего отчаяния. А Кэспи густым и низким голосом уже снова неторопливо произносил какие-то лишённые согласных слова, и в его речи сквозила мягкая печаль.

– Да, мистер Джонни здорово стрелял. Помните, в тот раз, когда мы с вами и с ним...

Баярд встал, бросил папиросу и старательно затоптал ее ногой.

– Пошли, – сказал он. – Видно, им его не загнать.

Он помог Нарциссе подняться, повернулся и пошел вперед. Кэспи тоже встал, отвязал коровий рог и приложил его к губам. Чистый тоскливый звук, нарастая, долго звучал у них в ушах, потом отозвался гулким эхом и замер, бесследно растаяв в немой темноте.

Была уже полночь, когда они, оставив Кэспи и Айсома у дверей их хижин, пошли по тропинке к дому. Вскоре из тьмы возник сарай и между стройными, почти оголенными деревьями на фоне подернутого дымкой неба появился дом. Баярд открыл калитку, Нарцисса прошла в сад, он последовал за ней, закрыл калитку, повернулся, увидел, что она стоит рядом, и тоже остановился.

– Баярд, – прошептала она, наклоняясь к нему, и тогда он обнял ее и стоял, глядя поверх ее головы в небо. Она взяла его лицо обеими руками, притянула к себе, но губы его были холодны, и, ощутив на них горький вкус обреченности и рока, она на минуту прижалась к нему, уронив голову ему на грудь.

После этого она ни за что не соглашалась ходить с ним на охоту. Он стал ходить один и, возвращаясь уже перед рассветом, бесшумно раздевался и осторожно проскальзывал в постель. Когда он затихал, Нарцисса прижималась к нему теплым сонным телом и тихонько произносила его имя. Так они лежали, обнявшись в темноте, ненадолго укрытые от его отчаяния и отгородившиеся от его неизбежной судьбы.

– Итак, – с живостью заметила мисс Дженни за супом, – ваша жена вас покинула, и теперь вы наконец нашли время навестить родственников.

Хорес улыбнулся.

– По правде говоря, я приехал к вам чего-нибудь поесть. Сомневаюсь, чтобы даже одна женщина из десяти обладала способностью вести хозяйство, а что до меня, то я наверняка не домосед.

– Вы хотите сказать, что даже у одного мужчины из десяти не хватит ума жениться на хорошей кухарке, – поправила его мисс Дженни.

– Может быть, у них как раз ровно столько ума и уважения к другим, чтобы не портить хороших кухарок, – предположил он.

– Да, – согласился молодой Баярд, – даже кухарка бросает работу, когда выходит замуж.

– Что правда, то правда, – подтвердил Саймон. Облаченный в накрахмаленную рубашку без воротника и в воскресные брюки (был день Благодарения⁶⁹), он стоял, картинно прислонившись к буфету, и в добавление к своим обычным запахам издавал еще еле уловимый запах виски. – Когда мы с Ефронией поженились, то мне за первые два месяца пришлось четырежды искать ей место.

– Саймон, наверное, женился на чужой кухарке, – заметил доктор Пибоди.

– По-моему, лучше жениться на чужой кухарке, чем на чужой жене, – отрезала мисс Дженни.

– Перестаньте, мисс Дженни, – укоризненно заметила Нарцисса.

– Прошу прощения, – тотчас отозвалась мисс Дженни. – Я это не по вашему адресу сказала, Хорес, мне просто так в голову пришло. Я говорила с вами, Люш Пибоди. Вы думаете, что если вы шестьдесят лет подряд обедаете за нашим столом в день Благодарения и на рождество, то вам можно приезжать в мой дом, чтоб надо мной же издеваться?

– Перестаньте, мисс Дженни! – повторила Нарцисса.

Хорес положил ложку, и Нарцисса взяла под столом его руку.

– О чем вы там толкуете? – Старый Баярд, у которого за вырез жилета была заткнута салфетка, опустил ложку и поднес к уху ладонь.

– Ни о чем, – отвечал ему молодой Баярд, – тетя Дженни опять пререкается с доктором. Пошевеливайся, Саймон.

Саймон, с интересом прислушиваясь к перебранке, начал не спеша убирать со стола суповые тарелки.

– Да, – продолжала мисс Дженни, – если этот старый осел Билл Фолз намазал дегтем прыщик у Ба-ярда на физиономии и случайно его не убил, вы должны бегать по всей округе надувшись, как отравленный пес. А вы тут при чем? Ведь это не вы его вылечили. Может, вы эту штуку сами на него накликали?

– Саймон, не найдется ли у тебя куска хлеба или еще чего-нибудь, что мисс Дженни могла бы положить себе в рот? – с невинным видом осведомился доктор Пибоди.

Мисс Дженни, сверкнув на него глазами, с шумом откинулась на спинку стула.

– Эй, Саймон! Ты жив или нет?

Саймон собрал тарелки и понес их из комнаты, гости сидели, стараясь не смотреть друг другу в глаза, а мисс Дженни, укрывшись за баррикадой из чашек, ваз, кувшинов и прочей посуды, продолжала неистовствовать.

– Билл Фолз... – задумчиво повторил старый Баярд. – Дженни, когда Саймон будет собирать ему корзинку, пусть зайдет ко мне в кабинет, у меня там кое-что для него припасено.

Речь шла о пинте виски, которую всегда вручали старику Фолзу в день Благодарения и

⁶⁹ День Благодарения – национальный праздник в США, отмечается в четвертый четверг ноября.

на рождество. В эти дни старик по ложечке оделял этим виски своих престарелых бездомных приятелей, и старый Баярд неизменно просил Дженни напомнить Саймону о том, чего никто из них никогда не забывал.

– Хорошо, – согласилась она.

Саймон появился с огромным серебряным кофейником, поставил его возле мисс Дженни и снова ушел на кухню.

– Кто хочет сейчас кофе? – обратилась она ко всем. – Баярд ни за что не сядет за стол без кофе. Вам налить, Хорес? – Он отказался, и тогда, не глядя на доктора Пибоди, она сказала: – А вы, конечно, выпьете чашечку.

– Если вас не затруднит, – кротко отозвался оп. Подмигнув Нарциссе, он состроил похоронную мину.

Мисс Дженни пододвинула к себе две чашки. Появился Саймон с огромным блюдом; он пронес его по комнате, изящно балансируя им у себя над головой, и торжественно водрузил на стол перед старым Баярдом.

– Боже мой, Саймон, где ты ухитрился достать в такое время года целого кита? – спросил молодой Баярд.

– Да, это рыба так рыба, – согласился Саймон.

Рыба действительно была необыкновенная. Не меньше ярда в длину, с седельный чепрак шириной, ярко-красного цвета, она бесшабашно и лихо скалилась на блюде.

– Черт побери, Дженни, – сердито проворчал старый Баярд. – На что тебе эта дрянь? Кому вздумается набивать себе брюхо рыбой в ноябре, когда на кухне полно опоссумов, индеек и белок?

– Кроме тебя здесь есть еще люди, – возразила она. – Не хочешь – не ешь. У нас дома всегда подавали рыбу. Но эту миссисипскую деревенщину даже под страхом смерти не отучишь от хлеба и мяса. Поди сюда, Саймон.

Саймон, водрузив перед старым Баярдом стопку тарелок, подошел к мисс Дженни с подносом, и она поставила на него две чашки кофе, которые он подал старому Баярду и доктору Пибоди. Потом мисс Дженни налила чашку себе, а Саймон подал сахар и сливки. Старый Баярд, продолжая ворчать, резал рыбу.

– Я ничего не имею против рыбы в любое время года, – сказал доктор Пибоди.

– Еще бы! – отрезала мисс Дженни.

Он снова подмигнул Нарциссе и сказал:

– Только я люблю ловить рыбу в собственном пруду. Моя рыба более питательна.

– У вас все еще есть пруд, док? – спросил молодой Баярд.

– Да. Но в этом году что-то неважно клюет. Прошлую зиму у Эйба была инфлюэнца, и с тех пор он поминутно засыпает, а мне приходится сидеть и ждать, пока он проснется, снимет с крючка рыбу и нацепит новую наживку. В конце концов я стал привязывать ему к ноге веревку, и когда рыба клюнет, я протягиваю руку, дергаю за веревку, и он просыпается. Вы должны как-нибудь привезти ко мне жену, Баярд. Она еще не знает, какой у меня пруд.

– Разве ты его не видела? – спросил Баярд Нарциссу. Нет, она его не видела. – Вокруг него стоят скамейки с подставками для ног и сделаны перила, чтобы прислонять удочки, и к каждому рыбаку приставлен черномазый, который нацепляет наживку и снимает с крючка рыбу. Не понимаю, чего ради вы кормите всех этих черномазых, док.

– Видите ли, они у меня так давно, что я теперь не знаю, как от них избавиться – разве что всех разом утопить. Труднее всего их прокормить. Весь мой заработок на них уходит. Если б не они, я б давным-давно бросил практику. Потому-то я и стараюсь обедать в гостях – каждый бесплатный обед все равно что праздник для рабочего человека.

– Сколько их у вас, доктор? – спросила Нарцисса.

– Я даже точно не знаю, – отвечал он. – Штук шесть или семь у меня зарегистрировано, а сколько там еще дворняжек – понятия не имею. Чуть не каждый день я вижу какого-нибудь нового детеныша.

Саймон слушал с жадным интересом.

– У вас случайно не найдется местечка, доктор? – спросил он. – Я тут как каторжный – с утра до ночи всех их кормить и поить приходится.

– А ты можешь каждый день есть холодную рыбу с овощами? – серьезно спросил его доктор.

– Нет, сэр, – с сомнением в голосе отвечал ему Саймон, – в этом я не уверен. Я однажды в молодости объелся рыбой, и с тех пор мой желудок ее не принимает.

– Вот видишь, а у нас дома больше есть нечего.

– Полно тебе, Саймон, – сказала мисс Дженни.

Саймон, неподвижно прислонившись к буфету, не сводил изумленного взора с доктора Пибоди.

– И вы на одной холодной рыбе и овощах в таком теле держитесь? Джентльмены, я бы с такой кормежки через две недели в скелет превратился, уж это точно.

– Саймон! – оборвала его мисс Дженни. – Оставьте его в покое, Люш, пусть он своим делом занимается.

Саймон внезапно вышел из своего оцепенения и убрал со стола рыбу. Нарцисса снова незаметно взяла под столом руку брата.

– Тетя Дженни, отвяжись от дока, – сказал Баярд. Он тронул деда за плечо. – Ты не можешь сказать ей, чтоб она оставила дока в покое?

– Что он сделал, Дженни? – спросил старый Баярд. – Он что, есть не хочет?

– Нам всем скоро будет нечего есть, если он будет беспрерывно рассуждать с Саймоном насчет холодной рыбы с ботвой молодой репы, – отвечала мисс Дженни.

– По-моему, с вашей стороны нехорошо так обращаться с доктором, мисс Дженни, – сказала Нарцисса.

– Ну что ж, я по крайней мере могу благодарить вас за то, что вы не вышли за меня замуж. Я когда-то делал Дженни предложение, – сообщил доктор.

– Ах вы, старый седой лгун! – воскликнула мисс Дженни. – Никогда ничего подобного не было.

– Нет, было! Но только я сделал это ради Джона Сарториса. Он сказал, что у него столько хлопот с политикой, что на домашние свары просто сил не хватает. И знаете...

– Люш Пибоди, вы величайший лгун на земле!

– ...ведь я ее почти уговорил. Это было в ту первую весну, когда зацвели сорняки, которые она привезла из Каролины; светила луна, мы с ней гуляли по саду, пел пересмешник, и...

– В жизни ничего подобного не было! – вскричала мисс Дженни.

– Посмотрите на нее, если вы думаете, что я лгу, – сказал доктор Пибоди.

– Посмотрите на нее! – грубо повторил за ним молодой Баярд. – Она покраснела!

Она и в самом деле покраснела, и щеки ее пылали, как знамена, но, несмотря на общий хохот, она продолжала высоко держать голову. Нарцисса встала, подошла к ней и обняла ее за стройные прямые плечи.

– Сию минуту все замолчите! – сказала она. – Ваше счастье, что кто-то из нас вообще выходит за вас замуж, и вы должны считать за честь даже отказ.

– Именно за честь я его и считаю, – подхватил доктор Пибоди. – В противном случае я не был бы теперь вдовцом.

– Еще бы вы не были вдовцом! Кто же может жить с такой пивной бочкой и сидеть на одной холодной рыбе с ботвой молодой репы, – заметила мисс Дженни. – Садитесь, милочка. Еще не родился тот мужчина, которого я испугаюсь.

Не успела Нарцисса вернуться на свое место, как снова появился Саймон, на этот раз в сопровождении Айсома, и в течение нескольких минут они сновали из кухни в столовую и обратно с блюдами, на которых красовалась жареная индейка, копченый окорок, жареные белки и куропатки, запеченный опоссум с гарниром из бататов, тыквы и маринованной свеклы; бататы и картофель; рис и кукуруза, горячие лепешки, пресное печенье, длинные изящные кукурузные палочки, консервированные груши и земляника, яблочное и айвовое

желе, клюквенное варенье и маринованные персики.

Все замолчали и принялись за еду, то и дело поглядывая друг на друга через стол, окутанные ароматными парами и розовым сиянием доброжелательности. Время от времени появлялся с теплым хлебом Айсом, а Саймон смотрел на поле брани подобно тому, как Юлий Цезарь взирал на покоренную им Галлию⁷⁰ или как сам господь бог, когда он созерцал результаты своего последнего химического опыта и увидел, что это хорошо⁷¹.

– Ну, Саймон, теперь, после всего этого, я, пожалуй, возьму тебя к себе и постараюсь, чтоб ты иногда получал кусочек солонины, – вздыхая, сказал доктор Пибоди.

– Да, пожалуй, – согласился Саймон, окидывая обедающих орлиным взором, как генерал, который бросает свои резервы в угрожаемые пункты, и настойчиво предлагая провиант тем, кто дрогнул. Но даже и доктор Пибоди вскоре вынужден был признать себя побежденным, и тогда Саймон внес пироги трех сортов, небольшой смертоносный плумпудинг, затейливый ореховый торт с виски и фруктами, восхитительный, как ароматы небес, роковой и вероломный, как смертный грех, и, наконец, с пророческим и торжествующе-глубокомысленным видом водрузил на стол бутылку портвейна. Солнце, подернутое дымкой, клонилось к пылающему закату, и его горизонтальные лучи, проникая в окна, играли сочными бликами на блестящих сферических поверхностях расставленной на буфете серебряной посуды и на разноцветных стеклах выходящего на запад круглого оконца.

Стоял ноябрь, пора туманных томительных дней, когда первая вспышка осени уже угасла, а зима еще прячется за пересохшей нитью горизонта, – ноябрь, когда год, словно мать семейства, укрытая одеялом, мирно испускает дух, окруженная детьми, без всяких болезней и страданий. С первых дней декабря начались дожди, и год склонил поседевшую голову под напором распада и смерти. Всю ночь напролет и весь день с утра дождь неумолчно шептал что-то на крыше и под стрехой. Деревья уронили наземь последние стоические листья и простерли в бесконечную даль скорбные черные ветви; один только гикори, словно сырое пламя в лазури, мерцал своею листвою в нижней части парка, а на краю долины стояли холмы, окутанные густою пеленой дождя.

Почти каждый день, невзирая на строгие запреты мисс Дженни и на грустный упрек в глазах Нарциссы, Баярд уходил из дому с ружьем и двумя собаками и, промокший до нитки, возвращался только в сумерки.

Замерзший до костей, он касался холодными губами ее губ, глядел мрачным затравленным взглядом, и когда в желтом свете камина, горящего в их комнате, Нарцисса льнула к нему или молча плакала, лежа в постели рядом с его неподвижным телом, ей казалось, что между ними поселился какой-то призрак.

– Послушай, – сказала мисс Дженни, подходя к Нарциссе, которая, задумавшись, сидела у камина в берлоге старого Баярда, – у тебя на это уходит слишком много времени. Так можно в конце концов помешаться.

Перестань о нем тревожиться – все они вечно ходят промокшие до костей, но на моей памяти еще никто из них даже насморка ни разу не схватил.

– Правда? – безразличным тоном отозвалась Нарцисса.

Мисс Дженни стояла возле ее стула, внимательно глядя ей в лицо. Потом положила руку на голову Нарциссы – для представительницы Сарторисов, пожалуй, даже слишком ласково.

– Может быть, тебя беспокоит, что он любит тебя не так, как бы тебе хотелось?

– Не в том дело, – отвечала Нарцисса. – Он никого не любит. Он даже ребенка любить

⁷⁰ ...Юлий Цезарь взирал на покоренную им Галлию... – Римский полководец Гай Юлий Цезарь (102-44 до н. э.) в течение нескольких лет был проконсулом Галлии, где одержал ряд блестящих побед.

⁷¹ ...и увидел, что это хорошо. – Словами «И увидел Бог, что это хорошо» в библейской «Книге Бытия» завершается описание каждого дня первотворения.

не будет. По-моему, он никогда не радуется, не огорчается и вообще ничего не чувствует.

– Ничего, – согласилась мисс Дженни.

В смолистых поленьях металось и потрескивало пламя. За окном растворялся бесконечный серый день.

– Знаешь что, – вдруг выпалила мисс Дженни, – не вздумай больше ездить с ним в этом автомобиле, слышишь?

– Не буду. Все равно я не могу заставить его ездить медленно. Ничто его не заставит.

– Конечно нет. И всем это известно, даже его деду. Он ездит с ним по той же причине, что и сам Баярд. Сарторисы. Это у них в крови. Дикари – все до единого. И никому от них никакого проку.

Обе пристально всматривались в пляшущие языки огня. Рука мисс Дженни все еще покоилась на голове Нарциссы.

– Мне жаль, что я втянула тебя в это дело.

– Вы тут ни при чем. Никто меня не втягивал. Это я сама.

– Гм... А еще раз ты бы так поступила? – спросила мисс Дженни и, не получив ответа, повторила свой вопрос: – Еще раз так поступила бы?

– Конечно, – отвечала Нарцисса. – Разве вы не знаете?

И снова между ними воцарилось молчание, и с великолепным покорным мужеством женщин они без слов подписали свой безнадежный пакт. Нарцисса встала.

– Если вы ничего не имеете против, я, пожалуй, съезжу на денек к Хоресу.

– Прекрасно, – одобрила мисс Дженни. – Я бы на твоём месте тоже съездила. Пора уже за ним немножко присмотреть. Когда он приезжал к нам на прошлой неделе, мне показалось, что он как-то осунулся. Боюсь, что он плохо питается.

Когда она подошла к дверям кухни, кухарка Юнис, месившая на доске тесто, обернулась и всплеснула руками:

– О мисс Нарси! Вы у нас уж целый месяц не были. Как же вы по такому дождю приехали?

– Я приехала в коляске. Для автомобиля слишком мокро. – Она вошла в кухню, сопровождаемая радостным взглядом Юнис. – Как вы тут живете?

– Он ест хорошо. Я сама за ним слежу. Но его приходится заставлять. Ему надо, чтоб вы вернулись.

– Ну вот я и вернулась. На день, по крайней мере. Что у вас сегодня на обед? – Вдвоем они принялись поднимать крышки и заглядывать в кипящие кастрюли на плите и в духовке. – О, шоколадный торт!

– Это я его задабриваю. Он за шоколадный торт что угодно съест, – с гордостью сказала Юнис.

– Еще бы! Таких шоколадных тортов никто делать не умеет.

– Этот мне не удался, – досадливо заметила Юнис. – Я им не очень довольна.

– Что ты, Юнис! Да он же просто замечательный.

– Нет, мэм, бывает и лучше, – твердила Юнис. Но она вся так и сияла от похвал, и некоторое время обе женщины дружески беседовали, между тем как Нарцисса заглядывала в ящики и шкафы.

Потом она вернулась в дом и поднялась в свою комнату. На туалете не было знакомых хрустальных и серебряных вещей, ящики были пусты, и вся комната, заброшенная и тихая, являла собою вид молчаливого упрека. К тому же в ней было холодно – с прошлой весны камин не топили, а на ночном столике у постели, забытый и увядший, стоял букетик цветов в голубой вазе. От прикосновения цветы тотчас осыпались, оставив на пальцах темные пятна, а вода в вазе отдавала гнилью. Она открыла окно и выбросила их во двор.

В комнате было так холодно, что она решила попросить Юнис затопить камин, как бы в утешение той части ее существа, которая все еще оставалась здесь, рассудительная и немного грустная в этом зябком и полном упрека запустенье. Подойдя к комоду, она опять вспомнила

те письма, с досадой укоряя себя за то, что из-за своей небрежности забыла их уничтожить. Но может быть, все-таки не забыла? Стараясь вспомнить, что она сделала с письмами, Нарцисса вновь вступила в замкнутый круг смятения и страха. Однако она твердо помнила, что положила их в ящик с бельем и оставила там. Но ведь потом она так и не могла их найти, и ни Юнис, ни Хорес их не видели. Она хватилась их накануне свадьбы, когда укладывала свои вещи. В тот день она их не нашла, а вместо них обнаружила новое письмо, написанное совсем другим, незнакомым почерком и явно доставленное не по почте. Суть его была совершенно ясна, хотя некоторых слов она не поняла. В тот день она прочитала его со спокойной отчужденностью – и самое письмо, и все, о чем оно напоминало, осталось теперь позади. Но и без этого она бы не возмутилась, если бы даже все поняла. Возможно, полюбопытствовала бы, что означают некоторые слова, и только.

Однако она никак не могла вспомнить, что же она все-таки сделала с остальными письмами, и содрогнулась от страха: ведь люди могут узнать, что кто-то думал о ней так и даже выразил это словами. Но писем нет, и остается только надеяться, что она их уничтожила так же, как и последнее, а в противном случае утешаться тем, что их никто никогда не увидит. Но эта мысль снова вызвала в ней прежнее отвращение и ужас: неужели ее глубокая, доселе незатронутая безмятежность может стать игрушкой обстоятельств, неужели ей остается лишь уповать, что какой-нибудь незнакомец случайно не поднимет с земли клочок бумаги...

Нет, она во что бы то ни стало отбросит эти мысли, по крайней мере сейчас. Сегодняшний день будет посвящен Хоресу, да и ей самой тоже – она должна отдохнуть от того населенного призраками сна, за который цепляется, пробуждаясь.

Она сошла вниз по лестнице. В гостиной топились камин. Он, правда, уже догорал, и она подбросила в него угля и раздула огонь. Это будет первое, что он увидит, когда войдет в дом; быть может, он удивится, а быть может, догадается, почувствует, что она здесь. Ей захотелось позвонить ему по телефону, но, поколебавшись, она решила, что лучше сделает ему сюрприз. А вдруг он из-за дождя не пойдет домой обедать? Взвесив такую возможность, она представила себе, как он идет по улице под дождем, и тотчас же подбежала к стенному шкафу под лестницей и открыла дверцу. Так и есть – предчувствие ее не обмануло, и пальто и плащ висят на месте, зонтика он наверняка тоже не взял; и снова ее охватило раздражение, досада и ничем не замутненная нежность, и снова все встало на свои прежние места, а все, что потом появилось между ними, рассеялось как дым.

Раньше ее рояль с наступлением холодов всегда переносили в гостиную. Но теперь он все еще стоял в маленькой нише. Здесь тоже был камин, но его еще не растопили, и в комнате было прохладно. Холодные клавиши под ее руками издали глухой аккорд – в нем тоже звучало осуждение и упрек, и она вернулась к огню и стала так, чтобы видеть через окно аллею под мокрыми сумрачными виргинскими можжевельниками. Маленькие часы па каминной полке у нее за спиной пробили двенадцать, и она подошла к окну и прижалась носом к холодному стеклу, замутив его своим дыханием. Теперь уже скоро: он не замечал времени, но никогда не опаздывал, и всякий раз, как в поле зрения появлялся зонтик, сердце замирало у нее в груди. Но это был не он, и Нарцисса провожала взглядом шлепающего по лужам человека до тех пор, пока из-под зонта ей не удавалось разглядеть его физиономию, и потому увидела Хореса только тогда, когда он дошел уже до середины аллеи. Поля его шляпы были опущены на лоб, воротник пиджака поднят до ушей и, как она и думала, у него даже и зонтика не было.

– Ах ты, дурень, – сказала она, ринулась к дверям и через матовое стекло увидела, как его смутная тень перепрыгивает через ступеньки. Он распахнул дверь и вошел, хлопая мокрой шляпой по ноге, и не заметил сестры до тех пор, пока она не подошла вплотную.

– Дурень, почему ты без плаща? – проговорила она.

Мгновенье он смотрел на нее своим безумным, робким и беспокойным взглядом, потом воскликнул: «Нар-си!», лицо его засветилось, и он охватил ее мокрыми руками.

– Пусти! – кричала она. – Ты весь мокрый!

Но он поднял ее, прижал к своей промокшей насквозь груди, повторяя: «Нарси, Нарси», и когда его холодный нос коснулся ее лица, она ощутила на губах вкус дождя.

– Нарси, – еще раз сказал он, обнимая ее, и она перестала вырываться и прижалась к нему. Потом он внезапно выпустил ее, вскинул голову, впился в нее мрачным взглядом и проговорил: – Нарси, неужели этот грубый негодяй...

– Да нет же, нет! – отрезала она. – Ты что, с ума сошел?

Потом снова прильнула к нему, забыв об его мокрой одежде, так крепко, как будто ни за что не хотела отпустить.

– О, Хорри! – сказала она. – Я так подло с тобой поступила!

3

На этот раз навстречу шел «форд», и когда шофер попытался выровнять его на предательской подтаявшей дороге, его стало бешено швырять из стороны в сторону, и в этот короткий миг между воротником шофера (он был без галстука) и женским чулком, который он намотал себе на голову под шляпой и завязал под подбородком, Баярд увидел его кадык, скачущий, словно перепуганный щенок в пеньковом мешке, и коротко усмехнулся. Все это промелькнуло и скрылось позади, Баярд резко вывернул руль, выжал сцепление, мотор взревел, огромный автомобиль занесло на скользкой поверхности, и перед его глазами, вызывая чувство тошноты, снова выплыл застрявший в грязи «форд». Потом «форд» опять уплыл из поля зрения, когда Баярд снова вывернул руль и для большей устойчивости включил сцепление, но колеса упорно не желали двигаться вдоль дороги, и автомобиль медленно сносило вбок, а морозный декабрьский мир, вызывая головокружение и тошноту, отклонялся то влево, то вправо от горизонтальной плоскости. Старого Баярда швырнуло на внука, и тот уголком глаза увидел, что старик ухватился рукой за верхний край дверцы. Теперь автомобиль встал носом к крутому холму, на котором было расположено кладбище; прямо над их головами, окруженный недвижимыми можжевельниками, театральным жестом простер каменную руку Джон Сарторис, зорко всматриваясь в долину, где на протяжении двух миль перед его высеченными из камня глазами тянулась построенная им железная дорога. Баярд еще раз вывернул руль.

С противоположной стороны дороги зияла отвесная пропасть. Здесь, на крутом откосе, поросшем карликовым можжевельником и изрытом бурными бороздами, в тех местах, куда еще не добралось солнце, лежали грязные комья снега и серебрился тонкий ажурный иней. Задняя часть автомобиля на мгновение, казавшееся бесконечным, повисла над этим провалом, но в конце концов автомобиль снова повернулся и с работающим на полную мощность мотором, не снижая скорости, крутился до тех пор, пока опять не встал носом к спуску. Но он все равно никак не мог попасть в колею, и, хотя они спустились почти до самого подножья холма, Баярд понял, что на дороге ему не удержаться. Перед тем, как с нее соскользнуть, он резко повернул к пропасти, и автомобиль на секунду, словно переводя дух, лениво повис над пустотой.

– Держись! – крикнул Баярд деду, и они нырнули вниз.

Секунда полной тишины, в которой исчезло всякое ощущение движенья. Потом вокруг затрещал раздавленный низкорослый можжевельник, по радиатору со свистом захлестали ветви, злобно норовя треснуть сидоков по головам; они наклонились вперед, уперлись ногами в пол, а автомобиль, подпрыгивая, описал длинную дугу. Снова беззвучная пустота, потом резкий толчок, от которого рулевое колесо ударило Баярда в грудь и, вырываясь из рук, чуть не выдернуло их из суставов. Деда швырнуло вперед, и Баярд, выбросив поперек руку, едва успел удержать старика, который чуть не выбил голову стекло.

– Держись! – крикнул он.

Автомобиль, не снижая скорости, несся вперед, и Баярд, ухватившись за прыгающий руль, повернул вниз на дно оврага, дал газ, и на полной скорости, усиленной еще инерцией падения, автомобиль затрясся, с грохотом обрушился на дно рва, повернул, поднялся на низкий в этом месте откос и снова выехал на дорогу. Баярд затормозил.

С минуту он сидел не двигаясь.

– Фью, – проговорил он наконец. – Боже милосердный.

Дед неподвижно сидел рядом, все еще вцепившись рукою в дверцу и слегка наклонив голову.

– Пожалуй, теперь можно и закурить, – сказал Баярд. Он нашарил в кармане папиросу; руки у него дрожали. – Когда нас занесло, я снова вспомнил про этот проклятый бетонный мостик, – извиняющимся тоном пояснил оп. Жадно затянувшись, он взглянул на деда. – Ну, как ты там, в порядке?

Старый Баярд ничего не ответил, и, вынув изо рта папиросу, Баярд пристально на него посмотрел. Тот по-прежнему сидел, слегка наклонив голову и держась рукою за дверцу.

– Дедушка! – нетерпеливо сказал Баярд. Но старый Баярд не шелохнулся, не шелохнулся он даже тогда, когда его внук бросил папиросу и грубо тряхнул его за плечи.

4

Неутомимая лошадка-пони внесла его на последний крик, и в низком декабрьском солнце тень их пересекла гребень холма и скрылась позади в долине, откуда тихий морозный воздух донес визгливое тьяканье собак.

«Молодые псы», – заметил про себя Баярд и, направив свою лошадь по еле различимой царапине дороги, прислушался к их истерически-пронзительному визгу, который гулким эхом отдавался в ушах. Неподвижно сидя в седле, он явственно ощущал морозное дыхание воздуха. Несмотря на полное безветрие, в вершинах сосен у него над головой звучал беспокойный сухой шелест, как будто разлитый в воздухе мороз обрел здесь наконец свой голос, а еще выше в вечерней синеве тупым треугольником тянулась стая гусей. «Быть гололеду», – подумал он, наблюдая за ними и представляя себе черную заводь, в которой они останутся на отдых, где штыками оцетинились мертвые стебли камыша, а вокруг, в хрупкой темноте, вот-вот сгустится стекляннистая водная зыбь. Позади волна за волною катилась земля; голубая, как дым от костра, она тонкой струйкой застывшей крови растворялась в вечернем небе. Повернувшись в седле, он немигающим взором смотрел на солнце, которое, словно яйцо, разбитое о гребни далеких холмов, алым пятном расплылось на горизонте. Это предвещало непогоду, и, надеясь почуять запах снега, он полной грудью вдохнул неподвижный колючий воздух.

Лошадка-пони фыркнула, на всякий случай мотнула головой и, убедившись, что седок ослабил поводья, опустила нос и снова фыркнула в мертвые листья и в сухие сосновые иглы у себя под ногами.

– Поехали, Перри, – сказал Баярд, дернув за поводья. Перри поднял голову и, подпрыгивая, враскачку побежал вперед, но Баярд ловко перевел его на ровную рысь.

Вскоре где-то слева, неожиданно очень близко, снова залились громким лаем собаки, и когда он, осадив Перри, посмотрел на исчезающую впереди царапину дороги, то увидел, что навстречу ему по самой ее середине степенно бежит лисица. Перри увидел ее одновременно с Баярдом и, отведя назад тонкие уши, стал отчаянно вращать молодыми глазами. Но зверек, ничего не замечая, ровной неторопливой рысью приближался к ним, временами оглядываясь через плечо.

– Что за чертовщина! – прошептал Баярд, крепко сжав коленями бока Перри. До лисицы оставалось не больше сорока ярдов, но она все еще шла вперед, явно не замечая всадника. Баярд закричал.

Лисица глянула на него, в глазах ее на мгновение алым отблеском вспыхнуло низкое солнце, и, метнувшись коричневой тенью, она исчезла. Баярд напряженно выдохнул воздух, сердце его бешено колотилось о ребра.

– Эгей! – завопил он. – Сюда, псы!

Неистовый собачий визг адской какофонией разорвал тишину, и вся стая выкатилась на дорогу бурлящим месивом пятнистых шкур, болтающихся языков и хлопающих ушей. Среди собак не было ни одной взрослой, и, не обращая внимания ни на седока, ни на лошадь, они, визжа, бросились в кусты, куда скрылась лисица, и продолжали бешено лаять, и Баярд, поднявшись в стремях, услышал еще более высокое и бешеное тьяканье, а потом увидел, как

два совсем еще маленьких коротконогих щенка выскочили из леса и галопом промчались мимо него, всхлипывая и подвывая с забавным выражением безумной озабоченности на мордах. Затем визг и тьявканье отдались истерическим эхом и постепенно затихли.

Он поехал дальше. По обе стороны дороги возвышались гряды холмов – одна была темная, как бронзовый бастион, другая розовела в последних лучах заката. Воздух щипал ноздри, бодрящими иголками покалывая легкие. Дорога, по краям которой росли редкие деревья, вилась по долине. Над западной стеной виднелась теперь лишь половина солнечного диска, и всадник, словно в холодную воду, по самые стремяна погрузился в тень. Времени оставалось ровно столько, чтобы засветло добраться до места, и он подстегнул Перри. Впереди снова залаяли собаки, и он галопом поскакал в ту сторону, откуда доносился лай.

Вскоре перед ним открылась прогалина – заброшенное поле, старые борозды которого давно заросли бородачевником. Солнце наполнило ее тускнеющим золотом, и Баярд остановил Перри – на краю поля у самой дороги сидела лисица. Она сидела на задних лапах, как собака, и глядела на деревья за прогалиной, и Баярд снова пустил Перри вперед. Лисица повернула голову и украдкой окинула его быстрым, но совершенно спокойным взглядом, который заставил его в полном изумлении остановиться. Лай собак, бегущих по лесу, приближался, но лисица сидела па задних лапах, украдкой поглядывая на человека и не обращая никакого внимания на собак. Она не выказала ни малейших признаков тревоги, даже когда на прогалину с бешеным тьявканьем выскочили щенки. Некоторое время они толклись на опушке, а лисица поочередно поглядывала то на них, то на человека.

Наконец самый большой щенок, по-видимому вожак, увидел добычу. Собаки тотчас замолчали, перебежали прогалину, сели в кружок, высунув языки, уставились на лисицу, а потом дружно повернулись к темнеющему лесу, из которого все громче и громче доносился дикий пронзительный визг. Вожак пролаял один раз, в лесу раздался совсем уже обезумевший вой, и два крохотных щенка, вынырнув из-за деревьев, словно кроты, зарылись в бородачевник и с трудом выбрались из него на поверхность. Лисица поднялась, еще раз украдкой окинула взглядом всадника и, окруженная пестрой дружелюбной толпой усталых щенков, вышла на дорогу и скрылась за деревьями.

– Ну и чертовщина! – сказал Баярд, глядя им вслед. – Поехали, Перри.

Наконец над деревьями показалась бледная, не тронутая ветром струйка дыма, и, выехав из леса, Баярд в ступившихся сумерках увидел на неровной стене дома манящее красноватым сиянием окно. Собаки уже снова подняли гулкий залиvistый лай; в нем ясно выделялся тенор щенков и голос человека, который пытался их утихомирить, а когда Баярд, въехав во двор, остановил Перри, лисица робко, но без излишней спешки, скрылась под крыльцом. В темноте к нему подошел худощавый человек с топором и охапкой дров в руках, и Баярд спросил:

– Что это за чертовщина, Бадди? Откуда такая лиса?

– Это Эллен, – отвечал Бадди. Он аккуратно положил на землю дрова и топор, подошел и пожал руку Баярду по-деревенски мягко, хотя в руке его чувствовалась твердость и сила. – Как живете?

– Отлично, – отозвался Баярд. – Я приехал за тем старым лисом, про которого мне Рейф рассказывал.

– Это дело. – Бадди был немногословен и нетороплив. – Мы вас давно ждем. Слезайте и давайте мне пони.

– Не надо. Ты неси дрова, а Перри я сам поставлю. Однако Бадди ненавязчиво, но вежливо и твердо стоял на своем, и Баярд уступил.

– Генри! – крикнул Бадди. В доме открылась дверь, и на фоне ярких и веселых языков пламени вырисовалась приземистая фигура. – Баярд приехал. Идите, погрейтесь.

Он повел Перри в конюшню. Собаки окружили Баярда, он поднял с земли дрова и топор и пошел к дому в окружении призрачной пятнистой своры, а Генри, стоя в освещенном дверном проеме, дождался, пока он поднимется на веранду и прислонит топор к стене.

– Как живете? – спросил Генри, и опять рукопожатие было вялым, а рука доброжелательной и твердой, хотя и мягче, чем крепкая молодая рука Бадди. Он взял у Баярда

дрова, и оба вошли в дом. На бревенчатых, обмазанных глиной стенах комнаты висели старые календари и цветная литография с рекламой какого-то патентованного лекарства. Обтесанные вручную доски пола были истерты тяжелыми сапогами и отполированы лапами многих поколений собак, а в огромном очаге могли улечься рядом двое мужчин. Сейчас в нем горели четырехфутовые бревна, и бешеные языки пламени, поплясав у обмазанной глиной задней стенки, скрылись в черной утробе дымохода, а на фоне этого огня, подсвечивавшего ореол его растрепанных седых волос, вырисовывался силуэт Вирджиниуса Маккалема.

– Баярд Сарторис приехал, отец, – сказал Генри, Старик со степенной осторожностью льва повернулся на стуле и, не вставая, протянул Баярду руку. В 1861 году он шестнадцатилетним мальчишкой отправился пешком в Лексингтон, штат Виргиния, записался в армию, четыре года прослужил в бригаде Джексона – Каменная Стена, потом ушел обратно в Миссисипи, построил себе дом и женился. Жена принесла ему в приданое каминные часы и разделанную свиную тушу, а его отец подарил молодоженам мула. Жена Маккалема умерла уже много лет назад, ее преемница умерла тоже, а он сидел теперь у очага, на котором когда-то зажарили ту свинью, под крышей, построенной им в 1866 году, а на каминной полке над его головой стояли те самые часы, презрев время, которому некогда верно служили.

– Ну что, парень? Долгонько же пришлось тебя ждать. Как там ваши? – спросил он.

– Прекрасно, сэр, – отвечал Баярд, бросив острый внимательный взгляд на здоровое румяное лицо старика. Нет, они еще ничего не знают.

– Мы ждем тебя с тех пор, как Рейф прошлой весной тебя в городе встретил. Генри, вели Мэнди поставить еще одну тарелку.

Четыре собаки вошли в комнату следом за ним. Три серьезно смотрели на него горящими глазами, а четвертая, гончая с голубыми отметинами и с выражением царственного величия, подошла и холодным носом ткнулась ему в ладонь.

– Здорово, Генерал! – сказал он, потрепав ей уши, и тогда другие собаки тоже подошли, тыкаясь носами в руки.

– Возьми себе стул, – сказал мистер Маккалем. Он повернул свой стул, и Баярд повиновался. Собаки двинулись за ним, с неуклюжей учтивостью суетясь у него под ногами.

– Я все твоего деда сюда приглашал, – продолжал старик, – да только он либо слишком зазнался, либо ему просто лень с места двинуться. Эй, Генерал!

По-шел-ка ты вон. Гони их прочь, Баярд. Генри! – крикнул он. Появился Генри. – Убери этих проклятых собак, пусть дадут спокойно поужинать.

Генри выгнал собак из комнаты. Мистер Маккалем взял с каминной доски длинную сосновую лучину, зажег ее в очаге, закурил трубку, погасил лучину в золе и положил обратно на полку.

– Рейф и Ли сегодня в городе, – сказал он. – Ты мог бы с ними на фургоне приехать. Но на лошади тебе, конечно, больше нравится.

– Да, сэр, – спокойно отвечал Баярд. Значит, они узнают. Некоторое время он смотрел в огонь, медленно потирая руками колени, и перед его холодным мысленным взором в один короткий миг пронеслись последние месяцы его жизни, со всем их безумством и безрассудством; он увидел их сразу во всей их полноте, как будто перед ним мгновенно размотали кинолентку, в конце которой находилось то, о чем его не раз предупреждали и что любой глупец мог бы легко предвидеть сам. Какого черта, допустим, что и мог, но ведь его ли в том вина? Разве он насильно заставлял деда с ним ездить? Разве это он вложил в грудь старику никудышное сердце? И дальше, холодно и четко: Ты боялся вернуться домой. Ты заставил черномазого тайком вывести тебе лошадь. Ты нарочно совершаешь поступки, про которые сам знаешь, что они обречены на неудачу или вообще невозможны, а потом у тебя не хватает смелости отвечать за последствия. Потом в глубоких, бессонных, горьких тайниках его души ярко вспыхнуло сначала обвинение, потом попытка оправдания и снова суровый приговор; кто тут кого пытался обвинить или кому пытался отпустить вину – не знал он толком даже сам: Ты все это наделал! Ты во всем виноват; ты убил Джонни.

Генри подвинул к огню стул, и вскоре старик осторожно вытряхнул себе на ладонь

глиняную трубку и вытащил из кармана плисового жилета огромную серебряную луковицу.

– Половина шестого, – проговорил он. – Что, ребята еще не вернулись?

– Они уже здесь, – коротко отозвался Генри, – когда я водил собак, я слышал, что они распрягают.

– Ну, тогда принеси кувшин, – приказал ему отец Генри встал и снова вышел; вскоре на крыльце послышались тяжелые шаги, и Баярд, повернувшись на стуле, мрачно уставился на дверь. Дверь открылась, и в комнате появились Рейф и Ли.

– Вот это здорово, – сказал Рейф, и его худощавое темное лицо просветлело. – Выбрался наконец?

Он пожал Баярду руку; Ли последовал его примеру. Как и у остальных братьев, лицо Ли казалось сумрачной темной маской. Он был не такой коренастый, как Рейф, и самый молчаливый из всех. В глубине его черных беспокойных глаз таилась какая-то безумная печаль. Пожимая Баярду руку, он не сказал ни слова.

Но Баярд следил за Рейсром. Лицо его не выражало ничего – ни холода, ни вопроса. Неужто он был в городе и ничего там не слышал? Или все это привиделось ему во сне? Но нет, ошибки здесь быть не могло – он ясно помнил не оставляющее сомнений чувство, которое охватило его, когда он прикоснулся к деду, помнил, как тот вдруг осел, словно внутренний стержень гордости и упрямого вызова фамильному року, так долго сохранявший в нем непреклонную твердость и силу, внезапно подался и наконец отпустил на покой его нестигаемый костяк.

– Вы в транспортной конторе были? – спросил мистер Маккалем.

– Мы так и не добрались до города, – отвечал Рейф. – Как раз перед самым Верноном у нас сломалась ось. Пришлось распрягать, ехать верхом в Верной и там ее чинить. Добираться до города было уже поздно. Купили все, что надо, и вернулись домой.

– Ну и ладно. Поедете на будущей неделе, перед рождеством, – сказал старик.

Баярд глубоко вздохнул и закурил папиросу; из открывшейся двери потянуло холодом, и в полосе переливчатой тьмы в комнату вошел Бадди, прислонился к стене и сел на корточки в затененном углу возле очага.

– Тот лис, про которого ты мне говорил, еще цел? – спросил Баярд у Рейфа.

– Цел. Но на этот раз мы его обязательно загоним. Может, даже завтра. Погода меняется.

– Будет снег?

– Похоже. Что сегодня ночью будет, отец?

– Дождь, – отвечал старик. – И завтра тоже. До среды хорошего следа ждать нечего. Генри! – позвал он и через секунду снова крикнул: – Генри!

Вошел Генри; он нес черный котел, над которым поднималась тонкая струйка пара, глиняный кувшин и толстый стакан с металлической ложкой. В невысокой приземистой фигуре Генри, в его добрых карих глазах и неторопливых ловких руках было что-то домашнее, женственное. Именно он распоряжался на кухне (он теперь стряпал даже лучше Мэнди) и в доме, где проводил большую часть времени, спокойно и без суеты занимаясь каким-нибудь нескончаемым делом. В городе он бывал почти так же редко, как и отец, охоту не любил, и единственным его развлечением было приготовление виски, доброго виски исключительно для домашнего употребления, в тайной цитадели, известной только отцу и негру, который ему помогал, согласно рецепту, полученному по наследству от многих поколений предков, вспоенных шотландским «асквибо»⁷². Он поставил котел, кувшин и стакан на очаг, взял из рук отца глиняную трубку, положил ее на каминную доску и снял оттуда надтреснутую сахарницу и семь стаканов с металлической ложкой в каждом. Старик наклонился к огню и с торжественным видом начал очень медленно и старательно наполнять пуншем один стакан за другим. Когда каждый из присутствующих получил свою порцию, осталось еще два стакана.

– А разве остальные еще не пришли? – спросил он. Никто ему не ответил, и он заткнул

⁷² «Асквибо» – шотландское виски.

пробкой кувшин. Генри поставил оба стакана обратно на каминную полку.

В дверях показалась Мэнди, заполнив весь проем своей большой нескладной фигурой, облаченной в ситцевое платье.

– Можно идти ужинать, – сказала она и, повернувшись, вперевалку пошла обратно.

Баярд заговорил с пей, и она остановилась, пропуская выходящих из комнаты мужчин. Старик держался прямо, как индеец, и, если не считать гибкого худощавого Вадди, был на голову выше всех своих сыновей. Мэнди, стоя у дверей, подала Баярду руку.

– Давненько вы у нас не были, – сказала она. – Надеюсь, вы не забыли Мэнди.

– Конечно нет, – отвечал Баярд. Однако он о ней забыл. Деньги не могли заменить для Мэнди какой-нибудь грошовой безделушки, которую Джон никогда не забывал ей привезти. Баярд вышел вслед за остальными в морозную тьму. Земля уже твердела под ногами, над головою сверкало звездное небо. Остановившись за спинами идущих впереди, он, как и все, подождал, пока Рейф откроет дверь в стоявшую отдельно кухню, и посторонился, пропуская остальных. В теплом воздухе комнаты плавала прозрачная голубая дымка, пропитанная едкими ароматами стряпки, на длинном столе горела ровным светом керосиновая лампа. У одного конца стола стоял единственный стул, с остальных трех сторон к нему были приставлены деревянные скамейки без спинок. У дальней стены располагалась печка, огромный дощатый шкаф для посуды и ящик с дровами. За печкой сидели два взрослых негра и мальчик, на их блестящих от жары лицах сверкали белки глаз, под ногами у них возилось пятеро щенков, они с притворной яростью огрызались друг на друга, тыкались влажными мордами в неподвижные лодыжки негров или неуклюже елозили по полу возле печки.

– Здорово, ребята, – сказал Баярд, обращаясь к каждому негру по имени, и они подняли к нему головы, застенчиво поблескивая зубами и вежливо бормоча что-то в ответ.

– Посади-ка ты этих щенят на место, Ричард, – приказала Мэнди.

Негры собрали щенков и друг за другом побросали их в маленький ящик возле печки, где они продолжали возиться, царапаться и толкаться, глухо протестуя против столь бесцеремонного обращения. Во время ужина над краем ящика то и дело появлялась какая-нибудь голова; серьезно поморгав любопытными глазенками, щепок недовольно исчезал, и в ящике снова поднималась возня, сопение и слабый писк.

– Потихе вы там! Спать пора! – говорил тогда Ричард, стуча костяшками пальцев по ящику. Шум постепенно утих.

Старик уселся на единственный стул, сыновья и гость заняли места вокруг стола; кое-кто без пиджаков, все без галстуков, и все темные сумрачные лица были как монеты одного чекана. На ужин подали сосиски и свиные ребра, мамалыгу, жареные бататы, кукурузные лепешки, патоку из сорго и, наконец, кофе, который Мэнди наливала из огромного эмалированного кофейника. Во время ужина появилось еще двое братьев – Джексон, самый старший, мужчина пятидесяти двух лет с широким высоким лбом, густыми бровями и выражением одновременно мечтательным и хмурым – своего рода застенчивый и непрактичный Цинциннат⁷³, и сорокачетырехлетний Стюарт, близнец Реифа. Хотя они и были близнецами, между ними нельзя было заметить большего сходства, чем между любыми двумя из остальных братьев, словно чекан был слишком уверенным и давал отпечаток настолько четкий, что его не могла поторопить или переделать даже сама природа. Стюарт был начисто лишен непринужденности Реифа (Реиф был единственным из всех, кого при некотором избытке воображения можно было назвать разговорчивым), но зато обладал почти таким же невозмутимым спокойствием. Он был хорошим фермером и ловким коммерсантом и имел солидный собственный счет в банке. Пятидесятилетний Генри был по возрасту вторым.

Все ели степенно и молча, дружелюбно перебрасываясь только самыми необходимыми словами. Мэнди двигалась от стола к печке и обратно.

⁷³ Цинциннат (V в. до н. э.) – прославленный римский полководец, который после каждого своего подвига неизменно отказывался от всяких почестей и возвращался к мирному труду землепашца; образец римской добродетели.

Незадолго до конца ужина в комнату сквозь толстые стены проник внезапно раздавшийся в ночи громкий, как набат, собачий лай. Негр Ричард поднял голову и сказал: «Вот они». Бадди застыл с поднесенной ко рту чашкой кофе в руке.

– Где они, Дик?

– Сразу за ручьем. Не иначе как они его загнали.

Бадди встал и выскользнул из своего угла.

– Я пойду с вами, – сказал Баярд и тоже встал. Остальные спокойно продолжали есть. Ричард снял со шкафа фонарь, засветил его, и все трое вышли из комнаты в холодную тьму, которую рассекал лай собак, звеневший словно стекло на морозе. Было темно и зябко. Сплошная непроницаемая масса дома и окружавшей его низкой стены прерывалась лишь красноватым отблеском в окне.

– Земля уже почти затвердела, – заметил Баярд.

– Сегодня ночью мороза не будет, – отозвался Бадди, – верно, Дик?

– Да, сэр. Будет дождь.

– Ну да, ни за что не поверю, – сказал Баярд.

– Отец тоже так сказал. Сейчас теплее, чем было при заходе солнца, – отвечал Бадди.

– Что-то я не замечаю, – упорно не соглашался Баярд.

Они миновали фургон, – он неподвижно стоял под светом звезд, и только ободья колес блестели, как атласные ленты, – прошли мимо длинной конюшни, из которой доносилось сопение и фыркание. Потом фонарь замелькал среди деревьев, и тропа начала спускаться вниз. Прямо под ними раздался оглушительный лай собак, в слабом мерцании фонаря замечались их призрачные тени, и на молодом деревце у самого ручья они увидели опоссума – неподвижно сжавшись в комочек и крепко зажмурив глаза, он висел между двумя сучьями футок в шести от земли. Бадди поднял за хвост обмякшего зверька.

– Фу-ты, черт, – сказал Баярд.

Бадди отогнал собак, и они снова вернулись на тропу. Войдя в заброшенный сарай позади кухни, Бадди направил фонарь па ящик, забранный редкой проволочной сеткой; оттуда пахло острым теплым запахом, красными точками блеснуло с полсотни глаз, и, лениво поворачивая к свету острые, похожие на человеческий череп мордочки, закопошились седые мохнатые тельца. Бадди открыл дверцу, бросил нового пленника к остальным и отдал фонарь Ричарду. Все трое вышли из сарая. Небо, понемногу утрачивая свой яркий морозный блеск, начало уже затягиваться дымкой.

Все остальные сидели полукругом перед пылающим очагом; у ног старика дремала пятнистая голубая ГОН– чай. Сидящие подвинулись, освобождая место для Баярда, а Бадди снова уселся на корточки в углу над очагом.

– Поймали? – спросил мистер Маккалем.

– Да, сэр, – отвечал Баярд. – Вроде как сняли шляпу с гвоздя па стене.

Старик попыхивал трубкой.

– Не бойся, ты без настоящей охоты от нас не уедешь, – сказал он Баярду.

– Сколько их у тебя, Бадди? – спросил Рейф.

– Всего четырнадцать.

– Четырнадцать? – повторил Генри. – Да нам в жизни столько опоссумов не съесть.

– Ну, тогда выпускай их и лови снова, – отвечал Бадди.

Старик неторопливо попыхивал трубкой. Остальные тоже курили или жевали табак; Баярд вытащил свои папиросы и предложил их Бадди. Тот покачал головой.

– Бадди так и не начал курить, – заметил Рейф.

– Да ну? Почему, Бадди? – спросил Баярд.

– Не знаю, – отозвался Бадди из своего темного угла. – Наверно, просто некогда было учиться.

Пламя трещало и металось; время от времени Стюарт, сидевший ближе всех к ящику с дровами, подбрасывал в огонь полено. Собака, лежавшая у ног старика, поводила носом, словно принюхиваясь к чему-то во сне; пепел из очага посыпался ей на нос, она чихнула,

проснулась, подняла голову, моргая, поглядела в лицо старику и вновь задремала. Маккалемы сидели безмолвно, почти не двигаясь; казалось, будто эти суровые мужественные лица с орлиным профилем высек из сумрачной тьмы огонь очага, будто замысел их родился в одной голове и будто все они были обтесаны и покрашены одной и той же рукой. Старик аккуратно вытряс себе на ладонь трубку и взглянул на массивные серебряные часы. Восемь.

– Мы встаем в четыре, Баярд, – сказал он. – Ну, а тебе можно поспать до рассвета. Принеси кувшин, Генри.

– В четыре часа, – сказал Баярд, когда они с Бадди раздевались в освещенной лампой холодной пристройке, где на огромной деревянной кровати, застланной выцветшим лоскутным одеялом спал Бадди. – Стоит ли тогда вообще ложиться?

В холодном воздухе его дыхание превращалось в пар.

– Пожалуй, – согласился Бадди, через голову снимая с себя рубашку и сбрасывая потрепанные защитного цвета штаны с худых, как у скаковой лошади, ног. – В нашем доме ночи короткие. Но вы же гость.

В голосе его прозвучал легкий оттенок зависти и щемящей тоски. После двадцати пяти лет утренний сон уже никогда не будет таким сладким. Его приготовления ко сну были просты – сняв сапоги, брюки и рубашку, он лег в постель в шерстяном нижнем белье и, укрывшись так, что из-под одеяла виднелась одна только круглая голова, смотрел на Баярда, который стоял перед ним в майке и тонких трусах.

– Вы так замерзнете, – сказал Бадди. – Хотите, я дам вам что-нибудь потеплее?

– Да нет, мне будет тепло, – отвечал Баярд.

Задув лампу, он ощупью подошел к кровати, поджимая пальцы на ледяном полу, и залез в постель. Тюфяк был набит кукурузной мякиной, она сухо зашуршала под ним, и как только он или Бадди поворачивались или даже глубоко вздохнули, начинала тихонько потрескивать.

– Подоткните как следует одеяло, – посоветовал Бадди из тьмы, с удовольствием шумно выдыхая воздух. Он громко зевнул. – Давненько мы с вами не видались.

– Верно. А правда, сколько? Года два-три, не меньше.

– В девятьсот пятнадцатом последний раз вы с ним... – Помолчав, он тихо добавил: – Я прочел в газете, когда это случилось. Там была фамилия. Я почему-то сразу догадался, что это он. Газета была английская.

– Прочел в газете? Где ты тогда был?

– Да там, где эти англичанки были. Куда нас послали. В низине. Не пойму, как они ее осушают, чтобы снять урожай при таких-то дождях.

– Да. – Нос у Баярда превратился в ледяшку. При выдохе нос чуть-чуть согревался, ему казалось, будто он видит, как его дыхание превращается в бледный дымок и при вдохе снова холодит ноздри. Ему казалось, будто он чувствует, как доски потолка спускаются к низкой стене, у которой лежал Бадди, чувствует, как воздух, холодный, горький и густой, такой густой, что им невозможно дышать, заполняет низкий угол комнаты, и он лежит под ним, словно под невидимой кучей талого снега... Ощущая под собой сухое потрескивание мякины, он услышал свое тяжелое и беспокойное дыхание, и его охватило непреодолимое желание встать и уйти – к огню, к свету, куда угодно, куда угодно. Рядом с ним, в давящей, вязкой, сгустившейся почти до осязаемости стуже лежал Бадди, медленно и косноязычно рассказывая про войну. Это был какой-то смутный, призрачный рассказ без начала и конца; Бадди то и дело запинаясь, немислимо коверкая названия местностей, а фигурировавшие в этом дремотном рассказе люди – одинокие безвольные существа без прошлого и будущего, запутавшиеся в сетях противоречивых стремлений – безостановочно вертелись, как волчки, на фоне надвигающегося непостижимого кошмара.

– Тебе понравилось в армии, Бадди? – спросил Баярд.

– Не очень. Делать там нечего. Подходящая жизнь для лодыря. – Он на мгновение задумался, а потом, в порыве застенчивой откровенности и тихой радости, добавил: – Они мне дали амулет.

– Амулет? – удивился Баярд.

– Угу. Ну, знаете, такую медную побрякушку на цветной ленте. Я хотел вам показать, да позабыл. Завтра покажу. Здесь пол такой холодный, что без особой надобности вставать неохота. Завтра выберу время, когда отец выйдет из дому.

– Почему? Разве он не знает, что ты его получил?

– Знает, – отвечал Бадди. – Да только он ему не нравится – он все толкует, что это амулет янки. Рейф говорит, что отец и Джексон – Каменная Стена так никогда и не сдались.

– Верно, – согласился Баярд.

Бадди умолк и вскоре еще раз вздохнул, как бы желая выпустить перед сном весь воздух. Баярд, напряженно вытянувшись, лежал на Спине с широко открытыми глазами. У него было такое ощущение, словно он пьян, – стоит закрыть глаза, как комната начинает кружиться, и ты лежишь, сжавшись и широко раскрыв глаза, стараясь преодолеть тошноту. Бадди замолк и дышал теперь спокойно и ровно. Баярд медленно повернулся на бок, и мякина жалобно заскрипела.

В темноте спокойно и мирно дышал Бадди. Баярд слышал и свое собственное дыхание, но поверх него, вокруг него, обнимая его со всех сторон – везде было то, другое дыханье. Как будто он стал каким-то маленьким существом внутри самого себя и, задыхаясь, напряженно ловил воздух и дышал вместе с Бадди, который забирал весь воздух себе, так что его, Баярдово, меньшее существо задыхалось от недостатка кислорода. Между тем его большее существо дышало глубоко, ровно, ни о чем не ведая, погруженное в глубокий сон, далекое и, быть может, уже умершее. Быть может, он и сам умер, и он вспомнил то утро, с напряженным вниманием пережил его вновь – от той минуты, когда заметил первый дымок трассирующего снаряда, до тех пор, когда при входе в крутой вираж смотрел, как пламя, словно бодро трепещущий на ветру оранжевый вымпел, вырвалось из носа «кэмела», на котором летел Джон, и он увидел знакомый жест брата и его падавшее тело, которое вдруг неуклюже распласталось, теряя равновесие в воздухе; он пережил все это опять – словно бегло листая страницы много раз прочитанной книги, – пытаюсь вспомнить, ощутить пулю, пронзающую твое собственное тело или голову, пулю, которая в ту самую секунду могла убить и тебя. Ведь этим можно было бы все объяснить: это значило бы, что он тоже убит и что все вокруг – это ад, по которому он, обманутый иллюзией быстрого движения, без конца бродит в поисках брата, а тот в свою очередь где-то ищет его, и им никогда не суждено найти друг друга. Он снова перевернулся на спину, и под ним опять насмешливо зашелестела сухая мякина.

Дом был полон звуков; его обострившимся чувствам казалось, будто в тишине им несть числа: сухой предсмертный треск дерева в морозной тьме; потрескивание мякины, сопровождавшее его дыхание; наконец, сама атмосфера, как тающий лед в тисках стужи, давила на его легкие. У него мерзли ноги, все тело покрылось холодным потом, горячее сердце не могло согреть околеченную, сотрясающуюся в ознобе грудь, он выпростал голые руки, положил их поверх одеяла, и холод сковал их тяжелым свинцом. И все это время до него доносилось ровное посапыванье Бадди и его собственное беспокойное, затрудненное дыхание, как бы лишенные источника, но неотторжимые друг от друга.

Он снова спрятал руки под одеяло; от их ледяного прикосновения у него заломило ребра и грудь, он с бесконечной осторожностью повернулся, откинул одеяло, и хотя холод тотчас тихонько пополз от груди к ногам, он все же опустил их на пол. Он запомнил, где находится дверь, и ощупью пробрался к ней, поджимая пальцы на ледяном полу. Дверь была заложена гладкой, как ледышка, деревянной щеколдой, и, стараясь ее отодвинуть, он нащупал рядом еще какой-то вертикально стоящий цилиндрический предмет; рука его скользнула вниз по холодной трубке, и, стоя в непроглядной ледящей тьме, он на мгновение замер, держа в руках ружье и ощупывая онемевшими пальцами затвор. Потом он вспомнил, что на деревянном ящике, подставленном под лампу, лежала коробка патронов. Он постоял еще секунду, чуть-чуть наклонив голову и сжимая ружье в онемевших руках, потом прислонил его обратно к стене и осторожно, стараясь не шуметь, вытащил деревянную щеколду из пазов. Дверь сошла с петель и громко заскрипела, и тогда он схватил ее за ребро, поднял, поставил

на место и остановился на пороге.

В небе не было ни единой звезды, а само оно напоминало бессильно обвисшее мертвое тело. Оно лежало на земле, как воздушный шар, из которого выпустили воздух, в него врезались контуры деревьев и плоский, как бы лишенный объема, прямоугольник кухни; в студеном мертвенном свете смутно выступали знакомые предметы – штабель дров, плуг, бочонок у кухонного крыльца со сломанной ступенькой, на которой он оступился, когда шел ужинать. Серая стужа просачивалась в него проворными струйками, словно вода, текущая в песок; она останавливалась, обходила препятствия, снова проползала вперед и наконец ровной и сильной струей потекла по незащищенным костям. Он беспрерывно дрожал от холода, и у него все время было такое ощущение, будто замерзшие руки, прикасаясь к телу, натываются на какой-то твердый посторонний предмет, который между тем все дергался и дергался, словно что-то живое внутри его мертвой оболочки изо всех сил старалось вырваться на волю. Над головой, на обшитой досками крыше, прозвучал одинокий легкий шлепок, и, словно по сигналу, серое безмолвие начало рассеиваться. Он осторожно затворил дверь и вернулся в постель.

В постели его стало трясти еще сильнее, и под холодный насмешливый шорох мякины он тихонько лежал на спине, слушая, как на крыше шепчет зимний дождь. Это был не барабанный бой, как бывает, когда сквозь чистый, бодрящий воздух проносится веселый летний дождик, а глухой невыразительный шелест, словно сама атмосфера, всей своей тяжестью навалившись на крышу, медленно растворяется, а потом размеренно и лениво капает со стрехи. Кровь его опять побежала по жилам, одеяло, как железо или лед, давило ему грудь, но пока он неподвижно лежал на спине, слушая ропот дождя, кровь его согрелась, тело перестало дрожать, и в конце концов он погрузился в какую-то мучительную судорожную дрему, населенную извивающимися образами и формами упрямого отчаяния и неумного стремления к чему-то... пожалуй, даже не к оправданию, а скорее к сочувствию, к какой-то руке – безразлично чьей, лишь бы она вызволила его из этого черного хаоса. Разумеется, он бы ее толкнул, но она все равно восстановила бы его холодную цельность.

А дождь все капал, капал и капал; рядом безмятежно и ровно дышал Бадди – он даже ни разу не повернулся. Временами Баярд тоже ненадолго засыпал, но и во сне он бодрствовал, а просыпаясь, лежал в какой-то сумрачной дремоте, полной мелькающих видений; в ней не было ни облегченья, ни покоя, между тем как дождик, капля за каплей размывая ночь, уносил с собою в вечность время. Но все это тянется так долго, так дьявольски и бесконечно долго. Его измученная, утомленная борьбой кровь медленными толчками двигалась по телу, почти как этот дождик, размывая плоть. Ко всем в свой час приходит... Библия?.. Какой-то проповедник? Наверное, он знал. Сон, Ко всем в свой час приходит...⁷⁴ Наконец он услышал, что за стенами началось движение. Разобрать что-либо было невозможно, но он знал, что это люди, чьи имена и лица были ему знакомы; просыпаясь, он снова входил в мир, который он даже на время не смог утратить; люди, с которыми он... И ему стало легче. Звуки не прекращались; он услышал, как открылась дверь, услышал голос, который при некотором усилии мог бы даже узнать, а главное, теперь он мог встать и пойти туда, где все собралось вокруг весело потрескивающего огня, туда, где был свет и тепло. И он лежал, обретя наконец покой, намереваясь тотчас встать и пойти к ним, но не вставал, а кровь тем временем медленно текла по телу и сердце билось ровнее. Бадди тихо дышал рядом, и его собственное дыхание стало таким же спокойным, как дыхание Бадди, а приглушенные голоса и другие уютные домашние звуки проникали в холодную комнату, постепенно утишая тревогу. Это приходит ко всем, это приходит ко всем, утешало Баярда его усталое сердце, и в конце концов он уснул.

Он проснулся только ранним серым утром, с чувством тупой тяжести и усталости во

⁷⁴ *Ко всем в свой час приходит...* – Цитата из «Потерянного рая» Мильтона. Преисподнюю, куда был низвергнут Сатана, Милтон называет «страной печали... где никогда не будет мира и покоя и куда никогда не придет надежда, которая ко всем в свой час приходит» (кн. 1, ст. 58-60).

всем теле – сон не принес ему успокоения. Бадди не было; дождь все еще шел, теперь он четко и решительно стучал по крыше; в воздухе потеплело, промозглая сырость пронизывала до костей; он встал и, держа в руках сапоги, пробрался через холодное помещение, в котором спали Стюарт, Рейф и Ли, и нашел Рейфа с Джексоном в комнате перед очагом.

– Мы дали тебе поспать, – начал Рейф, по тут же воскликнул: – Господи, да ты похож на какое-то привидение, парень! Ты что, всю ночь не спал?

– Нет, я отлично выспался, – ответил Баярд. Он сел, натянул сапоги и застегнул под коленями пряжки.

Джексон сидел возле очага. В темном углу у него под ногами молча копошились какие-то крохотные существа, и, все еще не поднимая головы от сапог, Баярд спросил:

– Кто у тебя там, Джексон? Что это за щенки?

– Это я новую породу вывожу, – отвечал Джексон. Рейф вернулся в комнату; он нес полстакана светло-янтарного виски, изготовленного Генри.

– Это щенки от Эллен, – сказал он. – Попроси Джексона рассказать тебе про них после завтрака. На вот, выпей. У тебя страшно усталый вид.

Наверняка Бадди своими рассказами не дал тебе уснуть, – иронически добавил он.

Баярд выпил виски и закурил папиросу.

– Мэнди поставила твой завтрак на огонь, – сказал Рейф.

– Эллен? – спросил Баярд. – Ах да, это та лисица. Я еще вчера хотел про нее спросить.

Вы ее сами вырастили?

– Да, Она выросла с прошлогодним выводком щенков. Ее Бадди поймал. А теперь Джексон хочет произвести революцию в охотничьем деле. Задумал вывести зверя с чутьем и выносливостью собаки и с хитростью и ловкостью лисицы.

Баярд пошел в угол и стал с любопытством изучать крохотных зверюшек.

– Я видел не так уж много лисят, но ничего подобного еще ни разу не встречал, – заметил он.

– Вот и Генерал тоже так думает, – отозвался Рейф.

Джексон сплюнул в огонь и нагнулся над зверятами. Они почуяли его руки и закопошились еще быстрее, и Баярд заметил, что они не издают никаких звуков, даже не пищат, как щенки.

– Это просто опыт, – пояснил Джексон. – Ребята над ними смеются, но ведь они еще сосунки. Поживем – увидим.

– Не знаю, что ты станешь с ними делать, – грубо отрезал Рейф. – Они так и останутся недоростками. Ступай-ка ты лучше завтракать, Баярд.

– Поживем – увидим, – повторил Джексон и ласково погладил кучку крохотных тел. – Пока собаке меньше двух месяцев, о ней ничего сказать нельзя, верно? – обратился он за поддержкой к Баярду, пристально взглянув на него из-под косматых бровей.

– Ступай завтракать, Баярд, – настойчиво повторил Рейф. – Бадди уже ушел, и ты теперь один остался.

Баярд плеснул в лицо ледяной водой из жестяного таза на крыльце и отправился завтракать в кухню. Пока он ел яичницу с ветчиной и оладьи с патокой из сорго, Мэнди говорила с ним о Джоне. Когда он вернулся в дом, мистер Маккалем был уже там. Щенки неустанно копошились у себя в углу, а старик, сложив на коленях руки, с грубоватой добродушной усмешкой за ними наблюдал. Рядом сидел Джексон и, как наседка, не сводил с них заботливого взгляда.

– Иди сюда, парень, – приказал старик Баярду. – А ну-ка, Рейф, подай мне приманку.

Рейф вышел и тотчас вернулся с обрывком веревки, к которой был привязан кусочек свинины. Старик взял веревку, вытащил щенков, и весь выводок неуклюже закопошился на свету. Такого странного помета Баярд еще ни разу не видывал. Среди щенков нельзя было найти двух, хоть сколько-нибудь похожих друг на друга, и ни один из них ничем не напоминал какое-либо иное существо. Они не походили ни на лисицу, ни на гончую, хотя имели что-то и от той, и от другой, но, несмотря на нежный младенческий возраст, в них было что-то

чудовищное, противоестественное и даже непристойное – у одного острая и злая лисья морда меж двух грустных и нежных собачьих глаз, у другого – отвисшие мягкие уши, героически пытавшиеся подняться, и у всех мягкие короткие хвосты, покрытые золотистым пушком, словно внутренность скорлупки каштана. Что касается масти, то щенки были всевозможных цветов – от рыжего до серовато-коричневого с расплывчатыми пятнами и полосами, а у одного мордочка была точной, забавно уменьшенной копией морды старого Генерала – вплоть до свойственного ему выражения печального и полного достоинства разочарования в жизни.

– Смотри, – сказал старик.

Он повернул всех щенят мордами к себе, потом помахал мясной приманкой у них за спиной. Ни один щенок не почуял мяса; старик стал размахивать веревкой прямо у них над головами, но ни один даже не поднял глаз. Тогда он сунул мясо прямо им под нос, но щенята, продолжая ползать на своих слабых детских лапках, с любопытством, но без всякого интереса на него взглянули и снова, сгрудившись в кучку, беззвучно закопошились на полу.

– Нельзя судить о собаках. – начал было Джексон, но отец не дал ему договорить.

– А теперь посмотри еще.

Одной рукой он сгреб щенят, а другой стал совать им в рот мясо. Они мгновенно жадно и неуклюже полезли через его руку, но он убрал мясо и до тех пор водил им по полу у них перед глазами, пока они не образовали нечто вроде ползущей петли. Тогда он отдернул мясо чуть-чуть в сторону, но щенки, никуда не сворачивая, спотыкаясь, ползли вперед, в темный угол, пока не ткнулись носами в стену, и тотчас же снова беззвучно и тихо закопошились. Джексон подошел, поднял их с пола и отнес обратно к огню.

– Ну скажи, будет, по-твоему, прок от таких охотничьих псов? – спросил старик Баярда. – Не чувят, не лают, и провались я на этом месте, если они хоть что-нибудь видят.

– Ты не можешь судить о собаке... – снова терпеливо начал Джексон.

– Зато Генерал может, – перебил его отец. – Эй, Рейф, позови-ка сюда Генерала.

Рейф подошел к дверям, окликнул Генерала, и пес тотчас вошел в комнату, слегка царапая когтями по дощатому полу. На его пятнистой шкуре блестели капли дождя. Он остановился и серьезным вопросительным взглядом посмотрел на старика.

– Поди сюда, – сказал ему мистер Маккалем, и пес неторопливо, с достоинством направился к нему. Вдруг он увидел щенков под стулом Джексона. Он остановился на ходу и с минуту смотрел на них замороженным, недоумевающим, полным бесконечного ужаса взглядом, потом с обидой и упреком посмотрел на хозяина, повернулся и пошел прочь, опустив хвост. Мистер Маккалем уселся и громко заворчал что-то про себя.

– Ты не можешь ничего сказать про собак... – снова повторил Джексон. Он нагнулся, собрал своих подопечных и встал.

Мистер Маккалем, ворча, раскачивался на стуле.

– Я не осуждаю старика Генерала, – сказал он. – Если б я при виде подобных тварей должен был бы сказать себе: «Это мои сыновья...» – Но Джексон уже ушел. Мистер Маккалем опять принялся громко ворчать и, явно забавляясь, с усмешкой продолжал: – Да, сэр, я наверняка гордился бы ими не больше Генерала. Подай-ка мне трубку, Рейф.

Дождь шел весь этот день, весь следующий день и еще на завтра. Собаки все утро слонялись по дому или ненадолго выходили во двор, но непогода быстро загоняла их обратно, и, растянувшись, они дремали у огня, который поднимал вонючие испарения с их шкур, покуда Генри не выгонял их из комнаты; сквозь открытую дверь Баярд дважды видел, как лисица Эллен, проворно пробежав по двору, робко скрывалась где-то за домом. Не считая Генри и Джексона, у которого был ревматизм, все остальные проводили большую часть дня где-то вне дома, под дождем. Но за едой все собирались снова, отряхивали на крыльце мокрую верхнюю одежду и с шумом ставили облепленные глиной сапоги к очагу, где от них поднимался пар. Генри приносил котел и кувшин, и, наконец, промокший до костей, появлялся Бадди.

Бадди мог в любое время дня извлечь свое тощее длинное тело из темной ниши за очагом,

молча выйти из дома, и все те пять, шесть, двенадцать или сорок восемь часов, что он отсутствовал, Баярда преследовало смутное чувство, будто дом совершенно опустел, хотя в нем оставался Джексон, Генри и почти всегда Ли, пока он наконец не понял, что большая часть собак все это время отсутствовала тоже. Когда Бадди после завтрака исчез, Баярду сказали, что он пошел на охоту.

– Почему же он меня не позвал? – осведомился Баярд.

– Может, он думал, что вы не захотите выходить в такую погоду, – предположил Джексон.

– Бадди – тому все равно, какая погода, – пояснил Генри. – Он не замечает, хороший день или плохой.

– А ему вообще ни до чего нет дела, – с горечью произнес своим резким голосом Ли. Он задумчиво сидел у очага, и его женственные руки не переставая шевелились на коленях. – Он готов хоть всю жизнь сидеть на берегу реки и грызть холодные кукурузные лепешки, и кроме собак ему никого не надо. – Он внезапно встал и вышел из комнаты.

Ли было уже под сорок. Ребенком он много болел. У него был хороший тенор, и по воскресеньям его часто приглашали петь в хоре. Говорили, будто он ходит к одной молодой женщине из деревушки Маунт-Вернон в шести милях от их дома. Большую часть времени он в одиночестве угрюмо бродил по окрестностям.

Генри сплюнул в огонь и мотнул головой в сторону ушедшего брата.

– Он что, давно в Верной не заглядывал?

– Они с Рейфом позавчера там были, – отвечал Джексон.

– Я от дождя не растаю, – сказал Баярд. – Может, я его еще догоню?

Братья немного подумали, сосредоточенно поплеывая в огонь.

– Наверяд ли, – проговорил наконец Джексон. – Бадди наверняка уже миль десять прошагал. Придется вам в следующий раз его ловить, пока он еще не успеет уйти.

Баярд так и сделал, и они с Бадди охотились на дичь в оголенных полях, и под проливным дождем их ружья издавали унылые минорные звуки, – словно пятна, они медленно растворялись в пронизанном дождевыми струями воздухе; вспугивали гусей и уток в стоячих речных заводях, а иногда вместе с Рейфом охотились в долине на енотов и рысей. Порою до них доносилось пронзительное тьяканье несущихся куда-то молодых собак.

– Эллен идет, – говорил тогда Бадди.

К концу недели погода прояснилась, и в сумерках, когда стало подмораживать и на сырой земле хорошо держались запахи, старый Генерал напал на след рыжего лиса, который уже столько раз водил его за нос.

Всю ночь в холмах дрожали, нарастая и отдаваясь эхом, громкие, как колокол, звуки, и все, кроме Генри, мчались верхом, следуя за собаками, но главным образом руководствуясь почти сверхъестественным ясновидением старика и Бадди, которые всегда заранее угадывали нужное направление. По временам все останавливались, ожидая, пока Бадди с отцом кончат спорить, куда именно повернет зверь, но большей частью оба придерживались одного мнения, безошибочно предвидя все его движения, прежде чем тот осознавал их сам, и несколько раз охотники осаживали лошадей на вершине холма и сидели под студенными звездами, пока мрачные размеренные голоса собак, вырвавшись из тьмы, нарастая, подбирались все ближе и ближе, пронеслись где-то неподалеку и, подобно звону колокола, замирали в тишине.

– Эх! Вот настоящая музыка для мужчины! – воскликнул старик. Плотно закутавшись в плащ, он бесформенной массой сидел на своей белой лошади.

– Надеюсь, теперь он от них не уйдет, – сказал Джексон. – Генерал сильно обижается всякий раз, как этот лис его перехитрит.

– Им его не поймать, – сказал Бадди, – Когда он устанет, он спрячется в камнях.

– А я так думаю, что нам придется обождать, пока Джексоковы щенята подрастут, – сказал старик. – Конечно, если только они не откажутся травить своего родного деда. Пока что они только от еды не отказываются.

– Погоди, – твердил свое неугомонный Джексон, – вот вырастут они...

– Тише!

Разговоры умолкли. Над ночными холмами снова прозвенел собачий лай; он разнесся колокольным звоном, беспокойно задрожал, словно струна, загремел гулким многократным эхом в темных холмах под звездами и, замирая, еще долго отдавался в ушах, чистый, как кристалл, сумрачный, геройский и немного грустный.

– Жалко, что тут нет Джонни, – тихонько произнес Стюарт. – Ему эта охота наверняка пришлась бы по вкусу.

– Да, он был настоящий охотник, – согласился Джексон. – Он бы даже и от Бадди не отстал.

– Джон был замечательный парень, – сказал старик.

– Да, сэр, – подтвердил Джексон, – хороший, добрый парень. Генри говорит, что он всегда привозил из лавки какой-нибудь подарок Мэнди и ребятам.

– Он никогда не скулил на охоте, – сказал Стюарт, – ни в дождь, ни в холод, даже когда был совсем еще малышом, с этой своей одностволкой, которую он на собственные деньги купил; у нее была такая отдача, что она при каждом выстреле толкала его в плечо. И все равно он всегда охотился с нею, а не с тем старым ружьем, что ему полковник подарил, потому что он сам скопил на нее деньги и сам ее покупал.

– Да, – подтвердил Джексон, – если человек сам чего добился, он, конечно, должен этому радоваться.

– Вот уж кто любил петь да горланить, – сказал мистер Маккалем. – Бывало, всю дичь на десять миль вокруг распугает. Помню, как-то вечером вскакивает он на лошадь, мчится к Сэмсонову мосту, и вдруг – мы и оглянуться не успели, а уж он с этой лисицей сидит на бревне, плывет вниз по течению и во все горло песни распевает.

– Да, это похоже на Джонни, – согласился Джексон. – Вот уж кто умел всему порадоваться.

– Он был замечательный парень, – повторил мистер Маккалем.

– Тише!

Собаки опять залаяли где-то внизу, в темноте. Лай проплыл по холодному воздуху, прокатился гулким эхом, которое снова и снова повторяло этот звук до тех пор, пока источник его затерялся в неведомой дали, и казалось, будто сама земля обрела наконец свой голос – торжественный, печальный, безумных сожалений полный⁷⁵.

До рождества оставалось два дня, и после ужина все снова сидели у очага, и старый генерал снова дремал у ног своего хозяина. Назавтра, в сочельник, фургон поедет в город, и хотя Маккалемы со свойственным им неизменным гостеприимством ни слова не сказали Баярду об его отъезде, он понимал, что это само собою разумеется – ведь чтоб попасть на рождество домой, он должен завтра уехать, и поскольку он сам об этом не заикался, все немного удивлялись и недоумевали.

Было опять холодно, и в студеном воздухе горящие поленья подпрыгивали и трещали, рассыпая сердитые искры и выстреливая на пол тлеющие угольки, которые тут же заглушал чей-нибудь ленивый сапог, и Баярд дремал у очага, расслабив усталые мышцы в нарастающих волнах жара, словно в теплой ванне, и его упрямое бессонное сердце тоже пока поддавалось дремоте. Завтра хватит времени решить, ехать или нет. Может, он просто останется, даже не давая никаких объяснений – их, впрочем, никто от него не потребует. Потом он вспомнил, что

⁷⁵ *...безумных сожалений полный.* – Цитата из вступления к четвертой части поэмы английского поэта Альфреда Теннисона (1809-1892) «Принцесса» (1847):

Дорогие сердцу, как воспоминание о поцелуях той, которую унесла смерть,
Сладостные, как безнадежные мечты о поцелуях той, которую целует другой,
Глубокие, как любовь, как первая любовь глубокие, и полные безумных сожалений
О, в жизни смерть! О, эти дни, что ушли навсегда!

Ли, Рейф да и каждый, кто поедет в город, поговорит с людьми и узнает то, о чем у него не хватило смелости им рассказать.

Бадди выбрался из темного угла и сидел теперь на корточках в центре полукруга, спиной к огню, обняв руками колени, совершенно неподвижно, словно демонстрируя свою способность бесконечно и неустанно сидеть на собственных пятках. Бадди был младшим в семье, всего двадцати лет от роду. Мать его была второй женой старика, и его светло-карие глаза и рыжеватый густой ежик на круглой голове резко выделялись среди черных глаз и волос остальных братьев. Но старик отчеканил черты младшего сына так же четко, как и черты всех остальных, и, несмотря на молодость, лицо его было таким же худошавым, сдержанным и суровым, с таким же орлиным профилем, разве только кожа была понежнее и на щеках играл яркий румянец.

Остальные были среднего роста или еще ниже – невзрачный, бесцветный и тощий Джексон, невозмутимые крепыши Генри и Рейф (полное имя последнего было Рафаэль Семз); уравновешенный, коренастый и мускулистый Стюарт; горячий, неугомонный, сухошавый Ли; и один только Бадди, высокий и стройный, как молодое деревцо, был под стать родителю, который нес свои семьдесят семь лет с такой же легкостью, с какою носят тонкий невесомый плащ. «Вот долговязый бездельник, – с добродушной усмешкой говаривал старик, – тощий как жердь, и куда только девается все, что он ест?» И все молча смотрели на длинного, как складной нож, Бадди с одной и той же мыслью – мыслью, которую каждый считал своей и никогда не высказывал вслух: что Бадди когда-нибудь женится и продолжит их род.

Бадди, как и отца, звали Вирджиниус, хотя маловероятно, что это знал кто-нибудь посторонний за пределами семьи и военного министерства. Семнадцати лет он убежал из дому и вступил добровольцем в армию; в сборном пехотном лагере в штате Арканзас, куда он был отправлен, один новобранец как-то назвал его Вирдж⁷⁶, за что Бадди методически и беззлобно колотил его в течение семи минут; при погрузке на суда в порту Нью-Джерси другой солдат сделал то же самое, и Бадди отколотил и его – внять же методически, основательно и беззлобно. В Европе, все еще повинаясь глубоким, хотя и несложным побуждениям своей натуры, Бадди ухитрился, быть может и сам того не ведая, совершить нечто такое, что, по свидетельству начальства, сильно досадило неприятелю, и за это получил свой, как он выражался, амулет. Что именно он сделал – никто никакими силами не мог из него выудить, и эта побрякушка не только не задобривала отца, разгневанного тем, что сын его вступил в федеральную армию, но, наоборот, еще больше подлила масла в огонь и потому коротала свой жалкий век среди скудных пожитков Бадди, а о его военной карьере в семейном кругу никогда не упоминали. И теперь, как обычно, Бадди притулился на корточках спиной к огню, обняв руками колени, и все они, сидя вокруг очага, готовились выпить на сон грядущий по стаканчику пунша и мирно беседовали о рождестве.

– Индейка! – с великолепным презрением проворчал старик. – Полная загородка опоссумов, полный лес белок, полная река уток, полная коптильня окороков, а вам, ребята, непременно приспичило ехать в город покупать к рождественскому обеду индейку.

– Рождество не в рождество, если у человека будет все то же самое, что каждый день, – мягко возразил ему Джексон.

– Вы, ребята, просто ищете предлог, чтоб съездить в город, проболтаться целый день без дела, да еще и деньги потратить, – сердито отвечал старик. – Я уж сколько раз на своем веку справлял рождество и знаю, что с покупной едой оно и вовсе не рождество.

– А как же те, кто в городе живет? Послушать тебя, так у них совсем рождества не бывает.

– Значит, не заслужили, – отрезал старик. – И то сказать – живут на клочке два фута на четыре, вплотную к чужому заднему крыльцу, и едят из консервных банок.

– Ну, а вдруг они все из города разбегутся, приедут сюда да захватят всю землю, вот

⁷⁶ сокращенное от virgin (англ.) – девственник.

тогда посмотрим, что ты говорить станешь, – сказал Стюарт. – Ты бы, отец, и вовсе тут жить не мог, если б весь народ в городе на привязи не сидел, и тебе это отлично известно.

– Покупать индеек! – с глубоким омерзением повторил мистер Маккалем. – Покупать в лавке! Я еще помню времена, когда я брал ружье, выходил из этой самой двери и через полчаса приносил домой индюка. А еще через час – так и целого оленя. Да что там, вы, братцы, о рождестве никакого понятия не имеете. Вы только и знаете что окна в лавке, где выставлены кокосовые орехи, хлопущки этих янки и прочая дребедень.

– Да, сэр, – сказал Рейф, подмигнув Баярду. – Когда генерал Ли сдался⁷⁷, это была величайшая ошибка человечества. Страна так от нее и не оправилась.

Старик сердито фыркнул:

– Будь я проклят, если я не вырастил целую ораву самых растреклятых умников на свете! Ничего им не могу сказать, ничемугне могу их научить, не могу даже сидеть перед своим же собственным очагом, чтобы вся ихняя банда не толковала мне, как управлять этой проклятой страной. Вот что, ребята, ступайте-ка вы спать.

На рассвете Джексон, Рейф, Стюарт и Ли отправились па фургоне в город. Никто из них не обмолвился ни словом, не высказал ни малейшего любопытства по поводу того, застанут ли они Баярда вечером, когда вернутся долой, или встретятся с ним еще года через три. А Баярд стоял на побелевшем от изморози крыльце, курил папиросу на прохладной яркой заре, смотрел вслед фургону, в котором сидели четыре закутанные фигуры, и думал о том, будет ли это опять года через три или вообще никогда. Подошли собаки, потыкались в его колени, и он опустил руку в кучу холодных, как ледяшки, носов и высунутых теплых языков, а сам глядел на деревья, из-за которых доносилось сухое дребезжание фургона, гулко разносившееся в тишине ясного раннего утра.

– Пошли? – раздался у него за спиной голос Бадди, и, повернувшись, Баярд взял прислоненное к стене ружье. Собаки возились вокруг, с радостным визгом вдыхая морозный воздух, но Бадди отвел их к конуре, втокнул в нее и, невзирая на их изумленные протесты, запер за ними дверь. Из другой конуры он выпустил молодого пойнтера Дэна. Позади по-прежнему раздавались недоуменные гневные голоса гончих.

До полудня они бродили по распаханым полям и по лесным опушкам. Мороза уже не было, воздух потеплел в мягкой безветренной истоме, и среди зарослей колючих кустарников они дважды вспугнули птицу-кардинала, которая стрелой алого пламени молниеносно взмыла в высоту. Наконец, Баярд, не мигая, поднял глаза к солнцу.

– Мне пора возвращаться, Бадди. После полудня я поеду домой.

– Ладно, – не возражая, согласился Бадди и поздравил собаку. – Приезжайте в будущем месяце.

Мэнди дала им холодной еды, они закусили, и, пока Бадди седлал Перри, Баярд отправился в дом, где он нашел Генри, старательно прибывавшего подметки к сапогам, и старика, который, надев очки в стальной оправе, читал газету недельной давности.

– Дома уж, наверно, давно тебя ждут, – согласился мистер Маккалем, снимая очки. – Обязательно приезжай в будущем месяце за тем лисом. Если мы его скоро не возьмем, Генералу будет стыдно своим же щенятам в глаза смотреть.

– Спасибо, сэр, – отвечал Баярд. – Я обязательно приеду.

– И постарайся привезти деда. Он может и тут не хуже чем в городе сложа руки сидеть.

– Спасибо, сэр. Обязательно привезу.

Бадди вывел пони, и старик, не вставая, протянул Баярду руку. Генри отложил сапоги и вышел вслед за ним на крыльцо.

– Приезжайте еще, – застенчиво пробормотал он, тряхнув Баярдову руку, словно это была рукоятка водяного насоса, а Бадди выдернул свою руку из кучки назойливых слюнявых

⁷⁷ ...когда генерал Ли сдался... – 9 апреля 1865 г. главнокомандующий войсками южной Конфедерации генерал Роберт Ли подписал капитуляцию своей армии в деревце Аппоматокс (Виргиния), что положило конец Гражданской войне в США.

щенков и тоже попрощался с гостем.

– Буду ждать, – коротко сказал он.

Баярд тронулся в путь и, обернувшись, увидел, что братья приветственно подняли руки. Потом Бадди окликнул его, и он повернул обратно. Генри исчез и появился снова с тяжелым пеньковым мешком в руках.

– Чуть не забыл, – сказал он. – Отец велел передать вашему дедушке кувшин кукурузной водки. Лучше этой не найдешь и в Луисвилле⁷⁸, да, пожалуй, и нигде вообще, – со степенной гордостью добавил он.

Баярд поблагодарил, Бадди привязал мешок к луке седла, и мешок всей своей тяжестью привалился к ноге Баярда.

– Вот. Здесь будет крепко.

– Да, здесь будет крепко. Премного благодарен.

– До свиданья.

– До свиданья.

Перри тронул, и Баярд посмотрел назад. Братья все еще стояли во дворе – спокойно, степенно и твердо. У дверей кухни, исподлобья глядя на него, сидела лисица Эллен, рядом с нею ползали и играли на солнце щенята. Через час солнце скроется за холмами на западе. Дорога вилась между деревьев. Он снова оглянулся. Дом неровным прямоугольником распластался на фоне холодного вечернего неба, дым из трубы тонким пером уходил в безветренный воздух. В дверях уже никто не стоял, и, пустив Перри ровной рысью, он почувствовал, как кувшин с виски легонько бьет его по колену.

5

Там, где едва заметный неразъезженный маккалемовский проселок вливался в большую дорогу, Баярд остановил Перри и некоторое время сидел, освещенный закатом. «Джефферсон, 14 миль». Рейф и остальные проедут здесь еще не скоро, ведь сегодня сочельник, и весь округ неторопливо съезжается на праздники в город. Впрочем, они могли выехать из города пораньше, чтобы засветло добраться до дому, и тогда уже через час будут здесь. Косые лучи солнца выпустили из плена стужу, которую держали взаперти, пока ложились на землю под прямым углом; холодные испарения медленно поднимались вокруг Баярда, сидевшего верхом на Перри посреди дороги, и как только прекратилось движение, кровь его начала медленно застывать в жилах. Он повернул пони в сторону, противоположную городу, и снова пустил его рысью.

Скоро его окутала тьма, но он ехал все дальше и дальше по бледной дороге под обнаженными деревьями в свете разгоравшихся звезд. Перри уже начал подумывать о конюшне и об ужине; он бежал, вопросительно и робко вскидывая голову, однако послушно, не замедляя хода, не ведая, куда и почему, но понимая, что не к дому, и хотя был преисполнен доверия к седоку, все же испытывал некоторое сомнение. От тишины, одиночества и монотонности движения становилось все холоднее. Натянув поводья, Баярд остановил Перри, отвязал кувшин, выпил и снова привязал его к седлу.

Вокруг поднимались дикие темные холмы. Никаких признаков жилья, никаких следов человека. По обе стороны дороги, освещенные звездами, уходили вдаль черные гребни, а там, где дорога спускалась в долину и затвердевшая на морозе колея звенела металлическим звоном под копытами Перри, их зловещие темные вершины, увенчанные оголенными деревьями, вздымались в звездное небо. В одном месте, где на дорогу просочилась холодная зимняя струйка, Перри, почуяв воду, с треском раздавил хрупкую тонкую наледь. Баярд опять приложился к кувшину.

Неловко нащупав спичку онемевшими от холода пальцами, он закурил и отодвинул

⁷⁸ Луисвилл – самый большой город штата Кентукки.

манжету на запястье. Половина двенадцатого.

– Ну что ж, Перри, – сказал он, – пожалуй, пора нам подумать о ночлеге.

Голос его неожиданно громко прозвучал в холодной и темной тишине, Перри поднял голову и фыркнул, как будто понял его слова, как будто охотно готов был разделить мрачное одиночество, в котором пребывал его седок. Они снова поскакали в гору.

Здесь темнота рассеялась, и, разрывая монотонный ряд деревьев, кое-где стали появляться поля, освещенные смутным светом звезд, и вскоре, когда Баярд, опустив поводья на шею Перри, сунул в карманы руки, пытаясь их согреть, у дороги показался выросший в землю сарай для хлопка с посеребренной инеем крышей. «Ну, теперь уже недолго», – сказал он про себя, нагнувшись вперед и, положив руку на шею Перри, ощутил неутомимое биение теплой крови.

– Скоро жилье, Перри, смотри в оба.

И опять, словно в ответ на его слова, Перри тихонько заржал и свернул с дороги, а когда Баярд, натянув поводья, хотел было повернуть его назад, он тоже увидел еле заметную колею от фургона, ведущую к смутно маячившей группе низкорослых деревьев.

– Молодец, Перри, – сказал он, снова отпуская поводья.

Показалась хижина. В ней было темно. Из-под крыльца вылезла тощая собака, залаяла на Баярда и не умолкала, пока он привязывал Перри и онемевшей рукой стучался в дверь. Наконец из хижины послышался голос, Баярд крикнул:

– Здорово! – и добавил: – Я заблудился. Откройте.

Собака все еще заливалась лаем. Наконец дверь чуть-чуть приоткрылась, из щели блеснул отсвет тлеющих углей, пахнуло острым запахом негров, и в теплой струе воздуха показалась чья-то голова.

– Эй, Джули, заткни свою пасть! – скомандовала голова. Собака послушно умолкла, но все еще ворча, скрылась под крыльцом.

– Кто там?

– Я заблудился, – повторил Баярд. – Можно, я переночую у вас в сарае?

– Нет у меня никакого сарая, – отвечал негр. – Там подальше будет еще один дом.

– Я заплачу, – сказал Баярд. Он пошарил онемевшей рукой в кармане. – Моя лошадь выбилась из сил.

Голова негра четко выделялась на фоне проникавшего сквозь щель в дверях огня.

– Ну что же ты, дядюшка, человека на морозе держишь, – с нетерпением промолвил Баярд.

– Кто вы, белый человек?

– Баярд Сарторис из Джефферсона. На, возьми. – Он протянул руку, но негр даже не шевельнулся.

– Вы из тех Сарторисов, которые банкиры?

– Да. Бери же.

– Обождите минутку.

Дверь закрылась. Баярд натянул поводья, и Перри с готовностью двинулся вокруг дома, ступая по сухим промерзшим стеблям хлопка, которые больно щелкали седока по коленям. Когда Баярд спрыгнул на мерзлую неровную землю возле зияющей двери, свет фонаря вырвал из темноты обломки стеблей и огромные ножницы человеческих ног, и негр с бесформенным тюком под мышкой направил фонарь на Баярда, который расседывал Перри.

– И как вы, белый человек, ухитрились забраться так далеко от дома в такой поздний час? – с любопытством спросил он.

– Заблудился, – коротко буркнул Баярд. – Куда мне поставить лошадь?

Негр осветил фонарем стойло. Перри осторожно переступил через порог, и в полосе света от фонаря глаза его загорелись фосфорическим блеском, а Баярд, войдя за ним следом, принялся растирать его сухим концом попоны. Негр исчез. Вскоре он снова появился с охапкой кукурузных початков, бросил их в кормушку Перри, и лошадь с жадностью зарылась в них мордой.

– Пожалуйста, будьте осторожны с огнем, белый человек, – сказал негр.

– Ладно. Я просто не буду зажигать спичек.

– У меня тут вся скотина, инструменты и корм, – пояснил негр. – Нельзя, чтоб они сгорели. Страховой агент так далеко от города не ездит.

– Ладно, – повторил Баярд. Он закрыл Перри в стойле, под любопытным взглядом негра взял мешок, который уже раньше прислонил к стене, и вытащил кувшин. – Чашка у тебя найдется?

Негр снова исчез; сквозь щели в противоположной стене Баярду был виден свет фонаря; потом он снова явился, держа в руке ржавую жестянку; он дунул в нее, и оттуда вырвалось облачко мякины. Они выпили. Позади жевал кукурузу Перри. Негр подвел Баярда к лестнице на сеновал.

– Вы не забудете про огонь, белый человек? – озабоченно спросил он.

– Не бойся, не забуду, – отвечал Баярд. – Спокойной ночи.

Он взялся рукой за лестницу, но негр остановил его и дал ему бесформенный тюк, который принес с собою из хижины.

– У меня только одно лишнее одеяло, но все же лучше, чем ничего. Придется вам сегодня померзнуть.

Рваное заскорузлое стеганое одеяло было насквозь пропитано характерным запахом негров.

– Спасибо, – сказал Баярд. – Весьма тебе обязан. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, белый человек.

Фонарь замелькал, вперекрест освещая удаляющиеся ноги, и Баярд полез в темноту, из которой пахло пряным запахом сухого сена. Он вырыл себе нору, забрался в нее, закутался в грязное вонючее одеяло, сунул ледяные руки под рубашку и прижал их к дрожащей груди. Через некоторое время руки стало покалывать, и они начали медленно согреваться, хотя все тело еще дрожало от холода и усталости. Внизу, в темноте, неустанно и мирно жевал кукурузу Перри, временами топая копытом, и Баярд постепенно успокоился. Уже засыпая, он выпростал из-под одеяла руку и взглянул на светящийся циферблат. Час ночи. Рождество уже наступило.

Солнце, проникавшее красными полосами через щели в стене, разбудило его, и он немного полежал на своем жестком ложе, ощущая на лице чистый ледяной воздух и не понимая, где он находится. Потом вспомнил, шевельнулся и почувствовал, что тело его онемело от стужи, но кровь начинает двигаться по жилам маленькими шариками наподобие дробинок. Он вытащил из пахучей постели ноги, но, так как он спал в сапогах, они совершенно одеревенели, и ему пришлось некоторое время сгибать их и разгибать, пока колени и лодыжки ожили и их закололо, словно острыми иголками.

Неуклюже передвигая застывшие члены, он медленно и осторожно спустился с лестницы в море алого солнечного света, которое, словно торжественный голос трубы, вливалось в проход между стойлами. Огромное солнце, едва поднявшись над горизонтом, осветило крышу хижины, частокол, в беспорядке разбросанный по двору ржавый сельскохозяйственный инвентарь и мертвые стебли хлопка, поле которого подступало вплотную к заднему крыльцу; красные лучи превратили покрывавший все предметы серебристый иней в блестящую розовую глазурь, какой украшают праздничный пирог. Перри просунул в двери стойла свою изящную морду и, дыша парой, радостным ржанием приветствовал хозяина, и Баярд поговорил с ним, погладив его по холодному носу. Потом он развязал мешок и приложился к кувшину. В дверях показался негр с молочным ведром.

– С рождеством, белый человек, – сказал он, поглядывая на кувшин.

Баярд угостил его. – Спасибо, сэр. Вы ступайте в дом, к огню. Я накормлю вашу лошадь. Старуха уже сготовила вам завтрак.

Баярд взял мешок; из колодца за хижинной он достал ведро ледяной воды и плеснул себе в лицо.

В полуразвалившемся очаге среди золы, обгорелых поленьев и беспорядочно

расставленных горшков пылал огонь. Баярд закрыл за собой дверь, оставив снаружи чистый холодный воздух, и густая, теплая, сырая затхлость обволокла его, как дурман. Женщина, склонившаяся над очагом, робко отозвалась на его приветствие. Трое негритят неподвижно застыли в углу и уставились на него, вращая глазами. Среди них была девочка в засаленных лохмотьях, с грязными разноцветными лоскутками в тугих косичках. Второго негритенка с одинаковым успехом можно было принять и за мальчика и за девочку. Третий малыш, в хламиде, сшитой из шерстяного мужского белья, был совершенно беспомощным – он еще не умел ходить и в бесцельной сосредоточенности ползал по полу; блестящие сопли, стекавшие из его ноздрей к подбородку, напоминали следы улиток.

Женщина, угрюмо стараясь держаться в тени, поставила к очагу стул. Баярд сел и протянул замерзшие ноги к огню.

– Ты уже выпила по случаю рождества, тетушка? – спросил он.

– Нет, сэр. Нынче у нас и выпить нечего, – отозвалась она откуда-то сзади.

Баярд подвинул в ее сторону мешок.

– Угощайся. Тут на всех хватит.

Дети неподвижно сидели на корточках у стены и молча смотрели на гостя.

– Рождество пришло, ребята, – сказал он им, но они только смотрели на него серьезно, как зверюшки, пока наконец женщина не подошла и укоризненно с ними не заговорила.

– Покажите белому дяде, что нам Санта-Клаус принес, – сказала она. – Спасибо вам, сэр.

Она положила ему на колени оловянную тарелку и поставила на печку у его ног надтреснутую фарфоровую чашку.

– Покажите скорей. А то дядя подумает, что Санта-Клаус к нам и дороги не знает.

Дети зашевелились и из темного угла, куда они при появлении Баярда спрятали было свои подарки, вытащили маленький оловянный автомобиль, нитку разноцветных деревянных бус, зеркальце и длинную, облепленную грязью мятную конфету, которую тут же принялись с серьезным видом по очереди лизать. Женщина налила в чашку кофе из стоявшего на углях кофейника, сняла крышку со сковороды и, подцепив вилкой, положила ему на тарелку толстый ломоть шипящего мяса, потом, покопавшись кочергой в золе, извлекла какой-то серый предмет, разломила его пополам и тоже положила на тарелку. Баярд съел солонину и кукурузную лепешку, запивая бледной безвкусной жидкостью из кофейника. Дети тихонько возились со своими рождественскими подарками, но время от времени он замечал, что они не отрываясь исподлобья на него смотрят. Вскоре пришел с ведром молока хозяин.

– Старуха вас накормила? – осведомился он.

– Да. Сколько отсюда до ближайшей железнодорожной станции?

– Восемь миль.

– Ты можешь сегодня доставить меня туда, а потом как-нибудь на этой неделе отвести мою лошадь к Маккалемам?

– Я одолжил зятю мулов, – отозвался негр. – У меня всего одна упряжка, и я ее ему одолжил.

– Я заплачу тебе пять долларов.

Негр поставил на пол ведро, и женщина подошла и унесла его. Он медленно почесал затылок.

– Пять долларов, – повторил Баярд.

– Зачем так торопиться на рождество, белый человек?

– Десять долларов, – с нетерпением сказал Баярд. – Разве ты не можешь забрать своих мулов у зятя?

– Пожалуй, могу. Я так думаю, что к обеду он их сам приведет. Тогда и поедем.

– А сейчас ты почему не можешь? Возьми мою лошадь и поезжай за ними. Мне надо успеть на поезд.

– Сегодня рождество, белый человек. Круглый год работаешь, так хоть на рождество отдохнуть-то надо.

Баярд мрачно выругался, но сказал:

- Ну ладно. Только сразу же после обеда. Позаботься, чтоб твой зять заранее их привел.
- Они будут на месте, вы не беспокойтесь.
- Ладно. Вы тут с тетушкой угощайтесь, вот вам кувшин.
- Спасибо, сэр.

Тяжелая духота притупила его чувства, тепло потихоньку просачивалось в кости, усталые и одеревеневшие после студеной ночи. Негры двигались по комнате – женщина хлопотала со тряпней у очага, негритята забавлялись жалкими игрушками и грязной конфетой. Сидя на жестком стуле, Баярд продремал все утро – он как будто и не спал, но время затерялось где-то, где не было времени, и, долго пребывая в каком-то смутном состоянии между сном и явью, он не сразу заметил, что кто-то безуспешно пытается проникнуть в его мирную отрешенность. В конце концов эти попытки увенчались успехом, и до его сознания дошел голос, возвестивший, что обед готов.

Негры выпили с ним дружески, хотя и немного смущенно – два непримиримых начала, разделенных Кровью, расой, природой и средой, на какое-то мгновение вдруг соприкоснулись, слившись воедино в общей иллюзии – род человеческий, на один-единственный день забывший свои вожделения, алчность и трусость.

- С рождеством, – робко промолвила женщина, – Спасибо вам, сэр.

Потом обед: опоссум с ямсом, еще одна серая кукурузная лепешка, безвкусная спитая жидкость из кофейника, десяток бананов, зубчатые ломтики кокосовых орехов. Ребятишки, почуяв еду, словно щенята, копошились у ног Баярда. В конце концов он понял, что все ждут, когда он кончит есть, и уговорил их пообедать вместе с ним. После обеда внезапно появились мулы, словно чудом доставленные так и не материализовавшимся зятем, и, усевшись на дно фургона и поставив почти опорожненный кувшин между колен, Баярд в последний раз оглянулся на хижину, на стоявшую в дверях женщину и на поднимающуюся из трубы прямую струйку дыма.

Рваная сбруя брэнчала и позвякивала на тощих ребрах мулов. В теплом воздухе веяло неуловимой прохладой, которая усилится с наступлением темноты. Дорога шла по светлой равнине. Порою в блестящих зарослях бородачевника или из-за бурых обнаженных лесов раздавался печальный звук ружейного выстрела; временами навстречу попадались люди на повозках, верхами или пешком, и кто-нибудь приветственно махал темной рукой негру в застегнутой доверху армейской шинели, исподлобья бросая короткий взгляд на сидевшего рядом с ним белого. «Здорово, с рождеством!» На горизонте, за желтыми зарослями бородачевника и бурыми верхушками деревьев, уходило в бездонное небо голубые холмы. «Здорово».

Они остановились, выпили, и Баярд угостил возницу папиросой. Солнце теперь стояло у них за спиной, в безмятежной бледной синеве не было ни облачка, ни ветерка, ни птицы. «Дни нынче короткие! Еще четыре мили. Веселей, мулы!» Сухой стук копыт по расшатанным мосткам, под которыми журча, переливался и сверкал ручей меж неподвижных ив, упорно не желавших расставаться с зеленою листвой. Рыжая лента дороги поползла вверх, на фоне неба с обеих сторон бастионами встали зубчатые сосны. Фургон поднялся на гребень холма, и перед ними открылось плато с узором из блестящего бородачевника, темных вспаханных полей, бурых пятен леса и разбросанных тут и там одиноких хижин; оно уходило в мерцающую лазурь, а над низкой полосой горизонта стояло густое облака дыма. «Еще две мили». Позади висело солнце, словно медный шар, привязанный к небу. Путники снова выпили.

Когда они посмотрели вниз, в последнюю долину, где блестящие нити рельсов терялись среди деревьев и крыш, солнце уже коснулось горизонта, и воздух медленно донес до них глухие раскаты далекого взрыва.

- Все еще празднуют, – сказал негр.

С солнечных холмов они спустились в сиреневые сумерки, в которых украшенные венками и бумажными фонариками окна отбрасывали блики на усыпанные хлопушками ступени. Дети в разноцветных свитерах и куртках носились по улицам на сайках, в повозках и на коньках. В полумраке где-то впереди снова послышался глухой взрыв, и они выехали на

площадь, по-воскресному тихую и тоже усыпанную обрывками бумаги. То же самое всегда бывало и дома – мужчины и юноши, которых Баярд знал с детства, точно так же проводили рождество: немного выпивали, зажигали фейерверк, наделяли мелочью негритянских мальчишек, которые, пробегая мимо, поздравляли их с рождеством. А дома – рождественское дерево в гостиной, чаша гоголь-моголя возле камина, и вот уже Саймон с неуклюжей осторожностью, затаив дыхание, на цыпочках входит в комнату, где они с Джонни лежат, притворяясь спящими, и, улучив минутку, когда он, забыв об осторожности, наклоняется над их постелью, во все горло кричат: «С рождеством!»⁷⁹» Но к полудню он утешится, к обеду разразится длинной, добродушной, бессмысленной речью, а к ночи станет уже совсем *hors de combat*⁸⁰, между тем как тетя Дженни будет в ярости бегать по комнатам и, призывая в свидетели самого Юпитера, клясться, что, покуда у нее достанет силы, она ни за что не позволит превращать свой дом в трактир для бездельников негров. А когда стемнеет, в каком-нибудь доме начнутся танцы, и там тоже будут остролист, омела и серпантин, и девочки, которых он знал всю жизнь, с новыми браслетками, веерами и часами, среди веселых огней, музыки и беззаботного смеха».

На углу стояло несколько человек, и когда фургон проезжал мимо, они внезапно бросились врассыпную, в сумерках блеснуло желтое пламя, и громкий взрыв ленивыми раскатами прокатился меж молчаливых стен. Мулы дернули и ускорили шаг, и фургон, дребезжа, покатился быстрее. Из освещенных дверей, увешанных фонариками и венками, настойчиво зазвучали мягкие голоса, и дети, неохотно отвечая на зов, печально росли по домам. Наконец показалась станция; возле нее стоял автобус и несколько автомобилей. Баярд слез, и негр подал ему мешок.

– Премного благодарен, – сказал ему Баярд. – Прощай.

– Прощайте, белый человек.

В зале ожидания горела докрасна раскаленная печка, вокруг толпились веселые люди в лоснящихся меховых шубах и в пальто, но заходить ему не хотелось. Прислонив мешок к стене, он зашагал по платформе, стараясь согреться. Вдоль путей с обеих сторон ровным светом горели зеленые огни стрелок; на западе, над самыми верхушками деревьев, словно электрическая лампочка в стеклянной стене, мерцала вечерняя звезда. Он шагал взад-вперед, заглядывая сквозь светившиеся красноватым светом окна в зал ожидания для белых, где в праздничном воодушевлении беззвучно жестикулировали веселые люди в шубах и в пальто, и в зал ожидания для негров, где пассажиры, тихонько переговариваясь, терпеливо сидели в тусклом свете вокруг печки. Повернув туда, он вдруг услышал, как в темном углу возле двери кто-то застенчиво и робко проговорил: «С рождеством, хозяин». Не останавливаясь, он вытащил из кармана монету. На площади снова раздался глухой взрыв фейерверка, в небо дугою взмыла ракета; мгновенье провисев в воздухе, она раскрылась, словно кулак, беззвучно растопырив бледнеющие золотые пальцы в спокойной синеве небес.

Наконец подошел поезд, со скрежетом остановились вагоны с ярко освещенными окнами, Баярд взял свой мешок и среди веселой ватаги, которая громко прощалась, посылая приветы и поручения отсутствующим, поднялся в вагон. Небритый, в исцарапанных сапогах, в грязных военных брюках, в потрепанной дымчатой твидовой куртке и измятой фетровой шляпе, он нашел свободное место и поставил под ноги кувшин.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

⁷⁹ ...опять они меня перехитрили. – По старинному обычаю, распространенному на Юге США, тот, кто первым успел поздравить другого с рождеством, вправе требовать в ответ подарок или монетку.

⁸⁰ *Etre hors de combat* – выйти из строя (фр.).

«...А поскольку сущность весны – это одиночество, легкая грусть и чувство некоторого разочарования, я полагаю, что очищение переживается значительно острее, если для большей полноты ко всему этому добавить еще и известную долю ностальгии. Когда я дома, мне всегда приходят на память яблони, или зеленые лужайки, или цвет моря где-нибудь в далеких краях, и я предаюсь грусти оттого, что не могу находиться везде одновременно, и еще оттого, что в одной весне нельзя изведать все вместе, сразу, как уста всех женщин мира у Байрона⁸¹. Но теперь я, кажется, обрел цельность и сосредоточился на одном вполне определенном предмете, что, очевидно, свидетельствует в мою пользу». Перо Хореса остановилось, сам он вперил взор в страницу, испещренную его почти совершенно неразборчивыми каракулями, а изысканные слова, которые он только что написал, все еще звучали в его мозгу, причудливо и немного грустно, между тем как он сам покинул свой письменный стол, и комнату, и город, и всю ту грубую, крикливую новую обстановку, в которую забросила его судьба, и его неумная фантастическая ущербность уже опять беспрепятственно витала в пустынных запредельных далях, соединив там воедино все свои несовместимые элементы. На толстых плетях, увивавших карнизы веранды, уже, наверно, набухают сиреневые бутоны, и он без всякого усилия ясно увидел знакомую лужайку под виргинскими можжевельниками, сверкающую белыми и желтыми звездами нарциссов и жонкилей, между которыми в ожидании своей очереди зацвести стоят высокие гладиолусы.

Но тело его оставалось недвижимым, и рука с остановившимся пером замерла на исписанном листе. Бумага лежала на желтой полированной поверхности его нового письменного стола. Стул, на котором он сидел, тоже был новый, как и вся комната с ее мертвенно-белыми стенами и панелями под дуб. Целый день в ней палило солнце, не умеряемое никакими шторами. Ранней весною это было даже приятно, как, например, сейчас, когда солнечные лучи вливались в комнату через выходявшее на запад окно, освещая письменный стол, на котором цвел белый гиацинт в глазурированном глиняном горшке. Задумчиво глядя в окно на толевую крышу, как губка, впитывавшую и излучавшую зной, за которой, прислонясь к кирпичной стене, стояла кучка усыпанных жалкими цветками адовых деревьев, Хорес со страхом думал о ясных летних днях, когда солнце будет раскалять крышу прямо у него над головой, и вспоминал темный затхлый кабинет в своем доме, где всегда тянуло ветерком, где сомкнутыми рядами стояли нетронутые пыльные книги, которые даже в самые знойные дни, казалось, излучали прохладу и покой. И, думая обо всем этом, он снова отвлекся от той вульгарной новой обстановки, в которой пребывало его тело.

Перо опять задвигалось по бумаге.

«Вероятно, для множества людей, которые ютятся в темных норах, как кроты, или живут, как совы, не нуждаясь даже в пламени свечи, сила духа – в конечном счете всего лишь жалкая имитация чего-то действительно ценного. Но не для тех, кто носит мир в себе, подобно пламени свечи, несущему свет. Я всегда был во власти слов, но мне кажется, что, слегка обманув собственную трусость, я могу даже придать ей некоторую уверенность. Полагаю, что ты, как всегда, не сможешь прочитать это письмо, а если даже ты его прочтешь, оно тебе

81 ...как уста всех женщин мира у Байрона. – Имеется в виду 27-я строфа шестой песни «Дон Жуана»:

Люблю я женщин и всегда любил
И до сих пор об этом не жалею.
Один тиран когда-то говорил:
«Имей весь мир одну большую шею,
Я с маху б эту шею разрубил!»
Мое желанье проще и нежнее:
Поцеловать (наивная мечта!)
Весь милый женский род в одни уста.

(Перевод Т. Гнедич)

ничего не скажет. Но все равно ты выполнишь свое предназначенье, о целомудренная дева тишины»⁸².

«Ты была счастливее в своей клетке, правда?» – подумал Хорес, читая написанные им слова, в которых он, как обычно, перемывал косточки одной женщины в доме другой. В комнату внезапно ворвался легкий ветерок; он принес с собой чуть сладковатый запах белой акации; бумага на столе зашевелилась, он встрепенулся и, как человек, внезапно пробудившийся от сна, посмотрел на часы, сунул их на место и стал быстро писать дальше:

«Мы очень довольны, что маленькая Белл с нами. Ей здесь нравится; в соседнем доме целая орава белобрых девчушек с косичками мал мала меньше, перед которыми маленькая Белл, по правде говоря, немножко задирает мое, она им покровительствует, как, впрочем, ей и надлежит по праву старшинства. Когда в доме есть дети, все выглядит совершенно иначе. Очень жаль, что они не предусмотрены в квартирах, которые сдаются внаем. Особенно такие, как маленькая Белл – серьезная, лучезарная, как-то удивительно рано и быстро развившаяся. Но ведь ты ее почти не знаешь. Мы оба очень довольны, что она с нами. Я думаю, что Гарри...» Перо остановилось, и, не выпуская его из поднятой руки в поисках слов, которые так редко от него ускользали, Хорес вдруг понял, что говорить неправду о других можно, легко и быстро импровизируя, тогда как неправда, сказанная о самом себе, требует и осмотрительности и тщательного выбора выражений. Потом он снова посмотрел на часы, вычеркнул последнюю фразу, добавил: «Белл шлет тебе привет, о Безмятежная», промокнул письмо, сложил его, быстро сунул в конверт, надписал адрес, наклеил марку, встал и взял шляпу. Если побежать бегом, можно еще успеть к четырехчасовому.

2

В январе мисс Дженни получила от Баярда открытку из Тампико⁸³, месяц спустя пришла телеграмма из Мехико-сити с просьбой выслать ему туда денег. И это было последним признаком, что он собирается провести в каком-либо месте столько времени, сколько нужно для получения вестей из дому; хотя иногда в присущей ему мрачной и грубой манере он яркими аляповатыми открытками извещал их о том, где побывал. В апреле получилась открытка из Рио, затем последовал долгий промежуток, в течение которого можно было подумать, что он окончательно исчез; и мисс Дженни с Нарциссой спокойно провели это время дома, сосредоточив все свои помыслы на будущем младенце, коего мисс Дженни уже заранее окрестила Джоном.

Мисс Дженни считала, что старый Баярд надсмеялся над ними, что он изменил своим предкам и романтическому ореолу фамильного рока, скончавшись, как она выразилась, по сути дела, «шиворот-навыворот». И так как из-за этого он впал у нее в немилость, а молодой Баярд пребывал в нетях, находясь, так сказать, между небом и землей, она стала все чаще и чаще говорить о Джоне. Вскоре после смерти старого Баярда, внезапно охваченная желанием рыться во всевозможной рухляди – она называла это зимней уборкой, – она нашла среди реликвий матери близнецов миниатюрный портрет Джона, сделанный одним нью-орлеанским художником, когда мальчишкам было восемь лет. Мисс Дженни вспомнила, что в то время были сделаны портреты обоих братьев, и ей казалось, что после смерти их матери она спрятала их вместе. Однако второй портрет так и не нашелся. Поэтому она предоставила Саймону приводить в порядок учиненный ею разгром, а сама понесла портрет вниз, в кабинет, где сидела Нарцисса, и обе принялись его рассматривать.

Даже в этом раннем возрасте волосы у него были густого рыжеватого-коричневого оттенка

⁸² ...о целомудренная дева тишины. – строфа стихотворение английского поэта-романтика Джона Китса (1795-1821) «Ода греческой вазе» (1820).

⁸³ Тампико – портовый город в Мексике.

и притом довольно длинные.

– Я помню тот день, когда они первый раз вернулись домой из школы. Оба в крови, как дикие кабаны, – после драки с другими мальчиками, которые сказали, что они похожи на девочнок. Мать умыла их, приласкала, но им было не до нее – они хвастались своими подвигами перед Баярдом и Саймоном. «Вы бы только на них поглядели», – твердил Джон. Баярд, конечно, рассвирепел и сказал, что это позор – выпускать мальчишку на улицу с длинными локонами, и наконец заставил бедную женщину согласиться, чтобы Саймон их остриг. И знаете что? Ни тот, ни другой не позволили даже притронуться к своим волосам. Кажется, в школе осталось еще несколько мальчишек, которых они не успели отколотить, а они решили заставить всю школу признать, что, если им нравится, они могут носить волосы хоть до пят. И наверняка им это удалось, потому что после нескольких кровавых побоищ они в один прекрасный день вернулись наконец домой без свежих ран и тогда разрешили Саймону остричь им волосы, а их мать сидела в гостиной за роялем и плакала. И это было в последний раз – в здешней школе они больше не дрались. А почему они дрались, когда уехали отсюда в университет, я не знаю, но причина у них всегда находилась. В конце концов нам пришлось их разлучить, и из Виргинии, где учились оба, перевести Джонни в Принстон⁸⁴. Тогда они бросили жребий или устроили еще что-то в этом роде, наверно, для того, чтобы решить, которого из них исключат раньше, и когда Джонни проиграл, стали примерно раз в месяц встречаться в Нью-Йорке. Я нашла у Баярда в столе письма, которые начальник нью-йоркской полиции писал профессорам Принстонского и Виргинского университетов с просьбой не пускать их больше в Нью-Йорк. Эти письма профессора переслали нам. А однажды Баярду пришлось за какие-то их проделки уплатить полторы тысячи долларов не то какому-то полицейскому, не то официанту.

Мисс Дженни продолжала говорить, но Нарцисса ее не слушала. Она рассматривала лицо на миниатюре. Лицо, смотревшее на нее, было лицом ребенка и в то же время лицом Баярда, но в нем уже угадывалось не мрачное высокомерие, так хорошо ей знакомое по лицу мужа, а нечто глубоко искреннее, непосредственное, нечто теплое, открытое и щедрое, и когда Нарцисса сидела, держа в руке маленький овальный медальон, с которого на нее серьезно смотрели спокойные голубые глаза, а лицо, окаймленное золотистыми кудрями с гладкой кожей и детским ртом, светилось таким мягким, веселым и безыскусным сияньем, перед ней с небывалой доселе ясностью раскрылась слепая трагедия человеческой жизни. Нарцисса сидела неподвижно – мисс Дженни думала, что она просто смотрит на медальон, а между тем она со всею силой пробудившейся душевной стойкости лелеяла ребенка у себя под сердцем; казалось, она уже различала черную тень рока, который сама на себя навлекла и который в ожидании своего часа притаился рядом с ее стулом.

«Нет, нет», – со страстным протестом шептала Нарцисса, обволакивая будущего ребенка волнами той силы, что с каждым днем все выше поднималась в ее душе и теле, и расставляя на своих крепостных стенах непобедимые гарнизоны. Она даже радовалась, что мисс Дженни показала ей портрет, – ее предостерегли, и она теперь вооружена.

Мисс Дженни между тем продолжала называть ребенка Джоном и вспоминать разные забавные случаи из детства того, другого Джона, пока Нарцисса наконец поняла, что она их путает, и с ужасом обнаружила, что мисс Дженни стареет и что в конце концов даже ее неукротимое старое сердце начинает понемногу сдавать. Открытие это ее ужаснуло – ведь дряхлость никак не ассоциировалась для нее с мисс Дженни, с сухопарой, стройной, подвижной, непреклонной и доброй мисс Дженни, распорядившейся в доме, который никогда ей не принадлежал, в который ее насильственно пересадили, с корнем вырвав из родной земли в том далеком краю, где нравы, обычаи и даже самый климат так разительно отличались от здешних, в доме, в котором она поддерживала порядок с неиссякаемой энергией при помощи одного-единственного, безответственного, как малое дитя, глупого старого негра.

⁸⁴ *Принстон* – университет в штате Нью-Джерси.

И тем не менее она продолжала поддерживать порядок в доме, словно и старый Баярд, и молодой Баярд все еще в нем жили. Но вечерами, когда они обе сидели у огня в кабинете, а время неуклонно двигалось вперед и в комнату уже опять вливался вечерний воздух, напоенный густым и пряным ароматом белых акаций, пеньем пересмешников и вечным лукавством вновь народившейся проказницы весны, когда наконец даже мисс Дженни признала, что больше незачем растапливать камин, – теперь, когда они беседовали, Нарцисса стала замечать, что она уже не вспоминает о своем далеком девичестве и о Джебе Стюарте с его алым шарфом, мандолиной и увитым гирляндами гнедым конем, а что ее воспоминания простираются не дальше того времени, когда Баярд и Джон были детьми. Казалось, будто жизнь ее, подходя к концу, устремлена была не в будущее, а в прошлое – подобно нити, которую наматывают обратно на катушку.

И Нарцисса вновь обрела безмятежный покой – заранее предупрежденная об опасности, она сидела в своих бастионах и слушала мисс Дженни, более чем когда-либо прежде преклоняясь перед неукротимой силою духа, который, вселившись в тело женщины, достался в наследство легкомысленным и безрассудным мужчинам, очевидно, с одной лишь целью заботливо подвести этих мужчин к их ранней насильственной смерти в период истории, когда ее муж и братья погибли в одном и том же бесполезном крушении людских начинаний; когда, словно в каком-то кошмаре, не проходящем ни во сне, ни наяву, основы ее жизни поколебались, а корни были в буквальном смысле слова вырваны из той земли, где, уповая на чистоту человеческих побуждений, спали вечным сном ее предки, – в период, когда сами эти мужчины, несмотря на всю свою надменную и дерзкую беспечность, непременно дрогнули бы, если бы роль их была лишь пассивной, а уделом их было одно ожиданье. И Нарцисса думала о том, насколько эта доблесть, никогда не опускавшая клинка пред недоступным для меча врагом, и эта безропотная стойкость никем не воспетых (и, увы, неоплаканных) женщин возвышеннее, чем затмивший их мишурный и бесплодный блеск мужчин. «И вот теперь она стремится сделать меня одной из этих женщин, стремится сделать из моего ребенка еще одну из тех ракет, что на мгновенье вспыхивают в небе и тотчас угасают».

Не она вновь погрузилась в свою безмятежность, и по мере того, как приближался срок, дни ее все больше и больше сосредоточивались, а голос мисс Дженни превращался всего лишь в звук – утешительный, но лишенный смысла. Каждую неделю она получала эксцентричные, утонченно остроумные письма от Хореса, но и их она читала с невозмутимой отчужденностью – то есть читала то, что ей удавалось расшифровать. Писания Хореса всегда казались ей непонятными, и даже те их части, которые удавалось расшифровать, ничего ей не говорили. Впрочем, она знала, что этого он и ожидал.

Но вот уже весна окончательно вступила в свои права. Ежегодные весенние пререкания мисс Дженни с Айсомом начались снова и яростно, хотя и безобидно, шли своим чередом под окном у Нарциссы. Они достали из погреба луковицы тюльпанов, с помощью Нарциссы высадили их в грунт, вековали остальные клумбы, распеленали розы и пересаженный жасмин. Нарцисса съездила в город и увидела, что на заброшенное лужайке расцвели первые жонкилы – совсем как в те дни, когда она и Хорес еще жили дома; и она послала ему ящик жонкилей, а потом нарциссов. Но когда зацвели гладиолусы, она уже почти не выходила из дому и только под вечер гуляла с мисс Дженни по цветущему саду, наполненному пеньем пересмешников и запоздалых дроздов, по длинным аллеям, где медленно и неохотно сгущались сумерки, и мисс Дженни все толковала ей о Джоне, путая еще не родившегося младенца с покойником.

В начале июня они получили от Баярда письмо с просьбой выслать ему денег в Сан-Франциско, где он наконец ухитрился стать жертвой ограбления.

Деньги мисс Дженни отправила. «Возвращайся домой», – телеграфировала она ему тайком от Нарциссы.

– Ну, теперь-то уж он вернется, – сказала она. – Вот увидишь. Хотя бы для того, чтобы заставить нас поволноваться.

Но прошла неделя, а он все не приезжал, и тогда мисс Дженни послала ему срочную телеграмму-письмо. Не когда эту телеграмму передавали, Баярд был в Чикаго, а когда она

пришла в Сан-Франциско, он сидел среди саксофонов, накрашенных дам и их пожилых мужей за столом, который был беспорядочно уставлен грязными бокалами, залит виски и усыпан пеплом от сигарет, в обществе двоих мужчин и девицы. Один из мужчин был в форме армейского пилота с эмблемой в виде крыльев. Второй, коренастый, с седыми висками и безумными глазами фанатика, был одет в потертый серый костюм. Девица, высокая и стройная, казалось, состояла из одних длинных ног; у нее были ярко накрашенные губы, холодные глаза и сверхмодное бальное платье, и, когда еще двое мужчин подошли и обратились к Баярду, она с плохо скрытой настойчивостью уговаривала его выпить. Сейчас она танцевала с летчиком, то и дело оглядываясь на Баярда, который не переставая пил, между тем как человек в потертом костюме что-то ему втолковывал.

– Я его боюсь, – твердила девица.

Человек в потертом костюме говорил, с трудом сдерживая возбуждение; сложив две салфетки в узкие ленты, он пытался что-то наглядно объяснить, и на фоне бессмысленного рева барабанов и труб голос его звучал настойчиво и хрипло. Вначале Баярд, пристально глядя на собеседника своим мрачным взглядом, еще кое-как прислушивался, но теперь он уставился в противоположный конец зала и вовсе перестал обращать на него внимание. Рядом с ним стояла бутылка, и он все время пил виски с содовой. Рука у него была еще твердой, но по лицу разлилась смертельная бледность, он был совершенно пьян, и, то и дело оглядываясь на него, девица твердила своему партнеру:

– Говорю вам, что я его боюсь. Господи, когда вы с вашим другом к нам подошли, я уже совсем не знала, что и делать. Обещайте, что вы не уйдете и не оставите меня с ним.

– Это ты-то боишься? – с издевкой спросил летчик, однако все же оглянулся и посмотрел на бледное надменное лицо Баярда. – Он же совсем ручной, тебе ничего не стоит с ним справиться.

– Вы его не знаете, – сказала девица, хватая его за руку и прижимаясь к нему дрожащим телом.

Плечо его напряглось, а рука, лежавшая у нее на спине, опустилась чуть пониже, и, хотя они были зажаты в шаркающей ногами толпе танцующих, и потому их не было видно, он быстро и опасно проговорил:

– Спокойно, малютка, он смотрит в нашу сторону. Два года назад я видел, как он выбил два зуба австралийскому капитану, который всего-навсего пытался заговорить с его девушкой в одном лондонском кабаке. – Они продвигались дальше, пока не очутились на противоположной от оркестра стороне зала. – Чего ты боишься? Он же не индеец; сиди тихо, и он тебя не тронет. Он парень что надо. Я его давно знаю и видел его в таких местах, где плохих не бывает, можешь мне поверить.

– Вы не знаете, – повторяла она. – Я...

Оркестр взревел и умолк; в неожиданно наступившей тишине за ближним столиком резко прозвучал голос человека в потертом костюме: «Мне только удалось заставить одного из этих жалких трусов летчиков...»

Голос его снова потонул в какофонии пьяных выкриков, визгливого женского смеха и скрежета передвигаемых по полу стульев, но когда они подошли к столику, человек в потертом костюме все еще говорил, сдержанно, но отчаянно жестикулируя, тогда как Баярд, не сводя глаз с противоположного конца зала, беспрерывно пил. Девица схватила летчика за руку.

– Вы должны помочь мне напоить его до потери сознания, – взмолилась она. – Говорю вам, я боюсь с ним ехать.

– Напоить Сарториса до потери сознания? Еще не родился тот мужчина, который бы это сумел, а женщина тем более. Ступай-ка ты обратно в детский сад, малютка. – Однако, убедившись в ее полной искренности, он все-таки спросил: – Послушай, а что он тебе сделал?

– Не знаю. Он может что угодно сделать. Когда мы ехали сюда, он бросил пустую бутылку в регулировщика. Вы должны...

– Тихо! – скомандовал летчик.

Человек в потертом костюме умолк и с досадой поднял голову. Баярд все еще не сводил взгляда с противоположного конца зала.

– Там зять, – сказал он, медленно и старательно выговаривая слова. – Не разговаривает с семейством. Зол на нас. Отбили у него жену.

Все обернулись и посмотрели в ту сторону.

– Где? – спросил летчик и подозвал официанта. – Поди сюда, Джек.

– Вон тот, с бриллиантовой фарой, – сказал Баярд, – Ничего парень. Но говорить с ним я не стану. Еще в драку ползет. К тому же с ним подруга.

Летчик снова посмотрел в ту сторону.

– Старикан какой-то, – сказал он, снова подозвал официанта и спросил девицу: – Еще коктейль? – Он взял бутылку, наполнил свой бокал, налил Баярду и посмотрел на человека в потертом костюме: – А ваш бокал где?

Человек в потертом костюме досадливо отмахнулся.

– Смотрите, – сказал он, снова хватаясь за салфетки. – Угол поперечного V увеличивается до определенной величины пропорционально давлению воздуха. Вследствие увеличения скорости. Понятно? Ну вот, а я хочу выяснить...

– Расскажи это своей бабушке, приятель! – перебил его летчик. – Говорят, она два года назад купила аэроплан. Эй, официант!

Баярд теперь мрачно смотрел на человека в потертом костюме.

– Вы ничего не пьете, – сказала девица, толкая под столом летчика.

– Верно, – подтвердил Баярд. – Почему ты не хочешь летать на его катафалке, Мониген⁸⁵?

– Я? – Летчик опустил бокал на столик. – Черта с два. У меня в будущем месяце отпуск. Выпьем до дна, и дело с концом! – добавил он, снова поднимая бокал.

– Ладно, – согласился Баярд, не дотрагиваясь до своего бокала. Лицо у него опять побледнело и застыло, как металлическая маска.

– Говорю вам, что никакой опасности нет, если только не превысить предельную скорость, которую я вам назову, – с горячностью продолжал человек в потертом костюме. – Я испытал крылья под нагрузкой, оценил подъемную силу и проверил все цифры, и теперь вам остается только...

– Разве вы не хотите с нами выпить? – настаивала девица.

– Разумеется, хочет, – сказал летчик. – Слушай, ты помнишь ту ночь в Амьене, когда этот верзила ирландец Комин расколошматил весь кабак «Клош-Кло» и забрал свисток у парня из военной полиции?

Человек в потертом костюме сидел за столом и разглаживал лежавшие перед ним салфетки. Потом он снова разразился речью, и в его хриплом голосе звучала безумная напряженность отчаяния:

– Я работал день и ночь, я выпрашивал и брал в долг, и теперь, когда у меня есть машина и государственный инспектор, я не могу провести испытание из-за того, что вы, жалкие трусы пилоты, не желаете поднять ее в воздух.

Просто шайка бездельников – сидите на крышах отелей, лакаете виски и за это получаете летные. И вы еще кичитесь своей храбростью! Мы, мол, заморские авиаторы. Ничего удивительного, что немцы...

– Заткнитесь, – без всякой злобы, спокойным и ровным голосом сказал ему Баярд.

– Вы ничего не пьете, – повторила девица. – Выпейте, пожалуйста.

Она подняла его бокал, пригубила и протянула ему. Баярд обхватил ее руку вместе с бокалом и, не выпуская, снова уставился в противоположный конец зала.

– Не зять, – проговорил он. – Муж жены зятя. Нет. Муж жены брата жены. Жена была

⁸⁵ *Мониген* – один из персонажей в рассказе «Ad Astra», где подробно описана упомянутая здесь драка в амьенском кабаке «Клош-Кло». От лица Монигена написан рассказ «Честь». В романе «Притча» (1954) он летчик английской эскадрильи.

любовницей брата жены. Теперь поженились. Толстуха. Везет человеку.

– Чего ты там болтаешь? – спросил его летчик. – Давай лучше выпьем.

Девушка отодвинулась от Баярда на расстояние вытянутой руки. Другой рукой она подняла свой бокал и кокетливо улыбнулась ему короткой испуганной улыбкой. Он не выпускал ее руки из своих твердых пальцев и медленно тянул ее к себе.

– Не надо, – прошептала она, глядя на него широко открытыми глазами. – Пустите.

Она поставила бокал и второй рукой попыталась разжать его пальцы. Человек в потертом костюме изучал сложенные салфетки, летчик сосредоточеннопил.

– Пустите, – снова прошептала девушка.

Тело ее изогнулось, она поспешно выбросила вперед руку» чтобы Баярд не стащил ее со стула, и несколько секунд они смотрели друг на друга – она с неммым ужасом, он холодно и мрачно, с застывшим, словно маска, лицом. Потом он выпустил ее руку и оттолкнул назад свой стул.

– Эй вы, пошли, – сказал он человеку в потертом костюме. Вытащив из кармана пачку банкнотов, он положил одну на стол возле девушки. – Этого тебе хватит, чтобы добраться до дому.

Она терла запястье и молча на него смотрела. Летчик скромно изучал дно своего бокала.

– Ну, пошли же, – снова сказал Баярд человеку в потертом костюме. Тот встал и последовал за ним.

В маленькой нише сидел Гарри Митчелл. Его столик тоже был уставлен бутылками и бокалами; он сидел сгорбившись, с закрытыми глазами, а на его голове, освещенной электрической свечью, блестели розовые капли пота. Женщина, сидевшая с ним рядом, обернулась и отчаянным взглядом посмотрела на Баярда. Возле их столика стоял официант с головой монаха, и, проходя мимо, Баярд заметил, что в галстук Гарри уже не было бриллианта, услышал их приглушенные сердитые голоса и увидел, что они выхватывают друг у друга какой-то лежащий на столе предмет, благопристойно скрытый от посторонних глаз их спинами. Когда он со своим спутником был уже у самых дверей, женщина в ярости разразилась было грязными ругательствами, но ее резкий истерический визг тотчас прервался, словно кто-то зажал ей рот рукой.

На следующий день мисс Дженни поехала в город и послала Баярду еще одну телеграмму. Но когда эту телеграмму передавали, он сидел в аэроплане на гидронированной взлетной дорожке государственного аэродрома в Дейтоне⁸⁶; вокруг аэроплана, как сумасшедший, метался и сутился человек в потертом костюме, а рядом спокойно и безучастно стояла группа армейских пилотов. Машина внешне напоминала обыкновенный биплан, но между крыльями у нее не было стоек, а скреплялись они изнутри пружинами, и потому, когда она неподвижно стояла на земле, угол поперечного V был отрицательным. Теория состояла в том, что при горизонтальном полете угол поперечного V будет близок к нулю, а скорость будет наибольшей, тогда как на виражах из-за увеличения давления угол поперечного V автоматически возрастет, что приведет к увеличению маневренности. Кабина была сдвинута далеко к хвостовому оперению.

– Значит, будет видно, как крылья начнут прогибаться, – сухо заметил летчик, который одолжил Баярду свой шлем и очки, сообщив при этом, что они старые. Баярд посмотрел на него равнодушно, без тени юмора.

– Послушай, Сарторис, – сказал тот, – не лезь ты в этот гроб. Эти типы каждую неделю привозят сюда какую-нибудь штуку, которая якобы совершит переворот в авиации, какой-нибудь капкан, который отлично летает... на бумаге. Уж если командир не дает ему летчика – а ты ведь знаешь, что мы испытываем любой ящик, если только к нему приделан пропеллер, – можешь держать пари, что авария обеспечена.

⁸⁶ Дейтон – город в штате Огайо.

Однако Баярд, захватив шлем и очки, направился к ангару. Летчики последовали за ним и, пока мотор прогревался, с мрачным выражением на обветренных лицах молча стояли вокруг. Когда Баярд влез в кабину и надел очки, летчик, который ему их дал, подошел и положил ему на колени какой-то предмет.

– Вот, возьми, – отрывисто сказал он.

Это была женская подвязка. Баярд взял ее и возвратил хозяину.

– Она мне не понадобится, – сказал он. – Но все равно спасибо.

– Ну, что ж. Дело твое. Но помни, что если ты позволишь машине пойти носом книзу, от нее останутся одни колеса.

– Знаю, – отвечал Баярд. – Буду держать нос кверху.

Изобретатель снова подбежал к нему, продолжая что-то объяснять.

– Да, да, – нетерпеливо отмахнулся от него Баярд. – Вы мне все это уже говорили. Контакт.

Механик провернул винт. Пока машина двигалась к центру поля, изобретатель все еще держался за край кабины и что-то кричал. Скоро ему пришлось пуститься бегом, но он не отставал, по-прежнему продолжая кричать, и тогда Баярд прибавил газ. Когда он был уже на краю поля и разворачивал машину навстречу ветру, изобретатель мчался к нему, махая рукой. Баярд дал полный газ, машина рванулась вперед, и, когда она проносилась через центр поля мимо изобретателя, хвост подняло кверху, и аэроплан длинными скачками понесся по полю, а когда скачки прекратились, перед Баярдом промелькнул изобретатель, который, разинув рот, бешено размахивал обеими руками.

Концы крыльев, начиная от У-образных стоек шасси, судорожно раскачивались, но Баярд, осторожно маневрируя, набирал высоту. Он понял, что существует определенная скорость, выше которой он, вероятно, лишится несущей поверхности. Поднявшись почти на две тысячи футов, он начал делать поворот и, управляя элеронами, обнаружил, что угол поперечного V внутренней плоскости уменьшился, а внешней – удвоился, и началось такое бешеное скольжение, в какое он не попадал со времен войны. Машина не просто скользила вбок – хвост задрался кверху, как у ныряющего кита, а стрелка указателя скорости подскочила на тридцать миль выше предела, который назвал ему изобретатель. Аэроплан теперь летел обратно к полю в глубоком пике, и Баярд взял ручку па себя.

Концы крыльев круто прогнулись, и, чтобы не дать им окончательно оторваться, он толкнул ручку вперед, понимая, что только благодаря большой скорости пикирования аэроплан не падает на землю, как вывернутый наизнанку зонтик. А скорость все увеличивалась, он уже пролетел посадочный знак на высоте меньше тысячи футов. Он снова потянул на себя ручку, концы крыльев снова прогнулись кверху, и тогда он толкнул ручку от себя, чтобы удержать скорость, и снова попал в такое же бешеное скольжение. Хвост снова описал дугу и стремительно взмыл кверху, но на этот раз крылья не выдержали, и, когда обломок одного из них с размаху пронесся мимо и врезался в хвост, напрочь отрубив и его, Баярд машинально втянул голову в плечи.

3

В этот день у Нарциссы родился ребенок, а на завтра Саймон отвез мисс Дженни в город, высадил ее у телеграфной конторы, легонько и незаметно натянув вожжи, заставил лошадей картинно закусывать удила и вскидывать головы, а сам, в необъятном пыльнике и цилиндре, каким-то непонятным способом ухитрился, сидя на козлах, изобразить прогуливающегося спесивого щеголя. В таком виде и застал его доктор Пибоди, который в своем измятом альпаговом пальто шел по освещенной июньским солнцем улице с газетой в руках.

– Ты похож на лягушку, Саймон, – сказал он. – Где мисс Дженни?

– Да, сэр, – согласился Саймон. – Да, сэр. Они нынче ликуют и радуются. Маленький хозяин родился. Да, сэр, маленький хозяин родился, и теперь опять вернутся старые времена.

– Где мисс Дженни? – нетерпеливо повторил доктор Пибоди.

– Она там, шлет телеграмму этому мальчишке, чтоб он возвращался сюда, где ему место. Доктор Пибоди отвернулся, и Саймон, несколько обескураженный его равнодушием перед лицом столь важных событий, удивленно на него посмотрел.

– Ведет себя совсем как белая шваль, – презрительно рассуждал он вслух. – Ну и пускай себе, теперь мы их всех расшевелим. Да, сэр, опять настает доброе старое время, и это уж точно. Как при мистере Джоне, когда полковник был молодым и все негры пришли на лужайку перед домом пожелать доброго здоровья миссис и маленькому хозяину.

Глядя вслед входившему в контору доктору Пибоди, он сквозь зеркальное окно увидел, как тот подошел к мясе Дженни, которая стояла возле стойки со своей телеграммой.

«Немедленно приезжай домой к своей семье идиот несчастный или я велю тебя арестовать», – гласила телеграмме, написанная ее твердым, ясным почерком.

– Здесь больше десяти слов, – сказала она телеграфисту, – но сегодня это не имеет значения. Теперь-то он вернется, уж будьте уверены. А если нет, я отправлю За ним шерифа, и это так же верно, как то, что его зовут Сарторис.

– Да, мэм, – сказал телеграфист. Когда он прочитал эту телеграмму, ему явно стало не по себе, он поднял голову и хотел было что-то сказать, но мисс Дженни заметила его смущение и быстро повторила вслух текст.

– Если хотите, можете выразиться покрепче, – добавила она.

– Да, мэм, – снова сказал телеграфист, нырнул, скрылся за своей конторкой, и мисс Дженни с растущим любопытством и нетерпением перегнулась через стойку и, держа в руке серебряный доллар, наблюдала, как он три раза подряд в каком-то мучительном смятении пересчитал слова.

– В чем дело, молодой человек? – сердито спросила она. – Надеюсь, правительство не запрещает упоминать в телеграммах новорожденных младенцев?

Телеграфист поднял на нее глаза.

– Да, мэм, все в порядке, – выговорил он наконец, и она дала ему доллар, и в то самое время, когда он сидел, держа монету в руке, а мисс Дженни с еще большей досадой на него смотрела, доктор Пибоди вошел в контору и взял ее за руку.

– Пойдемте отсюда, Дженни, – сказал он.

– Доброе утро, – отозвалась она, оборачиваясь на его голос. – Наконец-то вы явились, Люш. Уже столько лет вы принимаете Сарторисов, а теперь вдруг на целый день опоздали. Как только я заставлю этого идиота вернуться домой, снова настанет доброе старое время, как выражается Саймон.

– Да. Саймон мне сказал. Идемте.

– Дайте мне получить сдачу, – Она опять повернулась к стойке, за которой стоял телеграфист, держа в одной руке телеграмму, а в другой серебряный доллар. – Что такое, молодой человек? Надеюсь, доллара достаточно?

– Да, мэм, – повторил он, обратив встревоженный немой взгляд на доктора Пибоди. Доктор Пибоди протянул свою толстую руку и забрал у него телеграмму вместе с монетой.

– Идемте, Дженни, – повторил он.

Секунду мисс Дженни стояла неподвижно. Одетая в черное шелковое платье, в черной шляпке, плотно надвинутой на голову, она смотрела на него пронизательными старыми глазами, которые видели так много и так ясно. Потом твердым шагом направилась к двери, вышла па улицу, дождалась его и недрогнувшей рукой взяла сложенную газету, которую он ей дал.

АВИАТОР ИЗ МИССИСИПИ – гласил напечатанный заглавными буквами скромный заголовок, и она тотчас вернула доктору газету, достала из-за пояса маленький тонкий носовой платочек и вытерла им пальцы.

– Мне незачем это читать, – сказала она. – Они попадают в газеты всегда по одному только поводу. Я знаю, что он был где-то, где ему вовсе не следовало быть, и делал что-то, к чему не имел ни малейшего касательства.

– Да, – сказал доктор Пибоди. Он подвел ее к коляске и, когда она поднималась на

подножку, неуклюже поддержал обеими руками.

– Не трогайте меня, Люш, – отрезала она. – Я не калека.

Но он поддерживал ее под локоть своей огромной ласковой ручищей и, пока она садилась, а Саймон полотняным пологом укутывал ей колени, с непокрытой головой стоял рядом.

– Возьмите, – сказал он, протягивая ей серебряный доллар. Мисс Дженни положила монету в сумочку, щелкнула замком и снова вытерла пальцы носовым платочком.

– Ну, что ж, – сказала она и, помолчав, добавила: – Слава богу, это уже последний. Во всяком случае на некоторое время. Домой, Саймон.

Саймон величественно восседал на козлах, но ввиду столь важных обстоятельств несколько смягчился.

– Когда вы приедете поглядеть молодого хозяина, доктор?

– Скоро, Саймон, – отозвался тот, и Саймон цокнул на лошадей, сдвинул шляпу набекрень и, небрежно помахивая кнутом, торжественно покатил прочь.

Доктор Пибоди остался стоять на улице – бесформенная туша в потрепанном альпаговом пальто, со шляпой в одной руке и со сложенной газетой и желтым бланком неотправленной телеграммы в другой – и стоял так до тех пор, покауда стройная спина мисс Дженни и прямые несгибаемые поля ее шляпки не скрылись из виду.

Но это был не последний. Неделю спустя рано утром в одной из негритянских хижин в городе нашли Саймона. Неведомая рука каким-то тупым орудием проломила его седую голову.

– В чьем доме? – спросила мисс Дженни по телефону. «В доме женщины по имени Мелони Гаррис», – ответил голос. Мелони... Мел... Перед глазами мисс Дженни промелькнуло лицо Белл Митчелл, и она вспомнила молодую мулатку, чья кокетливая наколка, фартук, а также стройные блестящие икры придавали такую пикантность вечеринкам Белл и которая ушла от нее, чтобы открыть косметический салон. Мисс Дженни поблагодарила и повесила трубку.

– Старый седой распутник, – сказала она, отправилась в кабинет Баярда и села. – Так вот на что пошли церковные деньги, которые он «дал взаймы». А я-то думала...

Стройная, безукоризненно прямая, она сидела на стуле, празднично сложив на коленях руки. «Да, это действительно последний», – подумала она. Впрочем, нет, он ведь не совсем Сарторис, у него была хоть какая-то тень здравого смысла, тогда как остальные...

– Пожалуй, мне пора немножко заболеть, – сказала мисс Дженни, которая не провела ни единого дня в постели с тех пор, как ей исполнилось сорок.

И именно так она и поступила. Улеглась в постель, подложила под голову множество подушек, надела легкомысленный кружевной чепец и не разрешила звать никаких врачей, кроме доктора Пибоди, который явился с неофициальным визитом и в течение получаса покорно слушал, как больная вымещала на нем свою хандру и рецидив негодования из-за фиаско с мазью. Здесь же она ежедневно совещалась с Айсомом и Элнорой и в самые неожиданные минуты яростно обрушивалась на Айсома и Кэспи, которые торчали во дворе у нее под окном.

Младенец и невозмутимая, увенчанная ярким тюрбаном гора, которая была к нему приставлена, тоже проводили большую часть дня в этой комнате; здесь же была Нарцисса, и все три женщины часами шушукались, совместно предаваясь некой оргии экстатического самоотречения, между тем как предмет оного спал, переваривая пищу, просыпался, заново наполнял свой желудок и снова засыпал.

– Он безусловно Сарторис, – сказала мисс Дженни, – но только усовершенствованного образца. У него нет их безумного взгляда. Я думаю, тут все дело в имени Баярд⁸⁷. Мы хорошо

⁸⁷ ...все дело в имени Баярд. – Имеется в виду легендарный французский шевалье Пьер дю Терай де Баярд (1476-1524), прозванный за свои подвиги «рыцарем без страха и упрека».

сделали, что назвали его Джонни.

– Да, – промолвила Нарцисса, с тихой и безмятежной грустью глядя на спящего сына.

И здесь мисс Дженни оставалась, пока не истекло ее время. Три недели. Она назначила дату заранее, еще до того как легла в постель, и стойко выдержала срок, отказавшись встать даже для того, чтобы присутствовать при крещении. Этот день пришелся на воскресенье. Был конец июня, и аромат жасмина ровными волнами вливался в окна. Нарцисса и кормилица в еще более ярком, чем обычно, тюрбане принесли к ней в комнату младенца, выкупанного, надушенного и облаченного в приличествующие церемонии одежды, а потом она услышала, как они уехали в коляске, и в доме опять стало тихо. Занавески мирно колыхались на окнах, и солнечный ветерок вносил в комнату мирные запахи лета и звуки – щебетанье птиц, воскресный звон колоколов и голос Элноры – слегка приглушенный по случаю ее недавней утраты, однако все еще мягкий и звучный. Занятая приготовлением обеда, она двигалась по кухне, напевая грустную бесконечную песню без слов, но, случайно обернувшись и увидев в дверях мисс Дженни, еще слабую, но, как всегда, тщательно одетую и прямую, мгновенно умолкла.

– Мисс Дженни! Да что ж это такое! Ступайте обратно в постель. Позвольте, я вам помогу.

Но мисс Дженни решительно продвигалась вперед. – Где Айсом?

– Он в сарае. Ступаете обратно в постель. Я мисс Нарциссе скажу.

– Оставь меня в покое, – заявила мисс Дженни. – Мне надоело сидеть дома. Я еду в город. Позови Айсома.

Элнора все еще пыталась возражать, но мисс Дженни твердо стояла на своем, и Элнора подошла к дверям, кликнула Айсома и разразилась множеством зловещих предсказаний, но тут появился Айсом.

– Вот, возьми, – сказала мисс Дженни, вручая ему ключи. – Выведи автомобиль.

Айсом удалился, и мисс Дженни медленно последовала за ним. Элнора поплелась было следом, преисполненная мрачной заботливости, но мисс Дженни отправила ее обратно на кухню, перешла через двор и уселась в автомобиль рядом с Айсомом.

– Смотри у меня, парень, будь осторожен, а не то я сама сяду за руль, – сказала она ему.

Когда они добрались до города, на стройных шпилях, поднимавшихся среди деревьев к пухлым летним облакам, лениво звонили колокола. На окраине мисс Дженни велела Айсому свернуть в заросший травой переулок, и, проехав немного дальше, они вскоре остановились у железных ворот кладбища.

– Хочу посмотреть могилу Саймона, – пояснила она. – В церковь я сегодня не пойду – я достаточно просидела в четырех стенах.

От одной этой мысли она слегка оживилась, как мальчишка, сбежавший из школы.

Негритянское кладбище располагалось за главным кладбищем, и Айсом повел мисс Дженни на могилу Саймона. Похоронное общество, членом которого был Саймон, позаботилось о его могиле, и теперь, через три недели после похорон, холмик все еще был покрыт венками, но цветы осыпались, и с мирно ржавеющих проволочных остовов свисала жалкая кучка поникших стеблей. Элнора или кто-то другой успели побывать здесь до мисс Дженни, и вокруг могилы неровными рядами были натканы фарфоровые черепки и кусочки разноцветного стекла.

– Я думаю, ему тоже надо поставить надгробный камень, – громко сказала мисс Дженни и, обернувшись, увидела, что обтянутые комбинезоном ноги Айсома лезут на дерево, вокруг которого с сердитыми криками мечутся два дрозда. – Айсом!

– Да, мэм. – Айсом послушно соскочил на землю, и птицы выпустили в него последний залп истерической брани.

Они вошли на кладбище для белых и теперь проходили между мраморными глыбами. На

равнодушном камне были высечены хорошо знакомые ей имена и даты в их мирной суровой простоте. Кое-где памятники были увенчаны символическими урнами или голубками и окружены аккуратно подстриженным газоном; свежая зелень резко выделялась на фоне белого мрамора, синего неба с пятнами облаков и черных можжевельников, из которых доносилось бесконечное монотонное воркованье голубей. То тут, то там на бело-зеленом узоры пестрели еще не увядшие яркие цветы, и вот уже среди кучи можжевельников появилась каменная спина Джона Сарториса и его надменно простертая рука, а за деревьями круто врезался в долину высокий отвесный обрыв.

Могила Баярда тоже представляла собой бесформенную грудку увядших цветов, и мисс Дженни велела Айсому собрать их и унести. Каменщики готовились выложить вокруг могилы бордюр, и неподалеку уже лежал прикрытый парусиной надгробный камень. Она подняла парусину и прочитала четкую свежую надпись: «БАЯРД САРТОРИС. 16 мая 1893 – 11 июня 1920». Это лучше. Просто. Теперь уже нет ни одного Сарториса, который мог бы выдумать что-нибудь витиеватое. Эти Сарторисы даже в земле не могут лежать спокойно, без тщеславия и спеси. Рядом с могилой стоял еще один надгробный камень, точно такой же, если не считать надписи. Но хотя в этой могиле не было праха, в надписи тоже безошибочно угадывался стиль Сарторисов, и потому все вместе производило впечатление похвальбы в пустой церкви. Впрочем, здесь чувствовалось и что-то другое – казалось, будто веселый, бесшабашный дух юноши, который всегда высмеивал завещанное предками угрюмое напыщенное фанфаронство, даже несмотря на то что кости его покоились в неведомой могиле далеко за морем, каким-то образом сумел смягчить дерзкий жест, которым они его напугивали:

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖОН САРТОРИС К.В.Ф.

убит в бою 5 июля 1918 года

«Я носил его на орлиных крыльях

И принес его к Себе»⁸⁸.

Легкий ветерок, словно долгий вздох, прошелестел в можжевельниках, и ветви горестно закачались. Над неподвижными рядами мраморных глыб монотонно ворковали голуби. Айсом воротился и унес еще одну охапку увядших цветов.

Надгробие старого Баярда тоже было скромным, ибо он появился на свет слишком поздно для одной войны и слишком рано для другой, и мисс Дженни подумала о том, какую злую шутку сыграло с Баярдом Провидение, сначала лишив его возможности стать головорезом, а потом отказав ему даже в привилегии быть похороненным людьми, которые могли бы сочинить и ему какой-нибудь панегирик. Разросшиеся можжевельники почти совсем закрыли могилы его сына Джона и невестки. Солнечный свет проникал к ним только редкими бликами, испещряя выветрившийся камень затейливым пунктирным узором, и надписи можно было разобрать лишь с большим трудом. Но мисс Дженни и так знала, что там написано, – ей было слишком хорошо знакомо всепоглощающее честолюбие, пагубное влияние и пример того, кто поработил их всех и придал этому месту, отведенному, казалось бы, для успокоения усталых людей, претенциозную торжественность, имевшую столько же общего с понятием смерти, сколько переплеты книг со шрифтом, которым они напечатаны, и рядом с ними надгробия их жен, которых они вовлекли в свою дерзновенную орбиту, несмотря на импозантные генеалогические ссылки, выглядели такими же скромными и незаметными, как песнь дроздов, живущих под гнездом орла.

Он стоял на каменном пьедестале, в сюртуке, с непокрытой головой, чуть-чуть выдвинув вперед одну ногу и легонько опершись рукою о каменный пилон. Немного приподняв голову с тем выражением надменной гордости, которое с роковой точностью передавалось из поколения в поколение, он повернулся спиной ко всему миру, и его высеченные из камня глаза

⁸⁸ «Я носил его на орлиных крыльях и принес его к Себе» – перефразировка библейского речения.

смотрели на равнину, где проходила построенная им железная дорога, на голубые неизменные холмы вдаль и еще дальше, на бастионы самой бесконечности. Пьедестал и статуя были покрыты пятнами и щербинками от солнца и дождя, усыпаны иглами можжевельников, и хотя четкие буквы заросли плесенью, их все еще можно было разобрать:

ПОЛКОВНИК ДЖОН САРТОРИС

К.А.Ш. 89

1823-1876

Солдат, государственный деятель, гражданин мира

**Всю жизнь свою отдав людскому просвещению,
Он жертвой пал неблагодарности людской.
Остановись, сын скорби, вспомни смерть.**

Эта надпись вызвала смятение среди родственников убийцы, которые заявили формальный протест. Однако, уступая общественному мнению, старый Баярд все же отомстил: он приказал стесать строку: «Он жертвой пал неблагодарности людской» и ниже добавить: «Пал от руки Редлоу 4 сентября 1876 года».

Мисс Дженни немного постояла, погрузившись в раздумье – стройная прямая фигура в черном шелковом платье и неизменной черной шляпке. Ветер долгими вздохами шелестел в можжевельниках, и ровные, как удары пульса, в солнечном воздухе без конца раздавались заунывные стенанья голубей. Айсом пришел за последней охапкою мертвых цветов; и, окидывая взором мраморные дали, на которые уже легли полуденные тени, она заметила стайку ребятишек – чувствуя себя несколько стесненно в ярких воскресных нарядах, они тихонько резвились среди невозмутимых мертвецов. Да, это был наконец последний – теперь уж все они собрались на торжественный конклав среди угасших отзвуков их необузданных страстей, среди праха, спокойно гнившего под сенью языческих символов их тщеславия и высеченных в долготерпеливом камне жестов, и, вспомнив, как Нарцисса однажды говорила о мире без мужчин, она подумала, что не там ли расположены тихие аллеи и мирная обитель тишины, но ответить на этот вопрос не смогла.

Айсом вернулся, и, когда они двинулись к выходу, мисс Дженни услышала, что ее зовет доктор Пибоди. Он, как всегда, был в неизменных брюках из черного сукна, в лоснящемся альпаговом пальто и в бесформенной панаме. Его сопровождал сын.

– Здравствуй, мальчик, – сказала мисс Дженни, протягивая руку молодому Люшу.

У него были резкие, грубые черты, прямые черные волосы ежиком, спокойные карие глаза и большой рот, однако некрасивое, скуластое, доброе, насмешливое лицо сразу внушало доверие. Он был очень худ, небрежно одет, руки у него были огромные и костлявые, но этими руками он с ловкостью охотника, снимающего шкуру с белки, и с проворством фокусника делал тончайшие хирургические операции. Жил он в Нью-Йорке, где работал в клинике знаменитого хирурга, и раз, а то и два раза в год ехал тридцать шесть часов поездом, чтобы провести двадцать часов с отцом (все это время они днем гуляли по городу или разъезжали по окрестностям на старой покосившейся пролетке, а ночью сидели на веранде или у камина и беседовали), потом снова садился в поезд и через девяносто два часа после отъезда из Нью-Йорка был уже снова у себя в клинике. Ему было тридцать лет, он был единственным сыном женщины, за которой доктор Пибоди четырнадцать лет ухаживал, прежде чем смог на ней жениться. Было это в те дни, когда он прописывал лекарства и ампутировал конечности жителям всего округа, объезжая его на пролетке; часто после года разлуки он отправлялся за сорок миль к ней на свидание, но по дороге его перехватывали с просьбой принять роды или вправить вывихнутый сустав, и ей приходилось еще год довольствоваться наспех

нацарапанной запиской.

– Значит, ты снова приехал домой? – спросила мисс Дженни.

– Да, мэм, и нашел вас такой же бодрой и прекрасной, как всегда.

– У Дженни такой скверный характер, что однажды она просто высохнет и улечитя, – сказал доктор Пибоди.

– Вы же знаете, что я не позволяю вам меня лечить, когда плохо себя чувствую, – отпарировала мисс Дженни и, обращаясь к молодому Люшу, добавила: – А ты, конечно, ринешься назад на первом же поезде?

– Да, мэм, боюсь, что так. Я еще не получил отпуска.

– Ну, при таких темпах тебе придется провести его в богадельне. Почему бы вам обоим не приехать пообедать, чтоб он мог взглянуть на мальчика?

– Я бы с удовольствием, – отвечал молодой Люш, – но поскольку у меня нет времени делать все, что я хочу, я попросту решил не делать ничего. К тому же сегодня мы будем ловить рыбу.

– Да, – вставил отец, – и резать хорошую рыбу перочинным ножом, чтобы узнать, почему она плавает. Знаете, чем он занимался сегодня утром? Схватил того пса, которого Эйб ранил прошлой зимой, и так быстро содрал с его лапы повязку, что не только Эйб, но даже и сам пес очухаться не успели. Ты только забыл заглянуть поглубже и посмотреть, есть ли у него душа.

– Вполне возможно, что она у него как раз и есть, – невозмутимо отозвался молодой Люш. – Доктор Строд производит опыты с электричеством, и он утверждает, что душа...

– Чепуха! – перебила его мисс Дженни. – Дайте ему лучше банку мази Билла Фолза, пусть отвезет ее своему шефу. Однако мне пора, – добавила она, взглянув на солнце. – Если вы не желаете приехать на обед...

– Спасибо, мэм, – отвечал молодой Люш, – Я привез его сюда показать эту вашу коллекцию. Мы не знали, что у нас такой голодный вид, – заметил его отец.

– Ну что ж, на здоровье, – ответила мисс Дженни. Она пошла дальше, а отец с сыном стояли и смотрели ей вслед, пока ее стройная подтянутая спина не скрылась за можжевельниками.

– И вот теперь появился еще один, – задумчиво сказал молодой Люш. – И этот тоже вырастет и будет держать своих родных в вечном страхе, пока ему наконец не удастся сделать то, чего они все от него ожидают. Впрочем, может быть, кровь Бенбоу будет хоть немного его сдерживать. Они ведь тихие люди... эта девушка... да и Хорес тоже... к тому же и воспитывать его будут одни только женщины.

– Но кровь Сарторисов в нем тоже есть, – проворчал отец.

Когда мисс Дженни вернулась домой, вид у нее был немного усталый, и Нарцисса попеняла ей и уговорила отдохнуть после обеда. Лениво ползущий день наваял на мисс Дженни сонливость, и когда тени начали удлиняться, ее разбудили доносившиеся снизу тихие звуки рояля.

– Я проспала целый день, – в ужасе сказала она себе, но все-таки полежала еще немножко, между тем как на окнах легонько колыхались занавески, а звуки рояля поднимались в комнату вместе с запахом жасмина из сада и вечерним щебетаньем воробьев в ветвях шелковиц на заднем дворе. Она встала и, пройдя через прихожую, заглянула в комнату Нарциссы, где спал в колыбели ребенок. Рядом спокойно дремала кормилица. Мисс Дженни на цыпочках вышла, спустилась по лестнице, вошла в гостиную и выдвинула из-за рояля свой стул. Нарцисса перестала играть.

– Вы отдохнули? – спросила она. – Сегодня вам еще не надо было выходить.

– Чепуха! – возразила мисс Дженни. – Мне всегда бывает очень полезно посмотреть, как все эти напыщенные дурни лежат там под своими мраморными эпитафиями. Слава богу, что никому из них не удастся похоронить меня. Господь Бог, конечно, свое дело знает, но иногда, по правде говоря... Сыграй что-нибудь.

Нарцисса тихонько коснулась клавиш, и мисс Дженни некоторое время сидела и слушала. Незаметно подкрадывался вечер, и в комнате все больше сгущались тени. За окном крикливо сплетничали воробьи. Ровный, как дыхание, в комнату вливался аромат жасмина, и вскоре мисс Дженни оживилась и заговорила о ребенке. Нарцисса продолжала тихонько играть; ее белое платье с черной лентой на поясе смутно светилось в полутьме, переливаясь как матовый воск. Аромат жасмина волна за волною вливался в окна; воробьи умолкли, и мисс Дженни, сидя в сумерках, все толковала о маленьком Джонни, а Нарцисса с увлечением играла, словно вовсе ее не слушая. Потом, не переставая играть и не оборачиваясь, она сказала:

– Он вовсе не Джон. Он Бенбоу Сарторис.

– Что?

– Его зовут Бенбоу Сарторис, – повторила Нарцисса.

Мисс Дженни с минуту сидела неподвижно. Из соседней комнаты доносились шаги Элноры, которая накрывала на стол к ужину.

– Ты думаешь, это поможет? – спросила мисс Дженни. – Ты думаешь, что кого-нибудь из них можно переделать, если дать ему другое имя?

Музыка все еще мягко звучала в сумерках; сумерки были населены призраками блистательных и гибельных былых времен. И если они были достаточно блистательными, среди них непременно оказывался один из Сарторисов, и тогда они непременно оказывались гибельными. Пешки. Однако Игрок и партия, которую Он разыгрывает... Впрочем, Он ведь должен называть свои пешки какими-то именами. Но быть может, Сарторис – это и есть сама игра – старомодная игра, разыгранная пешками, которые были сделаны слишком поздно и по старому мертвому шаблону, порядком наскучившему даже самому Игроку. Ибо в самом звуке этого имени таится смерть, блистательная обреченность, как в серебристых вымпелах, которые спускают на закате, как в замирающих звуках рога на пути в долину Ронсеваль⁹⁰.

– Ты думаешь, – повторила мисс Дженни, – что, если его зовут Бенбоу, он будет в меньшей степени Сарторисом, негодеем и дураком?

Нарцисса продолжала играть, как будто совсем ее не слушая. Потом она обернулась и, не поднимая рук от клавиш, улыбнулась мисс Дженни – спокойно, задумчиво, с безмятежной и ласковой отчужденностью. За аккуратно причесанной поблекшей головой мисс Дженни недвижно висели коричневые шторы, а за ними, словно тихий сиреневый сон, стояла вечерняя полутьма, приемная мать мира и покоя⁹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

(автор не указан)

Первый из романов Фолкнера, действие которых происходит в Йокнапатофе, был написан в период с осени 1926 по сентябрь 1927 года. По словам Фолкнера, обратившись к «южному» материалу, он стремился «воссоздать мир, который уже готов был потерять и оплакать». Основные темы романа (гибель старого, традиционного Юга, противопоставление мифологизированных представлений о Гражданской войне истории, оппозиция «природа – цивилизация» и др.) писатель впоследствии использовал в других произведениях йокнапатофского цикла.

Роман, которому Фолкнер первоначально дал название «Флаги в пыли» («Flags in the

⁹⁰ ...на пути в долину Ронсеваль. – Согласно старофранцузскому эпосу «Песнь о Роланде» (XII в.), в долине Ронсеваль погиб в битве с маврами отважный граф Роланд, племянник императора Карла Великого. Перед последним боем он успел «с тоской и болью» протрубить в свой рог.

⁹¹ ...приемная мать мира и покоя. – стихотворение английского поэта-романтика Джона Китса (1795-1821) «Ода греческой вазе» (1820).

Dust»), был отвергнут его издателем Ливрайтом, а затем еще одиннадцать издательствами. В сентябре 1928 года издательство «Харкур и Врейс» дало согласие на публикацию романа под названием «Сарторис» и при условии значительного его сокращения. По-видимому, основную работу по редактированию рукописи проделал с помощью Фолкнера его литературный агент Вен Уоссон. Купюры затронули преимущественно сюжетные линии, прямо не связанные с семейством Сарторисов. Сокращенный примерно на одну четверть вариант романа вышел в свет 31 января 1929 года.

В 1973 году американский исследователь Д. Дей издал реконструированный им полный текст романа под первоначальным названием «Флаги в пыли». Однако в распоряжении публикатора не было утраченной рукописи окончательного варианта «Флагов в пыли», представленной Фолкнером в издательство, и поэтому его реконструкция, сделанная по трем различным рукописям с неясной датировкой, не может считаться текстологически достоверной.

Как писал Фолкнер, некоторых персонажей романа он «выдумал, а других сотворил из рассказов, которые слышал от слуг-негров, кухарок и конюхов... Именно сотворил, ибо они лишь наполовину таковы, какими были в действительности, а наполовину – какими они должны были быть, но в действительности не были...» Среди главных прототипов – прадед писателя, Уильям Фолкнер (1825-1889), бурная биография которого имеет много общего с биографией предка героев романа, полковника Джона Сарториса (1823-1876). Как и Сарторис, Уильям Фолкнер во время Гражданской войны командовал полком в армии конфедератов, а затем был смещен со своего поста; после окончания войны он построил железную дорогу, связавшую его родной город Рипли с линией Мемфис – Чарльстон, был избран в законодательное собрание штата Миссисипи и в тот же день убит бывшим компаньоном. История семейства Сарторисов до некоторой степени напоминает историю фолкнеровской семьи, а военные эпизоды романа восходят к биографической легенде о боевых подвигах Фолкнера-авиатора, которую в двадцатые годы распространял сам писатель, успевший к концу первой мировой войны пройти лишь начальный курс обучения в канадском летном училище.

Многие герои романа перешли из «Сарториса» в другие произведения Фолкнера: близнецы Джон и Баярд стали персонажами нескольких новелл о военных летчиках («Ad Astra», «Все они мертвы, эти старые пилоты» и др.); полковник Джон Сарторис и его сын Баярд вновь появляются в повести «Непобежденные»; от лица «старого Баярда» написан рассказ «Моя бабушка Миллард, генерал Бедфорд Форрест и битва при Угонном ручье»; дальнейшая судьба Хореса Бенбоу прослежена в романе «Святынище»; оборванная сюжетная линия, связанная с Байроном Сноупсом с его любовными письмами к Нарциссе Бенбоу, найдет свое завершение в рассказе «Жила-была королева»; история клана Сноупсов, «завоевавшего Джефферсон», будет подробно описана в романах «Поселок», «Город», «Особняк» и т. д.

Роман посвящен известному американскому писателю Шервуду Андерсону (1876-1941), с которым Фолкнер часто встречался в 1925 году, когда оба они жили в Нью-Орлеане. По рекомендации Андерсона его издатель Ливрайт опубликовал первый роман Фолкнера «Солдатская награда» (1926). Как с благодарностью вспоминал много лет спустя Фолкнер, именно Андерсон посоветовал ему обратиться к местному, «южному» материалу: «Он научил меня... что... писатель прежде всего должен оставаться самим собой – тем, что он был и есть. И что никогда нельзя забывать, где ты рожден и кем ты рожден. Он говорил мне: «... Вы, Фолкнер, сельский парень и не знаете ничего, кроме вашего клочка земли там, в Миссисипи, откуда вы родом. И этого достаточно. Ведь это тоже Америка. Крошечная, никому не ведомая, но Америка. Попробуйте обойтись без нее, выньте ее как кирпич из стены, и вся стена развалится»⁹².

Поскольку в конце двадцатых годов отношения между писателями были практически

⁹² Фолкнер У. Слово о Шервуде Андерсоне – Аврора, 1977, No2, с. 57

прерваны из-за опубликованной Фолкнером пародии на Андерсона посвящение к «Сарторису» можно рассматривать как примирительный жест.